U 265/139

НЕ КОПИРОВАТЬ

ФРАНЦУЗЫ ВЪ МОСКВѢ

И 265/139

II 3/23.

ВЪ 1812 ГОДУ.

МОСКОВСКАЯ ... БИБЛІОТЕКА

СОЧИНЕНІЕ

Александра Попова.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1876.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
4918 57

2007099200

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ЗЕМСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ФРАНЦУЗЫ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1812 ГОДУ *.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Послѣ Бородинской битвы Французскія войска „провели на бивуакахъ ужасную ночь, безъ огней, посреди мертвыхъ, умирающихъ и раненыхъ. Только на разсвѣтѣ они узнали объ отступленіи Русскихъ. Едва ли когда случалось, чтобы побѣдители испытывали послѣ побѣды такое необычайное чувство: они были какъ будто ошеломлены (frappés de stupeur). Послѣ столькихъ бѣдствій, лишеній и трудовъ, перенесенныхъ для того, чтобы понудить непріятеля къ сраженію, послѣ такихъ подвиговъ мужества, какія-же послѣдствія? Въ концѣ концовъ страшная рѣзня и скопленіе бѣдъ. Еще менѣе, чѣмъ прежде, знали они, долго ли продлится война и какой будетъ ея исходъ“ [1]). Безъ сомнѣнія не бывало другой побѣды, которая производила бы такое дѣйствіе на побѣдителей. Подобное настроеніе духа въ войскахъ и невозможно послѣ одержанной побѣды, особенно въ первое время, когда еще неизвѣстны потери. А между тѣмъ это торжество, какъ „въ арміи, такъ и въ палаткѣ Наполеона, было безмолвно, мрачно, скромно и даже безъ льстецовъ“ [2]). Вечеромъ послѣ битвы не слышалось ни пѣсенъ, ни разсказовъ: господствовало общее, грустное и молчаливое, уныніе [3]).

Императоръ Наполеонъ, приказавъ прекратить бой, „вечеромъ въ 7 часовъ, возвратился въ свою палатку. Его лице необычайно горѣло, волосы были въ безпорядкѣ; онъ имѣлъ видъ усталый“ [4]). Часа два провелъ онъ одинъ въ палаткѣ, потомъ велѣлъ позвать къ себѣ графовъ Дарго и Дюма. „Въ 9 часовъ вечера, разсказываетъ первый изъ нихъ, мы были позваны къ императору. Ему подали обѣдъ; онъ былъ одинъ. Онъ посадилъ насъ, одного по правую, другаго по лѣвую сторону. Выслушавъ наши донесенія о тѣхъ рас-

---

*) Состояніе Москвы въ 1812 году, до вступленія въ нея непріятеля, изложено въ статьяхъ, напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ 1875 года.

[1]) M. Chambray, Histoire de l'expédition de Russie, изд. 2-е, Paris, 1825, т. II, гл. 2, стр. 82.

[2]) C-te Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armée, т. I, кн. VII, гл. 12, стр. 414. Paris, 1825.

[3]) L. Celner, Geschichte des Feldzugs in Russland im Jahre 1812. Reutlingen. 1839, стр. 86.

[4]) Bausset, Mémoires anecdotiques par ancien préfet du palais impérial, т. II, стр. 99.

поряженіяхъ, которыя мы сдѣлали относительно раненыхъ и о ничтожности способовъ, которыя представляли намъ Колоцкій монастырь и нѣсколько уцѣлѣвшихъ избъ около Бородина, онъ началъ говорить объ исходѣ битвы и — вдругъ заснулъ. Минутъ черезъ двадцать, онъ проснулся и продолжалъ рѣчь. „Будутъ удивляться, почему я не ввелъ въ дѣло моихъ резервовъ, чтобы достигнуть болѣе рѣшительныхъ послѣдствій; но я долженъ ихъ сохранить для рѣшительнаго удара въ сраженіи, которое дастъ намъ непріятель подъ Москвою“. Наполеонъ, также какъ и Кутузовъ, предполагалъ возможность новаго большаго сраженія и, стало быть, не считалъ Русскую армію разбитою и только что замолкнувшій бой рѣшительною побѣдою. Но, поддерживая вѣру въ свою непобѣдимость, онъ хотѣлъ увѣрить не только всю Европу, но и своихъ боевыхъ сотрудниковъ, свидѣтелей происшествія, что онъ одержалъ побѣду. „Успѣхъ дня обезпеченъ, продолжалъ онъ, но я долженъ заботиться объ успѣхѣ всей кампаніи, и вотъ почему мнѣ слѣдовало сберечь мои резервы“ [5]). Когда онъ говорилъ, Дюма и Дарго слушали его молча; но ихъ опущенные глаза, ихъ молчаніе достаточно выражали что́ они думали. Они молчали только въ присутствіи Наполеона, передъ которымъ не смѣли говорить. Внѣ его палатки всѣ говорили, что „сраженіе съ утра было выиграно на лѣвомъ крылѣ; но вдругъ успѣшный его ходъ былъ пріостановленъ и для продолженія битвы двинуты противъ центра огромныя силы, какъ это дѣлалось въ первобытныя времена военнаго искусства; что въ этомъ сраженіи не было никакого единства въ дѣйствіяхъ, что это побѣда солдатъ, а не военачальника. Къ чему такъ спѣшили догнать непріятеля, имѣя войска усталыя, истощенныя, ослабленныя? Зачѣмъ, догнавъ его, не довершить пораженія и въ бѣдственномъ положеніи оставаться посреди озлобленнаго народа, въ безпредѣльныхъ степяхъ, въ 800 миляхъ отъ своихъ запасныхъ силъ?“ „Въ этотъ важный день я не узналъ Наполеонова генія“, говорилъ Мюратъ. „Я не могу понять его нерѣшительность“, говорилъ вице-король Итальянскій. Ней настойчиво совѣтовалъ отступать [6]). „Наполеонъ побѣдилъ, но не достигъ той цѣли, которая составляла предметъ его постоянныхъ желаній, и его положеніе сдѣлалось чрезвычайно затруднительнымъ. Рѣшившись продолжать дальнѣйшее движеніе внутрь Россіи, онъ только умножалъ опасность; рѣшившись отступать, онъ понесъ бы большія потери, а его противникъ пріобрѣлъ бы огромную нравственную силу. До этого времени геній Наполеона по преимуществу блисталъ на самомъ полѣ сраженія; тамъ онъ, казалось, повелѣвалъ судьбою. При Бородинѣ, почти во все время сраженія, онъ находился въ такомъ состояніи равнодушія и въ такомъ отдаленіи отъ боеваго поприща, что самъ не могъ видѣть дѣйствій, а потому отдавалъ часто несвоевременныя приказанія. Въ самыя важныя минуты сраженія онъ выка-

---

[5]) C-te Dumas, Souvenirs, т. III, стр. 440, Paris, 1839.

[6]) C-te Segur, тамъ же, стр. 415, 416.

зывалъ большую нерѣшительность и былъ ниже своей славы". Такъ говоритъ Шамбре [7]).

Конечно не простуда, которою слегка страдалъ въ это время Наполеонъ, была причиною того, что на поляхъ Бородина онъ казался своимъ боевымъ товарищамъ и поклонникамъ его генія совершенно инымъ человѣкомъ, нежели при Аустерлицѣ, Іенѣ и Фридландѣ [8]). Его способности, какъ военачальника, не утратили своей силы; но положеніе дѣлъ было совершенно иное въ сравненіи съ прежнимъ. Это былъ уже не военачальникъ, способный жертвовать всѣмъ своему призванію; но императоръ, женатый на принцессѣ старѣйшаго изъ царственныхъ домовъ въ Европѣ, основатель династіи, которую онъ желалъ упрочить на престолѣ Франціи, государь, сравнивавшій себя съ Карломъ Великимъ. Могъ-ли онъ, гоняясь только за славою полководца, подвергать свою жизнь опасности? Напротивъ, онъ берегъ себя и въ пресловутомъ бюллетенѣ о Бородинскомъ сраженіи счелъ нужнымъ прямо заявить Европѣ, что „императоръ ни разу не подвергалъ себя опасности": l'empereur n'a jamais été exposé [9]). Съ гордой самоувѣренностью онъ предполагалъ, что вся Европа обязана его глазами смотрѣть на дѣла и заботиться о безопасности его, какъ онъ самъ заботился о ней. Но сметливый и дальновидный его умъ понималъ конечно, что какъ его отсутствіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Испаніи и Португаліи, такъ и удаленное положеніе на поляхъ битвъ, которыми онъ самъ руководилъ, должно быть чѣмъ нибудь восполнено. Отдавая справедливость дарованіямъ и опытности своихъ маршаловъ, онъ не думалъ однакоже, чтобы они могли замѣстить его. Изъ Парижа онъ самъ руководилъ военными дѣйствіями въ Испаніи и, предпринявъ походъ въ Россію, самъ повелъ свои войска. Но онъ думалъ замѣнять себя въ этихъ случаяхъ огромнымъ числомъ войскъ и количествомъ артиллеріи, подавляющею матеріальною силою. Въ этихъ видахъ разсчитаны были всѣ военныя дѣйствія Наполеона съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ въ бракъ съ Австрійскою эрцъ-герцогиней. Съ 1807 года до приготовленій къ войнѣ съ Россіею, въ границы Испаніи было введено болѣе 618 тысячь Французскихъ войскъ [10]); черезъ Нѣманъ Наполеонъ перевелъ въ Россію болѣе 400 тысячь, за которыми находился резервъ, простиравшійся до 200 тысячь. Но дѣйствіе огромными силами несовмѣстимо съ быстротою движеній, составлявшей отличительное свойство тактики Наполеона: такихъ огромныхъ массъ не въ состояніи продовольствовать никакая, хотя бы и богатая, страна своими мѣстными средствами (чѣмъ постоянно пользовался Наполеонъ въ прежнихъ войнахъ). За огромнымъ полчищемъ должны слѣдовать такіе-же ог-

---

[7]) Histoire de l'expédition de Russie, т. II, стр. 77.

[8]) C-te Segur, Histoire et mémoires, Paris, 1873, т. VI, гл. 2, стр. 9—18.

[9]) 18-me bulletin de la grande armée. Mojaisk, 12 Septembre 1812.

[10]) Письмо Чернышева къ гр. Румянцову 1811 г. 9 (21) Февраля изъ Парижа.

ромные обозы съ продовольствіемъ. При этомъ условіи или войска должны двигаться медленно, соображаясь съ движеніемъ обозовъ, или обозы должны отставать отъ войскъ, и войска послѣ немногихъ переходовъ нуждаться въ продовольствіи. Такъ и случилось съ великою арміею, которая вторгнулась въ Россію. Уже въ Витебскѣ она умалилась на цѣлую треть, и подъ Бородино Наполеонъ привелъ съ небольшимъ 130 тысячь.

Но если бы огромныя количества и могли обезпечить успѣхъ, то ничто не могло замѣнить той быстроты и вѣрности боеваго взгляда, которыми отличался Наполеонъ, какъ полководецъ. Ни одно неловкое или ошибочное движеніе непріятеля не ускользало отъ его вниманія; каждымъ такимъ движеніемъ, не давая противнику времени исправить ошибку, онъ умѣлъ быстро пользоваться. Обладая такими качествами, часто онъ превращалъ сраженія, грозившія ему совершеннымъ пораженіемъ, въ полную побѣду. Но для этого нужно находиться у самаго поля сраженія, а не руководить имъ издали, и въ этомъ случаѣ, можетъ быть, упреки его боевыхъ сотрудниковъ были справедливы: слѣдуя правилу дѣйствовать бо́льшими силами въ сравненіи съ непріятелемъ, онъ долженъ былъ пустить въ дѣло резервы.

Но всѣ эти упреки вытекаютъ изъ общей Французамъ увѣренности, что въ Бородинскомъ сраженіи побѣда осталась на ихъ сторонѣ. Не говоримъ уже о хвастливости, имъ свойственной, о твердой вѣрѣ въ непобѣдимость императора; но частные успѣхи въ разные моменты сраженія и общая отчаянная храбрость, какъ солдатъ, такъ и офицеровъ, могли возродить и поддержать въ нихъ это обольщеніе. Но такъ ли смотрѣлъ на дѣло самъ императоръ Наполеонъ? Онъ тоже заявлялъ, что Бородинскій день кончился для него побѣдою. Такъ говорилъ онъ во всеуслышаніе Франціи и всей Европы; этотъ взглядъ поддерживалъ онъ и въ своихъ войскахъ. Но могъ ли онъ говорить иначе, не подрывая обаянія своей силы, которое одно держало въ покорности угнетенную имъ Европу? Могъ ли онъ говорить иначе, не лишая бодрости свою армію, истомленную трудными походами, оборванную и голодавшую? Передъ началомъ Бородинскаго сраженія онъ объявилъ войскамъ, что одержанная ими побѣда доставитъ имъ изобиліе, хорошія зимнія квартиры и скорое возвращеніе на родину. Войска дрались отчаянно, но встрѣтили несокрушимую преграду: не было ни плѣнныхъ (кромѣ ничтожнаго количества), ни трофеевъ. Могъ ли этого обстоятельства не оцѣнить Наполеонъ и, еслибы была одержана дѣйствительная побѣда, могъ ли такой полководецъ, какъ онъ, не преслѣдовать разбитаго непріятеля? Когда, по окончаніи битвы, въ 10 часовъ вечера, заносчивый Мюратъ явился къ нему и предложилъ преслѣдовать Русскихъ, будто бы въ безпорядкѣ отступающихъ за Москву-рѣку, Наполеонъ не принялъ этого предложенія [11]).

---

[11]) C-te Segur, Hist. de la grande armée, т. I, стр. 415.

Но не одни непріятельскія войска, вторгнувшіяся въ предѣлы Россіи, провели ужасную ночь послѣ Бородинской битвы, когда то и дѣло тревожили ихъ нападенія отдѣльныхъ отрядовъ Русскаго аріергарда; не спалось и не легко было на душѣ самому ихъ предводителю, императору Наполеону. „Я провелъ ночь подлѣ него (говоритъ свидѣтель-очевидецъ); его сонъ былъ тревоженъ или, лучше сказать, онъ вовсе не спалъ. Онъ много разъ восклицалъ, быстро перевертываясь на постелѣ: „что за день, что за день!“ (quelle journee! [12]). Его ставка у Шевардина была во всю ночь окружена цѣлымъ баталіоннымъ каре старой гвардіи: не смотря на значительное отдаленіе отъ мѣста сраженія, онъ считалъ нужнымъ принимать эти предосторожности. Когда, по утру на другой день, ему донесли объ отступленіи Русскихъ войскъ, онъ и тутъ не рѣшался ихъ преслѣдовать. „Пусть отступаютъ, говорилъ онъ; а мы повременимъ нѣсколько часовъ, чтобы заняться нашими несчастными ранеными“ [13]).

„Чѣмъ бы ни кончилась битва, разсуждаетъ одинъ изъ участниковъ въ ней, отступленіемъ Русскихъ или Французовъ; но во всякомъ случаѣ Французы были такъ изнурены, напрягаясь овладѣвать укрѣпленіями и за тѣмъ удерживать ихъ, что имъ нельзя было преслѣдовать Русскихъ или воспрепятствовать Кутузову дѣйствовать, какъ онъ хотѣлъ“ [14]). Герцогъ Фегензакъ, назначенный полковымъ командиромъ послѣ Бородинскаго сраженія, прямо свидѣтельствуетъ, что онъ не нашелъ прежней веселости въ солдатахъ, не слышалъ пѣсенъ и всякихъ разсказовъ: солдаты погружены были въ глубокое молчаніе. Даже офицеры ходили словно опущенные въ воду и лишь по долгу и чести исполняли служебныя обязанности. „Это уныніе, естественное послѣ пораженія, было странно послѣ побѣды, открывшей намъ ворота Москвы“ [15]). Очевидно, это была такая побѣда, которая равнялась пораженію. Поэтому „Французы должны были нѣсколько дней отдыхать, чтобы опамятоваться, чтобы обозрѣть свои потери, чтобы узнать навѣрное о пути, по которому двинулся ихъ непріятель. Многое, что случилось потомъ, было послѣдствіемъ изнуренія великой арміи, которая, можетъ быть, и била непріятеля, но не обращала его въ бѣгство; можетъ быть, отбила его, но не разстроила“ [16]).

---

[12]) Saint-Hilaire, Histoire de la campagne de Russie de 1812, т. III, гл. 7, стр. 31.

[13]) B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 44.

[14]) Der Krieg der Franzosen gegen Russland 1812 und 1813 von R..., стр. 124.

[15]) Souvenirs militaires, стр. 261.

[16]) Der Krieg der Franzosen etc. von R. тамъ же. Сравни сочиненіе И. П. Липранди: „Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы“, въ которомъ собрано множество свидѣтельствъ очевидцевъ и большею частію иностранцевъ и послѣдующихъ историковъ войны 1812 г. (Чтенія въ имп. Моск. обществѣ исторіи и древностей 1866 г.).

Французская армія дѣйствовала наступательно, а потому не могла отбить непріятеля; Русскія войска отбили ея нападеніе и разстроили ее. Наполеонъ и не преслѣдовалъ въ порядкѣ отступавшихъ нашихъ войскъ, но шелъ слѣдомъ за ними. Обозрѣвъ поле сраженія и принявъ мѣры къ призрѣнію раненыхъ, онъ около полудня двинулъ свой авангардъ, подъ начальствомъ Мюрата, къ Можайску съ приказаніемъ остановиться въ 6 или 7 верстахъ за этимъ городомъ. Въ то время какъ Мюратъ начиналъ уже приближаться къ нашему аріергарду, въ послѣдній разъ находившемуся подъ начальствомъ Платова, въ 4 часа пополудни, начали выступать и остальныя Французскія войска. Вмѣстѣ съ ними направился къ Можайску и самъ императоръ Наполеонъ, послав напередъ графа Сегюра объявить Мюрату, что онъ намѣренъ ночевать въ этомъ городѣ. Приблизившись къ Неаполитанскому королю, графъ Сегюръ нашелъ его въ сильномъ волненіи и негодованіи на войска. Онъ торопилъ ихъ идти впередъ, не смотря на то, что ему было донесено, что на пути ихъ движенія находится непроходимый для конницы оврагъ; а на высотахъ за Можайскомъ, господствующихъ надъ городомъ и его окрестностями, выстроились въ грозномъ боевомъ порядкѣ Русскіе. Заносчивый Мюратъ, не довольствуясь сшибками отдѣльныхъ отрядовъ, хотѣлъ ввести въ дѣло всѣ полки своего авангарда, сердился, что они подвигаются медленно и не хотѣлъ слушать, что между нимъ и Русскими, находившимися передъ Можайскомъ, былъ непроходимый для конницы оврагъ. Графъ Сегюръ уговорилъ его не вступать въ сраженіе и возвратился объяснить императору Наполеону положеніе дѣлъ. „Я повстрѣчалъ маршала Мортье, говоритъ онъ, и мы пошли вмѣстѣ съ нимъ. Разговаривая между собою, мы замѣтили, что къ намъ приближается Русское ядро. „Посторонитесь, Сегюръ, сказалъ маршалъ: уступимъ дорогу тому, кто болѣе нашего спѣшитъ“ (aux plus pressés). Когда мы разступились, я замѣтилъ въ сторонѣ человѣка въ сѣромъ сюртукѣ, который шелъ одинъ. Это былъ императоръ; онъ шелъ по дорогѣ къ Можайску, тихо, съ опущенною головою. Я подошелъ къ нему и замѣтилъ, что онъ находится подъ Русскими выстрѣлами. „Стало быть Русскіе еще держатся въ Можайскѣ?“. День уже клонился къ вечеру; я указалъ ему на огни по крайней мѣрѣ 40 тысячной арміи на высотахъ за Можайскомъ и прибавилъ, что сильный аріергардъ защищаетъ входъ въ городъ. Наполеонъ повернулъ назадъ, сказавъ: „Если такъ, то пойдемъ и подождемъ до завтра“, и провелъ ночь въ первой попавшейся деревушкѣ, Кривушѣ [17]). Очевидно, императоръ Наполеонъ не думалъ преслѣдовать Русскія войска, но шелъ за ними, наблюдая ихъ движеніе и не зная, что́ можетъ предпринять Русскій главнокомандующій. Что въ такомъ именно настроеніи духа находился императоръ Наполеонъ, можетъ служить доказательствомъ слѣдующее обстоятельство. Во всю бо-

---

[17]) Segur, Hist. et mémoires, т. VI, гл. 1, стр. 11—15. Его же Hist. de Napoleon et de la grande armée, т. I, гл. 13, стр. 243 и слѣд.

евую его жизнь никогда не случалось, чтобы онъ медлилъ извѣстить Францію и Европу объ одержанной побѣдѣ, и всегда бывало, что онъ немедленно диктовалъ бюллетень, извѣщавшій всѣхъ объ его успѣхѣ. Между тѣмъ „18-й бюллетень великой арміи“ помѣченъ: „Можайскъ 12-го Сентября 1812 г.“ (30 Августа)“, т. е. черезъ четыре дня спустя послѣ Бородина, когда Наполеона убѣдился, что Русскія войска безостановочно продолжаютъ отступленіе къ Москвѣ. Это отступленіе, послѣ большаго, кровопролитнаго сраженія, давало ему предлогъ выдать передъ Европою Бородино какъ одну изъ блистательныхъ побѣдъ великой арміи. Такъ смотрѣли на дѣло и тѣ изъ его боевыхъ сотрудниковъ, которые, не участвуя въ немъ, не увлекались отдѣльными подвигами лицъ и разныхъ частей войскъ въ разные періоды битвы и общею отчаянною храбростію всѣхъ войскъ, хорошо знавшихъ, что только одержанная побѣда можетъ вывести ихъ изъ того бѣдственнаго положенія, въ какомъ они находились.“ „Это сраженіе, говоритъ маршалъ Сенъ-Сиръ, самое кровопролитное, какое только представляетъ исторія, доставило Наполеону одну выгоду, если только доставило какую нибудь: оно облегчало его прибытіе въ Москву. Русскіе, не смотря на самое упорное сопротивленіе, были побѣждены потому только, что должны были отступить; но они не были разбиты, не было ни малѣйшаго замѣшательства (déroute) ни на одной точкѣ ихъ линіи; было поражено тѣло, но не душа ихъ арміи. Ихъ потери были велики, даже огромны, но они почти уравновѣшивались потерями Наполеона, а между тѣмъ на ихъ сторонѣ оставалось великое преимущество: ихъ потери могли быть немедленно вознаграждены тѣми подкрѣпленіями, которыя они получали ежедневно, тогда какъ убыль въ нашихъ войскахъ оставалась невознаградимою“ [18]).

Попятное движеніе нашихъ войскъ послѣ Бородинскаго сраженія дало поводъ непріятелю присвоить себѣ побѣду. Но коль скоро отступленіе входило въ общія военныя соображенія съ самаго начала кампаніи, то конечно оно не могло служить знàкомъ проиграннаго сраженія, тѣмъ болѣе, что непріятель не отваживался преслѣдовать. „Непріятельскія войска, говоритъ одинъ изъ Французовъ, участниковъ въ событіяхъ, продолжали отступленіе съ такимъ же порядкомъ, какъ и правильностью. Нашъ авангардъ слѣдовалъ за ними и продолжалъ наблюдать за ихъ движеніемъ по дорогѣ къ Москвѣ“ [19]). На второй день послѣ Бородинской битвы (28 Августа, 9 Сентября), когда Русскія войска оставили Можайскъ, и этотъ городъ былъ занятъ непріятелемъ послѣ горячей схватки, нездоровье императора Наполеона усилилось. Вслѣдствіе насморка онъ потерялъ голосъ. Не смотря на то, совладавъ уже съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвели на него дѣйствія Русскихъ войскъ въ

---

[18]) M. Saint-Syr, Mémoires pour servir à l'histoire militaire etc. Paris, 1831, т. III. стр. 268—271.

[19]) B. Dennié, Itinéraire de l'empereur Napoleon. Paris, 1842, стр. 83.

Бородинской битвѣ, и только что расположившись въ приготовленномъ для него домѣ въ Можайскѣ, онъ принялся за свои кабинетные труды, прерванные въ продолженіи пяти дней. Потеря голоса разстроивала его привычки. Обыкновенно онъ диктовалъ свои приказанія, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. Теперь онъ долженъ былъ писать ихъ самъ начерно и, немедленно принявшись за эту работу, онъ задалъ трудную задачу своей канцеляріи разбирать связный и безобразный его почеркъ [20]).

Въ бумагахъ этой канцеляріи сохраняется наглядное разъясненіе того, что̀ именно озабочивало въ это время императора Наполеона. Первое написанное имъ предписаніе было начальнику его штаба, графу Невшательскому; онъ поручалъ ему двинуть вице-короля на Рузу, а Даву́ на Борисовъ въ то время, какъ Мюратъ съ авангардомъ двигался по большей дорогѣ къ Москвѣ. Но эти движенія происходили медленно и нерѣшительно, потому что не преслѣдовать непріятеля предписывалъ Наполеонъ, а сообщать вѣсти о непріятельскихъ передвиженіяхъ и собирать какъ можно болѣе провіанта для голодавшихъ войскъ. Не зная навѣрное, каковы намѣренія Русскаго главнокомандующаго, Наполеонъ заботился, какъ бы пополнить боевые запасы, значительно истощенные въ Бородинской битвѣ, и подкрѣпить войска новыми силами. Съ этою цѣлью, измѣнивъ первоначальное назначеніе корпуса маршала Виктора (поддерживать войска, дѣйствовавшія съ тылу великой арміи противъ Витгенштейна и Тормасова), онъ предписалъ ему слѣдовать въ Смоленскъ. „Непріятель, пораженный въ сердце, не будетъ заботиться объ окраинахъ, писалъ онъ маршалу Виктору изъ Можайска. Онъ употребляетъ всѣ средства, чтобы помѣшать намъ войти въ Москву и обнаруживаетъ намѣреніе также употребить всѣ средства, чтобы выгнать поскорѣе насъ оттуда. Поэтому изъ Смоленска надо слѣдовать къ Москвѣ, чтобы подкрѣпить армію въ той мѣрѣ, какъ непріятель подкрѣпляетъ свою“ [21]). Постоянное отступленіе нашихъ войскъ ободрило Неаполитанскаго короля, и онъ задумалъ разбить нашъ аріергардъ, поступившій уже (съ 28 Августа) подъ начальство Милорадовича и отбросить его на армію, которой главная квартира находилась на берегу рѣки Нары, въ дер. Крутицахъ. Но Мюратъ былъ отбитъ и послѣ этого „слѣдовалъ съ большою осторожностію за нашимъ аріергардомъ, оставаясь всегда внѣ пушечнаго выстрѣла“ [22]), конечно по распоряженію Наполеона. Убѣдившись однакоже, что Русскія войска отступаютъ и не зная, дадутъ ли они сраженіе, Наполеонъ рѣшился отправить циркуляръ къ Французскимъ епископамъ, съ приказомъ распорядиться о торжественномъ молебствіи по слу-

---

[20]) B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 45, 46.

[21]) B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 74.

[22]) Военный журналъ полковника Толя подъ 29 Авг.; Chambray, Hist. de l'expédition de Russie, т. II, стр. 90; B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 47.

чаю одержанныхъ имъ побѣдъ, и составилъ бюллетень о Бородинскомъ сраженіи. Бюллетень этотъ помѣченъ тѣмъ числомъ, когда Наполеонъ выѣхалъ изъ Можайска и перенесъ свою главную квартиру въ село Леутинское [23]). Но императора тревожила еще мысль о томъ, что́ можетъ предпринять Русскій главнокомандующій. Онъ не ожидалъ, чтобы неразбитое имъ войско рѣшилось безъ новаго боя впустить его въ древнюю столицу имперіи и подозрѣвалъ особые замыслы со стороны Кутузова. На другой день, переѣхавъ въ село Таторки, онъ поручилъ маршалу Бертье написать Мюрату, что его тревожитъ неимѣніе свѣдѣній о непріятелѣ. „Если непріятель не находится передъ вами, писалъ онъ, то надо опасаться, не перешелъ ли онъ въ право отъ васъ, на Калужскую дорогу. Въ такомъ случаѣ очень возможно, что онъ бросится на нашъ тылъ. Неизвѣстно, что́ дѣлаетъ Понятовскій, который долженъ находиться въ двухъ миляхъ, въ право отъ васъ. Прикажите ему двинуть свою конницу па Калужскую дорогу. Императоръ остановилъ здѣсь корпусъ Даву́ и Нея до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ васъ извѣстій о томъ, гдѣ находится непріятель. Его величество съ нетерпѣніемъ ожидаетъ извѣстій о томъ, что́ происходитъ на вашемъ правомъ крылѣ, т. е. по дорогѣ изъ Калуги въ Москву“ [24]). Это письмо, написанное по порученію Наполеона, начальникомъ его главнаго штаба къ главнокомандующему авангардомъ, за день до вступленія въ Москву, безспорно доказываетъ, что Наполеонъ не преслѣдовалъ отступавшаго непріятеля, но ощупью шелъ за нимъ, наблюдая за его движеніями и недоумѣвая о дальнѣйшихъ его намѣреніяхъ. Онъ постоянно требовалъ извѣстій отъ своихъ передовыхъ отрядовъ и посылалъ къ нимъ своихъ офицеровъ-ординарцевъ. Утромъ 2(14) Сентября онъ отправилъ Гурго въ авангардъ къ Мюрату, поручивъ ему немедленно привезти ему извѣстіе о положеніи дѣлъ. Гурго подъѣхалъ къ Неаполитанскому королю въ то время, когда Москва уже находилась почти въ виду Французскаго авангарда.

Когда подъѣзжать къ Москвѣ по Смоленской дорогѣ, то подъ самымъ городомъ внезапно открывается видъ на него, во всемъ широкомъ его объемѣ. Рядъ холмовъ на самой дорогѣ, извѣстный подъ именемъ Поклонной горы и оканчивающійся у города такъ называемыми Воробьевыми горами, долго скрываетъ Москву отъ взоровъ. Рано утромъ, 2 Сентября, нашъ аріергардъ находился у фарфоровыхъ заводовъ, въ 10 верстахъ отъ Москвы. Съ 9-ти часовъ Французскій авангардъ завязалъ съ нимъ перестрѣлку и тѣснилъ его къ Москвѣ. Медленно отступая, чтобы дать время и воз-

---

[23]) Предписаніе маршалу Бертье 9 Сент. (28 Авг.), предписаніе маршалу Виктору 11 Сент. (30 Авг.), циркуляръ Французскимъ епископамъ 10 Сент. (29 Авг.), 18-й бюллетень 12 Сент. (31 Авг.) B. Fain, Manuscrit, т. II, стр. 74 и слѣд., Chambray, Hist. de l'expédition en Russie, т. III, прилож., стр. 403 и слѣд.

[24]) Chambray, Hist. de l'expéd. en Russie, т. III, прилож., 404—405.

можность остальнымъ войскамъ съ обозами и артилеріею пройти черезъ городъ, нашъ аріергардъ къ 12 часамъ дня занялъ Поклонную гору и растянулъ линію до Воробьевыхъ горъ. Генералъ Милорадовичъ имѣлъ въ виду, чтобы непріятель предположилъ, будто подъ его начальствомъ находится болѣе войскъ, нежели было на самомъ дѣлѣ. Онъ хотѣлъ принудить непріятеля дѣйствовать осмотрительно и медленно. Но въ это самое время онъ получилъ извѣстіе, что одинъ корпусъ непріятельскихъ войскъ подходитъ къ Тверской заставѣ (Понятовскаго), а другой (вице-короля) обходитъ Воробьевы горы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Милорадовичу донесли, что улицы Москвы еще наполнены войскомъ, толпами спасающихся жителей и обозами. Очевидно угрожала большая опасность: не только весь аріергардъ могъ быть отрѣзанъ непріятелемъ отъ главной арміи, но и части этой арміи и обозы, не успѣвшіе еще выйти изъ Москвы на Рязанскую дорогу. Что̀ оставалось дѣлать Милорадовичу, которому главнокомандующій въ трудное время ввѣрилъ начальство надъ аріергардомъ послѣ Платова, какъ извѣстному издавна и опытному вождю, въ той надеждѣ, что онъ своими дѣйствіями обезпечитъ спокойное отступленіе главной арміи? Блистательно исполняя возложенное на него порученіе съ 28 Августа, теперь, передъ самой Москвою, Милорадовичъ былъ поставленъ въ положеніе безвыходное. Но выборъ Кутузова былъ удаченъ: находчивость военачальника, не только храбраго, но и опытнаго, спасла ввѣренный ему аріергардъ и отчасти самую армію.

Рѣшившись безъ боя оставить Москву, послѣ военнаго совѣта въ Филяхъ, нашъ главнокомандующій поручилъ генералу Ермолову увѣдомить объ этомъ начальника аріергарда и предписать ему какъ можно долѣе удерживать непріятеля, чтобы дать возможность войскамъ спокойно пройти столицу. Милорадовичъ, пораженный извѣстіемъ о рѣшеніи оставить Москву безъ боя, особенно былъ возмущенъ выраженіемъ: „если будетъ нужно, то почтите *видомъ сраженія* древнія стѣны Москвы“. Прямодушный, откровенный герой, Милорадовичъ безъ сомнѣнія готовъ былъ пасть въ упорномъ бою, защищая Москву; но *видъ сраженія* представлялся ему насмѣшкою надъ нимъ и не почтеніемъ, а скорѣе оскорбленіемъ древнихъ стѣнъ столицы. Приписывая это выраженіе лично Ермолову, онъ упрекалъ его въ *макіавелизмѣ* и до такой степени горячился, что на другой день захотѣлъ даже просить, чтобы уволили его отъ начальства аріергардомъ. Но личный гнѣвъ, отчасти справедливый, не могъ заглушить въ немъ чувство долга, и на другой день онъ имѣлъ отраду совершить великій подвигъ: избавить войска отъ страшныхъ потерь, выигравъ время, дать имъ возможность отступить за Москву и спасти значительное число Московскихъ жителей съ ихъ имуществомъ.

Вмѣстѣ съ отношеніемъ Ермолова Милорадовичъ получилъ письмо отъ фельдмаршала (подписанное Кайсаровымъ) къ начальнику штаба Наполеона, маршалу Бертье. Въ этомъ письмѣ, по принятымъ военнымъ обычаямъ, Кутузовъ поручалъ попеченію непрія-

теля оставшихся въ Москвѣ нашихъ раненыхъ. Милорадовичъ долженъ былъ отправить это письмо къ начальнику непріятельскаго авангарда Мюрату. Доведя аріергардъ до Поклонной горы и замѣтивъ опасность какъ для него, такъ и для всей арміи, Милорадовичъ немедленно послалъ офицеровъ съ конными отрядами въ городъ, чтобы способствовать водворенію порядка при отступленіи; и въ тоже время, обратившись къ стоявшему неподалеку лейбъ-гвардіи гусарскому полку, спросилъ: кто изъ офицеровъ можетъ хорошо говорить по-французски? Выѣхалъ штабсъ-ротмистръ Акинфовъ. Милорадовичъ, передавъ ему присланное отъ фельдмаршала письмо къ маршалу Бертье, приказалъ отвезти его въ непріятельскій авангардъ, лично вручить Мюрату и при этомъ сказать ему отъ его имени: „Если Французы желаютъ занять Москву цѣлою, то должны, не наступая сильно, дать намъ спокойно выйти изъ нея, съ артилеріею и обозомъ. Въ противномъ случаѣ генералъ Милорадовичъ передъ Москвою и въ Москвѣ будетъ драться до послѣдняго человѣка и вмѣсто Москвы оставитъ одни развалины“. Онъ поручилъ Акинфову, чтобы онъ старался какъ можно долѣе оставаться у Французовъ. Взявъ съ собою трубача изъ конвоя Милорадовича, Акинфовъ подъѣхалъ къ передовой Французской цѣпи, состоявшей изъ конныхъ егерей. По сигналу трубача, къ нему выѣхалъ командиръ полка и, узнавъ въ чемъ дѣло, поручилъ проводить его къ генералу Себастьяни, начальнику аванпостовъ, который сказалъ Акинфову, что онъ можетъ передать ему письмо и такимъ образомъ исполнить возложенное на него порученіе. Но услыхавъ отъ Акинфова, что Милорадовичъ поручилъ ему лично передать письмо Неаполитанскому королю и на словахъ сообщить ему свои предложенія, Себастьяни немедленно поручилъ проводить его къ Мюрату. Имя Милорадовича пользовалось большою извѣстностью во Французскихъ войскахъ, какъ одного изъ доблестныхъ сотрудниковъ Суворова въ Италіянской кампаніи, и генералъ Себастьяни зналъ его лично: онъ познакомился съ нимъ въ Бухарестѣ въ 1809 году, участвуя, въ качествѣ посредника со стороны Наполеона, въ нашихъ мирныхъ переговорахъ съ Оттоманскою Портою.

Проѣхавъ пять конныхъ полковъ, стоявшихъ развернутымъ фронтомъ передъ пѣхотными колоннами, Акинфовъ увидѣлъ Мюрата, разодѣтаго въ блиставшую золотомъ одежду и окруженнаго многочисленною свитою. Когда подъѣхалъ Акинфовъ, Мюратъ привѣтствовалъ его, „приподнявъ свою шитую золотомъ съ перьями шляпу“ и велѣлъ своей свитѣ удалиться. „Что вы мнѣ скажите, капитанъ?“ спросилъ онъ Акинфова, приблизясь къ нему и положивъ руку на шею его лошади. Акинфовъ вручилъ ему письмо и передалъ порученіе Милорадовича. Прочитавъ письмо, Мюратъ отвѣчалъ: „Касательно больныхъ и раненыхъ излишне поручать ихъ великодушію Французскихъ войскъ: Французы на плѣнныхъ непріятелей не смотрятъ какъ на враговъ. Что же касается до предложенія генерала Милорадовича, то безъ приказаній императора Наполеона нельзя на нихъ дать отвѣта“. Немедленно за тѣмъ Мюратъ отправилъ Акинфова съ своимъ адъютантомъ къ императору; но едва

они проѣхали нѣсколько сотъ шаговъ, какъ Мюратъ послалъ возвратить ихъ назадъ. Въ то время какъ Мюратъ принималъ Акинфова, пріѣхалъ ординарецъ Наполеона Гурго. Вѣроятно въ слѣдствіе разговора съ нимъ, Мюратъ рѣшился воротить назадъ нашего парламентера. „Желая сохранить Москву, сказалъ онъ возвратившемуся Акинфову, я рѣшаюсь самъ согласиться на предложеніе генерала Милорадовича и пойду такъ тихо, какъ вамъ угодно, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы мы могли сегодня же занять Москву“. Когда Акинфовъ отвѣчалъ, что Милорадовичъ будетъ согласенъ на это условіе, то Мюратъ послалъ приказъ всѣмъ передовымъ цѣпямъ остановиться и прекратить перестрѣлку.

„Вы знаете Москву?“ спросилъ Мюратъ Акинфова.—„Я Московскій уроженецъ“, отвѣчалъ Акинфовъ. „Такъ передайте жителямъ, чтобы они были совершенно покойны, что имъ не только не сдѣлаютъ никакого вреда, но и не возмутъ съ нихъ контрибуціи и всѣми способами будутъ заботиться объ ихъ безопасности“. Зная однакоже, что со вступленія Французовъ въ предѣлы Смоленской губерніи жители селъ и городовъ удалялись изъ нихъ и даже жгли свои дома, Мюратъ прибавилъ: „Не оставлена ли Москва жителями и гдѣ графъ Ростопчинъ?“—„Я постоянно находился въ аріергардѣ и участвовалъ въ дѣлахъ, поэтому ничего не знаю ни о Москвѣ, ни о графѣ“. На вопросъ, гдѣ находятся императоръ Александръ и великій князь Константинъ, Акинфовъ точно также отозвался незнаніемъ. Хотя очень довольный тѣмъ, что Мюратъ задерживаетъ его своими распросами и тѣмъ даетъ возможность исполнить данное ему порученіе, молодой офицеръ однако опасался, чтобы какъ нибудь не проговориться въ своихъ отвѣтахъ. Мюратъ сказалъ, что „онъ очень уважаетъ Русскаго императора, а съ великимъ княземъ даже друженъ и очень сожалѣетъ, что обстоятельства сложились такъ, что онъ долженъ воевать противъ нихъ. „Много-ли вашъ полкъ потерялъ людей?“ спросилъ онъ Акинфова.—„Можно ли не понести потерь, находясь почти ежедневно въ сраженіяхъ!“ отвѣчалъ тотъ. „Тяжелая война“, замѣтилъ Мюратъ. — „Мы деремся за Отечество и не примѣчаетъ тягости военной“, замѣтилъ Акинфовъ. Наводя своими распросами молодаго Русскаго офицера на то, не скажетъ ли онъ чего нибудь, изъ чего можно бы заключить, что Русскія войска утомлены войною и желаютъ мира и, не достигнувъ своей цѣли, Мюратъ рѣзко сказалъ: „Отъ чего не заключаютъ мира?“ и при этомъ прибавилъ по своей привычкѣ (говоритъ Акинфовъ) солдатское выраженіе, неудобное конечно для печати. „Это должно быть извѣстнѣе вашему величеству, отвѣчалъ Акинфовъ. По моему мнѣнію, ни одна изъ армій не разбита и не одна не можетъ похвалиться совершенною побѣдою“. Мюратъ улыбнулся сказавъ: „Пора мириться“.

Отпуская нашего парламентера, Мюратъ снова увѣрялъ его, что приложитъ всѣ средства къ сохраненію Москвы и увѣрялъ въ уваженіи, которое питаетъ къ Милорадовичу. „Скажите ему, говорилъ онъ, что я согласился на его предложеніе единственно изъ уваже-

нія къ нему". Нѣтъ сомнѣнія, что Мюратъ говорилъ правду, отзываясь лестно о Милорадовичѣ, военныя доблести котораго ему удалось уже испытать въ дѣлѣ у села Крымскаго (29 Августа). Нельзя было найти лучшаго соперника начальнику Французскаго авангарда, какъ Милорадовичъ. Кромѣ безоглядной храбрости и боевой опытности, въ характерѣ Милорадовича было много сходнаго съ Мюратомъ. Но, конечно, не изъ личнаго уваженія къ нему онъ согласился на его предложеніе: овладѣть Москвою, а не ея развалинами, составляло послѣднюю, желанную цѣль Французскихъ войскъ.

Акинфовъ отправился назадъ въ сопровожденіи того-же полковника конно-егерскаго полка, который сопровождалъ его къ генералу Себастьяни и Мюрату. „Я ѣхалъ легкимъ галопомъ, говоритъ онъ, а чтобы продлить болѣе время, попросилъ позволить мнѣ полюбоваться двумя Польскими гусарскими полками. Полковникъ согласился проѣхать со мною по фронту этихъ полковъ. Но, замѣтивъ, что я ѣхалъ тихо и что мы теряемъ много времени, онъ просилъ меня пустить лошадь въ полный галопъ. Я долженъ былъ исполнить его желаніе и, проѣхавши Французскую цѣпь, приблизился къ начальнику нашей цѣпи, лейбъ-гвардіи казачьяго полка полковнику Ефремову. Объявивъ ему, что Мюратъ согласился тихо идти за нашими казаками, я поскакалъ къ Милорадовичу" [25]).

Въ то время когда на аванпостахъ шли эти переговоры, Наполеонъ находился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ своего авангарда. Переночевавъ въ Вязёмѣ, селѣ, принадлежавшемъ князю Голицыну (въ 40 верстахъ отъ Москвы), на другой день, 2 Сентября, на разсвѣтѣ, онъ выѣхалъ оттуда въ каретѣ вмѣстѣ съ маршаломъ Бертье. Но, проѣхавъ верстъ 12, они должны были продолжать путь верхами, потому что на большой дорогѣ былъ сожженъ мостъ черезъ глубокій оврагъ; мостъ этотъ Французы не успѣли построить вновь. Въ 10 часовъ утра, не доѣзжая до Москвы за 12 верстъ, Наполеонъ остановился на одной дачѣ, находившейся на правой сторонѣ большой Смоленской дороги. Тутъ его встрѣтилъ Мюратъ. Не входя въ домъ, онъ прохаживался съ Мюратомъ по церковному двору, освѣдомляясь конечно о положеніи дѣлъ. Мюратъ могъ сообщить ему пріятное извѣстіе [26]): еще въ 9-мъ часу утра, осматривая свои аванпосты, онъ замѣтилъ начатыя, но не оконченныя укрѣпленія. Эти укрѣпленія свидѣтельствовали, что Русскій главнокомандующій намѣревался дать сраженіе; но какъ не было видно никакихъ войскъ, то Наполеонъ могъ заключить, что эта мысль

---

[25]) Записка сенатора Акинфова, составленная имъ по просьбѣ Михайловскаго-Данилевскаго въ 1837 году (рукопись). Ѳ. Н. Глинки, Подвиги гр. М. А. Милорадовича, Москва, 1814 г. стр. 10—11; Дѣянія гр. М. А. Милорадовича, СПБ. 1816, ч. II, стр. 23—25; Клаузевицъ, Der Feldzug von 1812, стр. 172; Михайловскаго-Данилевскаго, Собраніе сочиненій, т. IV, гл. XXXV.

[26]) Корбелецкій, Краткое повѣствованіе о вторженіи Французовъ въ Москву, СПБ, 1813 г., стр. 21—22. (Сочиненіе это составляетъ книжную рѣдкость).

была оставлена [27]). Лишь только онъ отпустилъ Мюрата, какъ началось движеніе Французскихъ войскъ къ Москвѣ, давшее поводъ Милорадовичу отправить къ Французамъ своего парламентера съ предложеніемъ заключить перемиріе, о чемъ разсказано выше.

Позавтракавъ на подмосковской дачѣ, императоръ Наполеонъ, со всею свитою и конвоемъ изъ двухъ эскадроновъ шассеровъ и Польскихъ улановъ, отправился къ Москвѣ. За нимъ вели и троихъ Русскихъ плѣнниковъ, отъ которыхъ добивались получить свѣдѣній о Москвѣ. Въ числѣ ихъ былъ чиновникъ нашего министерства финансовъ Корбелецкій, который потомъ почти во все время пребыванія Французовъ находился въ Москвѣ.

„Императоръ Наполеонъ уже приближался къ авангарду, говоритъ одинъ изъ очевидцевъ, когда подъѣхалъ къ нему Гурго, отдалъ отчетъ о переговорахъ Мюрата и немедленно долженъ былъ возвратиться къ Неаполитанскому королю, чтобы сообщить ему, что императоръ утверждаетъ заключенный имъ договоръ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Русскіе непрерывно продолжали отступленіе. Не смотря на то, что Гурго весьма короткое время оставался передъ императоромъ, ему пришлось отвѣчать на множество вопросовъ о видѣ Москвы, объ ея мѣстоположеніи, обширности. Отвѣты Гурго Наполеону были вѣрны; но въ нихъ сказывалось увлеченіе или, лучше сказать, упоеніе (l'enivrement), которое мы всѣ испытывали передъ вступленіемъ въ эту древнюю столицу Россіи, припоминая, что многіе изъ насъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ находились при осадѣ Кадикса. Въ самомъ дѣлѣ, Москва — это миръ! Это славный миръ! Дѣйствительность казалась этимъ войскамъ волшебною сказкою изъ тысячи и одной ночи. Геній ихъ полководца снова возставалъ передъ ними въ прежнемъ блескѣ; они достигли указаннаго имъ окончанія похода безпримѣрнаго по трудностямъ, которыя они преодолѣли. За тѣмъ послѣдуютъ обѣщанный миръ, довольство, спокойствіе и—слава“ [28]).

Между тѣмъ, лишь только Мюратъ, прежде нежели отпустилъ Акинфова, далъ знать передовымъ войскамъ, чтобъ они прекратили перестрѣлку и подвигались медленно впередъ, генералъ Себастьяни выѣхалъ за свою цѣпь и встрѣтилъ Милорадовича. Онъ нѣсколько времени ѣхалъ рядомъ съ нимъ, дружески бесѣдуя о сохраненіи Москвы, о чемъ свидѣтельствуетъ Клаузевицъ, находившійся въ это время въ авангардѣ. „Генералъ! (говорилъ Себастьяни) Императоръ во главѣ своихъ войскъ введетъ свою гвардію, и въ такомъ случаѣ конечно всякій безпорядокъ будетъ предупрежденъ“. Тѣмъ временемъ пѣхота нашего аріергарда уже вступала въ городъ, и Милорадовичъ поспѣшилъ къ ней. Подъѣхавъ съ своею свитою къ Кремлю, онъ увидалъ, что командиръ Московскаго гарнизоннаго полка Брозинъ, съ двумя баталіонами, только что выступалъ изъ

---

[27]) Романъ Солтыкъ, Napoleon en 1812, Paris. 1830, стр. 259; B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 50 и слѣд.

[28]) B. Dennié, Itinéraire de l'empereur Napoleon, стр. 84—86.

Кремля и, ко всеобщему удивленію, съ музыкою. Со всѣхъ сторонъ отъ солдатъ и оставшихся жителей слышались возгласы: что̀ это за измѣнникъ радуется нашему несчастію! Милорадовичъ, взволнованный этимъ явленіемъ, подскакалъ къ Брозину и крикнулъ: „Какая каналья приказала вамъ выходить съ музыкою?“ Съ невольнымъ простодушіемъ Брозинъ отвѣчалъ, что когда гарнизонъ при сдачѣ крѣпости получаетъ позволеніе выступить свободно, то выходитъ съ музыкою, какъ сказано въ Регламентѣ Петра Великаго. „Да развѣ сказано что нибудь въ Регламентѣ Петра Великаго о сдачѣ Москвы?“ закричалъ Милорадовичъ. „Прикажите немедленно замолчать вашей музыкѣ!“ [29]).

Акинфовъ нагналъ Милорадовича уже близъ Яузы и передалъ ему о своемъ разговорѣ съ Мюратомъ и о согласіи на его предложенія. „Видно Французы очень рады занять Москву“, сказалъ Милорадовичъ и отправилъ немедленно полковника Потемкина увѣдомить князя Кутузова о заключенномъ перемиріи; а Акинфову вновь приказалъ ѣхать къ Мюрату съ требованіемъ заключить дополнительное условіе и продлить перемиріе до 7 часовъ утра слѣдующаго дня. Въ случаѣ несогласія онъ поручилъ сказать Мюрату, что остается при прежнемъ рѣшеніи и будетъ драться въ улицахъ Москвы. Милорадовичъ видѣлъ, что улицы по ту сторону Кремля къ Рогожской заставѣ были наполнены обозами, отсталыми солдатами и спасавшимися жителями. Онъ совѣтывалъ послѣднимъ оставаться въ Москвѣ, говоря, что ее сдаютъ съ условіемъ, чтобы жителямъ не было дѣлаемо притѣсненій, но конечно понималъ, что немногихъ убѣдятъ его завѣренія: потому, чтобы дать возможность свободно выйти изъ Москвы, какъ имъ, такъ и остальнымъ войскамъ, Милорадовичъ предложилъ новое условіе Неаполитанскому королю, разсчитывая на сильное желаніе Французовъ овладѣть столицею безъ боя, цѣлою и невредимою.

По мѣрѣ того, какъ наши войска отступали за Москву, войска Французскія приближались къ ней. За Дорогомиловской заставой остались только казаки нашей задней цѣпи, когда Французскій авангардъ вступалъ на высоты Поклонной горы, съ которой открылся великолѣпный видъ на Москву, широко раскинувшуюся и своими золотыми маковками блиставшую подъ яркими лучами солнца. „Было около двухъ часовъ пополудни. Тысячами различныхъ цвѣтовъ блисталъ этотъ огромный городъ. При этомъ зрѣлищѣ войсками овладѣла радость; они остановились и закричали: Москва! Москва! За тѣмъ всякій усиливалъ шагъ, всѣ смѣшались въ безпорядкѣ, били рука объ руку, съ восторгомъ повторяя: Москва! Москва! Такъ кричатъ моряки: земля, земля! послѣ долгаго и мучительнаго плаванія. При видѣ этого позлащеннаго города, этого блестящаго узла, соединяющаго Европу и Азію, этого величественнаго средоточія, гдѣ соединялись роскошь, нравы и искусства

---

[29]) Klausewitz, Der Feldzug von 1812, стр. 172—173; Бутурлинъ, Hist. milit. de la campagne de Russie en 1812, ч. I, стр. 394

двухъ лучшихъ частей свѣта, мы остановились въ гордомъ созерцаніи. Насталъ наконецъ день славы; въ нашихъ воспоминаніяхъ онъ долженъ былъ сдѣлаться лучшимъ, блестящимъ днемъ всей нашей жизни. Мы чувствовали, что въ это время обращены удивленные взоры всего міра на наши дѣйствія, и каждое малѣйшее наше движеніе будетъ имѣть значеніе въ исторіи. Казалось, мы шествуемъ по этому громадному и величественному поприщу, окруженные всеобщимъ удивленіемъ народовъ, гордые тѣмъ, что мы вознесли славу нашего вѣка выше всѣхъ другихъ вѣковъ. Когда мы возвратимся на родину, — чего такъ сильно желаемъ, — съ какимъ почтительнымъ вниманіемъ, съ какимъ восторгомъ встрѣтятъ насъ наши жены, наши соотечественники и даже наши отцы! Во всю остальную нашу жизнь мы будемъ какими-то особыми существами, на которыхъ они будутъ смотрѣть съ удивленіемъ, которыхъ они будутъ слушать съ любопытствомъ изумленія, будутъ бѣгать за нами, ловить каждое наше слово. Это чудодѣйственное завоеваніе (miraculeuse conquête) облечетъ насъ славою; отъ насъ будетъ вѣять чѣмъ-то дивнымъ и чудеснымъ. Когда эти гордыя мысли смѣнились болѣе скромными чувствами, мы говорили себѣ: вотъ обѣщанный предѣлъ нашихъ трудовъ; наконецъ-то мы остановимся, потому что мы уже не можемъ превзойти самихъ себя послѣ похода, достойнаго стать на ряду съ походомъ въ Египетъ и со всѣми великими и славными боями древности. Въ это время были забыты всѣ опасности и страданія. Можно ли купить слишкомъ дорогою цѣною высокое счастіе во всю жизнь повторять: и я былъ въ войскахъ, вступившихъ въ Москву?“ [30]).

Какимъ-то дѣломъ сверхъестественнымъ, какимъ-то чудомъ казалось для Французовъ ихъ вступленіе въ древнюю столицу Россіи. Отблескъ чуждой славы, можетъ быть, въ это время увлекалъ и ихъ союзниковъ; но безъ сомнѣнія они волновались гораздо болѣе скромными чувствами, полагая найти въ Москвѣ конецъ похода, въ которомъ ихъ подвергли столькимъ бѣдамъ и лишеніямъ. Были между ними и такіе, которые изъ этого торжества Французовъ присвоивали и себѣ нѣкую долю. „Можно понять, какое испытывалъ я чувство, говоритъ графъ Романъ Солтыкъ, при видѣ древней столицы царей, возбудившемъ во мнѣ столько великихъ историческихъ воспоминаній. На ней въ началѣ XVII столѣтія побѣдоносные Поляки водрузили свое знамя, и передъ нимъ преклонялся Московскій народъ, признавъ своимъ государемъ сына нашего короля. И вотъ ихъ потомки, сражаясь въ фалангахъ Наполеона, пришли во второй разъ осѣнить ее своими побѣдоносными орлами. Всѣ эти побѣды моихъ соотечественниковъ, старыя и новыя, сливались въ одно цѣлое въ моемъ воображеніи, и я припоминалъ дѣянія Ходчевичей, Жолкевскихъ и Сапѣгъ, заставлявшихъ трепетать Московское царство“ [31]).

---

[30]) C-te Segur, Hist. de Napoleon etc. ч. II, стр. 33—35.

[31]) C. R. Soltyk, Napoleon en 1812, стр. 259—260.

Двинувшись впередъ и какъ бы невольно несомые къ Москвѣ, Французы смѣшались съ казаками, составлявшими заднюю цѣпь нашего аріергарда. Мюратъ очутился между ними. Онъ остановилъ свою лошадь и спросилъ: не говоритъ ли пофранцузски кто нибудь изъ офицеровъ? Къ нему подъѣхалъ молодой офицеръ. „Кто начальникъ этого аріергарда?“ спросилъ его Мюратъ. Офицеръ указалъ ему на пожилаго человѣка, воинственнаго вида, въ казацкомъ мундирѣ. Цѣпью казаковъ командовалъ въ это время полковникъ Ефремовъ. „Спросите его, продолжалъ Мюратъ, знаетъ ли онъ меня“. Молодой офицеръ исполнилъ это порученіе и отвѣчалъ: „онъ говоритъ, государь, что знаетъ ваше величество и всегда видалъ васъ въ огнѣ“. Такой отвѣтъ (совершенно правдивый) польстилъ Мюрату“, замѣчаетъ одинъ изъ Французскихъ офицеровъ, свидѣтелей этой сцены. Разговаривая такимъ образомъ въ Русской цѣпи, посреди казаковъ, Мюратъ обратилъ вниманіе на бурку, которая была на плечахъ казацкаго начальника и замѣтилъ, что эта одежда должна быть очень хороша на бивуакахъ. Когда это замѣчаніе было переведено Ефремову, тотъ молча снялъ съ себя бурку и подалъ ее Мюрату. На любезность онъ хотѣлъ отвѣчать такою же любезностію; но, ничего не найдя у себя, взялъ часы у Гурго и подарилъ ихъ казацкому офицеру [32]).

Когда Акинфовъ возвратился съ новымъ предложеніемъ Милорадовича, онъ встрѣтилъ Мюрата уже недалеко отъ Дорогомиловской заставы. „Мюратъ ѣхалъ въ слѣдъ за своей передовой цѣпью, смѣшавшейся съ нашими казаками, говоритъ Акинфовъ. Принявъ меня очень ласково, онъ безпрекословно согласился на это предложеніе; но съ тѣмъ, что все непринадлежащее арміи будетъ остановлено“. Потомъ онъ спросилъ его, сообщилъ ли онъ жителямъ Москвы, что они будутъ въ совершенной безопасности. „Хотя по истинѣ я о томъ не думалъ (продолжаетъ Акинфовъ), да и не съ кѣмъ было въ Москвѣ говорить объ этомъ, но долженъ былъ увѣрить Мюрата, что исполнилъ его порученіе“.

Въ это время императоръ Наполеонъ со свитою въѣхалъ на Поклонную гору. „Наконецъ вотъ этотъ знаменитый городъ“ (la voilà donc enfin cette fameuse ville!) воскликнулъ онъ, прибавивъ въ слѣдъ за тѣмъ: „да и пора уже“ (il était temps!) Его лице сіяло радостью, потому что онъ былъ увѣренъ, что, занявъ Москву, заключитъ миръ, какой ему будетъ угодно. Перемиріе, заключенное Мюратомъ, которое онъ утвердилъ, казалось ему хорошимъ предзнаменованіемъ. Послѣ Бородинскаго сраженія, недовольные имъ маршалы удалялись отъ него; но при видѣ отдававшейся имъ Москвы, узнавъ о переговорахъ Мюрата съ Милорадовичемъ, удивленные такимъ оборотомъ военныхъ дѣйствій, восторженные славою, они забыли тѣ упреки, которые ему дѣлали. Они спѣшили собраться вокругъ него, преклоняясь передъ его счастіемъ и готовы были

---

[32]) B. Dennié, Itinéraire de l'empereur Napoleon, стр. 85—87; Segur, Hist. de Napoleon etc., т. III, стр. 37; B. Fain, Manuscrit etc., т. II, стр. 52,

даже приписать дальновидности его генія то обстоятельство, что онъ не позаботился довершить побѣду въ Бородинскомъ сраженіи [33]).

Наполеонъ долго смотрѣлъ въ зрительную трубу какъ на Москву, такъ и на ея окрестности, по которымъ двигались его войска: вице-король со стороны Рузы и Звенигорода подвигался къ Тверской заставѣ, Понятовскій подходилъ отъ Вереи и съ противоположной стороны долженъ былъ обложить городъ до самой Коломенской дороги; за Поляками и вице-королемъ долженъ былъ расположиться корпусъ маршала Даву. Наполеонъ сошелъ съ коня, велѣлъ разослать передъ собой карту Москвы и подозвалъ къ себѣ одного изъ своихъ секретарей Лелорня, который зналъ порусски, былъ знакомъ съ Москвою и служилъ ему переводчикомъ. Онъ распрашивалъ Лелорня о нѣкоторыхъ зданіяхъ и между прочимъ, указавъ на огромное строеніе и узнавъ, что это Воспитательный Домъ, находящійся подъ покровительствомъ вдовствующей императрицы, приказалъ поставить къ нему охранительную стражу и вообще дѣлалъ распоряженія къ огражденію спокойствія и безопасности города и его жителей [34]). Соображаясь съ движеніями конныхъ отрядовъ, приближавшихся уже къ Тверской и Калужской заставамъ, онъ выстрѣломъ изъ пушки приказалъ дать сигналъ, чтобы авангардъ и главныя войска шли къ Москвѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ онъ и всѣ окружавшіе его сѣли на лошадей и понеслись къ Москвѣ. „Въ тоже мгновеніе, авангардъ и часть стоявшей позади его главной арміи, съ невѣроятнымъ стремленіемъ, конница и артиллерія, поскакали во весь опоръ. Пѣхота бѣжала бѣгомъ. Топотъ лошадей, скрыпъ колесъ, трескъ оружія смѣшивались съ шумомъ бѣгущихъ солдатъ, сливаясь въ дикій и ужасный гулъ. Свѣтъ померкъ отъ поднявшейся густымъ столбомъ пыли, и вся земля какъ бы заколебалась и застопала отъ такого движенія. Черезъ какія нибудь 12 минутъ всѣ очутились у Дорогомиловской заставы“ [35]). При громѣ восклицаній: да здравствуетъ императоръ! обрадованнаго войска, достигшаго конечной цѣли похода, Наполеонъ сошелъ съ коня и по лѣвой сторонѣ Камеръ-коллежскаго вала началъ ходить взадъ и впередъ „въ спокойномъ расположеніи духа“, между тѣмъ какъ войска съ музыкою вступали въ городъ. Не за долго передъ тѣмъ онъ подозвалъ къ себѣ своего генералъ-адъютанта графа Дюронеля и барона Денье, состоявшаго при начальникѣ главнаго его штаба, и далъ имъ порученія: „Поѣзжайте въ городъ, генералъ, устройте порядокъ службы и составьте депутацію, которая должна мнѣ поднести ключи. Вы, Денье, поѣзжайте въ правительственныя учрежденія и мѣста, соберите свѣдѣнія объ имѣющихся средствахъ (des ressources) и донесите мнѣ“. Императоръ Наполеонъ, спокой-

---

[33]) Segur, Histoire de Napoleon, ч. II, стр. 35—36; Chambray, Hist. de l'expédition en Russie, т. II, стр. 114; Beitzke, Geschichte des russ. Krieges im J. 1812, изд. 1862 г., стр. 264—265.

[34]) B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 55.

[35]) Корбелецкій, Краткое повѣствованіе и пр., стр. 24—25.

но прохаживаясь у Камеръ-коллежскаго вала, ожидалъ депутаціи отъ столицы, которая бы повергласъ къ стопамъ побѣдителя съ мольбами о милости, представила бы ему ключи города и дала бы возможность выказать благодушіе великаго человѣка, которое разнеслось бы потомъ по всей Европѣ въ высокопарныхъ выраженіяхъ бюллетеня великой арміи [36]).

Передовые отряды Французскаго авангарда, подъ начальствомъ генерала Себастьяни, входили въ городъ въ слѣдъ за нашими казаками. Ихъ поражало отсутствіе жителей и мертвая тишина, которую нарушали только топотъ ихъ лошадей и шаги пѣхоты. Двери домовъ были заперты, окна затворены, даже ставнями. Въ первое время Французы полагали, что жители, опасаясь безпорядковъ и насилія со стороны непріятеля, очистили тѣ улицы, по которымъ они должны были слѣдовать къ средоточію города, къ Кремлю, и скрылись въ боковыя улицы и переулки. Но скоро истина обнаружилась. Генералъ Дюронель и Денье также не встрѣчали никого въ опустѣлой столицѣ, до Дорогомиловскаго моста. Но когда они переѣхали этотъ мостъ, къ нимъ бросилась на встрѣчу испуганная толпа иностранныхъ купцовъ, Нѣмцовъ, Италіянцовъ и Французовъ, которые съ одной стороны боялись оставаться въ городѣ, покинутомъ властями и жителями, а съ другой желали обезпечить себя и свои имущества отъ войскъ, входившихъ въ Москву въ качествѣ побѣдителей: они прибѣгли къ покровительству Наполеона. Въ числѣ ихъ былъ одинъ типографщикъ Ламуръ (Lamour). Когда графъ Ростопчинъ выслалъ изъ Москвы Семёна, извѣстнаго въ послѣдствіи типографа и книгопродавца, который управлялъ въ то время типографіею Н. С. Всеволожскаго *), Ламуръ занялъ его мѣсто при типографіи. Ламуръ былъ поклонникъ Наполеона и очень радовался, что могъ увидать его. „Императоръ желаетъ говорить съ однимъ изъ васъ“, сказалъ, обращаясь къ нимъ, приведшій ихъ генералъ. Ламуръ подошелъ и лишь только началъ рѣчь: „государь, имѣю честь“, какъ Наполеонъ прервалъ его вопросами: „давно ли городъ оставленъ жителями, когда оставили его начальники и власти?“—„Москвичами овладѣлъ паническій страхъ, отвѣчалъ Ламуръ, при вѣсти о торжественномъ приближеніи вашего величества, и въ нѣсколько дней городъ опустѣлъ. Графъ Ростопчинъ послѣдній выѣхалъ изъ города. Люди, имѣющіе вѣрныя свѣдѣнія, увѣряли меня, что онъ рѣшился уѣхать только 31-го Августа“... „Прежде Бородинскаго сраженія!“ перервалъ его Наполеонъ. „Что за сказки!“ и, повернувшись спиной къ Ламуру, произнесъ: „Дуракъ“ (imbecile) [37]). Ламуръ, долго жившій въ Россіи, привыкъ считать чи́сла по нашему

---

[36]) Корбелецкій, Краткое повѣствованіе, стр. 25; B. Dennié, Itinéraire de l'emp. Napoleon, стр. 88—89.

*) Августъ Семенъ (въ послѣдствіи управлявшій Московскою Синодальною типографіей) въ первомъ бракѣ женатъ былъ на Француженкѣ, падчерицѣ Н. С. Всеволожскаго; оба они были Масоны. П. Б.

[37]) Толычева, Разсказы очевидцевъ, стр. 30—31; Корбелецкій, Краткое повѣствованіе и пр., стр. 26.

стилю и не догадался, что для Наполеона 31-го Августа предшествовало 7-го Сентября новаго стиля, т. е. дню Бородинской битвы. Но кромѣ этой неудачно окончившейся попытки Ламура, многимъ изъ находившихся въ Москвѣ Французамъ, между которыми были люди образованные, какъ напр. книгопродавцы Рисъ, Сессе и лекторъ Московскаго университета Виллерсъ, удалось подробно объяснить императору Наполеону состояніе Москвы. Нельзя было не вѣрить единогласнымъ показаніямъ ихъ [38]); но императоръ не вдругъ свыкся съ мыслью, что нечего ожидать депутаціи съ ключами отъ города и что безъ нея должно ему вступить въ опустѣлую столицу Россіи. Онъ подозвалъ къ себѣ Гурго. „Москва оставлена жителями“! (Moscou déserte), воскликнулъ онъ. „Какое невѣроятное событіе! Надо его обдумать. Подите, приведите мнѣ бояръ“. Двинувъ въ городъ весь авангардъ Мюрата, Наполеонъ все еще полагалъ, что, можетъ быть, испуганные жители „не знаютъ, какъ надо сдаваться; здѣсь все ново и для нихъ, и для насъ“, говорилъ онъ [39]).

Извѣстіе, что Москва оставлена жителями, быстро распространилось въ войскахъ и привело ихъ въ уныніе. Вельсовичъ [40]) подбѣжалъ къ Русскимъ плѣннымъ, которые стояли не въ далекѣ отъ самаго императора и наблюдали, что происходило передъ ними и, обращаясь къ Корбелецкому, спросилъ: „Что это значитъ, что въ Москвѣ нѣтъ ни арміи вашей, ни жителей?“—„Не знаю“, отвѣчалъ Корбелецкій. По его свидѣтельству „такая печальная вѣсть, казалось, поразила и самого Наполеона, какъ громовымъ ударомъ“. Онъ былъ чрезвычайно изумленъ и какъ бы „впалъ въ самозабвеніе“. Ровные и до того времени спокойные шаги его вдругъ становятся скоры и безпорядочны. Онъ оглядывается въ разныя стороны, оправляетъ платье, останавливается, вздрагиваетъ, недоумѣваетъ, беретъ себя за носъ, снимаетъ съ руки перчатку и опять надѣваетъ, вынимаетъ изъ

---

[38]) Герцогъ Бассано писалъ императору Наполеону слѣдующее письмо:

Vilna, le 5 Septembre (1812).

Lorsque v. m. entrera à Moscou, elle pourrait faire appeler deux hommes sur la fidélité desquels, on m'assure, qu'elle peut compter. L'un se nomme Pataud d'Orflans; il est Francais établi depuis longtems en Russie. M-r de Lesseps et ses prédécesseurs l'ont constament employé comme agent du consulat général. Il y a sur lui dans les archives de mon ministère des rapports trés-favorables. L'autre est un professeur allemand, attaché à l'université de Moscou depuis 1803; il se nomme Reinhard; il est frère du ministre de v. m. à Cassel. Il passe pour un homme de beaucoup de mérite. Но Рейнхарда не нашли въ Москвѣ: онъ умеръ именно въ 1812 г. Ноября 7-го въ Нижнемъ Новгородѣ (Біографическій словарь И. Моск. Университета, т. I, стр. 166 и т. II, стр. 328 и 329). Подлинное письмо герцога Бассано находится въ Архивѣ Главнаго Штаба.

[39]) Dennié, Itinéraire, стр. 89; Segur, Hist. de Napoleon, т. II, стр. 38; Damas, Souvenirs etc. т. III, стр. 443 и слѣд.

[40]) Такъ называетъ Корбелецкій Польскаго офицера, бывшаго однимъ изъ переводчиковъ у Наполеона. Романъ Солтыкъ называетъ его Васовичь (Wasocvicz, Napoleon en 1812, стр. 44); въ таблицѣ войскъ у Сентъ-Илера онъ названъ Vauzowitch, Hist. de la campagne en Russie, т. II, стр. 371. Корбелецкій, Кратк. повѣств., стр. 26.

кармана платокъ, мнетъ его въ рукахъ и какъ бы ошибкою кладетъ въ другой карманъ, потомъ снова вынимаетъ и снова кладетъ, опять снимаетъ перчатку и торопливо надѣваетъ ее, и это повторяется нѣсколько разъ". Въ этомъ состояніи сильнаго волненія Наполеонъ находился „битый часъ, и во все это время окружавшіе его генералы стояли передъ нимъ неподвижно, и ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ и пошевелиться" [41]). Нѣсколько успокоившись, онъ снова сѣлъ верхомъ и поѣхалъ въ городъ вслѣдъ за авангардомъ, между тѣмъ какъ другія войска обходили Москву съ правой и лѣвой сторонъ. Но, проѣхавъ Дорогомиловскую слободу, императоръ снова остановился на берегу Москвы-рѣки, сошелъ съ лошади и опять началъ ходить взадъ и впередъ, и уже спокойнѣе прежняго. Оставленіе Москвы жителями было такою неожиданностію для Французовъ, что они подозрѣвали, нѣтъ-ли тутъ обмана, не подготовляются-ли какія нибудь засады. По всей Дорогомиловской слободѣ и по берегу Москвы-рѣки поставлены были караулы; Наполеонъ не рѣшался въѣхать въ городъ и провелъ ночь съ 2(14) на 3(15) Сентября въ одномъ изъ трактировъ этой слободы, гдѣ изо всѣхъ Русскихъ обывателей нашлось только четыре дворника. Въ этой квартирѣ онъ поручилъ маршалу Бертье отдать слѣдующіе приказы:

„Маршалу Лефевру съ молодою гвардіею предписывается занять Кремль и устроить въ немъ полицію; генералъ Дюронель назначается губернаторомъ города; Неаполитанскому королю предписывается, чтобы онъ поручилъ Понятовскому занять своею кавалеріею пространство между дорогами, которыя ведутъ къ Коломнѣ и Троицѣ (Рязанскою и Ярославскою); вице-король долженъ перенести свою главную квартиру къ С. Петербургской заставѣ и занять все пространство отъ нея до дороги къ Троицѣ; Даву перерѣжетъ всѣ дороги, начиная съ той, которую займетъ вице-король и до той, на которой остановится Понятовскій; вице-король и король Неаполитанскій пошлютъ сильные отряды на Петербургскую дорогу и на ту, по которой направился непріятель съ тѣмъ, чтобъ сообщать о немъ извѣстія и забирать отсталыхъ" [42]).

Въ то время, когда все это совершалось на одномъ краю Москвы, куда вела Смоленская дорога, на другомъ краю, откуда шла дорога въ Рязань и Владиміръ, отступали отставшія войска и обозы нашей арміи, а потомъ аріергардъ и толпы Москвичей съ ихъ пожитками. Глубокое, мертвое безмолвіе царствовало въ остальныхъ частяхъ города; никого не было на улицахъ; оставшіеся жители заперлись въ домахъ. Но довольно было скрытыхъ глазъ, направленныхъ въ ту сторону, откуда ожидали вторженія непріятеля. Нѣкоторые однакоже не ожидали вторженія, вѣря объявленіямъ графа Ростопчина и, завидѣвъ появленіе Французскихъ войскъ, полагали, что это Шведы пришли къ намъ на помощь [43]). Признаки обществен-

[41]) Корбелецкій, Кратк. повѣствованіе, стр. 27—28.

[42]) Chambray, т. III, приложеніе, стр. 405; Fain, т. II, стр. 76.

[43]) Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 9, 36, 71—72, 120; Кичеева, Изъ недавней старины, стр. 7 и слѣд. Русс. Вѣсти, 1872 г. Ноябрь, стр. 277, 281;

ной жизни, но уже неправильной и болѣзненной, еще сказывались въ Кремлѣ. Толпа, которая передъ тѣмъ добила несчастнаго Верещагина и съ неистовыми криками волочила его трупъ по улицамъ, эта толпа, состоявшая изъ самыхъ низшихъ людей населенія, буйная и пьяная, ввалилась въ Кремль къ Арсеналу, чтобы забрать оставшееся оружіе, которымъ обѣщалъ главнокомандующій Москвою вооружить жителей и вести ихъ на рѣшительный бой съ непріятелемъ. Случайнымъ свидѣтелемъ дѣйствій этой толпы оказался сенатскій чиновникъ, надворный совѣтникъ Бестужевъ-Рюминъ.

Вотчинный Департаментъ, со времени его образованія въ 1786 году изъ Вотчинной Коллегіи, составлялъ присутствіе государственнаго архива древнихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлъ, заключавшаго въ себѣ всѣ документы, обезпечивающіе обладаніе недвижимою собственностію частныхъ лицъ. Это присутственное мѣсто, подъ предсѣдательствомъ оберъ-прокурора общаго собранія Московскихъ департаментовъ Сената, состояло изъ трехъ членовъ, называвшихся по старшинству первымъ, вторымъ и третьимъ [44]). Перваго члена уже не было въ Москвѣ, когда третій членъ Вотчиннаго Департамента, 1-го Сентября, рано утромъ, принесъ Бестужеву слѣдующее предложеніе Вотчинному Департаменту: „Такъ какъ оберъ-прокуроръ Сената (Озеровъ) отправляется съ Правительствующимъ Сенатомъ въ г. Казань, то и передаетъ власть свою надъ Департаментомъ старшему по себѣ“. Затруднительнымъ положеніемъ, въ которое былъ поставленъ прокуроръ, объясняется это странное предложеніе: онъ долженъ былъ со всѣмъ Сенатомъ отправляться въ Казань, между тѣмъ важный архивъ Вотчиннаго Департамента не былъ вывезенъ, и естественно онъ полагалъ невозможнымъ бросить его на произволъ судьбы. Еще затруднительнѣе было положеніе Бестужева-Рюмина: онъ имѣлъ отпускъ съ 9 Августа на 28 дней и потому могъ давно оставить Москву; но болѣзнь жены задержала его, и онъ продолжалъ ходить на службу. Онъ собирался ѣхать въ Богородицкій уѣздъ Тульской губерніи, и гр. А. Г. Бобринскій прислалъ за нимъ уже лошадей и снабдилъ деньгами. Кромѣ его оставался еще одинъ членъ Вотчиннаго Департамента, надворный совѣтникъ Ивановъ, который и принесъ ему предложеніе прокурора Озерова. „Но каково было мое удивленіе!“ говоритъ Бестужевъ. „Лишь только я прочиталъ эти строки, какъ увидалъ у ногъ моихъ Иванова, блѣднаго, трепещущаго, умоляющаго подписать ему паспортъ на выѣздъ изъ Москвы, который онъ уже держалъ въ своихъ рукахъ. Я подписалъ паспортъ: въ противномъ случаѣ онъ уѣхалъ бы и безъ него; а можетъ быть и того хуже: умеръ бы со страху, и причину его смерти приписали бы мнѣ“. Конечно, въ такомъ положеніи Бестужеву слѣдовало оставаться въ Москвѣ. „Трусость, говоритъ онъ, которую обнаружу бѣгствомъ отъ не-

---

Графъ Солтыкъ, Napoleon en 1812, стр. 268 и слѣд.; Chambray т. II, стр. 115 и слѣд.

44) Полное Собраніе Законовъ № 16307; П. И. Иванова, Систематич. обозр. помѣстныхъ правъ и пр. М. 1836, стр. 87 и слѣд.

пріятеля, кинувъ сокровища отечественныя, которыя заключаютъ въ себѣ архивы Вотчиннаго Департамента, на произволъ судьбы, будетъ съ моей стороны подлымъ нарушеніемъ присяги". Поэтому, „возложивъ упованіе на Всемогущаго Творца", оставляя квартиру подъ надзоръ своихъ служителей, отпустивъ назадъ лошадей графа Бобринскаго, онъ взялъ жену и дѣтей, переселился въ Вотчинный Департаментъ, и „самъ себя сдѣлалъ его стражемъ". Нѣтъ поводовъ заподозрѣвать правдивость этого разсказа, хотя, быть можетъ, къ чувствамъ долга и святости присяги присоединялись и иного рода побужденія. Самоувѣренность въ подвигѣ почти невозможномъ, и самая начальническая власть, такъ случайно и неожиданно доставшаяся, быть можетъ, увлекли Бестужева. Эту власть онъ выказалъ на другой же день своимъ подчиненнымъ: 2-го Сентября, когда явились нѣкоторые изъ нихъ въ департаментъ, онъ сдѣлалъ имъ выговоръ, „что, будучи дежурными, они не находились въ эту ночь по своимъ мѣстамъ" и даже угрожалъ послать ихъ для наказанія къ коменданту. На это секретарь департамента отвѣчалъ: „ни коменданта, ни главнокомандующаго, ни оберъ-полиціймейстера, ни полицейскихъ чиновниковъ, никого уже нѣтъ въ Москвѣ; а вы хотите, чтобы мы были при своихъ мѣстахъ". Въ это время вошелъ другой чиновникъ и разсказалъ объ участи Верещагина, какъ очевидецъ событія. „Не продолжая далѣе выговоровъ", Бестужевъ велѣлъ написать журналъ въ такомъ смыслѣ: такъ какъ онъ одинъ не можетъ составлять цѣлаго присутствія Вотчиннаго Департамента, то закрываетъ его; велѣлъ раздать нерозданное еще жалованье чиновникамъ за Августъ мѣсяцъ и самъ вышелъ изъ Сената, направляясь къ Арбату, чтобы посмотрѣть что̀ дѣлается въ той сторонѣ, откуда долженъ былъ появиться непріятель. Но лишь только Бестужевъ вышелъ изъ Кремля вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ чиновниковъ, какъ они встрѣтили „пьянаго господскаго человѣка", который шелъ пошатываясь, что-то ворчалъ и несъ въ одной рукѣ ружье со штыкомъ, а въ другой карабинъ. Бестужевъ, въ качествѣ начальника, замѣтилъ улыбаясь: „вотъ видишь что̀ значитъ безначаліе!" Въ отвѣтъ на это полетѣло на него сначала ружье, пролетѣвшее мимо, а потомъ карабинъ, который такъ ушибъ ему ногу, что онъ долженъ былъ возвратиться назадъ.

О пьяныхъ толпахъ, разгуливавшихъ въ это время по Москвѣ, разсказываютъ не одни иностранцы, но и многіе изъ Русскихъ. „Передъ самымъ тѣмъ временемъ (говоритъ одинъ изъ очевидцевъ, дворовый человѣкъ), какъ вступилъ Французъ въ Москву, приказано было разбивать въ кабакахъ бочки съ виномъ. Народъ-то на нихъ и навалился; перепились пьянехоньки. Вино течетъ по улицамъ, а иные припадутъ къ мостовой и камни лижутъ. Драки, крикъ! Чѣмъ бы казниться, что Господь такое наказаніе за грѣхи послалъ, они окаянные такое безобразіе затѣяли! Я-то, разумѣется, понять того не могъ; а помню, покойный батюшка, глядя на нихъ, говорилъ: „видно послѣднія времена пришли, и не спасти намъ грѣшныхъ головушекъ" [45]). П. В. Тутолминъ, остававшійся въ Москвѣ

[45]) Толычевой, Разсказы очевидцевъ о 1812 г., стр. 102—103.

начальникомъ Воспитательнаго Дома, говоритъ, что въ день отступленія нашей арміи разбито было много кабаковъ, „изъ которыхъ рабочіе люди.. обоего пола и караульщики тащили вино ведрами, горшками и кувшинами, и перепились такъ, что я на другой день вынужденъ былъ ходить по квартирамъ съ обыскомъ и, находя вино, выливать на землю и бить посуду“ [46]). Такіе-то защитники Москвы, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, которые разбирали большею частію испорченное и негодное оружіе въ Арсеналѣ, оказались въ Кремлѣ, когда къ Троицкимъ его воротамъ подошли передовые отряды Французскаго авангарда. Себастьяни, увидавъ вооруженную толпу, подозвалъ къ себѣ молодаго человѣка, который изъ любопытства вышелъ посмотрѣть, что происходитъ въ Кремлѣ и стоялъ у Никольскихъ воротъ. Узнавъ, что онъ говоритъ пофранцузски, Себастьяни поручилъ ему уговорить эту толпу положить оружіе и не вступать въ неравный бой. Но раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, на которые Французы отвѣчали двумя выстрѣлами изъ орудій. Произошла схватка, и Бестужевъ увидѣлъ изъ окопъ Сената, какъ уланы начали рубить стоявшихъ у Арсенала нѣсколькихъ человѣкъ съ оружіемъ. Уже человѣкъ десять пали окровавленные, а остальные, бросивъ оружіе и ставъ на колѣни, просили помилованія. Уланы сошли съ коней, отбили приклады отъ ружей, и безъ того къ употребленію негодныхъ, забрали людей и засадили ихъ въ новостроющуюся Оружейную Палату“ [47]). Генералъ Себастьяни, не отпуская отъ себя любопытнаго зрителя, который оказался Французомъ, плохо знавшимъ Русскій языкъ, заставилъ его провести отрядъ по пути отступленія Русскихъ войскъ до самой Рогожской заставы [48]). За отрядомъ Себастьяни слѣдовалъ авангардъ Мюрата, и къ вечеру Кремль былъ занятъ молодою гвардіею Наполеона.

Такъ окончился день 2-го Сентября. Несмотря на повторявшіяся извѣстія, что Москва оставлена жителями, на пожары, начавшіеся уже съ этого вечера въ разныхъ мѣстахъ, императоръ Наполеонъ утромъ на другой день [49]) торжественно въѣхалъ въ Москву и по-

[46]) Чтенія въ Имп. Моск. общ. исторіи и древности, 1859 г., кн. 2-я, отд. V, стр. 163. Ср. M-me Fusil, l'incendie de Moscou, стр. 6; L'abbé Surugues, Lettres sur l'incendie de Moscou, стр. 12 и 13; B. B...ch, Hist. de la destruction de Moscou, стр. 80; Arm. Domergue, т. II, стр. 51 и слѣд.

[47]) Бестужева-Рюмина, Краткое описаніе происшествій въ Москвѣ до вторженія непріятеля, стр. 83—80; его же донесеніе министру юстиціи 27 Февр. 1813 г. стр. 164—169. (Чтенія въ Имп. Моск. общ. исторіи и древн. 1859 г. кн. 2, отд. V).

[48]) Chev. Ysarn, Relation du séjour des Français à Moscou, стр. 4—6; Arm. Domergue, la Russie pendant les guerres de l'empire, т. II, стр. 40—43.

[49]) Въ которомъ часу? Въ 11 часовъ утра, пишетъ Корбелецкій (стр. 29); въ 8 часовъ утра, говоритъ Денье (Itinéraire, стр. 90); въ 6 часовъ утра, увѣряетъ Гурго (Examen critique стр. 280); на разсвѣтѣ, jour venu lui-même y court, повѣствуетъ Сегюръ (т. II, стр. 47); около полудня, говоритъ Реше-Буржуа (Tableau de la campagne de Moscou, стр. 54); Chev. d'Ysarn—въ

мѣстился въ Кремлевскомъ царскомъ дворцѣ. Отъ Дорогомиловскаго моста онъ слѣдовалъ по Арбату и въ Боровицкіе ворота въѣхалъ въ Кремль. „Ни одного человѣка! Что́ за народъ! Это невѣроятно!“ (pas un homme, quel peuple, c'est inimaginable), восклицалъ онъ. Улицы были пусты, окна и двери домовъ заперты. Изъ окна Арбатской аптеки выглянули только семейство аптекаря Нѣмца и Французскій генералъ, на капунѣ поставленный къ нимъ на постой. Наполеонъ ѣхалъ на маленькой Арабской лошади, въ сѣромъ сюртукѣ; за нимъ многочисленная свита и три Русскихъ плѣнныхъ, а впереди два эскадрона конной гвардіи. Выраженіе его лица было сурово; но оно прояснилось нѣсколько, когда онъ вошелъ въ Кремлевскій дворецъ. „Вотъ эти гордыя стѣны“, сказалъ онъ, увидавъ Кремль и потомъ, войдя во дворецъ: „Наконецъ я въ Москвѣ, въ древнемъ дворцѣ царей, въ Кремлѣ!“ (je suis donc enfin dans Moscou, dans l'antique palais des czars, dans le Cremlin). Гордость была удовлетворена; онъ могъ возвѣстить Европѣ о занятіи древней Русской столицы и тѣмъ подтвердить бюллетень о побѣдѣ при Бородинѣ. Но, несмотря на то, онъ очень хорошо понималъ всю опасность своего положенія и зналъ, что единственное для него спасеніе состояло въ томъ, чтобы заключить миръ. „Русскіе еще сами не знаютъ, какое произведетъ на нихъ впечатлѣніе занятіе Москвы“. Онъ полагалъ, что извѣстіе объ этомъ приведетъ ихъ въ такое отчаяніе, что императоръ Александръ прибѣгнетъ къ переговорамъ о мирѣ. „Посмотримъ, говорилъ онъ окружавшимъ его лицамъ, что́ будутъ дѣлать Русскіе. Если они еще не войдутъ въ мирные переговоры съ нами, мы сдѣлаемъ свое дѣло, представимъ міру небывалое явленіе спокойно зимующей арміи посреди враждебнаго ей народа, окружающаго ее со всѣхъ сторонъ. Наши зимнія квартиры обезпечены. Французская армія, пребывающая въ Москвѣ, будетъ походить на корабль, обхваченный льдинами.... Но съ возвращеніемъ весны мы снова начнемъ войну“.

Но что́ возможно было сдѣлать въ Вильнѣ и даже Смоленскѣ, т. е. остановиться на зимнія квартиры и отложить окончаніе войны до будущаго года (какъ и совѣтовали Наполеоновы маршалы), то уже представлялось совершенною невозможностію въ Москвѣ. Конечно императоръ это понималъ, а потому и поспѣшилъ прибавить: „Впрочемъ до этого не дойдетъ; императоръ Александръ не доведетъ меня до этого. Мы войдемъ съ нимъ въ соглашеніе, и онъ подпишетъ миръ“ [50]).

---

2 часа пополудни (Relation, стр. 8). Такъ современники и очевидцы, записывая въ *послѣдствіи* свои воспоминанія, забывали подробности и особенно часы дня и даже дни.

[50]) Корбелецкій, стр. 29; Lecointe de Laveau, Moscou avant et après l'incendie, стр. 113; Segur, т. II, стр. 40 и 47; Fain, Manuscrit II, 85; Русскіе и Наполеонъ Бонапарте 1813 г. М., стр. 68 и 69; Михайловскій-Данилевскій, т. IV, стр. 510; Saint-Hilaire, Hist. de la campagne de Russie en 1812, т. III, стр. 104.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сначала Наполеонъ принималъ мѣры, чтобы оградить Москву отъ грабежа: онъ занялъ городъ своею гвардіею и запретилъ отлучаться съ бивуаковъ солдатамъ тѣхъ войскъ, которыя были расположены за городскими заставами [1]), и въ продолженіи перваго дня въ войскахъ еще сохранялся кое-какой порядокъ. Но лишь наступила ночь (съ 2-го Сентября на 3-е), о порядкѣ не могло уже быть рѣчи [2]): нельзя было голодныхъ солдатъ заставить, чтобы они умирали съ голоду у заставъ того города, на который постоянно указывали имъ, какъ на послѣднюю цѣль многотруднаго похода, гдѣ ожидали ихъ миръ, хорошія квартиры и обильное продовольствіе. Лишь только ночная тьма дала возможность незамѣтно уходить съ бивуаковъ, какъ Московскія улицы наполнились толпами непріятельскихъ солдатъ, которымъ „сами офицеры подавали примѣръ неповиновенія“ [3]). Не только офицеры, но маршалы и генералы, утомленные бивуачною жизнію, спѣшили воспользоваться возможностію отдохнуть въ роскошныхъ домахъ Русскаго дворянства. Мюратъ начальствовалъ авангардомъ и долженъ былъ, слѣдуя по пятамъ отступавшей нашей арміи, зорко слѣдить за ея движеніями; но и онъ возложилъ эту обязанность на подчиненныхъ ему генераловъ. Слѣдуя съ авангардомъ за городъ на Рязанскую дорогу, Мюратъ обратилъ вниманіе на великолѣпный домъ Баташева что́ на Швивой горкѣ, назначилъ въ немъ себѣ квартиру, приставилъ караулъ и, доведя свои войска до заставы, возвратился вечеромъ въ этотъ домъ съ многочисленною свитою. Потребовавъ къ себѣ домоправителя, онъ осмотрѣлъ не безъ удовольствія роскошныя палаты, напомнившія ему Итальянскіе дворцы и, съ самоувѣренностію Наполеоновскаго генерала и лично ему свойственнымъ легкомысліемъ, поручилъ домоправителю написать своему господину, чтобы онъ возвратился въ Москву и воспользовался его

---

[1]) C-te Segur, Hist. de Napoleon et de la grande armée, т. II, гл. VI, стр. 46.

[2]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 59. Только что отрядъ Себастьяни вошелъ въ Кремль, ограблено было семейство дьякона церкви Николы въ Сапожкахъ, бывшей у нынѣшняго экзерцирсгауза на Моховой. „Многіе принялись тутъ же за грабежъ“, говоритъ очевидецъ.

[3]) M. Chambray, Hist. de l’expédition en Russie, т. II, стр. 118 и слѣд.

покровительствомъ. Не только именитыя и богатыя дворянскія семейства имѣли собственные дворцы въ Москвѣ, отличавшіеся огромностью и роскошью; но и большая часть зажиточныхъ дворянъ, преимущественно ближайшихъ къ Москвѣ губерній, имѣли также свои дома, благоустроенные и снабженные всѣми средствами для привольной жизни. Но въ этихъ домахъ они проводили только зиму, на лѣто уѣзжая въ свои подмосковныя или болѣе отдаленныя деревни. Такъ было и въ этомъ году: дома стояли пустые, но совершенно въ томъ видѣ, какъ были въ присутствіи своихъ владѣльцевъ и всегда готовые принять ихъ. Въ нихъ оставались дворовые люди, охранять имущество господское. Такъ и въ обширномъ домѣ Баташева находились управляющій и значительное количество прислуги. Желая задобрить непріятеля и оградить домъ своего господина отъ грабежа, они старались исполнять всѣ требованія и прихоти незваныхъ постояльцевъ. Они освѣтили весь домъ, приготовили сытный ужинъ, какъ королю Неаполитанскому, такъ и его свитѣ. Но только для одного Мюрата нашлась четверть сайки, уцѣлѣвшая случайно у дворовыхъ ребятишекъ: всѣмъ другимъ гостямъ положенъ былъ черный хлѣбъ. „Генералы сперва гнѣвались и говорили, что свиньи только кушаютъ такой хлѣбъ; однакожъ, бывъ голодны, принялись и за него“, увѣдомлялъ потомъ Баташева его дворовый человѣкъ, смотрѣвшій за домомъ. Послѣ ужина, продолжаетъ тотъ же свидѣтель: „всякій генералъ требовалъ пышной постели, всякій особаго покоя. Покоевъ много, но постелей набрать было негдѣ; ибо на холопской постелѣ спать никто не хотѣлъ; а потому съ угрозами всякій требовалъ такой, какой ему хотѣлось. Всю ночь насъ какъ кошекъ за хвостъ то туда, то сюда таскали. Свѣчи горѣли всю ночь и въ люстрахъ, и въ лампахъ. Оставить было опасно, а гасить не посмѣли, и всю ночь мы бродили, какъ тѣни“ [4]).

Генералъ Клапередъ, котораго дивизія была присоединена къ авангарду, слѣдуя примѣру своего начальника, также поставилъ свое войско за Семеновскою заставою, а самъ помѣстился въ городѣ, въ Покровскомъ монастырѣ [5]). Вице-король, размѣстивъ свой корпусъ за Тверскою заставою, помѣстился въ домѣ Мамонова на Тверской улицѣ [6]). Дарю и Дюма, посланные Наполеономъ за болѣе точными свѣдѣніями о томъ, дѣйствительно ли Москва оставлена жителями, побродивъ по пустымъ улицамъ, выбрали себѣ дома для помѣщенія. „Я выбралъ домъ Мухановой, говоритъ графъ Дюма, на углу площади, на которой находится домъ генералъ-губернатора, плохой архитектуры, но внутри хорошо расположенный и отдѣланный. Въ нижнемъ этажѣ, въ кухнѣ, я нашелъ двухъ му-

---

[4]) Письмо Максима Сокова къ И. Р. Баташеву отъ 25 Сент., 1812 г. Русск. Архивъ 1871 г.

[5]) Aus dem Leben des G. v. Brand, 2-е изд. Berlin, 1870, стр. 429.

[6]) Нынѣ Глазная Больница (Labaume, Relation de la campagne de Russie en 1812, 4-е изд. Парижъ 1815, стр. 195).

жиковъ или рабовъ, которые ввели меня въ комнаты. Все было въ нихъ въ такомъ порядкѣ, какъ будто-бы ожидали пріѣзда господъ. Въ гостинной, на кругломъ столѣ, лежали начатыя дамскія работы. Всѣ мебели стояли по своимъ мѣстамъ, и въ прекрасной спальнѣ на письменномъ столѣ лежали ключи“ [7]). Послѣ стоянокъ на бивуакахъ, продолжавшихся такъ долго, естественно, каждый изъ сановниковъ и генераловъ великой арміи не безъ удовольствія помышлялъ объ удобной и покойной квартирѣ въ Русской столицѣ. Генералъ Сокольницкій, находившійся при Наполеонѣ по части собиранія свѣдѣній о непріятелѣ посредствомъ шпіоновъ, просилъ отправлявшагося въ городъ графа Солтыка пріискать и занять для него одинъ изъ домовъ неподалеку отъ Кремля. Достигнувъ до ближайшихъ улицъ къ Кремлю, графъ Солтыкъ былъ узумленъ прекрасными домами; особенно его поразилъ домъ Пашкова, на углу Вздвиженки и Моховой. „Я затруднялся, говоритъ онъ, какой выбрать домъ изъ сотни великолѣпныхъ, одинъ богаче другаго. Какая противоположность съ бивуаками и жалкими лачужками, которыми приходилось намъ довольствоваться столько мѣсяцевъ! Эти дома казались мнѣ очарованными замками Арабскихъ сказокъ. Проѣхавъ изъ конца въ конецъ ту улицу, въ которой я находился, я рѣшился постучаться у подъѣзда одного дома небольшаго, но очень достаточнаго для удобнаго помѣщенія генерала съ его свитою. Дверь отворилась, и я былъ изумленъ дюжиною служителей графини Мусиной-Пушкиной, привѣтливо меня встрѣчавшихъ“. Главный изъ нихъ или управляющій спросилъ графа пофранцузски, что̀ ему угодно и объявилъ, что владѣтельница дома, уѣзжая, поручила ему не отказывать имъ въ пріемѣ, да и для ихъ услуги оставила достаточное число людей. „Онъ ввелъ меня потомъ въ комнаты, говоритъ графъ Солтыкъ, прекрасно отдѣланныя. Я объявилъ управляющему, что тутъ будетъ стоять генералъ и для себя выбралъ удобную комнату. Оно спросилъ меня, не желаю ли я обѣдать, и конечно я съ радостію принялъ предложеніе. Черезъ часъ мнѣ приготовленъ былъ прекрасный обѣдъ, съ разными винами и даже Шампанскимъ. Но мое удивленіе достигло высшей степени, когда управляющій спросилъ, не желаю я ли раздѣлить обѣдъ съ двумя Француженками, гувернанткою и компаніонкою графини, которыя, изъ чувства патріотизма, остались здѣсь въ ожиданіи своихъ соотечественниковъ?“ Конечно графъ Солтыкъ съ радостію принялъ предложеніе и самъ отправился пригласить Француженокъ въ столовую. Такъ пріятно начавшійся первый вечеръ въ Москвѣ завершился однакоже весьма непріятно для новаго обитателя дома графини Мусиной-Пушкиной: къ концу обѣда, одна изъ Француженокъ вскочила изъза стола, подошла къ окну и съ особенно тревожнымъ чувствомъ воскликнула: вотъ и пожаръ! Графъ успокоилъ её, приписывая пожаръ случайнымъ обстоятельствамъ и безпорядку неразлучному съ войною (какъ думали и всѣ Французы о пожарахъ въ первый

---

[7]) C-te Dumas, Souvenirs etc, т. III, стр. 445.

день прибытія въ Москву). „Но Француженки не раздѣляли этого мнѣнія. Онѣ говорили, что Московское дворянство такъ раздражено противъ Французовъ, что надо ожидать большихъ бѣдствій“. На распросы графа Солтыка, онѣ разсказали ему о намѣреніи графа Ростопчина сжечь городъ, о чемъ молва дѣйствительно еще за долго до вступленія Французовъ ходила по Москвѣ и особенно между жившими въ ней иностранцами. Но то бѣдствіе еще только предполагалось въ будущемъ, какъ тутъ оно наступало немедленно. Едва графъ Солтыкъ легъ въ постель, около одинадцати часовъ ночи, какъ сильные удары въ дверь его спальни разбудили его. Стучались тѣже Француженки, съ ужасомъ прося заступничества и объявляя, что Французскіе солдаты грабятъ домъ. Одѣвшись и взявъ оружіе, графъ Солтыкъ сошелъ во дворъ и увидалъ, что вооруженные гренадеры старой гвардіи грабили погреба и успѣли уже опорожнить нѣсколько бутылокъ вина. Онъ объявилъ имъ, что въ этомъ домѣ квартира генерала, принадлежащаго къ свитѣ Императора и чтобы они прекратили буйство. Въ отвѣтъ на это, одинъ изъ гренадеровъ поднялъ кулакъ, а другіе выражали готовность поддержать товарища. Такой неожиданный поступокъ, обличавшій совершенное ослабленіе дисциплины и притомъ въ старой гвардіи, наименѣе подвергавшейся лишеніямъ (сравнительно конечно съ другими войсками) вывелъ изъ терпѣнія графа Солтыка. Онъ ударилъ саблею по мохнатой шапкѣ гренадера такъ сильно, что тотъ повалился на землю. Это ошеломило остальныхъ, но не надолго. Опомнившись отъ перваго впечатлѣнія, нѣкоторые изъ нихъ, взявъ ружья наперевѣсъ, бросились на графа со штыками. Польскій графъ поспѣшно вошелъ въ домъ, заперся въ своей комнатѣ и кричалъ оттуда, что пулею изъ пистолета положитъ на мѣстѣ всякаго, кто осмѣлится ломиться въ его комнату. Защитнику дома и Француженокъ, которыя такъ любезно въ лицѣ его привѣтствовали своихъ соотечественниковъ, пришлось спасать уже самаго себя. „Этотъ случай, говоритъ онъ, вѣроятно окончился бы трагически, если бы разбуженный шумомъ вдругъ не появился мой деньщикъ изъ конюшни, силачъ и храбрецъ—онъ разогналъ гренадеровъ и вывелъ меня изъ опаснаго положенія“ [8]).

Въ тотъ самый день, когда непріятель вошелъ въ Москву, ночью начался грабежъ повсюду. Первые грабители, по свидѣтельству многихъ Москвичей, испытавшихъ на себѣ ихъ подвиги, начинали съ того, что просили накормить ихъ. Но они были не только голодны, но и оборваны: платье и бѣлье износились, обувь истерлась и развалилась въ продолженіи долгаго и утомительнаго похода. Въ слѣдъ за пищею имъ понадобилась и одежда, а за предметами первой необходимости пробуждались стремленія къ довольству, роскоши и обогащенію. Съ ранняго утра на другой день уже дошло извѣстіе во всѣ бивуаки тѣхъ войскъ, которыя стояли за заставами, что въ Москвѣ начался грабежъ. Когда взошло солнце, говоритъ одинъ

---

[8]) Гр. Романъ Солтыкъ, Napoleon en 1812, гл. IX, стр. 273—278.

изъ свидѣтелей, въ лагерѣ дивизіи Клапереда и кавалерійскомъ, находившемся впереди на Рязанской дорогѣ (Себастьяни) сохранялись еще порядокъ и спокойствіе; но около осьми часовъ утра пріѣхало въ лагерь нѣсколько Польскихъ улановъ, и они объявили, что Москву грабятъ. Эта вѣсть съ быстротою молніи разнеслась по лагерю. Въ тоже время пришло приказаніе нарядить людей для пріема продовольствія. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, многіе ушли въ городъ и возвратились не ближе какъ черезъ часъ, обремененные ношею, состоявшею изъ вина, рома, чаю, сахару и разныхъ дорогихъ вещей. За пѣхотинцами слѣдовали и конные. „Съ этого времени невозможно было и думать о поддержаніи порядка. Всѣ которые не стояли подъ ружьемъ и не исполняли непосредственно служебной обязанности, уходили, пользуясь разными предлогами. Котлы стояли безъ огня и кашеваровъ; посыланные за дровами, соломою или водою не возвращались назадъ. Безпорядокъ дошелъ до такой степени, что убѣгали даже нѣкоторые изъ патрулей. Конные намъ подавали худой примѣръ; безпрерывно они проходили черезъ нашъ лагерь, обремененные добычею. Одинъ Польскій уланъ подгонялъ безжалостно кнутомъ какого-то Русскаго, котораго онъ заставлялъ нести тяжелый грузъ награбленныхъ имъ вещей. Когда офицеръ упрекнулъ его въ жестокости, тотъ отвѣчалъ: „Это имъ за Прагу, гдѣ они погубили моихъ родителей и разрушили мой домъ. Я еще ни одного Русскаго не оставлялъ живымъ и надѣюсь, Богъ дастъ, и этотъ не возвратится въ Москву“ [9]).

Въ такомъ положеніи находились въ отношеніи къ грабежу войскà авангарда, которому предписалъ императоръ Наполеонъ не упускать изъ виду отступавшей Русской арміи. „Монастырь (говоритъ тотъ же свидѣтель происшествій), въ которомъ генералъ занялъ квартиру, былъ пощаженъ; но кладовыя и погреба добрыхъ монаховъ много пострадали. Маленькая церковь обращена въ конюшню, гдѣ поставлены лошади генерала и многихъ офицеровъ, которыхъ они привели изъ лагеря. Въ это же утро въ домѣ Баташева, гдѣ стоялъ самъ начальникъ авангарда Мюратъ, произошло тоже самое. „Мы провели вторникъ, т. е. 3-е число, писалъ Баташеву его прикащикъ, въ величайшихъ суетахъ; ибо какъ проснулись чиновники, то требовалъ каждый чего хотѣлъ: иной чаю, иной кофе, иной бѣлаго вина, Шампанскаго, Бургонскаго, водки, Рейнвейна и бѣлаго хлѣба. Словомъ, каждый съ величайшими угрозами требовалъ, чтобы его прихоти тотчасъ были исполнены. Всѣхъ насъ измучили и съ ногъ сбили, такъ что пришлось бѣжать и скрыться хоть въ воду... А тамъ кричатъ бабы, что солдаты отняли и печеный и сырой хлѣбъ; въ другихъ покояхъ солдаты разбиваютъ сундуки и грабятъ все, что̀ ни попало. Ко всѣмъ ограбленнымъ мѣстамъ приставлены караулы; и тамъ опять грабятъ, гдѣ ихъ нѣтъ. И такъ 3-е число прошло въ такой суматохѣ“ [10]).

---

[9]) Aus dem Leben des General v. Brand, стр. 427—428.

[10]) Письмо Сокова къ Баташеву, Русск. Архивъ 1871 г.

Въ тотъ же день, въ слѣдъ за въѣздомъ Наполеона въ Кремль, его войска начали занимать предназначенныя имъ части Москвы. Полки вице-короля Итальянскаго двигались отъ Тверской заставы и не встрѣчали ни жителей, ни солдатъ: все было пусто, и гробовое молчаніе производило на нихъ потрясающее впечатлѣніе. Они шли медленно, опасаясь неожиданнаго нападенія, осматривали улицы и дома, прислушивались къ отдаленному шуму. Въ огромномъ и незнакомомъ городѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ и притомъ ночью, грабежъ еще не могъ распространиться повсюду. За немногими вѣроятно исключеніями, онъ началъ гвардіею, которая должна была оберегать Кремль, спокойствіе Наполеона въ трактирѣ Дорогомиловской слободы и быть охранною стражею у главныхъ военачальниковъ, какъ Мюрата и другихъ, поспѣшившихъ немедленно воспользоваться опустѣлыми домами Московскихъ жителей. Въ Тверской части, которую должны были занять полки вице-короля, господствовали безлюдье и тишина. Но тѣ изъ офицеровъ, которые проникли далѣе къ Кремлю, стали встрѣчать жителей и толпы солдатъ, которые открыто торговали и менялись награбленными вещами. Чѣмъ ближе они подъѣзжали, тѣмъ болѣе умножались толпы солдатъ. Они тащили на плечахъ тюки суконъ и другихъ товаровъ. „Мы не понимали, говоритъ одинъ изъ нихъ, какъ могъ быть допущенъ такой безпорядокъ; но солдаты объяснили намъ, что дымъ, который мы видѣли, выходилъ изъ огромнаго зданія, въ которомъ находились лавки съ товарами, подожженныя самими Русскими во время ихъ отступленія черезъ городъ“. Любопытство заставило ихъ приблизиться къ самому Гостинному Двору, близъ котораго суетилось множество солдатъ и *нищихъ*; каждый несъ разные товары, а менѣе цѣнные бросались на улицахъ. Скоро вся площадь и улицы покрылись разнаго рода товарами. „Я пришелъ наконецъ въ самое зданіе, говоритъ тотъ же свидѣтель; но увы, это не было уже прославленное обиліемъ зданіе: это была скорѣе громадная печь, изъ которой разносились во всѣ сторонѣ горѣвшіе обломки. Возможно было ходить только по наружной галлереѣ, гдѣ находилось множество лавокъ. Ихъ-то грабили солдаты, увидавшіе добычу, которая превышала всѣ ихъ ожиданія. При этомъ ужасномъ позорищѣ не было слышно ни восклицаній, ни шуму: каждый находилъ возможность съ избыткомъ удовлетворить своей алчности. Слышался только трескъ отъ огня, стукъ разбиваемыхъ у лавокъ дверей и иногда страшный шумъ отъ рушившагося свода. Всевозможныя ткани Европы и Азіи пожирало пламя. Изъ погребовъ, изъ подземныхъ складовъ сахара, масла и другихъ смолистыхъ и спиртовыхъ товаровъ вырывались потоки пламени съ густымъ дымомъ“ [11]).

Вслѣдствіе пожара и преимущественно въ Гостинномъ Дворѣ, наполненномъ всякимъ множествомъ всевозможныхъ товаровъ, грабежъ еще болѣе усилился и дошелъ до неистовыхъ размѣровъ: жадность разжигалась обиліемъ добычи.

---

[11]) Labaume, Relation de la campagne de Russie en 1812, стр. 195—200.

Едва наши войска вышли изъ Москвы и вступилъ въ нее Французскій авангардъ, какъ уже начались пожары. Наши войска, къ вечеру 2-го Сентября, сдѣлавъ переходъ въ 15 верстъ до деревни Панки, „увидали въ городѣ пожаръ: это было только начало, говоритъ очевидецъ. Въ продолженіи ночи пожаръ усилился, и поутру 3-го Сентября уже большая часть горизонта надъ городомъ означилась пламенемъ. Огненныя волны восходили до небесъ, а черный густой дымъ, клубясь по небосклону, разстилался до насъ. Тогда всѣ мы невольно содрогались отъ удивленія и ужаса. Суевѣрные, не постигая что̀ совершается передъ ихъ глазами, думали уже, съ паденіемъ Москвы, видѣть паденіе Россіи, торжество Антихриста, потомъ скорое явленіе страшнаго суда и кончину свѣта. Мѣсто удивленія заступило негодованіе. Вотъ тебѣ и златоверхая Москва! Красуйся матушка, Русская столица! говорили солдаты“ [12]).

Въ тотъ же день, когда Наполеонъ, перепочевавъ за Дорогомиловскимъ мостомъ, торжественно въѣзжалъ въ Москву, во многихъ мѣстахъ города уже видны были пожары; а лишь только вступилъ онъ въ Кремлевскій дворецъ, запылалъ Гостинный Дворъ или, по мѣстному Московскому говору, *городъ*. Нѣкоторые изъ очевидцевъ говорятъ, что пожаръ начался на Солянкѣ; но едва ли возможно сказать навѣрное, гдѣ онъ именно начался. Москва такъ обширна, что житель одной улицы могъ и не знать и не замѣтить пожара въ отдаленной сторонѣ города, особенно въ такое время, когда никто изъ оставшихся обывателей не могъ быть спокойнымъ зрителемъ совершавшихся вокругъ него событій. Вѣроятно показаніе каждаго изъ нихъ болѣе или менѣе вѣрно, и всѣ показанія въ совокупности приводятъ къ тому заключенію, что пожаръ единовременно начался во многихъ мѣстахъ и въ первое время не возбудилъ особеннаго вниманія Французовъ. Но это продолжалось недолго. Пожаръ, начавшійся на Солянкѣ вечеромъ 2 Сентября, перешелъ на скобяные и москательные ряды и новый Гостинный Дворъ *) и къ утру слѣдующаго дня охватилъ деревянныя зданія отъ Яузскаго моста вверхъ по Швивой горѣ и вокругъ церкви архидіакона Стефана. Этотъ пожаръ угрожалъ дому Баташева, гдѣ стоялъ Неаполитанскій король. Если значенія этихъ пожаровъ и ихъ послѣдствія не предвидѣлъ Мюратъ, то во всякомъ случаѣ оставлять роскошное помѣщеніе, только переночевавъ въ немъ одну ночь, было ему непріятно. Поэтому онъ принялъ мѣры, чтобы потушить пожаръ. Деревянные домики, тянувшіеся внизъ до Яузы, сгорѣли до тла, и не представлялось большихъ затрудненій отстоять сосѣднія съ ними зданія. Пожаръ на горѣ, по распоряженію Мюрата, былъ погашенъ войсками; имъ помогала дворня Баташева, которая усердно отстаивала домъ своего господина.

---

[12]) Записки артиллериста, т. I, стр. 172.

*) Т. е. вѣроятно Чернышовскіе ряды, построенные въ управленіе Москвою графа З. Г. Чернышова, нынѣ не существующіе и находившіеся вдоль Кремлевской стѣны отъ Никольской башни къ Спасской. *П. Б.*

Но труднѣе было справиться съ пожаромъ въ Гостинномъ Дворѣ. Съ Солянки отъ москательныхъ и скобянныхъ рядовъ пожаръ распространялся далѣе и далѣе. Часть Замоскворѣчья вовсе не была занята непріятельскими войсками до утра 3-го Сентября, по незнанію конечно расположенія города и за наступленіемъ ночи. Казаки показывались у Москворѣцкаго моста и къ утру зажгли его. Въ то время горѣли по берегу Москвы-рѣки казенные хлѣбные магазины и взлетѣлъ на воздухъ паркъ съ артиллерійскими снарядами. Когда Наполеонъ въѣхалъ въ Кремль, уже сильно горѣли москательныя и масляныя лавки, Зарядье, Балчугъ, и пламя все шире и шире захватывало большой Гостинный Дворъ на Красной площади. Близость пожара къ Кремлю, гдѣ находился императоръ Французовъ съ молодою гвардіей и сосредоточены были въ значительномъ количествѣ артиллерійскіе снаряды, вынуждала къ мѣрамъ предосторожности. Наполеонъ поручилъ маршалу Мортье употребить всѣ старанія, чтобы прекратить дѣйствіе огня и спасать горѣвшіе въ лавкахъ товары. Его настоятельныя приказанія съ ревностію приводились въ исполненіе; но огонь, питаемый горючими веществами, хранившимися въ лавкахъ и подвалахъ москательнаго, свѣчнаго и маслянаго рядовъ, при недостаткѣ средствъ къ загашенію, не покорялся усиліямъ Французскихъ солдатъ. Вокругъ лавокъ были разставлены часовые; они спасали товары и складывали ихъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Въ ближайшихъ къ Кремлю улицахъ еще соблюдался порядокъ; но далѣе къ окрестностямъ города грабежъ происходилъ уже въ большихъ размѣрахъ. Къ вечеру маршалу Мортье удалось если не совсѣмъ потушить угрожавшій опасностью Кремлю пожаръ, то значительно ослабить его силу. Въ это время Французы приписывали еще Московскіе пожары случайнымъ обстоятельствамъ, неизбѣжнымъ иногда при занятіи войсками обширнаго города. Хотя уже прошла вѣсть между ними, что пожарные трубы вывезены изъ столицы, а остававшіеся въ ней иностранцы сообщали нѣкоторымъ изъ нихъ давно тревожившее ихъ опасеніе, что городъ будетъ сожженъ, Французы не теряли еще надежды спокойно отдохнуть отъ трудовой походной жизни въ столицѣ Русскаго царства. Въ тотъ же день многіе изъ генераловъ и офицеровъ великой арміи отправились въ каретный рядъ за Петровкою, гдѣ находилось значительное количество готовыхъ красивыхъ городскихъ экипажей. Каждый выбралъ себѣ по экипажу и отмѣчалъ своимъ именемъ; но не долго спустя послѣ этого загорѣлся весь каретный рядъ. Занятые тушеніемъ пожаровъ въ средоточіи города, Французы мало обращали вниманія на болѣе отдаленныя его части, а между тѣмъ уже во многихъ мѣстахъ пламя бушевало. „Сильный пожаръ свирѣпствовалъ на Покровкѣ, опустошалъ Нѣмецкую Слободу и около Ильи Пророка. Ночь была тоже страшная отъ пожаровъ и войскъ Французскихъ“, говоритъ прикащикъ Баташева. Француженка-актриса, противъ воли оставшаяся въ это время въ Москвѣ, покинула свою квартиру въ срединѣ города и для бо̀льшей безопасности пріютилась у своихъ друзей, жившихъ на Басманной, въ домѣ князя Голицына. Ей захотѣлось

однакоже посмотрѣть на свою квартиру на другой день вступленія Французовъ въ Москву. „Всѣ дома, говоритъ она, были заняты военными; въ моей квартирѣ помѣщались два капитана гвардейскихъ жандармовъ; всѣ вещи были приведены въ безпорядокъ, мои бумаги разбросаны по полу. Эти господа безъ зазрѣнія совѣсти читали ихъ. Мое появленіе нѣсколько смутило ихъ, и они увѣряли, что застали уже этотъ безпорядокъ въ отведенной имъ квартирѣ, что при ней не было никого кромѣ Русскихъ слугъ, съ которыми они не могли объясниться и полагали, что этотъ домъ покинутъ хозяевами.“ Такъ распоряжались офицеры во всѣхъ домахъ, потому что дома почти всѣ были оставлены хозяевами; но многіе изъ офицеровъ и всѣ солдаты дѣйствовали иначе: они просто ломали и били все, чего не могли ограбить и унести съ собою. Хотя офицеры и предлагали этой актрисѣ вновь занять квартиру, обѣщая ей безопасность; но она предпочла возвратиться въ Басманную. „Впрочемъ, говоритъ она, повсюду были пожары и угрожали этому дому. Я возвращалась при свѣтѣ горѣвшихъ повсюду домовъ: освѣщеніе ужасающее своею яркостію. Огонь распространялся съ необыкновенною быстротою. Вѣтеръ порывисто завывалъ; казалось, все соединилось для того, чтобы сжечь этотъ злополучный городъ. Было только 3 Сентября, а осень въ Россіи бываетъ превосходная. Вечеръ былъ прекрасный. Мы пробрались сосѣдними улицами къ дому князя Трубецкого *), чтобы взглянуть на пожаръ. Это было великолѣпное и ужасное зрѣлище, и сколько разъ потомъ оно повторялось передо мною! Четыре ночи мы не зажигали свѣчей: было также свѣтло какъ въ полдень“ [13]).

Пожары во многихъ мѣстахъ города, значительною массою огня разрѣжая воздухъ, приводили его въ движеніе, а обычные въ это время года вѣтры превратили его, къ утру 4-го Сентября, въ настоящій ураганъ. До того времени (говоритъ одинъ изъ иностранцевъ, проживавшихъ въ Москвѣ) жители съ какимъ-то безучастіемъ, которое можно объяснить только вѣрою въ предопредѣленіе, смотрѣли на свои горѣвшіе дома. Нѣкоторые выносили образа и становились съ ними передъ воротами; другіе, на вопросъ, почему они не принимаютъ мѣръ противъ пожара? отвѣчали, что боятся, чтобы за это не убили ихъ Французы или что видно такъ Богу угодно. При такомъ настроеніи духа понятно, что только совершенное спокойствіе воздуха или полное безвѣтріе могло спасти городъ отъ общаго истребленія огнемъ. Французы съ своей стороны, видя беззаботность жителей, не давали себѣ труда противодѣйствовать. Пожаръ распространялся все болѣе и болѣе, и въ отдаленныхъ частяхъ города говорили о томъ также, какъ бы говорили въ Петербургѣ о пожарѣ въ Стокгольмѣ“ [14]).

---

*) Нынѣшняя Четвертая Гимназія на Покровкѣ. *П. Б.*

[13]) M-me Fusil, L'incendie de Moscou, Paris, 1817, стр. 10.

[14]) Chev. d'Ysarn, Relation du séjour des Français à Moscou, Bruxelles, 1871, стр. 9; Толычевой, Разсказы очевидцевъ о 1812 г. М. 1873, стр. 88—94.

Независимо отъ спокойной надежды единственно на помощь Божію противъ бѣдствія, которому противодѣйствовать почти никакихъ не было средствъ, равнодушіе жителей въ этомъ случаѣ объясняется и другими причинами. Безъ пожарныхъ трубъ и другихъ орудій трудно было и противодѣйствовать силѣ огня, и еще труднѣе рѣшаться на подвигъ спасенія своего достоянія въ пользу враговъ, угрожавшихъ постоянно не только имуществу, но и самой жизни. При томъ, въ обширномъ городѣ какъ Москва, состоявшемъ большею частію изъ деревянныхъ строеній, пожары были явленіемъ нерѣдкимъ, и дѣйствительно жители отдаленныхъ отъ пожаровъ мѣстностей мало обращали на нихъ вниманія. Но это могло быть только до *страшной* ночи съ 3-го на 4-е Сентября, какъ называютъ ее всѣ свидѣтели-очевидцы. Въ эту ночь поднявшійся сильный вѣтеръ раздулъ и усилилъ уже продолжавшіеся и не совсѣмъ погашенные пожары и разнесъ огонь по всѣмъ частямъ города.

Мюратъ спокойно провелъ эту ночь съ своею свитою въ домѣ Баташева и на другой день отправился за городъ къ своимъ войскамъ, считая свое мѣстопребываніе безопаснымъ послѣ того, какъ удалось ему наканунѣ прекратить пожаръ на Швивой горкѣ. Между тѣмъ въ одну ночь „загорѣлись дома за Москвой-рѣкой отъ Каменнаго моста, и пожаръ сдѣлался такъ ужасенъ, что и описать невозможно. Все Замоскворѣчье безъ изъятія занялось, а потомъ „и у насъ, говоритъ прикащикъ Баташева, домъ Никитскаго попа и причетниковъ, дома Безбородкинъ, Кирпичевъ и всѣ тутъ на горѣ, деревянные и каменные, были объяты пламенемъ. Также дома Сахарова и Соймонова, потомъ попа архидіаконскаго *) съ причетниками. Искры, какъ градъ, сыпались на главный корпусъ и прочія части“ Баташевскаго дома. Видя, что нѣтъ спасенія, управляющій и дворня, припрятавъ кое-какое имущество, ушли изъ дому, который и загорѣлся вскорѣ потомъ. Свита же и прислуга Неаполитанскаго короля не только не могли бороться съ пожаромъ, но были захвачены имъ въ расплохъ. „Королевская кухня не успѣла вся выбраться; потому осталось много кострюль и котловъ, и нѣсколько повозокъ сгорѣло“, писалъ потомъ своему господину прикащикъ Баташева [15]). Мюратъ вынужденъ былъ искать новаго помѣщенія и нашелъ его въ домѣ графа Разумовскаго, на Гороховомъ полѣ *).

Первую Московскую ночь императоръ Наполеонъ провелъ спокойно въ Кремлевскомъ дворцѣ. Почувствовавъ облегченіе отъ простуды, которая тревожила его съ самой Бородинской битвы, въ 7 часовъ утра Наполеонъ велѣлъ позвать къ себѣ доктора. Ободренный имъ на счетъ состоянія своего здоровья, онъ предложилъ ему обычный вопросъ: что̀ новаго? Когда докторъ отвѣчалъ, что

---

*) Т. е. священника церкви архидіакона Стефана, близь дома Баташева (что̀ нынѣ Шепелева). *П. Б.*

[15]) Письмо Сокова, Русск. Архивъ 1871 г. № 6, стр. 0221 и слѣд.

*) Нынѣ Малолѣтное Отдѣленіе Воспитательнаго Дома. *П. Б.*

вокругъ Кремля повсюду распространились пожары, императоръ равнодушно отвѣчалъ: „Это неосторожность солдатъ; они вѣроятно разложили огни для приготовленія пищи слишкомъ близко къ деревяннымъ домамъ“. Но потомъ, взглядъ его вдругъ остановился; выраженіе лица, „исполненное благорасположенія, сдѣлалось ужаснымъ“; онъ вскочилъ съ постели, быстро одѣлся, не произнося ни слова, толкнулъ ногою такъ сильно Мамелюка, который подалъ ему сапогъ лѣвой ноги на правую, что тотъ упалъ навзничь, и вышелъ въ другую комнату“ [16]). Очевидно Наполеонъ вспомнилъ доходившіе и до него разсказы, что Русскіе намѣреваются сжечь Москву.

Въ эту ночь не совсѣмъ потушенный пожаръ Зарядья и рядовъ разгорѣлся снова и перешелъ на главный Гостинный Дворъ, который къ утру весь объятъ былъ пламенемъ. Горѣли Ильинка и Никольская; видны были пожары со всѣхъ сторонъ, на Тверской, на Арбатѣ, на Остоженкѣ, у Каменнаго моста. Рѣзкіе порывы сѣверо-восточнаго вѣтра, часто мѣнявшаго направленіе, прорываясь по улицамъ и переулкамъ города и направляемые силою огня, нѣсколько разъ обращали огонь къ Кремлю. Осыпаемый огненными искрами, Кремль освѣщался иногда такимъ свѣтомъ, что казалось будто въ его стѣнахъ уже начался пожаръ; а между тѣмъ туда ввезены были (по распоряженію начальника артиллеріи генерала Лабуассьера) подвижной пороховой магазинъ и всѣ боевые снаряды молодой гвардіи; фуры съ боевыми снарядами стояли даже противъ оконъ дворца, въ которомъ ночевалъ императоръ Наполеонъ [17]).

Всю ночь продолжалась тревога въ Кремлѣ. „Въ то время какъ наши солдаты, говоритъ графъ Сегюръ, боролись съ пожаромъ и оспаривали у огня свою добычу, Наполеонъ, котораго сонъ не смѣли потревожить въ теченіе ночи, былъ пробужденъ двойнымъ свѣтомъ: дня и пожара. Первымъ его движеніемъ былъ гнѣвъ: онъ хотѣлъ властвовать даже надъ стихіями. Но скоро онъ долженъ былъ преклониться и уступить необходимости. Удивленный тѣмъ, что, поразивъ въ сердце имперію, онъ встрѣтилъ не изъявленія покорности и страха, а совершенно иное, онъ почувствовалъ, что его побѣдили и превзошли въ рѣшимости. Это завоеваніе, для котораго онъ все принесъ въ жертву, исчезало въ его глазахъ въ облакахъ дыма и въ пламени. Имъ овладѣло страшное безпокойство; казалось, его самаго пожиралъ огонь, который насъ окружалъ. Ежеминутно онъ вставалъ, ходилъ и снова садился. Быстрыми шагами онъ пробѣгалъ дворцовыя комнаты; его движенія, порывистыя и грозныя, обличали внутреннюю, жестокую тревогу. Онъ оставляетъ необходимую работу, принимается за нее снова и снова бросаетъ, чтобы посмотрѣть въ окно на непрекращавшееся распро-

---

[16]) Показаніе доктора Метивье у графа Сегюра: Histoire et mémoires etc. Paris, 1873, т. VI, стр. 17—18.

[17]) Корбелецкій, Краткое повѣствованіе и пр. стр. 31; C-te Segur, Hist. de Napoleon et de la grande armée, т. II, стр. 50; Gourgaut, Examen critique, стр. 283.

страненіе пожара. Изъ его стѣсненной груди вырываются короткія и рѣзкія восклицанія: „Какое ужасное зрѣлище! Это сами они поджигаютъ; сколько прекрасныхъ зданій; какая необычайная рѣшимость; что за люди: это Скифы!“.

Даже послѣ этой ужасной ночи, разнесшей огонь по всему городу, нѣкоторые изъ окружавшихъ Наполеона лицъ еще полагали, что причина пожаровъ заключалась „въ недостаткѣ дисциплины и пьянствѣ солдатъ“ великой арміи, а сильный вѣтеръ только помогъ распространенію огня. „Намъ совѣстно было смотрѣть на себя, говоритъ тотъ же писатель-очевидецъ. Насъ устрашалъ крикъ ужаса, который раздастся по всей Европѣ. Съ опущенными глазами мы подходили одинъ къ другому, пораженные этимъ страшнымъ событіемъ; оно помрачило нашу славу, оно вырвало изъ нашихъ рукъ плоды побѣды, оно угрожало нашему существованію въ настоящемъ и будущемъ. Мы войско разбойниковъ, надъ которымъ должно совершиться правосудіе Неба и образованнаго міра“ [18]).

Можетъ быть, эти чувства волновали многихъ изъ Французовъ; но конечно мысль объ опасности и утратѣ добычи была господствующею въ войскахъ великой арміи. „Москва не существуетъ; пропала награда, которую я обѣщалъ моимъ храбрымъ войскамъ“, говорилъ Неполеонъ [19]). Такова была первая его мысль при видѣ пылавшей столицы Русской, и онъ обрекъ Москву на грабежъ и не могъ поступить иначе: только надежда на это да чувство самосохраненія заставляли драться при Бородинѣ и поддерживали бодрость его войскъ, голодныхъ, изнуренныхъ и убавившихся на три четверти послѣ переправы черезъ Нѣманъ. При вступленіи въ Москву онъ отдавалъ строгія приказанія для предупрежденія грабежа, потому что желалъ привести войска въ порядокъ и не нарушать въ нихъ дисциплины, и такъ уже сильно ослабленной обстоятельствами этого необычайнаго для нихъ похода. Но конечно онъ очень былъ радъ предлогу приписать эти пожары самимъ Русскимъ. Въ это время ему сообщили, что въ Москвѣ не оказалось пожарныхъ трубъ, что они вывезены по распоряженію графа Ростопчина наканунѣ вступленія Французовъ въ Москву; что видѣли, какъ сами Русскіе поджигаютъ свои дома, что поймали нѣкоторыхъ изъ зажигателей. Наполеону передали конечно въ подробности тѣ слухи, которые давно были распространены между Французами, находившимися въ Москвѣ, о преднамѣренномъ сожженіи Москвы по распоряженію если не высшаго правительства, то графа Ростопчина, о приготовленіи разрушительныхъ для этой цѣли снарядовъ подъ руководствомъ нѣкоего Шмита, въ одной изъ подмосковныхъ деревень.

Между тѣмъ пожаръ свирѣпствовалъ все болѣе и болѣе. Изъ оконъ дворца все Замоскворѣчье, объятое пламенемъ, представлялось взволнованнымъ огненнымъ моремъ. Не смотря на значитель-

---

[18]) C-te Segur, Hist. de Napoleon et de la grande armée, т. II, стр. 51 и слѣд.

[19]) M. Chambray, Hist. de l'expédition en Russie en 1812, т. II, стр. 121.

ное пространство, отдѣлявшее отъ Кремлевскаго дворца этотъ пожаръ, оконныя стекла во дворцѣ накалились до такой степени, что къ нимъ едва можно было прикасаться. Поставленные на кровляхъ солдаты едва успѣвали тушить искры и головни, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ на дворецъ. Возроставшая сила пожара и извѣстія о поджигателяхъ усиливали тревогу императора Наполеона. Ему не хотѣлось, только что помѣстившись во дворцѣ Русскихъ царей, немедленно его оставить. Онъ не говорилъ ни слова, когда окружавшія его лица представляли ему о необходимости удалиться. „Онъ порывисто ходилъ взадъ и впередъ, останавливаясь передъ каждымъ окномъ и смотря на страшную стихію, побѣдоносно пожиравшую его блестящее завоеваніе, охватывавшую всѣ мосты, всѣ входы въ крѣпость, окружавшую его со всѣхъ сторонъ, какъ осажденнаго и подступавшую все ближе и ближе къ Кремлю“, говоритъ графъ Сегюръ. До того, пожаръ Гостиннаго Двора и многіе другіе въ разныхъ концахъ Москвы еще не озабочивали Наполеона, находившагося въ Кремлевскомъ дворцѣ, посреди большихъ зданій и за высокими стѣнами Кремля; но пожаръ Замоскворѣчья, разстилавшійся прямо передъ окнами дворца, не могъ не произвести на него поразительнаго впечатлѣнія. Еще 2-го Сентября показывался огонь въ этой части города; но въ этотъ день (4 Сентября), сильный вѣтеръ разнесъ его повсюду, и въ нѣсколько часовъ занялось все Замоскворѣчье, состоявшее большею частію изъ деревянныхъ домовъ, и словно огненное море заволновалось передъ окнами дворца, на глазахъ императора. „Въ этотъ день погода была довольно хорошая (говоритъ плѣнный нашъ офицеръ); но страшный вѣтеръ, усиленный, а можетъ быть и произведенный, свирѣпствующимъ пожаромъ, едва позволялъ стоять на ногахъ. Внутри Кремля не было еще пожара; но съ площади за рѣку видны были одно только пламя и ужасные клубы дыма. Изрѣдка кое-гдѣ можно было различать кровли не загорѣвшихся еще строеній и колокольни; а вправо отъ Грановитой Палаты, за Кремлевской стѣной, подымалось до небесъ черное, густое, дымное облако и слышенъ былъ трескъ отъ разрушавшихся кровель и стѣнъ [20])“. Кремль былъ наполненъ солдатами гвардіи; одни тушили падавшія головни, другіе стояли наготовѣ съ оружіемъ; лошади были осѣдланы и запряжены; всѣ были готовы немедленно выступить изъ Кремля и вывезти военные снаряды. Но императоръ Наполеонъ медлилъ оставить Кремль.

Наконецъ распространился слухъ, что подъ Кремлемъ устроены мины, и раздался повсюду крикъ: Кремль горитъ! Наполеонъ вышелъ изъ дворца на Сенатскую площадку, чтобы самому удостовѣриться въ грозившей опасности. Горѣла Троицкая башня близъ Арсенала. Усиліями гвардіи этотъ пожаръ былъ прекращенъ; но ежеминутно могли вспыхнуть новые; искры и горѣвшія головни сыпались на Кремль, далеко разносимыя сильнымъ вѣтромъ. Пожаръ, вспыхнувшій въ Кремлѣ, побудилъ Наполеона позаботиться

---

[20]) Записки В. А. Перовскаго, Русскій Архивъ 1865 г., изд. 2-е, стр. 1038.

о личной безопасности. Мюратъ, Евгеній Богарне, Бертье и другіе приближенные къ нему лица на колѣняхъ умоляли его оставить Москву. Ихъ настоятельныя просьбы подкрѣпило случайное обстоятельство: въ то время, какъ справлялись съ этимъ пожаромъ, поймали въ Кремлѣ полицейскаго чиновника, котораго выдали за поджигателя. „Я увидѣлъ, говоритъ В. А. Перовскій, нѣсколько солдатъ, ведущихъ полицейскаго офицера въ мундирномъ сюртукѣ. Его взвели на площадку (дворца), и одинъ штабъ-офицеръ началъ его допрашивать черезъ переводчика: „Отъ чего горитъ Москва? Кто велѣлъ зажечь городъ? Зачѣмъ увезены пожарныя трубы? Зачѣмъ онъ самъ остался въ Москвѣ?“ и другіе тому подобные вопросы, на которые дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ полицейскій офицеръ, что онъ ничего не знаетъ, а остался въ Москвѣ потому, что не успѣлъ выѣхать. „Онъ ни въ чемъ не хочетъ сознаться“, сказалъ допрашивавшій; „но очень видно, что онъ все знаетъ и остался здѣсь зажигать городъ. Отведите его и заприте вмѣстѣ съ другими“. Я старался, но тщетно увѣрить, что квартальный офицеръ точно ни о какихъ мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ, знать не можетъ. „Онъ служитъ въ полиціи и вѣрно знаетъ все“, отвѣчали мнѣ. Несчастнаго повели и заперли подъ площадкой, на которой я находился. „Что̀ съ нимъ будетъ?“ спросилъ я офицера, который его допрашивалъ.—„Онъ будетъ наказанъ, какъ заслуживаетъ: повѣшенъ или разстрѣлянъ съ прочими, которые за туже вину съ нимъ заперты [21])“.

Императоръ Наполеонъ рѣшился оставить Кремль и переѣхать въ Петровскій дворецъ немедленно (въ два часа пополудни, 4 Сентября). Но прямою дорогою, по Тверской улицѣ, не представлялось никакой уже возможности пробраться: она представляла сплошное огненное море, волнуемое порывами вѣтра. „Мы были окружены цѣлымъ моремъ пламени, говоритъ очевидецъ и участникъ въ путешествіи Наполеона по сгоравшей Москвѣ; оно угрожало всѣмъ воротамъ, ведущимъ изъ Кремля. Первыя попытки выдти изъ него были неудачны. Послѣ нѣкоторыхъ изслѣдованій открыли подъ горой выходъ къ Москвѣ-рѣкѣ. Черезъ него вышелъ Наполеонъ со своею свитою и гвардіею изъ Кремля. Но что̀ же за тѣмъ? Подойдя ближе къ пожару, мы не могли ни отступить назадъ, ни остановиться на мѣстѣ. Но какъ идти впередъ, въ эти волны огненнаго моря? Тѣ, которые успѣли нѣсколько познакомиться съ городомъ, не узнавали улицъ, исчезавшихъ въ дыму и развалинахъ. Однакоже надо было спѣшить: съ каждымъ мгновеніемъ все болѣе и болѣе усиливался вокругъ насъ пожаръ. Одна узкая извилистая улица казалась болѣе входомъ, нежели выходомъ изъ этого ада *). Им-

---

[21]) Записки гр. В. А. Перовскаго. Русск. Архивъ 1865 г., изд. 2-е, стр. 1039.

*) Это былъ вѣроятно нынѣшній Лебяжій переулокъ и далѣе черезъ Лѣпивку и Волконку путь къ Пречистенскимъ воротамъ, откуда переплетъ переулковъ близъ Старой Конюшенной еще до сихъ поръ затрудняетъ не только пріѣзжихъ, но и Москвичей. *П. Б.*

нераторъ пѣшкомъ, не задумываясь, пошелъ по этой улицѣ. Онъ шелъ среди треска этихъ горѣвшихъ костровъ, при грохотѣ разрушавшихся сводовъ и падавшихъ вокругъ насъ горящихъ бревенъ и раскаленныхъ желѣзныхъ кровельныхъ листовъ. Эти обломки затрудняли его путь. Пламя, возвышавшееся надъ кровлями и съ такою яростію пожиравшее зданія, среди которыхъ онъ шелъ, сплою вѣтра наклонялось надъ нашими головами. Мы шли по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, между огненныхъ стѣнъ. Сильный жаръ жегъ наши глаза, но мы не могли сомкнуть ихъ и должны были пристально смотрѣть на опасность. Удушливый воздухъ, горячій пепелъ и вырывавшееся отвсюду пламя, спирали наше дыханіе, короткое, сухое, стѣсненное и подавляемое дымомъ. Наши руки обжигались, защищая лицо отъ ужаснаго жара и отстраняя искры, осыпавшія и прожигавшія платье. Въ этомъ-то ужасномъ положеніи, когда лишь скорое движеніе казалось единственнымъ способомъ спасенія, нашъ проводникъ, сбившійся съ пути и смущенный, остановился".

Выйдя изъ объятаго пламенемъ Московскаго Кремля, Наполеонъ долженъ былъ слѣдовать по тому же направленію, по которому вступилъ въ Москву. Отъ Каменнаго моста, за которымъ свирѣпствовалъ сплошной пожаръ почти всего Замоскворѣчья, путники подвигались вверхъ къ Арбату и запутались въ переулкахъ, прилегавшихъ къ этой улицѣ. Сохранилось преданіе, что Русскій, согласившійся быть ихъ проводникомъ, жертвуя собою, умышленно завелъ ихъ въ безвыходное мѣсто, со всѣхъ сторонъ объятое пламенемъ. „Здѣсь окончилась бы наша жизнь, исполненная треволненій", говоритъ графъ Сегюръ, если бы случайное обстоятельство не вывело императора Наполеона изъ этого грознаго положенія. Корпуса́ маршаловъ Даву́ и Нея оставались на тѣхъ же позиціяхъ, на которыхъ были размѣщены въ день вступленія въ Москву, за Дорогомиловскою и Прѣсненскою заставами. Въ первую ночь, которую Наполеонъ провелъ за Дорогомиловскимъ мостомъ въ слободѣ, конечно солдаты этихъ корпусовъ съ осторожностію пускались на грабежъ; но потомъ, когда онъ переѣхалъ въ Кремль и пожары распространились повсюду, даже суровая дисциплина маршала Даву́ не могла удержать голодныхъ и оборванныхъ воиновъ. Они разсѣялись въ этихъ частя́хъ города, ища добычи и оспаривая ее у всепожиравшаго огня. Эти-то грабители неожиданно натолкнулись на императора Наполеона и его свиту, узнали его и спасли отъ неизбѣжной, быть можетъ, гибели. Познакомившись уже съ мѣстностію, они вывели его по пожарищамъ къ Москвѣ-рѣкѣ у Дорогомиловскаго моста [22]). Въ то время, когда отсюда поѣздъ Наполеона медленно пробирался между пожарами, вдругъ въ его свиту бросилась женщина, въ изорванномъ платьѣ, съ распущенными волосами. Она держала на рукахъ своего ребенка, спасая его, какъ самое дорогое свое сокровище. Ухватившись судорожно за сапогъ

---

[22]) C-te Segur, Hist. de Napoleon et de la grande armée, т. II, гл. VII.

Наполеона, она умоляла: „Государь, пощадите меня, спасите моего сына!“ Императоръ смутился такимъ внезапнымъ явленіемъ и хотѣлъ ее успокоить. „Успокойтесь, говорилъ онъ, успокойтесь; будутъ приняты всѣ мѣры для спасенія васъ и вашего сына“.

Это была жена Армана Домерга, высланнаго на баркѣ графомъ Ростопчинымъ въ Нижній-Новгородъ вмѣстѣ съ другими Французами. Она не отставала отъ Наполеона и дошла съ нимъ до Петровскаго дворца [23]).

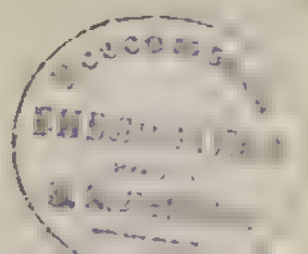
Добравшись до Дорогомиловскаго моста, Наполеонъ и его спутники слѣдовали берегомъ Москвы-рѣки, доѣхали до села Хорошева, переправились черезъ рѣку по пловучему мосту, мимо Ваганькова кладбища и полями достигли къ вечеру Петровскаго подъѣзднаго дворца, что̀ за Тверской заставою [24]).

Между тѣмъ вѣтеръ не утихалъ, и пожаръ усиливался. Замоскворѣчье представляло сплошное море огня. Несчастные жители, захваченные въ расплохъ, оставляли свои дома̀ и искали убѣжища въ церквахъ, унося съ собою что̀ попадалось подъ руку изъ своего имущества. Но пожары охватывали и большую часть храмовъ. „Находившіеся въ церкви жители (разсказываетъ современникъ, пріютившійся вмѣстѣ съ другими въ одной изъ замоскворѣцкихъ церквей), видя приближающіеся къ храму пожары, пришли въ отчаяніе: послышались рыданія, вопли, стоны. Всѣ отъ страха, потерявъ разсудокъ, бѣгали, суетились, спѣшили сами не зная куда, хватали разныя вещи и безсознательно опять ихъ бросали; всѣ говорили, и никого никто не слушалъ; требовали совѣта, между тѣмъ сами дѣлали наставленія. Произошла общая сумятица, общее разнорѣчіе“. Но грозная опасность, поражая страхомъ, возбуждала и силы. Сговорившись наконецъ, нѣкоторые рѣшились оставить церковь, пали съ молитвою на колѣни передъ алтаремъ, и находившійся тутъ же священникъ благословлялъ ихъ, читая напутственную молитву. „Насъ вышедшихъ изъ церкви, говоритъ тотъ же свидѣтель, разнаго сословія набралось до ста человѣкъ обоего пола. Первый шагъ путниковъ ознаменовался преградою: зрѣніе поразилось мракомъ отъ несшагося дыма, слухъ грохотомъ, воемъ и свистомъ бури“. По этому разсказу, пожаръ Замоскворѣчья, быстро распространяясь, преслѣдовалъ бѣгущихъ; пламя, волнуемое силою вѣтра, мгновенно охватывало зданія въ слѣдъ за ними и грозило преградить имъ дальнѣйшій путь. Они должны были колесить по разнымъ еще не охваченнымъ огнемъ переулкамъ, „въ непроницаемой темнотѣ отъ несомаго бурей горячаго пепла, залѣплявшаго глаза и обжигавшаго лице“. Наконецъ имъ удалось добраться до Полянской, довольно обширной, площади; но здѣсь ихъ встрѣтило новое бѣдствіе: ихъ окружили грабители-непріятели. „Плѣнники пали на колѣна и, воздѣвая къ небу руки, трепещущія

---

[23]) Arm. Domergue, La Russie pendant les guerres de l'empire, т. II, стр. 68—69; С. М. Любецкій, Москва въ 1812 г. М. 1872 г. стр. 170.

[24]) Корбелецкій, Краткое повѣствованіе, стр. 33.



отъ страха, просили пощады и милосердія; но варвары, не знакомые съ человѣколюбіемъ, не внемля ни просьбамъ, ни мольбамъ беззащитныхъ, бросились съ обнаженными саблями, какъ дикіе звѣри на стадо овецъ, и съ пепстовымъ крикомъ и ожесточеніемъ начали всѣхъ тормошить, грабить и бить. Площадь огласилась воплями мучимыхъ страдальцевъ. Грабители разрывали узлы, отыскивали драгоцѣнностей и разбрасывали остальное; съ мущинъ снимали одежду и сапоги, въ которыхъ сами нуждались обносившись; съ головъ женщинъ срывали платки и шали, со злобою сдергивали и срывали платья, вытаскивали изъ кармановъ часы, табакерки, золотыя и серебряныя монеты, вырывали изъ ушей серьги и снимали съ пальцевъ кольца и перстни. Пусть (говоритъ участникъ-страдалецъ) всякой дополнитъ воображеніемъ, какое зрѣлище представляла эта площадь, окруженная пожаромъ, освѣщенная заревомъ, наполненная дымомъ, смрадомъ и пепломъ, оглашаемая воемъ и свистомъ бури, и среди этого хаоса съ звѣрскими лицами и обнаженными саблями буйствующихъ, по раскиданному и изорванному имуществу, непріятелей; а между ними въ разныхъ положеніяхъ, съ искаженными отъ страха лицами, съ воздѣтыми къ небу руками, съ развѣвающимися по воздуху растрепанными волосами, жертвъ, обреченныхъ на мученія, несчастныхъ жителей Москвы“ [25]).

Пожары усиливались и въ другихъ мѣстахъ города. Загорѣлись Стрѣтенская часть, обѣ Басманныя, вся Нѣмецкая Слобода. „Море огня разлилось по всѣмъ частямъ города, пишетъ одинъ изъ очевидцевъ, Французъ. Пламя волнуемое вѣтромъ совершенно походило на морскія волны, воздвигаемыя бурею. Казалось, къ дѣятельности поджигателей присоединилось и божественное мщеніе — до такой степени этотъ пожаръ казался сверхъ-естественнымъ. Несчастные жители Слободы, преслѣдуемые огнемъ съ одного мѣста на другое, принуждены были удалиться на кладбище (Нѣмецкое), находившееся за главною военною больницею (устроенною для раненыхъ въ Лефортовскомъ дворцѣ), но и тамъ они не считали себя въ безопасности“ [26]). Нѣмецкая слобода издавна составляла средоточіе иностраннаго населенія Москвы. Многіе изъ иностранцевъ были старожилами въ ней, владѣли домами и усадьбами; къ нимъ примыкали пріѣзжавшіе вновь въ Россію. Другимъ средоточіемъ для нихъ былъ Кузнецкій мостъ съ прилегавшими къ нему улицами, гдѣ пріютилась попреимуществу торговля Французовъ. 5-го Сентября пожаръ съ двухъ сторонъ угрожалъ Кузнецкому мосту: со стороны горѣвшей уже Петровки и съ Малой Лубянки. Жители оставляли свои дома и лавки, спасая по возможности имущество. Многіе удалялись изъ города, предаваясь покровительству Французскихъ войскъ; другіе толпились на дворѣ и въ зданіяхъ Латинской церкви Св. Людовика. „Тамъ господствовало глубокое отчаяніе, гово-

---

[25]) Воспоминанія очевидца (доктора Рязанова) М. 1852 г., стр. 77.

[26]) Ab. Surrugues, Lettres etc., стр. 29; Бестужевъ-Рюминъ, Чтенія въ Моск. истор. общ. 1859. кн. 2, отд. V, стр. 170.

рить настоятель этой церкви аббатъ Сюрюгъ, остававшійся въ это время въ Москвѣ. Собравшіеся тамъ несчастные изгнанники изъ своихъ жилищъ, съ узлами въ рукахъ, отчаявались въ спасеніи и желали отъ меня исповѣди. Я просилъ повременить, обѣщая предупредить ихъ, когда настанетъ время. Я отправился на мѣсто опасности и достигъ его, осыпаемый искрами и головнями. Только помощь Провидѣнія могла спасти насъ; Оно внушило мужество ротѣ гренадеровъ, находившихся въ этой мѣстности, вооружиться ведрами и поливать крыши домовъ, наиболѣе подвергавшихся опасности, и съ такою дѣятельностію, что имъ удалось остановить пожаръ. Это спасло цѣлую мѣстность, единственную вполнѣ уцѣлѣвшую отъ пожара во всемъ городѣ, именно Кузнецкій мостъ, Рождественку, обѣ Лубянки, Почтамтъ, Банкъ, Чистые пруды, часть Покровки, между бульварами, и Моросейку“ [27]).

Конечно подобныя мѣры могли оказать помощь, но вѣроятно лишь не надолго, если бы въ это время вѣтеръ не перемѣнилъ направленія и не направилъ огненнаго моря въ другую сторону, гдѣ пожаръ не утихалъ, но распространялся. Въ этотъ день двѣ Француженки, помѣщавшіяся на Басманной въ домѣ князя Голицына, отправились въ Петровскій дворецъ, чтобы выпросить себѣ охранную стражу. „Незабвенный для меня день (говоритъ одна изъ нихъ), когда мы предприняли эту поѣздку. Когда мы отправлялись, домъ нашъ былъ въ совершенной цѣлости, и не было даже признаковъ огня въ сосѣднихъ улицахъ. Дочь моей спутницы, тринадцатилѣтняя дѣвочка, которая находилась съ нами, видала пожары только издали. Первый, который ее поразилъ, былъ у Красныхъ воротъ. Мы намѣревались ѣхать обычною дорогою по Садовой; но не было возможности пробраться посреди огня. Мы повернули къ Тверской, тамъ пожаръ былъ еще сильнѣе. Наконецъ мы достигли до Большаго Театра. Невозможно описать, какое тутъ зрѣлище представлялъ пожаръ. Это была бездна пламени. Годовой запасъ дровъ находился подлѣ самаго театра, который былъ деревянный, и можно понять, какая была пища для пламени. Мы повернули на право, въ ту сторону, гдѣ, казалось, менѣе свирѣпствовалъ пожаръ; но когда мы проѣхали половину улицы, сильный порывъ вѣтра направилъ пламя съ одной ея стороны на другую, такъ что образовался огненный сводъ. Это можетъ показаться преувеличеннымъ, но это сущая правда (l'exacte vérité). Мы не могли двинуться ни назадъ, ни впередъ, ни въ сторону. Приходилось возвращаться назадъ тою-же дорогою. Но по ней все болѣе и болѣе распростанялся пожаръ. Головни падали на наши дрожки, и мы такъ сильно чувствовали дыханіе пламени, что оно становилось невыносимо для насъ и для лошадей. Мы пустились вскачь, и намъ удалось доѣхать до Садовой. Мы возвращались въ свою улицу, довольныя тѣмъ, что могли дать отдыхъ глазамъ, изнемогавшимъ отъ пыли и жара. Никогда не изгладится изъ моей памяти то зрѣлище, которое

---

[27]) Ab. Surrugues, Lettres sur l'incendie de Moscou стр. 25.

открылось передъ нами. Этотъ домъ, въ который мы надѣялись спокойно возвратиться, который часъ тому назадъ стоялъ цѣлъ— уже объятъ былъ пламенемъ. Вѣроятно его недавно подожгли, потому что тѣ, которые помѣщались во флигелѣ, не замѣчали еще пожара. Крики дѣвочки, бывшей съ нами, обратили ихъ вниманіе. Этотъ ребенокъ совершенно потерялъ голову; она кричала: Спасайте мою мать, спасайте все; Боже мой, мы погибли! Эти крики и видъ пожара разрывали мнѣ сердце“ [28]).

По мѣрѣ усиленія пожаровъ умножался и грабежъ. Союзники Французовъ, особенно Нѣмцы Рейнскаго союза, съ перваго дня занятія Москвы, кинулись на добычу изъ жажды корысти; съ ними соперничали Поляки, но увлекаемые при томъ и ненавистью къ Русскимъ. Французы, по свидѣтельству современниковъ, вообще отличались отъ своихъ союзниковъ умѣренностью. Въ первые дни, голодные и обносившіеся, они требовали пищи, обуви, бѣлья, оставляя въ покоѣ жителей, удовлетворявшихъ эти требованія. Но по мѣрѣ распространенія пожаровъ, объявшихъ весь городъ, свойства грабежа измѣнились: онъ сдѣлался всеобщимъ. Запрещеніе грабить хотя не могло удерживать всѣхъ, удерживало однакоже многихъ. Но въ виду спасенія имуществъ отъ истребительнаго огня, это запрещеніе уже теряло силу: всѣ бросились на грабежъ и преимущественно войска, находившіяся въ самомъ городѣ и въ ближайшихъ къ нему окрестностяхъ. „Хотя запрещено было солдатамъ входить въ городъ, говоритъ одинъ изъ полковыхъ командировъ, принадлежавшій къ корпусу Нея; но грабежъ начался, и какъ это былъ единственный способъ пропитанія, то понятно, что послѣдніе въ немъ участники умирали съ голоду. Я согласился съ полковникомъ 18-го полка, что молча мы позволимъ нашимъ солдатамъ ходить на грабежъ. Впрочемъ они съ большими затрудненіями могли добыть что либо. Имъ нужно было проходить черезъ лагерь перваго корпуса, который стоялъ передъ ними ближе къ городу и драться съ солдатами этаго корпуса или императорской гвардіей, которая хотѣла все захватить для себя одной. Никто менѣе насъ не пріобрѣлъ отъ грабежа“ [29]). Если солдаты различныхъ корпусовъ Наполеоновой арміи дрались между собой, оспаривая оружіемъ одни у другихъ добычу, то весьма понятно, какъ они должны были относиться къ Русскимъ, желавшимъ спасти отъ огня хотя часть своего имущества. „Хлѣбныя лавки были разграблены, говоритъ Французъ, Московскій обыватель; вино и водка наполняли погреба до того, что нѣсколько солдатъ въ нихъ утонули. Грабежъ дѣйствовалъ еще губительнѣе огня. Положимъ, что Русское правительство рѣшилось, какъ на военную мѣру, сжечь городъ; но грабежъ былъ неминуемымъ дѣйствіемъ его врага, лишившагося тѣхъ надеждъ, которыя были постоянно возбуждаемы въ немъ. И какое иное вознагражденіе можно было предоставить

---

[28]) M-me Fusil, L'incendie de Moscou, стр. 14—15.

[29]) Duc de Fezensac, Souvenirs militairs, стр. 264.

войскамъ, истомленнымъ трехмѣсячными трудами и битвами, подвергавшимся всевозможнымъ лишеніямъ и положившимся на торжественныя обѣщанія, что въ Москвѣ окончатся ихъ страданія и тамъ они найдутъ всѣ способы для удовлетворенія всѣхъ нуждъ? Но какое это ужасное оружіе въ рукахъ солдатъ, доведенныхъ до отчаянія и жаждавшихъ мести! Не было различія между Французомъ и Русскимъ, иностранцемъ и соотечественникомъ: всѣхъ грабили самымъ недостойнымъ образомъ. Тѣ, которыхъ попадилъ огонь, не избѣжали грабежа, который доходилъ до такой степени, что многіе сожалѣли, что не погибли въ огнѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ“ [30]).

Пожары начали уменьшаться съ 5-го Сентября. Въ этотъ день къ вечеру небо покрылось тучами, и почью пошелъ сильный дождь; вѣтеръ началъ стихать, и огонь постепенно уменьшался. На другой день дождь продолжалъ идти съ большею силою, вѣтеръ стихъ совершенно, и пожары почти прекратились. Хотя повсюду еще дымились пожарища и кое-гдѣ вспыхивалъ огонь, но уже миновала гроза новаго огненнаго разлива. Удушливый воздухъ, раскаленный огнемъ, наполненный дымомъ и пепломъ, освѣжился на нѣсколько по крайней мѣрѣ времени, пока вновь не наполнился испареніемъ сгнивавшихъ труповъ людей и животныхъ, разбросанныхъ повсюду. Накаленная почва и мостовыя, по которымъ едва возможно было ходить, охолодѣли, и жителямъ, спасавшимся изъ одного мѣста въ другое отъ грабителей, уже не предстояло опасности попадать изъ огня въ полымя. Но всѣ эти обстоятельства еще болѣе усилили грабежъ, вмѣстѣ съ тою мѣрою, которую принялъ императоръ Наполеонъ для того, чтобы ввести его въ опредѣленныя границы: возвратившись въ Кремлевскій дворецъ, онъ предписалъ, чтобы каждый корпусъ, находившійся въ Москвѣ или ея окрестностяхъ, въ опредѣленные дни, одинъ за другимъ, отряжалъ отъ себя по нѣскольку ротъ для грабежа или, какъ говорилось въ приказѣ, для приготовленія себѣ запасовъ продовольствія [31]). Отряды, посыланные на грабежъ, полагая, что каждому изъ нихъ въ послѣдній разъ приходится идти на добычу, съ жадностью бросались на все. „На Московскихъ улицахъ встрѣчались только военные (говоритъ другой Французъ, также Московскій обыватель), которые толпились передъ домами, разбивая двери и окна, врываясь въ погреба и кладовыя. Жители прятались въ самыхъ сокровенныхъ мѣстахъ и позволяли себя грабить всякому нападавшему на нихъ. Что̀ всего было ужаснѣе въ этомъ грабежѣ, это систематическій порядокъ, который соблюдался при дозволеніи грабить послѣдовательно всѣмъ корпусамъ, одному за другимъ. Первый день принадлежалъ старой императорской гвардіи, слѣдующій молодой гвардіи, за нею грабилъ корпусъ Даву́ и т. д. Всѣ корпуса, стоявшіе вокругъ города, приходили по очереди

---

[30]) Ab. Surrugues, Lettres sur l'incendie de Moscou, стр. 19—20.

[31]) M. Chambray, Hist de l'expédition en Russie, т. II, стр. 131.

обыскивать насъ. Можете судить, какъ трудно было удовлетворить тѣхъ, которые являлись послѣдними. Около осьми дней безъ перерыва продолжался такой чередъ. Нельзя себѣ объяснить жадность этихъ негодяевъ, не видавъ собственнаго ихъ бѣдственнаго положенія. Безъ сапогъ, безъ нижняго платья, въ лохмотьяхъ вмѣсто одежды, вотъ въ какомъ положеніи находились солдаты великой арміи, исключая лишь императорскую гвардію. Когда они возвращались въ свои лагери, облеченные въ самыя разнообразныя одежды, то ихъ можно было распознавать развѣ только по оружію. Но всего ужаснѣе было то, что офицеры, также какъ и солдаты, ходили изъ дома въ домъ и грабили. Другіе, менѣе безстыдные, довольствовались грабежемъ въ собственныхъ квартирахъ. Даже генералы, подъ предлогомъ реквизицій по обязанностямъ службы, брали повсюду все, что̀ имъ нравилось, или перемѣняли квартиры съ тѣмъ, чтобы грабить новыя свои жилища [32])". Грабители не различали Русскихъ отъ иностранцевъ: „Какое мнѣ дѣло, что вы Французы! Что̀ вы здѣсь дѣлаете? Только какой нибудь негодяй Французъ не за одно съ нами! Вы эмигранты!" Вотъ какими словами угощали меня разъ по двадцати на день", говоритъ тотъ же Французъ, Московскій обыватель. Одинъ солдатъ забрался въ подвалъ, гдѣ скрывалось цѣлое семейство Французовъ. Не обращая никакого вниманія на ихъ народность, онъ обобралъ ихъ до̀-гола; но, замѣтивъ еще обручальное кольцо на рукѣ молодой женщины, онъ потребовалъ и кольца. На колѣняхъ она умоляла его оставить ей этотъ знакъ супружеской вѣрности; но онъ грубо отказалъ и грозилъ немедленно отрубить ей палецъ. Одинъ военный повстрѣчалъ Француженку, спасавшуюся отъ грабежа своихъ соотечественниковъ. Вѣжливыми словами, свидѣтельствовавшими объ его образованіи, онъ предложилъ ей свою защиту и, сопровождая ее, вызвался нести ея шубу (sa pelisse), чтобы она не утомилась. Она отказывалась изъ вѣжливости, онъ настаивалъ, и когда она передала ему свою шубу, единственное достояніе, которое удалось ей спасти отъ огня, онъ убѣжалъ, смѣясь надъ ея легковѣріемъ и довѣрчивостію. Переодѣваніе во всѣ возможныя одежды давало поводъ солдатамъ грабить даже своихъ офицеровъ, которыхъ они какъ будто бы не узнавали въ новыхъ одеждахъ. Такіе разсказы записалъ на память потомству третій Французъ, Московскій обыватель того времени [33]).

По словамъ этихъ очевидцевъ, послѣ того какъ прекратились пожары (8 Сентября, въ Воскресенье) и Наполеонъ снова поселился въ Кремлевскомъ дворцѣ, они надѣялись вздохнуть свободнѣе, полагая, что послѣ грозы наступитъ тишина. „Въ первую недѣлю (пребыванія Французовъ въ Москвѣ) никто не смѣлъ выходить изъ дому, изъ опасенія быть ограбленнымъ на улицѣ.

---

[32]) Chev. d' Ysarn, Relation du séjour des Français à Moscou. Brux. 1871 г., стр. 25—27.

[33]) Lecointe de Laveau, Moscou avant et après l'incendie, стр. 125—127.

Несчастные погорѣльцы извѣдали это собственнымъ опытомъ. Вторая недѣля не болѣе внушила довѣрія. Все что̀ уцѣлѣло отъ огня, не сдѣлалось снова его жертвою; но все что̀ уцѣлѣло отъ жадности солдатъ послѣ первыхъ ихъ поисковъ, сдѣлалось вновь жертвою ихъ алчности. Они не уважали ни стыдливости женскаго пола, ни невинныхъ дѣтей въ колыбели, ни сѣдинъ старости. Жалкія лохмотья бѣдняковъ, выхваченныя изъ огня, стали снова предметомъ зависти людей, которыхъ напустили грабить своихъ братьевъ [34])".

Порядокъ, который намѣревался придать Наполеонъ такому дѣлу какъ грабежъ, только его усилилъ, также какъ и то обстоятельство, что грабежъ долженъ былъ въ это время ограничиться нѣкоторыми предѣлами: послѣ пожара осталось не болѣе пятой доли уцѣлѣвшихъ отъ огня или мало пострадавшихъ зданій. По возвращеніи Наполеона въ Кремль, вся его многочисленная свита, всѣ военные начальники и офицеры, которымъ такъ надоѣла жизнь на бивуакахъ, двинулись за нимъ и заняли всѣ уцѣлѣвшіе дома. Собственныя выгоды побуждали ихъ охранять свои помѣщенія отъ грабежа. Подъ ихъ покровъ укрылись и многіе изъ Московскихъ жителей, прежде проживавшіе въ этихъ домахъ или случайно загнанные въ нихъ, какъ въ послѣднія временныя убѣжища отъ пожара и грабежа. Пользуясь ихъ защитою, они сопротивлялись грабителямъ при помощи солдатъ, которыхъ имъ назначали для охраны. Это обстоятельство было поводомъ къ мелкой, но по всему городу распространившейся междоусобной войнѣ въ средѣ великой арміи, стоившей немногихъ конечно жертвъ, но всегда сопровождаемой шумомъ, бранью и побоями. Грабители, пользуясь дозволеніемъ, проникали повсюду, по нѣскольку разъ въ день, одна шайка за другою, а часто въ одиночку или по нѣскольку человѣкъ. Обыватели обращались каждый разъ за помощью къ своимъ постояльцамъ — военнымъ начальникамъ. Тѣ отряжали солдатъ для ихъ защиты и, если этотъ отрядъ былъ сильнѣе пришедшаго на грабежъ, то онъ прогонялъ его безъ пощады, а въ противномъ случаѣ уклонялся отъ дѣйствія, спокойно объясняя, что эти разбойники не пощадятъ и ихъ самихъ. Не всѣ однакоже изъ однихъ личныхъ выгодъ оберегали остатки имущества тѣхъ домовъ, въ которыхъ они сами помѣщались; были многіе, которые руководились чувствомъ состраданія къ несчастнымъ жертвамъ и негодованіемъ къ неистовству грабителей [35]). Французы любили сваливать вину въ этомъ случаѣ на своихъ союзниковъ, Нѣмцевъ и Поляковъ. Въ первые дни по вступленіи въ Москву, одинъ Московскій житель Французъ встрѣтилъ у Мясницкихъ воротъ генерала верхомъ, въ сопровожденіи конвоя, который остановилъ его вопросомъ: говорите-ли вы по-французски? Получивъ утвердительный отвѣтъ, генералъ продолжалъ: „Что это

---

[34]) Ab. Surrugues, Lettres etc., стр. 28—29.

[35]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 61—63.

дѣлаютъ ваши Русскіе? Слыханное ли дѣло, чтобы жечь свою столицу?— „Я не знаю, кто ее поджигаетъ; но послѣдствія этого для насъ самыя гибельныя“, отвѣчалъ Французъ.—„Вѣроятно это ваши казаки“.—„Полноте, гдѣ вы видите теперь казаковъ?“—„Чертъ возьми, да они у воротъ города; не далѣе какъ вчера, на той дорогѣ (онъ указалъ по направленію къ Тверской заставѣ), мы ихъ прогнали. Могу васъ увѣрить въ этомъ, потому что я самъ командовалъ. Такъ не ведутъ войны!“—„Что же дѣлать, отчаяніе привело къ этимъ мѣрамъ, которыя всѣхъ насъ погубятъ. Вотъ посмотрите на этого несчастнаго, котораго грабятъ и бьютъ ваши солдаты. Какъ же вы хотите, чтобы это не вызвало подобныхъ послѣдствій?“—„Ей, солдаты! крикнулъ генералъ, оставьте этого гражданина! Это все эти черти Виртемберцы такъ грабятъ“ [36]).

Дѣйствительно, Русскіе люди, разсказывая потомъ объ испытанныхъ ими бѣдствіяхъ, говорили: „Надо по совѣсти сказать, настоящіе-то Французы очень добры; гдѣ стащатъ, а гдѣ и своимъ подѣлятся. А ихъ пришельцовъ въ народѣ пуще собакъ ненавидѣли: въ нихъ жалости нѣтъ“. „Намъ на нихъ жаловаться нечего, разсказывала одна послушница Рождественскаго монастыря, бывшая въ то время 12-ти лѣтнею дѣвочкою; что̀ правда, то правда, добра-то они нашего не щадили; а все же грѣшно сказать, чтобы они до чиста обобрали и что̀ на насъ увидятъ, того не берутъ. Одинъ только разъ вышла матушка-игуменья въ шубкѣ и въ мѣховомъ воротникѣ. Подошелъ Французъ, захватилъ шубку за полу и тащитъ. Дѣлать нечего, матушка сняла ее съ себя; а онъ вынулъ саблю, отрѣзалъ воротникъ, а шубку отдалъ матушкѣ назадъ. А меня они всѣ ласкали (она была больная, не владѣла ногами): видно я имъ ужъ очень жалка была. Каждый день, бывало, пойдутъ они на добычу и чего-чего не нанесутъ: и варенья, и смоквъ, и пряниковъ, всякихъ крепделей, потому что въ лавкахъ и кладовыхъ много оставалось запасовъ. Какъ бывало придутъ съ кульками да съ узлами, такъ мнѣ полныя колѣни всякой всячины насыплютъ. Ласкаютъ меня, бывало, по головѣ гладятъ и все говорятъ: бо бо, бо бо. Добрые были ребята“ [37]). Хотя вообще воспоминанія о безпощадномъ грабежѣ у Русскихъ людей соединились особенно съ Нѣмцами и Поляками, но нельзя не замѣтить, что приведенные отзывы относятся до Французовъ, бывшихъ на постоѣ въ уцѣлѣвшихъ отъ пожара зданіяхъ; а съ постоемъ грабежъ мародеровъ по домамъ (по свидѣтельству современниковъ) прекратился. Внѣ же домовъ иногда происходили ужасныя сцены. Вотъ одна изъ нихъ. По той сторонѣ верхняго Прѣснепскаго пруда шелъ кто-то изъ Русскихъ и вздумалъ понюхать табаку изъ серебряной табакерки. Къ несчастію его, въ это самое время поравнялся съ нимъ ѣхавшій верхомъ непріятельскій уланъ. Увидавъ серебряную табакерку, онъ тотчасъ потребовалъ ее себѣ. Русскому не хотѣлось разстаться съ своею собственностію. Уланъ нисколько

---

[36]) Chev. d' Ysarn, Relation etc., стр. 23.

[37]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 18, 128 и слѣд.

не задумался: въ одно мгновеніе проткнулъ его пикой и воспользовался табакеркой. „При пораженіи, несчастный упалъ спиной на скамейку, голова его свѣсилась назадъ, а ноги касались земли. Въ этомъ положеніи онъ находился болѣе недѣли [38])“.

На третій уже день послѣ вступленіи непріятеля въ Москву, пожаръ объялъ большую половину города и съ одной стороны выгналъ притаившихся въ своихъ домахъ жителей, а съ другой наполнилъ ее шайками грабителей. Выбѣгая изъ горѣвшихъ домовъ, съ имуществомъ, которое успѣвали захватить, несчастные жители попадались въ руки грабителей, которые не только отнимали у нихъ послѣднее достояніе, но часто ихъ же самихъ заставляли тащить за собою награбленныя ими вещи, сопровождая свои приказанія угрозами и побоями. Кому удавалось избавиться отъ одной шайки, тотъ попадалъ въ руки другой, третьей и такъ далѣе, пока разутый и раздѣтый, измученный, избитый, въ лохмотьяхъ и безъ пищи, успѣвалъ гдѣ нибудь укрыться. По всѣмъ улицамъ, при свистѣ вѣтра и громѣ разрушавшихся отъ пожара зданій, раздавались неистовые крики и выстрѣлы грабителей, вопли и стоны ихъ несчастныхъ жертвъ. Женщины не только подвергались грабежу, нещадившему ихъ стыдливости, но и преступнымъ покушеніямъ и насилію. Улицы наполнялись обгорѣлыми обломками зданій, полурасплавленными листами желѣза, трупами людей и животныхъ. Когда прекратился пожаръ, немногіе изъ жителей укрывались въ уцѣлѣвшихъ домахъ, занятыхъ Французами. Тѣ кому удавалось найти себѣ пріютъ, охотно принимали другихъ несчастныхъ и дѣлились скудными средствами пропитанія. Въ эту годину горя и страданій всѣ братски помогали другъ другу и взаимно облегчали страданія [39]). Многіе изъ жителей скрывались въ кое-гдѣ уцѣлѣвшихъ развалинахъ, въ надворныхъ постройкахъ, въ ямахъ и погребахъ, гдѣ притаившись сидѣли днемъ и выходили ночью или рано утромъ, чтобы добыть дневное пропитаніе. Большая же часть оставались подъ открытымъ небомъ, въ садахъ, огородахъ, пустыряхъ, многочисленныхъ въ тогдашней Москвѣ, и на кладбищахъ. Такъ описывается въ одномъ изъ современныхъ сказаній житье-бытье Московскихъ погорѣльцевъ на Орловомъ лугу *). Въ числѣ немногихъ твердо вѣрившихъ графскимъ афишкамъ (въ которыхъ сказано, чтобы „всѣ оставались въ Москвѣ, сюда Бонапарта не допустятъ“), былъ дьяконъ церкви Петра и Павла на Якиманкѣ. Но когда, въ первый же день вступленія непріятелей въ Москву, незванные гости нѣсколько разъ посѣтили его домъ, онъ рѣшился уйти изъ Москвы съ молодою женою и грудными ребенкомъ. Но куда же мы пойдемъ? спрашивала его жена.—Куда глаза глядятъ, отвѣ-

---

[38]) П. Г. Кичеевъ, Изъ недавней старины, стр. 31 и слѣд.

[39]) Разсказъ Москвича о Москвѣ въ 1812 г. (Чтенія въ Москов. общ. исторіи и древн. 1859, кн. 2, отд. V, стр. 101—102, 110; B... ch, Hist. de la destruction de Moscou, Paris 1822, стр. 128; С. М. Любецкаго, Москва въ 1812 г., стр. 185.

*) Близъ Нескучнаго. *П. Б.*

чалъ діаконъ: намъ здѣсь ужъ мѣста нѣтъ. „Но лишь только мы прошли шаговъ сто, разсказывала дьяконица, какъ повстрѣчались съ однимъ изъ нашихъ прихожанъ. Куда идете, отецъ діаконъ? Мужъ говоритъ: идемъ на авось, къ Калужской заставѣ, посмотрѣть, что тамъ дѣлается. А тотъ говоритъ: „Тамъ стоятъ Французскіе караульные и васъ изъ Москвы не выпустятъ; а шли бы вы къ Крымскому броду, на Орловъ лугъ; туда много народу сошлось, и я со своими туда думаю пробраться. Повернули мы къ Крымскому броду и видимъ издали на Орловомъ народу, что̀ муравейникъ. Сѣли тутъ и мы; я стала оглядываться и прислушиваться. Чего-чего тамъ не было: и старый, и малый, и нищій, и богатый. Корзинки съ новорожденными дѣтьми, собаки, узелки, сундуки. Всѣ расположились на лугу, и говоръ-то говоръ, что̀ пчелиный рой. Около насъ лежала больная; такъ ея жаль сердечную! Молоденькая да хорошенькая, и видно, что въ богатствѣ жила, а какую нужду пришлось терпѣть! Всѣ за ней ухаживали, кто чѣмъ могъ пособлялъ. Какъ придетъ ночь, одѣнутъ ее потеплѣе и уложатъ попокойнѣе. Да, ужъ какой покой на сырой землѣ, подъ открытымъ небомъ! При ней была горничная дѣвушка, и все-то она плакала и разсказывала намъ, что пріѣзжала она съ барином и барыней изъ деревни не надолго въ Москву, и остановились они въ пустомъ домѣ у родственниковъ. Баринъ-то въ армію уѣхалъ, а женѣ велѣлъ въ деревню отправляться. Она бѣдняжка разнемоглась, отъ того и замѣшкалась; а ужъ тутъ, видите, больная-ли, здоровая-ли, а ѣхать надо, и собрались. Все уже было готово, карета заложенная у подъѣзда стояла; вышли они уже совсѣмъ садиться, а тутъ Французы нагрянули и стали все изъ кареты выбирать. Хотѣли кучеръ и лакей заступиться, а Французы ихъ разогнали. Люди бѣжали неизвѣстно куда и такъ пропали безъ вѣсти; а у насъ (говорила горничная), мало что пожитки отняли, и карету увезли. Куда дѣваться? Въ пустомъ домѣ страхъ беретъ; я и привела ее сюда черезъ силу. Говорятъ, на людяхъ и смерть красна. Живемъ мы здѣсь недѣлю и больше, а больная не поправляется и все тоскуетъ. Дѣвушка ея и придумала: пойду я, говоритъ, на счастье узнаю, нѣтъ ли кого изъ ея родственниковъ или знакомыхъ; а я съ ней одна ума не приложу, что̀ дѣлать. Ушла она, а меня просила за больной присмотрѣть. Часа черезъ три приходитъ, а съ ней старичекъ-дядя этой барыньки. Какъ она ему обрадовалась, обнимала, обнимала, а сама плачетъ! Онъ говоритъ: успокойся, я тебя отсюда возьму, и уѣдемъ мы въ деревню. Теперь трудненько найти здѣсь лошадей, да авось Богъ поможетъ; я попрошу Французскихъ начальниковъ, чтобы они намъ пропускъ дали. И точно дня черезъ два пріѣхалъ онъ въ колескѣ, парой; а за нимъ два Французскіе солдата верхомъ. Они всѣхъ насъ благодарили за уходъ; а мы за нея бѣдняжку такъ рады! Перенесли ее въ коляску, и они уѣхали“ [40]). И жители этой юдоли плача испытывали иногда радостныя впечатлѣнія!

---

[40]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 73—75.

„Погода, на наше счастье (продолжаетъ разскащица) стояла сухая; только ночи, разумѣется, были свѣжи. Прикроемся, бывало, всѣмъ своимъ тряпьемъ, да гдѣ сидѣли, тамъ и приляжемъ. Насчетъ пищи мы жили безъ нужды: всѣ кондитерскія остались отперты, да частныя кладовыя, да ряды. Они горѣли, да не всѣ, и много въ нихъ добра осталось. Цѣлыя цыбики чаю стояли, головы сахара, и всякаго было много съѣстнаго припаса. У насъ на лугу постоянно самовары кипѣли; либо разложатъ огонь и варятъ какую нибудь похлебку. Провизію брать изъ рядовъ да изъ кладовыхъ мы не считали грѣхомъ, потому что она и безъ того бы не уцѣлѣла; опять, не умирать же намъ съ голоду! Но вотъ бѣда, что многіе изъ нашихъ грабили нехуже непріятеля. Уйдутъ, бывало, съ Орлова луга, бродятъ по пустымъ домамъ и принесутъ съ собой цѣлые узлы накраденныхъ вещей. И смотрѣть-то бывало срамно! Случалось и то, что грѣхъ-то на душу возмутъ, а покорыствоваться все-таки не придется. Иной разъ еще не донесутъ до мѣста пограбленнаго добра, а непріятели его отобьютъ. И страшно было и грустно; а иной разъ, по молодости, разболтаешься съ добрыми людьми и повеселѣешь. Помню я разъ, что смѣху-то было!“

Кухарка разскащицы отправилась въ Гостинный Дворъ поискать провизіи; съ ней пошелъ молодой двоюродный братъ дьяконицы, прослышавшій, что въ лавкахъ стоятъ цѣлыя бочки съ медомъ. Едва онъ нашелъ ихъ и хотѣлъ наполнить медомъ принесенный кувшинчикъ, какъ подоспѣли непріятельскіе солдаты, отняли у него кувшинчикъ и за сопротивленіе бросили его самаго головою въ бочку съ медомъ и со смѣхомъ ушли. Много стоило усилій мальчику выбраться изъ бочки, и еще болѣе кухаркѣ обмыть его на рѣкѣ отъ липкаго меду. Эта любезная шутка грабителей и вызывала веселый смѣхъ у обитателей Орлова луга. Смѣялась молодежъ, хотя тяжелая грусть подступала къ сердцу. У молодой дьяконицы таялъ и умиралъ на рукахъ ребенокъ, ея первенецъ, отъ голоду. Съ испугу она потеряла молоко, а ребенокъ съ трудомъ принималъ другую пищу.

„Москва горѣла (продолжаетъ разскащица), разлился пожаръ во всѣ стороны, что̀ огненное море, и вспомнить-то страшно! Ходили, что̀ ни день съ Орлова луга каждый въ свою сторону, узнать что̀ тамъ дѣлается, и многіе возвращались съ плачемъ и разсказывали, что отъ ихъ домовъ остались одни обгорѣлые столбы. Ждали и мы своей очереди и дождались. Сначала, кто изъ прихожанъ ходилъ къ намъ на Якиманку, разсказывалъ, что у насъ пока все благополучно и что въ домѣ Рахманова, противъ самыхъ воротъ, квартируютъ Французы, и ихъ генерала все хвалили: говорили, что никого изъ нашихъ, кто остался въ своей сторонѣ, онъ не обижаетъ. Разъ сидимъ мы ранешенько утромъ, толкуемъ о своемъ горѣ, вдругъ прибѣжали къ намъ мальчишки съ Якиманки (родители-то ихъ къ намъ прихожане были) и кричатъ въ нѣсколько голосовъ: ну, отецъ діаконъ, сгорѣлъ твой домикъ; весь до тла сгорѣлъ, и батюшкинъ, и дьячковской, все погорѣло! Какъ я это услыхала, то себя не вспомнила, да

такъ и взвыла; а мужъ взглянулъ на меня и говоритъ: О чемъ ты плачешь? Видишь, все гибнетъ, и мы погибнемъ; а ты о своей лачужкѣ плакать вздумала. Такой онъ былъ мрачный и сердитый съ того самаго дня, какъ къ намъ Французы пришли: словно его варомъ обдало. Не смѣешь, бывало, съ нимъ слова вымолвить. Ни на что онъ не жаловался, а желтый такой сталъ да блѣдный, настоящимъ смотрѣлъ старикомъ. Сначала къ намъ непріятелей хаживало немного. Придутъ, бывало, обойдутъ Орловъ лугъ и что̀ имъ приглянется стащутъ, платокъ-ли съ кого, съѣстное-ли что. Всякій радъ имъ отдать, лишь бы только ушли. А потомъ все чаще къ намъ заглядывать повадились; оттого-ли что провизія вездѣ стала истощаться, или они бродили отыскивать себѣ добычи, ужъ не знаю. Иные не очень насъ разобижали, а отъ другихъ просто житья не было. Разъ помню, идутъ ихъ человѣка четыре и несутъ большіе мѣшки, должно быть что нибудь награбили; и позвали они какого-то мѣщанина да моего мужа имъ пособить. А Дмитрій Васильевичь говоритъ: не пойду, я и такъ еле ноги таскаю, обратился къ нимъ спокойно и пошелъ въ другую сторону. Они разсердились и бросились къ нему. Одинъ выхватилъ саблю и показываетъ, что убьетъ мужа, если онъ съ ними не пойдетъ. Наши прихожане закричали: иди, отецъ-дьяконъ; вѣдь ихъ окаянныхъ не переспоришь. И я закричала: голубчикъ мой, не губи ты себя, не покинь меня сироту съ малымъ ребенкомъ. Онъ не отозвался и взялъ мѣшокъ, пошелъ съ ними. Молоденькихъ женщинъ тоже бывало не промигаютъ. Разъ пришли къ намъ человѣкъ сорокъ и разбрелись по лугу. Кто всякое добро подбираетъ, кто къ женщинамъ пристаетъ. Одинъ подошелъ ко мнѣ и потрепалъ меня по щекѣ. Я отъ него; а онъ, спасибо, за мною не погнался. Мужъ это видѣлъ и сталъ еще пасмурнѣе. Какъ они ушли, онъ говоритъ: долго ли намъ здѣсь оставаться? Кончится тѣмъ, что всѣхъ насъ перебьютъ. Пожили около двухъ недѣль подъ открытымъ небомъ, довольно. Вѣдь у всякаго звѣря есть своя нора. Перейдемте въ нашу церковь: тамъ и жить будемъ. Хотя оно и не показано, да вѣдь некуда головы преклонить. Польютъ дожди, здѣсь хоть умирай. Съ насъ и Господь не взыщетъ въ такой бѣдѣ“ [41]).

Такъ проживали насчастные Москвичи, собираясь на городскихъ пустыряхъ, садахъ и кладбищахъ. Но житье-бытье на Орловомъ лугу было сравнительно лучше, нежели въ другихъ мѣстахъ. Въ приведенномъ разсказѣ не говорится ни объ убійствахъ, ни о безчеловѣчныхъ насиліяхъ, которыя совершались повсюду и вызывали месть со стороны Русскихъ. Въ приближенныхъ къ Орлову лугу частяхъ города былъ расположенъ постоемъ корпусъ маршала Даву, и его квартира находилась на Дѣвичьемъ полѣ въ домѣ князя Щербатова *). Этотъ маршалъ отличался неумолимою строгостью, поддер-

[41]) Тамъ-же, стр. 75—81; ср. Русск. Вѣстникъ 1872 г. Ноябрь, стр. 271 и слѣд.; Кичеевъ, Изъ недавней старины, стр. 21; Абб. Сюрюгъ, Lettres etc. стр. 23.

*) Впослѣдствіи домъ М. П. Погодина.

живая порядокъ и дисциплину между своими солдатами. Вѣроятно грабители, посѣщавшіе Орловъ лугъ, принадлежали къ этому корпусу и опасались, чтобы жалобы на ихъ дѣйствія не дошли до маршала, который бы не пощадилъ виновныхъ.

Это обстоятельство было причиною того, что дѣвичій монастырь на Дѣвичьемъ полѣ, не смотря на то, что въ немъ стоялъ цѣлый полкъ, не только не подвергся грабежу, но пользовался покровительствомъ, и въ немъ ранѣе другихъ церквей началась служба и продолжалась до выхода Французовъ изъ Москвы. „Всѣ на нихъ жаловались (говоритъ свидѣтельница событій, монахиня этого монастыря), а намъ грѣшно сказать. А у насъ стояли не одни Французы, но и Поляки, и насъ не обижали, все потому, что ихъ начальникъ, Задёра, грѣха боялся. Въ тотъ самый день, когда они поселились у насъ, онъ вошелъ въ больничную церковь, а мы какъ пріобщались, такъ и оставили въ алтарѣ крестъ серебряный, Евангеліе и чарку съ теплотой. Батюшко-то не успѣлъ прибрать. А Задёра все это взялъ и принесъ къ Саррѣ Николаевнѣ (казначеѣ, замѣнявшей игуменью). На, говоритъ, *пани* и показываетъ, что за всѣхъ солдатъ отвѣчать нельзя. А батюшку просилъ, что если мои солдаты обижать станутъ, вы мнѣ жалобу принесите. Однако батюшка не сказывалъ, что они въ первый-то день нашалили (награбили нѣсколько вещей изъ келій, отведенныхъ имъ подъ постой), потому, говоритъ, что они и не то бы еще могли сдѣлать. И Французскій начальникъ тоже батюшку призывалъ (вѣроятно маршалъ Давý) и говорилъ, что не позволитъ своимъ грабить или какое притѣсненіе намъ дѣлать. „Что̀ намъ надо, говорилъ, мы тоже стѣснятся не можемъ; а васъ даромъ обижать не будемъ. Вы можете тоже церковную службу свою справлять“. А батюшка ему говоритъ: мы бы рады, да намъ для совершенія литургіи требуется красное вино и пшеничная мука, а у насъ теперь все вышло. „Если вы желаете, говорилъ генералъ, я вамъ всего пришлю. Намъ даже будетъ пріятно, что вы свою службу справлять будете“. Батюшка его поблагодарилъ, а онъ въ тотъ же день прислалъ ему муки и вина бутылки-три, и что́ ни Воскресеніе, что̀ ни праздникъ, была у насъ обѣдня въ соборной церкви“ [42]).

Не то однакоже было въ другихъ мѣстахъ, гдѣ пріютились толпы Московскихъ погорѣльцевъ. Непріятели безчеловѣчно грабили даже своихъ соотечественниковъ, укрывавшихся на Нѣмецкомъ кладбищѣ, не щадя ни пола, ни возраста. На обширный огородъ возлѣ церкви Спаса во Спасскомъ, гдѣ укрывалось около ста человѣкъ погорѣльцевъ и большею частію женщины, забрались два грабителя. „Они были безъ сапогъ, безъ рубашекъ; платье едва прикрывало ихъ наготу. Обнаживъ тесаки, они требовали сапогъ и другихъ вещей, въ которыхъ сами нуждались. „Казалось безумнымъ дѣломъ сопротивляться, и потому имъ отдавали все, говоритъ одна изъ жертвъ насилія. Но мародеры, видя, что мы не

---

[42]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 18—19.

дѣлаемъ ни малѣйшаго сопротивленія ихъ нахальнымъ требованіямъ, вздумали раздѣвать женщинъ, обыскивая ихъ безстыднымъ образомъ. „Господа, вы можете отнимать у насъ все что̀ хотите; но если вы дотронетесь до женщинъ, то мы бросимъ васъ въ эту грязную воду!“ и указалъ на прудъ, находившійся въ этомъ огородѣ. Грабители присмирѣли и пошли прочь“ [43]).

Не вездѣ однакоже такъ дешево отдѣлывались одинокіе или въ маломъ числѣ приходившіе грабители. „Нерѣдко бывало, говоритъ другая свидѣтельница, что и мы съ ними справимся. Они по ночамъ не бродили, потому наши мущины хаживали ночью за провизіею; а когда случится какая крайность, такъ и днемъ пойдутъ, дѣлать нечего. Вотъ разъ ушли они, а при насъ остался только мой отецъ. Къ обѣду къ намъ вломился непріятельскій солдатъ. У него на плечѣ была длинная дубина; онъ поддерживалъ ее лѣвою рукою, а правою схватилъ отца за воротъ. Я подбѣжала сзади къ этому разбойнику, выхватила у него дубину, да хвать его по затылку. Онъ упалъ; мы всѣ на него бросились, порѣшили съ нимъ и оттащили его въ прудъ. Въ этотъ прудъ да въ оба колодезя много побросали мы непрошенныхъ гостей. Придутъ ихъ, бывало, человѣкъ пять, обшарятъ вездѣ; мы ничего: смотри, благо на пустое мѣсто пришелъ; развѣ съ кого платьишко стащатъ, а ужъ если забижать вздумаютъ, то мы съ ними сладимъ: ни одного живаго не выпустимъ. Хотя и жаль, да своя-то голова дороже. Побили бы ихъ да и отпустили; но они, пожалуй, пойдутъ и съ сердцевъ наведутъ къ намъ цѣлую стаю своихъ, да насъ же всѣхъ передушатъ. Ну и убьемъ до смерти. Помню я, пришелъ къ намъ разъ купецъ Зарубинъ; у него въ домѣ непріятели стояли и просили, нельзя ли имъ рыбы половить. А Зарубинъ зналъ, что въ прудѣ генеральши Киселевой караси водились, и спрашиваетъ у батюшки: нельзя ли мнѣ въ вашъ прудъ неводъ бросить? А батюшка говоритъ: нечего насъ и спрашивать, прудъ не нашъ; да что ты, Григорій Никитичъ, въ свой неводъ захватишь: либо карася, либо молодца?“ [44]).

Не одно чувство самосохраненія, безъ сомнѣнія, служило главною побудительною причиною къ избіенію непріятелей; но и чувство мести, естественно возбужденное неистовствами грабителей и святотатствомъ великой арміи. Много непріятелей погибло въ разныхъ углахъ Москвы, въ колодцахъ, подвалахъ, погребахъ и прудахъ. „Привелъ меня Богъ въ то время видѣть грѣшное дѣло, разсказываетъ одинъ изъ очевидцевъ. Иду я разъ раннимъ утромъ по Дѣвичьему полю: хотѣлъ тамъ поискать, не попадется ли какая провизія въ погребахъ. Противъ самаго дома, что̀ теперь Мальцева, вышелъ человѣкъ изъ воротъ дома купца Барыкова, по платью должно быть мѣщанинъ; а полемъ идетъ Французъ и зоветъ его: алё. Я поскорѣй спрятался за уголъ забора, чтобы

[43]) Бестужевъ-Рюминъ, Чтенія въ Моск. общ. исторіи и древн. 1859 г., кн. II, отд. V, стр. 171; Абб. Сюргъ, Lettres etc., стр. 29.

[44]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 95—96.

онъ и меня не подозвалъ, да оттуда и выглядываю. Французъ кричитъ алё, а нашъ ему алё и манитъ его руками, головой кивaетъ и показываетъ, чтобы онъ за нимъ шелъ; а самъ къ воротамъ назадъ побѣжалъ. Французъ за нимъ. Какъ они вошли въ ворота, я подкрался и смотрю въ щель забора. Вижу, нашъ побѣжалъ къ колодезю и машетъ руками и въ колодезь показываетъ. Какъ Французъ нагнулся, нашъ-то уперся ему въ шею обѣими руками и бросилъ его въ колодезь. Я слышалъ, какъ крикнулъ Французъ, и меня точно варомъ обдало. Стою я на своемъ мѣстѣ точно прикованный. Тутъ вижу, нашъ вышелъ опять изъ воротъ, пошелъ вдоль забора и остановился около меня. Что, говоритъ, видѣлъ? Хоть однимъ меньше! А я говорю: за что ты его сгубилъ? Вѣдь онъ на тебя не нападалъ. Онъ взглянулъ мнѣ прямо въ глаза и говоритъ: Должно быть они у тебя жены не отнимали, да никто изъ твоихъ подъ пулями не стоитъ, да не видалъ ты, что колѣлыхъ лошадей въ нашихъ храмахъ!—Чтожъ, говорю, за ихъ грѣхи да кощунство Господь ихъ накажетъ; а противъ ихъ пуль у насъ свои пули есть, а невиннаго да безоружнаго намъ губить не показано. Онъ на мои слова не отозвался и ушелъ въ другую сторону; а я не помню, какъ домой добрелъ, все-то мнѣ мерещилось, какъ Французъ въ колодезѣ тонетъ“ [45]).

Если въ этихъ словахъ возможно усматривать чувство личной мести, то вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ выражается и чувство гражданскаго долга, побуждающаго всѣми способами содѣйствовать вооруженной силѣ для освобожденія Отечества отъ враговъ, внесшихъ разбой и грабежъ въ среду мирныхъ его гражданъ и оскорбившихъ всѣ священныя вѣрованія народа. Хотя вообще во время войны наступательной въ нѣдрахъ Отечества, войны сопровождаемой поступками такого необузданнаго звѣрства, подобный образъ дѣйствій представляется неизбѣжнымъ; но во всякомъ случаѣ нельзя не остановиться съ сочувствіемъ на томъ впечатлѣніи, которое этотъ поступокъ произвелъ на другаго Русскаго человѣка. Всякое убійство, не въ рядахъ войскъ или добровольно вооружившихся противъ врага гражданъ, не во время сраженій, Русскій человѣкъ считаетъ преступленіемъ. Будь оно вызвано даже необходимостью самозащиты, оно тяготитъ его въ послѣдствіи, какъ грѣхъ. Съ этимъ чувствомъ мы встрѣтимся не разъ; оно объясняетъ то свойство Русскаго характера, въ которомъ хотятъ замѣтить какую-то страдательную покорность предъ роковою, подавляющею силою.

Въ первые дни вступленія въ Москву Французовъ, по сказанію современниковъ, погорѣльцы довольно спокойно проживали въ своихъ убѣжищахъ. Сухая и теплая погода благопріятствовала житью подъ открытымъ небомъ. Грабители посѣщали ихъ рѣдко; по нѣскольку разъ уже ограбленные, жители не возбуждали ихъ жадности, которую привлекала другая, болѣе богатая добыча въ лавкахъ, домахъ и особенно въ храмахъ и монастыряхъ.

---

[45]) Тамъ же, стр. 40—42.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Многочисленные церкви и монастыри Московскіе привлекли конечно особенное вниманіе опытныхъ грабителей, посѣщавшихъ уже христіанскіе храмы западной Европы, особенно въ Италіи и Испаніи. Произведеній искусства, для этихъ цѣнителей изящнаго, начиная съ самаго Наполеона и его маршаловъ, тутъ не нашлось; но въ Московскихъ храмахъ и монастыряхъ можно было захватить много золота, серебра, жемчуговъ и драгоцѣнныхъ камней. Непріятели наслышались о богатствахъ столицы и о благочестіи ея жителей. Ихъ ожиданія далеко не были удовлетворены. Назначенныя графомъ Ростопчинымъ 300 подводъ въ распоряженіе архіепископа Августина увезли конечно значительное количество церковныхъ сокровищъ; но 267 приходскихъ церквей (не считая домовыхъ) и 24 монастыря внутри Москвы и три подгородныхъ обладали такимъ огромнымъ количествомъ драгоцѣнныхъ украшеній, ризъ на иконахъ и церковной утвари, что конечно этотъ обозъ не могъ вывезти всего. По извѣстіямъ, доходившимъ отовсюду, куда ни вступалъ непріятель, Московскіе іерархи могли предвидѣть конечно, какая участь ожидаетъ храмы и монастыри столицы. Митрополитъ Платонъ и его викарій употребляли всѣ способы, чтобы во время ихъ вывезти изъ Москвы. Еще до отправленія большаго обоза, 31 Августа, архіепископъ Августинъ совѣтовалъ настоятелямъ монастырей удаляться изъ городу и увозить церковныя драгоцѣнности; а настоятельницамъ вмѣстѣ съ тѣмъ и монахинь, особенно молодыхъ, и послушницъ. Августинъ помогалъ имъ нанимать подводы. По мѣрѣ ухода изъ Москвы прихожанъ, онъ разрѣшалъ и священникамъ съ причтами опустѣлыхъ приходовъ выѣзжать изъ Москвы и увозить съ собою сокровища изъ храмовъ. Изъ Московскихъ монастырей, включая Симоновъ, Перервинскій и Златоустовскій, вывезены были „только лучшая ризница и драгоцѣнныя утвари“; но оставалось еще много украшеній на иконахъ и менѣе цѣнныхъ вещей. Настоятель Донскаго монастыря оставилъ „образа во всемъ ихъ украшеніи, также большую часть облаченій (какъ объяснялъ впослѣдствіи его преемникъ) для того, чтобы не встревожить народъ“,—опасеніе, которымъ руководился и Московскій главнокоман-

дующій и которое заявлено было священникамъ и настоятелямъ монастырей 30 Августа чрезъ благочинныхъ [1]).

Изъ пяти женскихъ монастырей и одного мужскаго ни ризница, ни утварь вовсе не были вывезены, точно также изъ большей части Московскихъ церквей. Конечно, въ виду грозившей опасности, вездѣ были приняты мѣры, чтобы скрыть отъ непріятеля церковныя драгоцѣнности: ихъ или зарывали въ землю, или опускали въ пруды и озера, или скрывали въ другихъ мѣстахъ, казавшихся наиболѣе безопасными. Такими способами удалось дѣйствительно уберечь отъ расхищенія многія изъ нихъ; но за то это тяжело отозвалось на остававшихся въ Москвѣ жителяхъ и особенно монашествующихъ и бѣлаго духовенства. Опытные грабители тотчасъ смекнули, что церковныя имущества гдѣ либо спрятаны. Они не вѣрили, что большая часть ихъ была уже далеко отъ Москвы и употребляли всѣ способы отыскать ихъ. Непріятели врывались, болѣе или менѣе значительными шайками, въ церкви и начинали съ того, что забирали всѣ драгоцѣнности, которыя оставались на виду, ризы, сосуды и другую утварь, обдирали ризы и вѣнчики съ иконъ. Потомъ начинался допросъ монахамъ, священно и церковно-служителямъ о томъ, гдѣ сокрыто церковное имущество. Требуя подъ угрозою смерти указаній, грабители сопровождали свои допросы всевозможными побоями и истязаніями. Въ Богоявленскомъ монастырѣ непріятели „таскали казначея, престарѣлаго іеромонаха Аарона, за волосы и бороду, приставляя къ груди штыки; домогаясь, гдѣ имущество, разломали кладовыя и все разграбили. Потомъ взяли казначея и монаховъ подъ пощи въ ряды. И они несли сукно и красное вино по Тверской, среди пылающихъ домовъ. При заставѣ у солдатъ отняли несомое другіе солдаты и монаховъ отпустили;

---

[1]) Въ 1817 г. Окт. 31, князь А. Н. Голицынъ писалъ преосвященному Августину, что Императору угодно имѣть вѣрныя свѣдѣнія о происшествіяхъ въ Московскихъ монастыряхъ во время пребыванія въ Москвѣ Французовъ. Въ исполненіе воли Государя, преосвященный собралъ свѣдѣнія отъ всѣхъ настоятелей и настоятельницъ и 5 Декабря того-же года представилъ составленную изъ нихъ записку, которая напечатана въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. 1858 г. кн. 4, отд. II, стр. 36—48. Нѣкоторыя изъ подлинныхъ донесеній также напечатаны въ этихъ Чтеніяхъ 1861 года, кн. 1, стр. 193—197 и 1871 г. кн. 2, стр. 80—85; но большая часть осталась въ дѣлахъ Консисторіи. Изъ нихъ составлялись записки частными лицами; одна была издана въ Русск. Арх. 1869 г., стр. 1387—1399, другая въ Исторіи Моск. епархіальнаго управленія г. Розанова, ч. II, пр. стр. 19—32. Онѣ различаются лишь нѣкоторыми подробностями и числомъ монастырей. Въ 1836 г., по указу Синода 30 Мая, для г. Михайловскаго-Даниловскаго была составлена, по распоряженію митрополита Филарета, записка о подвигахъ духовенства въ Москвѣ и ея уѣздѣ въ 1812 г. по дѣламъ Консисторіи и вновь собраннымъ свѣдѣніямъ. Она не напечатана. Въ дополненіе къ ней изъ тѣхъ же свѣдѣній сотавлено описаніе храмовъ и монастырей въ Москвѣ при Французахъ и напечатано въ Моск. епарх. вѣдомостяхъ 1871 г. №№ 14, 31, 37; 1872 г. №№ 13 и 51. Эти записки составили главные источники для предлагаемаго разсказа. Исчисляю ихъ, чтобы избѣжать частыхъ указаній на одни и тѣже источники. Но они дополняются многими другими, на которыя и указано въ своихъ мѣстахъ.

но попавшіеся на пути другіе солдаты опять заставили ихъ везти телегу съ винами, не въ заставу, а черезъ гряды и валъ". Казначей Ааронъ попалъ въ монастырь уже на другой день къ вечеру; тутъ вновь нашли его непріятели и подлѣ Георгіевской церкви черезъ переводчика допрашивали, гдѣ серебряныя и золотыя вещи; били его въ два палаша по спинѣ и оставили безъ чувствъ. Въ первый день вступленія въ Москву, непріятели выгнали изъ Заиконоспасскаго монастыря всѣхъ оставшихся тамъ монаховъ, „ограбивъ ихъ до наготы, и употребляли подъ ноши. Іеромонахъ Викторъ за Новинскимъ монастыремъ былъ брошенъ въ Москву рѣку; но онъ ее переплылъ и ночевалъ на берегу среди кустовъ, зарывшись въ песокъ. Іеродіакона Вонифатія, который по древности не могъ нести ноши, также спустили въ рѣку, грозя потопить или отсѣчь голову. Іеродіакона Владиміра употребляли подъ ноши нагаго и, покрывъ св. покровомъ, приводили въ Кремль къ королю Неаполитанскому, который разбиралъ приводимыхъ Русскихъ. Его сочли за казака и угрожали разстрѣлять". Изъ Покровскаго монастыря, ограбивъ храмы, 4 Сентября, взяли пять монаховъ за заставу, „истязали ихъ, домогаясь, гдѣ имущество и, когда нашли у одного монаха нѣсколько денегъ зашитыхъ въ камилавкѣ, о которыхъ онъ не объявилъ, били его смертельно". Тоже повторялось повсюду съ бо́льшею или меньшею жестокостью, во всѣхъ монастыряхъ и приходскихъ храмахъ. Священника Сорока-святской церкви, противъ Новоспасскаго монастыря, замучили до смерти, и окровавленное его тѣло нѣсколько дней лежало въ Новинскомъ монастырѣ, безъ погребенія, потому что и въ этомъ монастырѣ неистовствовали непріятели. По отъѣздѣ съ церковнымъ имуществомъ архимандрита Амвросія, въ этомъ монастырѣ съ немногими изъ монашествующихъ оставался престарѣлый намѣстникъ Никодимъ. Вторгнувшись въ монастырь, непріятели били его, допытываясь, гдѣ имущество и вмѣстѣ съ однимъ послушникомъ привели въ соборный храмъ, неся надъ нимъ обнаженныя сабли. „Они поставлены были посреди храма на колѣни съ припертыми къ груди ружьями. Самъ начальникъ непріятельской партіи, приказывая имъ исповѣдать другъ друга, угрожалъ смертію изъ пистолета, если намѣстникъ не откроетъ мѣста храненія монастырскихъ сокровищъ". Наконецъ, видя угрозы и истязанія тщетными, Французы освободили ихъ отъ страха смерти и разграбили нѣкоторыя оставшіяся въ ризницѣ вещи и оклады съ иконъ, а также братскія кельи.—Во время сильныхъ пожаровъ за Москворѣчьемъ (5 Сентября), грабя дома частныхъ лицъ, шайки Поляковъ ворвались въ домъ престарѣлаго священника Троицкой церкви на Шаболовкѣ, въ глубокую ночь, съ зажженными въ рукахъ свѣчами. „Ого, здѣсь попъ, должно быть много *пенензы*, съ радостью закричали они (по разсказу современника-очевидца), разбрелись по разнымъ комнатамъ, ломали замки, раскалывали сундуки, били посуду и раскидывали разный домашній скарбъ; но, нигдѣ не найдя ничего драгоцѣннаго, собрались въ комнату, въ которой мы находились, окружили священника и съ яростью кричали: „Попъ, сказывай, гдѣ ты сховалъ церковное золото и серебро!"

Старецъ съ безстрашіемъ и спокойнымъ видомъ отвѣчалъ, указывая на крестъ и Евангеліе, лежавшіе на аналоѣ: „Всѣ сокровища міра во Христѣ Іисусѣ!“ Злодѣи, раздраженные и не удовлетворяемые отвѣтомъ, выхвативъ сабли изъ ноженъ и, потрясая надъ головою пастыря, съ неистовствомъ вопили: смерть или деньги! Старикъ, не смущаясь, хладнокровно указалъ имъ на лежавшій въ углу мѣшокъ, въ которомъ хранились мѣдныя деньги для раздачи нищимъ. Грабители бросились на мѣшокъ; но, увидя свои надежды обманутыми, еще съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ, приставивъ къ груди острія сабель, кричали: давай золота, серебра! Въ эту минуту старинные стѣнные часы зашипѣли, кукушка прокуковала полночь, и вдругъ вся комната освѣтилась отъ пожара загорѣвшагося сосѣдняго дома. Разбойники въ испугѣ бросились вонъ изъ дома“.

Тотъ же самовидецъ разсказываетъ, что, переходя съ мѣста на мѣсто по пожарищамъ, чтобы отыскать что нибудь для деннаго пропитанія, онъ съ братомъ дошли до Ордынки и, „приближаясь къ церкви Георгія на Вспольѣ, услышали стоны и съ воплемъ произносимыя слова: „Отцы родные, если вѣруете въ Бога, не мучьте меня; лучше предайте смерти!“ Братья-калѣки, выпрямивъ спины, увидѣли, какъ казалось, Русскаго купца съ окладистой черной бородой, стоявшаго между двухъ злодѣевъ, державшихъ его за руки; третій же варваръ обнаженную спину его насѣкалъ остріемъ сабли, приговаривая: „Сказывай, попъ, гдѣ зарыто церковное серебро и золото; не думай отъ насъ отдѣлаться: мы допытаемся правды. Поляки шутить не любятъ!“ Хотя мученикъ клялся небомъ и землею, что онъ не священникъ, а Московскій купецъ, зашедшій въ храмъ только помолиться Богу, варвары, не вѣря божбѣ страдальца, продолжали ужасную пытку, приговаривая: „Врешь, твоя борода явная улика, что ты попъ этой церкви“. Мученикъ отъ невыносимой боли рвался изъ рукъ злодѣевъ и въ иступленіи кричалъ дикимъ голосомъ, раздиравшимъ душу. Мы, пораженные страхомъ отъ видѣнной кровавой сцены, забывъ болѣзненное притворство, бросились бѣжать къ Серпуховскимъ воротамъ и тамъ на рынкѣ въ первомъ встрѣтившемся подвалъ скрылись“ [2]).

Очевидецъ, котораго слова приведены, былъ еще юношей въ это время. Непріятели, не различая возраста, какъ на дряхлыхъ стариковъ, такъ и на малолѣтковъ взваливали ноши не по ихъ силамъ. „Былъ у насъ ребенокъ (разсказывалъ одинъ изъ дворовыхъ людей г. Соймонова), лѣтъ десяти и выбѣжалъ онъ разъ на улицу. Стоитъ солдатъ, а передъ нимъ куль большой лежитъ, и показываетъ солдатъ мальчишкѣ, чтобы онъ этотъ куль за нимъ несъ. Мальчишка приподнялъ, тяжело, не въ моготу; а отказаться не смѣетъ, понесъ черезъ силу; но какъ дошелъ до Яузскаго моста, не въ терпежъ ему стало. Сѣлъ онъ на дорогѣ и заревѣлъ. Солдатъ началъ его пинками угощать. А тотъ ни съ мѣста; хотя бы онъ, говоритъ,

---

[2]) Воспоминанія очевидца о пребываніи Французовъ въ Москвѣ, стр. 81—82, 135—136.

убилъ меня, я бы кажется не всталъ. Вдругъ подошелъ старичекъ, да здоровый такой, даромъ что сѣдъ. „Я, говоритъ, тебя мальчугана выручу, у меня сила не твоя“, взялъ онъ куль и понесъ [3]). Но мальчуганы и сами нашли способъ избавлять себя отъ тяжелой ноши. Вынужденные блуждать по пожарищамъ, чтобы найти какую нибудь пищу для утоленія своего голода, а иногда и голода своихъ семействъ, они притворялись калѣками, бродили хромая, согнувшись, подпираясь костылями и такимъ способомъ избавлялись отъ исправленія должности вьючныхъ животныхъ въ пользу солдатъ великой арміи. Такъ научилъ поступать товарища по несчастію и тотъ юноша, разсказъ котораго о пожарѣ Замоскворѣчья мы привели. Грабежъ, соединенный съ убійствами, побоями, изнуреніемъ оставшихся въ Москвѣ жителей, переноскою тяжестей и другими работами, сопровождался также почти повсемѣстно кощунствомъ и осквернеіемъ храмовъ. Умышленно ругаясь надъ святынею, непріятели постоянно устраивали конюшни въ храмахъ, выбрасывали иконы, раскалывали ихъ и употребляли вмѣсто дровъ, вбивали гвозди въ лики святыхъ, престолы и жертвенники употребляли вмѣсто столовъ; иконы употребляли, чтобы стрѣлять въ нихъ въ цѣль. „Я самъ видѣлъ, разсказываетъ одинъ иностранецъ, оставшійся въ Москвѣ въ то время, подлѣ Красныхъ Воротъ была употребляема съ этою цѣлью весьма почитаемая икона“ [4]). Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ были устроены бойни, какъ въ Петровскомъ, Даниловомъ. „Проходя мимо Петровскаго монастыря, разсказываетъ очевидецъ, я замѣтилъ нѣсколько человѣкъ Русскихъ, которые съ любопытствомъ заглядывали въ монастырскіе ворота. Подражая имъ, я также взглянулъ туда; но въ какое я пришелъ изумленіе, увидавъ весь монастырскій помостъ покрытымъ спекшеюся кровью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ валялись внутренности животныхъ, которыя гніеніемъ производили сильное зловоніе. Зажавъ носъ и вытаращивъ глаза, съ удивленіемъ я спросилъ зрителей, что здѣсь происходитъ. Одинъ изъ толпы, насмѣшливо взглянувъ на меня, отвѣчалъ: „Ты, братъ, видно сытъ, да при томъ же изъ дворянской породы; ишь какъ законапатилъ носъ! Вотъ мы такъ принюхались къ вони, ходя сюда ежедневно, не достанется ли чего хотя изъ требушины на нашу спротскую долю. Развѣ не видишь, что тутъ непріятельская бойня“. „Оставивъ дожидавшихся мясной провизіи и проходя мимо соборной церкви, увидалъ я въ растворенныя двери въ ней устроенную мясную лавку: вокругъ стѣнъ, на широкихъ полкахъ, лежали разныя части мяса; на паникадилахъ и на вколоченныхъ въ иконостасъ гвоздяхъ висѣли внутренности животныхъ и разныя птицы“ [5]). Также была устроена бойня въ церкви Воз-

---

[3]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 109.

[4]) B—ch, Hist. de la destruction de Moscou, стр. 149; Lecointe de Laveau, Moscou avant et après l'incendie, стр. 122.—Въ церкви Петра и Павла на Якиманкѣ доселѣ цѣла икона, прострѣленная непріятельскою пулею.

П. Б.

[5]) Воспоминанія очевидца, стр. 192.

несенія у Серпуховскихъ воротъ. Въ Петропавловскую церковь въ Лефортовѣ помѣщали быковъ, въ Троицкой въ Сыромятникахъ стояли лошади. Храмы въ Кремлѣ, гдѣ жилъ самъ Наполеонъ, не избѣжали поруганія. Въ Успенскомъ соборѣ, вмѣсто паникадила, висѣли вѣсы, на которыхъ вѣшали выплавленное золото и серебро изъ награбленныхъ церковныхъ и другихъ сокровищъ; на иконостасѣ написаны были цифры: 325 пудъ серебра и 18 пудъ золота. Тутъ стояли плавильныя горны и были устроены стойла для лошадей. Въ храмахъ Спаса на Бору и Николы Гостунскаго находились склады овса, сѣна и соломы для лошадей самаго Наполеона [6]). Въ Верхоспаскомъ соборѣ престолъ служилъ столомъ для обѣдовъ; въ немъ стояли кровати. Маршалъ Давý, пріѣзжая съ докладами съ Дѣвичьяго поля и оставаясь иногда подолгу въ Кремлѣ, устраивалъ себѣ спальню въ алтарѣ главнаго храма въ Чудовомъ монастырѣ. Проходя по Замоскворѣчью мимо Козьмо-демьянской церкви, разсказываетъ очевидецъ-свидѣтель, „изъ растворенныхъ дверей увидѣлъ я выходящій густой дымъ и стоявшаго на паперти непріятеля. Онъ курилъ табакъ и былъ одѣтъ по домашнему, въ колпакѣ, безъ галстука, съ накинутою на плеча шинелью. Увидавъ меня, онъ подозвалъ къ себѣ, взялъ подъ руку и повелъ въ церковь. Войдя въ трапезу, наполненную дымомъ, я повсюду увидалъ слѣды грабежа и буйства. По срединѣ храма пылалъ костеръ, вмѣсто дровъ горѣли осколки иконъ, надъ огнемъ лежалъ на камняхъ желѣзный листъ, на которомъ пекся картофель. Церковный постоялецъ далъ ихъ мнѣ нѣсколько, говоря: „Добре, Русъ“. Я отблагодарилъ поклономъ. Послѣ того, желая, быть можетъ, похвастаться своимъ домашнимъ хозяйствомъ, онъ указалъ на клиросы, на которыхъ были навалены ржаные и овсяные снопы; тутъ же находились разныя овощи, картофель, капуста и проч. На вбитыхъ въ иконостасъ гвоздяхъ висѣли конская сбруя и военная аммуниція. Радушный хозяинъ отворилъ царскіе врата въ правомъ церковномъ придѣлѣ и ввелъ меня въ алтарь, гдѣ увидѣлъ я стоявшую лошадь, покрытую вмѣсто попоны священническою парчевою ризою... Я окаменѣлъ при видѣ такого богохульства и не могъ сдвинуться съ мѣста. Безбожникъ, сочтя мое изумленіе за знакъ удивленія красотою его лошади, началъ ее поглаживать и потрепывать, приговаривая: добре, добре! Налюбовавшись конемъ, повелъ онъ меня въ лѣвый придѣлъ. И тамъ также стояла лошадь въ алтарѣ, ѣвшая овесъ изъ купели, въ которой крестятъ новорожденныхъ“ [7]).

Не только безчувственное отношеніе, какое оказывалъ житель Козмодемьянскаго храма, но умышленное поруганіе святыни Русскаго народа составляло отличительное свойство великой арміи, за весьма немногими исключеніями. Аббатъ Сюрюгъ, которому удалось какъ церковь св. Людовика, такъ и всѣхъ пріютившихся въ ней

---

[6]) Корбелецкій, Краткое повѣств., стр. 43; B. Peyrusse, Mémorial et archives. Carcassone, 1869, стр. 107.

[7]) Воспоминанія очевидца, стр. 144.

Французовъ, обывателей Москвы, оградить отъ насилій и грабежа, писалъ потомъ своему сотоварищу Іезуиту Буве: „Въ продолженіи шести-недѣльнаго здѣсь пребыванія Французовъ, я не видалъ даже тѣни Наполеона и не искалъ случая увидать его. Мнѣ говорили, что онъ позоветъ меня, и это извѣстіе меня ужасало; но къ счастію оно не оправдалось. Онъ не посѣтилъ нашего храма и вѣроятно и не думалъ объ этомъ. Четыре или пять офицеровъ старыхъ Французскихъ фамилій посѣтили богослуженіе; двое или трое исповѣдывались. Впрочемъ вамъ будутъ понятны отношенія къ христіанской вѣрѣ этихъ войскъ, когда вы узнаете, что при 400 тысячахъ человѣкъ, перешедшихъ черезъ Нѣманъ, не было ни одного священника. Во время ихъ пребыванія здѣсь изъ нихъ умерло до 12-ти тысячь, и я похоронилъ, по обрядамъ церкви, только одного офицера и слугу генерала Груши. Всѣхъ другихъ, офицеровъ и солдатъ, зарывали ихъ товарищи въ ближнихъ садахъ. Въ нихъ нѣтъ и тѣни вѣрованія въ загробную жизнь. Однажды я посѣтилъ больницу раненыхъ; всѣ говорили мнѣ объ ихъ тѣлесныхъ нуждахъ, и никто о духовныхъ, не смотря на то, что надъ третьею частію изъ нихъ уже носилась смерть. Я окрестилъ многихъ дѣтей у солдатъ. Крещеніе они еще признаютъ, и всѣ обходились со мною почтительно. Впрочемъ вѣра для нихъ составляетъ лишь слово, лишенное смысла“ [8]).

Не могла однакоже вся непріятельская армія, запявшая Москву, состоять изъ однихъ безчеловѣчныхъ грабителей. Не смотря на естественное ожесточеніе противъ Французовъ, народная память пристрастно сохранила и добрыя черты ихъ. Хотя враги, вторгнувшіеся въ Россію, и слыли въ народѣ подъ общимъ именемъ Французовъ, однакоже оставшіеся въ Москвѣ обыватели отличали настоящихъ Французовъ отъ ихъ союзниковъ. Мелкій торговецъ, имѣвшій свой лабазъ въ Зубовѣ, разсказывая, какъ двое непріятелей ограбили икону, находившуюся у него въ лабазѣ, „содрали съ нея вѣнчикъ серебряный и рамку серебряную,“ прибавляетъ: „Только это были не настоящіе Французы; а настоящіе-то были такъ милосерды; какъ бывало придутъ, мы ихъ сей-часъ узпаемъ по рѣчи да по манерамъ, и не боимся, потому знаемъ, что у нихъ совѣсть есть. А отъ ихъ союзниковъ упаси Боже! Мы ихъ такъ и прозвали *безпардонное* войско, что ихъ ни просьбой, ни слезами не возьмешь. Въ народѣ даже говорили, что ихъ пуля не беретъ. Коли не дѣломъ, такъ ужъ словомъ обидятъ. Что они говорятъ, не поймешь; но ужъ слышишь, что ругаются. А Французы ужъ бывало не обидятъ даромъ. Пришли они разъ и стали вездѣ шарить. Сестры сробѣли и убѣжали изъ комнаты, а сами изъ за двери выглядываютъ. Какъ они ихъ увидали, сейчасъ позвали и стали ласкать. Мало того, на другой день глядимъ, идутъ опять тѣже самые съ гостинцами: принесли дѣтямъ игрушекъ, изъ лавокъ вѣроятно взяли. Дѣвочки-то радуются, а они, глядя на нихъ, смѣются и тутъ же вмѣстѣ съ ними играть стали“ [9]). Одинъ Нѣмецъ, служившій офицеромъ въ на-

---

[8]) Lettres sur l'incendie de Moscou, стр. 10—11.

[9]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 18, 37 и др.

шихъ войскахъ, находясь въ отставкѣ, оставался въ это время въ Москвѣ. Онъ говоритъ, что, „исполняя долгъ справедливости, обязанъ замѣтить, что изъ всѣхъ народовъ, входившихъ въ составъ непріятельскихъ войскъ, Французы наименѣе отличались жаждою къ грабежу. Одно чувство справедливости заставляетъ меня сдѣлать это признаніе, потому что, въ продолженіи Семилѣтней войны, я съ молокомъ матери всосалъ ненависть къ Французамъ и терпѣть ихъ не могу. Они брали то, что̀ было имъ необходимо для удовлетворенія необходимыхъ потребностей жизни, не грабили ни золота, ни серебра и другихъ драгоцѣнностей, даже часовъ. Не таковы были Баварцы и Поляки, которые ничего не оставляли послѣ себя, грабили даже вещи, не имѣвшія для нихъ значенія и все разрушали. Виртембергцы не замедлили послѣдовать ихъ примѣру: имъ принадлежитъ мысль разрывать могилы. Они дѣлали зло единственно изъ удовольствія дѣлать зло; они разрушали все что̀ не могли унесть съ собою, или изъ чего не могли извлечь выгодъ. Солдаты этихъ народовъ выразили свой вандализмъ въ разрушеніи статуй и Китайскихъ мостовъ въ императорскомъ саду. Ихъ жадность простиралась до того, что они обдирали обивку съ подушекъ въ каретахъ, съ мебели и сукно съ биліардовъ. Французы же не производили безполезныхъ опустошеній. Ихъ вѣжливость выражалась даже въ ихъ грабительствахъ и представляла иногда страшныя противорѣчія. Такъ, одинъ Французскій офицеръ велѣлъ отпилить боковую сторону дивана, найдя его короткимъ, чтобы спать на немъ; но потомъ, оставляя квартиру, привелъ его въ прежній видъ. Солдаты, войдя ночью въ домъ одного профессора и узнавъ, что его жена въ родахъ, на цыпочкахъ проходили мимо ея кровати, закрывая рукою зажженную свѣчу, все обобрали что̀ принадлежало мужу и не тронули женскихъ вещей“ [10]).

Трудно заподозривать въ пристрастіи къ Французамъ человѣка, который ихъ *ненавидѣлъ*; но нельзя не замѣтить, что отзывъ его о всѣхъ вообще Французахъ невѣренъ: свидѣтельства не только Русскихъ, но и самихъ Французовъ, Московскихъ обывателей, говорятъ иное. Они очень усердно грабили драгоцѣнныя вещи, золото, серебро и деньги изъ этихъ металловъ, съ самаго вступленія въ Москву и особенно потомъ, когда грабежъ былъ разрѣшенъ. Только въ первое время они не знали цѣны нашимъ бумажнымъ деньгамъ и не обращали на нихъ вниманія. Но въ обширной Москвѣ, въ разныхъ мѣстностяхъ, многіе изъ очевидцевъ-свидѣтелей говорятъ только о томъ, что̀ происходило вокругъ нихъ. Тамъ, гдѣ стояли войска начальника, болѣе соблюдавшаго дисциплину и болѣе сострадательнаго къ несчастнымъ жертвамъ войны, грабежъ дѣйствительно не доходилъ до той жадности и безчеловѣчія, какъ въ другихъ. Но во всякомъ случаѣ приведенное свидѣтельство доказываетъ различіе между Французами и ихъ союзниками въ этомъ отношеніи, которое и замѣтили Русскіе люди. „Всѣ на нихъ жаловались, а

---

[10]) B... ch, Hist. de la destruction de Moscou, стр. 110—112.

намъ грѣшно сказать. У насъ стояли не одни Французы; а тоже и Поляки, и насъ не обижали, все потому что ихъ начальникъ, Задера, грѣха боялся.“ Такъ разсказываетъ очевидица, бѣлица Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ стояли Французы и Поляки, принадлежавшіе къ корпусу маршала Давý. Задера (Zadera) былъ одинъ изъ капитановъ, состоявшихъ при главномъ штабѣ этого корпуса [11]). Монастырь, находившійся на окрайнѣ города, на Дѣвичьемъ полѣ, окруженный высокими стѣнами съ башнями, казался непріятелямъ крѣпостью, а потому вѣроятно уцѣлѣлъ отъ грабежа въ первые дни пребыванія непріятелей въ Москвѣ, когда при разгоравшихся пожарахъ грабили въ разсыпную солдаты. На другой-же день, осмотрѣвъ монастырь, Задера назначилъ въ немъ квартиры для войскъ; но пожары выгоняли изъ Москвы и потому они оставались тамъ только до 8-го Сентября. Монахини, въ ожиданіи своихъ постояльцевъ, не зная, какая постигнетъ ихъ участь, по совѣту священника, приготовились къ смерти, исповѣдывались и пріобщались. „Въ тотъ самый день, говоритъ таже свидѣтельница, какъ они у насъ поселились, Задера вошелъ въ больничную церковь, а мы какъ пріобщались, такъ и оставили на престолѣ крестъ серебряный, Евангеліе и чарку съ теплотой: батюшка не успѣлъ прибрать. Онъ все это взялъ и принесъ къ казначеѣ монастыря; „на, говоритъ, пани“ и показываетъ, что за всѣхъ солдатъ отвѣчать нельзя. А батюшку просилъ, что если, молъ, мои солдаты васъ обижать станутъ, вы мнѣ жалобу принесите. Однако батюшка ему не сказалъ, что они въ первый-то день нашалили (разграбили что могли въ кельяхъ); потому, говоритъ, еще и не то могли бы сдѣлать“.

Монахини скорбѣли о неуваженіи, съ которымъ они относились къ святыни, соблазнялись присутствіемъ *мамзелей* (какъ они ихъ называли) въ кельяхъ занятыхъ ими, прятали отъ нихъ молодыхъ бѣлицъ и монахинь; но потомъ „сжились и бояться ихъ перестали. Бывало, которая изъ насъ заложитъ лошадь и поѣдетъ за капустой въ огородъ, а они смѣются и кричатъ намъ въ слѣдъ: добри кони, добри кони! Иныя слова научились порусски кое-какъ выговаривать и никого при нашихъ не обижали“ [12]). Самъ грозный маршалъ Давý благосклонно принималъ монастырскаго священника и конечно не потому, что *боялся грѣха*, но желая смягчить враждебныя чувства народа и особенно поддержать въ войскахъ дисциплину, говорилъ ему „что не позволитъ своимъ грабить или какое имъ притѣсненіе дѣлать. Что намъ надо, мы тоже стѣсняться не можемъ, а васъ даромъ обижать не будемъ. Вы можете тоже церковную службу свою справлять“.

Въ народныхъ преданіяхъ сохранилось также имя барона Таулета, который постоянно выражалъ сочувствіе и оказывалъ защиту

---

[11]) Capitaines adjoints à l'etat-major. Saint-Hilaire, Hist. de la campagne de Russie en 1812, ч. II. Tableau synoptique de la grande armée, стр. 374.

[12]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ о 1812 г., разсказъ 1-й, занятіе Французами Дѣвичьяго монастыря, Русск. Архивъ 1864 г., стр. 843—858.

несчастнымъ жителямъ Москвы. Въ Зачатеевскомъ монастырѣ считалось въ это время 99 человѣкъ. Изъ нихъ только 23 женщины уѣхали изъ Москвы при приближеніи непріятеля. Всѣ другія, съ игуменьею Доримедонтою Протопоповою и священникомъ о. Емельяномъ, остались, скрывъ церковныя сокровища подъ своды, на которыхъ постилался полъ, только выстроенной и еще не отдѣланной соборной церкви. „Все необходимое для богослуженія оставили на престолахъ, потому что игуменья и священникъ рѣшили, что церковная служба не прекратится“. Вступленіе непріятелей и начавшіеся пожары близъ самаго монастыря навели ужасъ на обитательницъ онаго. Пораженная ими скончалась одна изъ престарѣлыхъ, впрочемъ издавна больная, монахиня. Пожаръ подходилъ все ближе и ближе къ монастырю, куда укрывались многіе жители изъ горѣвшихъ по сосѣдству улицъ и приносили свои сундуки, которые ставили въ церковь. Однако порядокъ богослуженія не прерывался. Всѣ исповѣдались и пріобщились. 4-го Сентября пожаръ достигъ уже почти до монастырской стѣны. Въ этотъ день служили обычную обѣдню и отпѣвали усопшую монахиню. По окончаніи богослуженія, въ то время, какъ тѣло выносили изъ церкви, чтобы предать землѣ, монахини были поражены страхомъ при видѣ непріятельскихъ солдатъ, перелѣзавшихъ черезъ стѣны. Тѣло умершей было оставлено у церковной паперти; испуганныя женщины бросились назадъ въ церковь и заперли за собою двери. Непріятели начали стучаться и, увидавъ одну монахиню, которая вышла изъ церкви до выноса тѣла, чтобы отнести просфоры въ свою келью, окружили ее, притащили къ церковнымъ дверямъ и объясняли, чтобы она велѣла отпереть. Она отказывалась; солдаты начали ее бить тесакомъ по плечамъ и по шеѣ. Страданія принудили ее повиноваться. Когда ея умоляющій отчаянный крикъ поразилъ слухъ осажденныхъ, игуменья приказала отпереть двери, и непріятели ворвались въ церковь. Они увидали стоящіе около стѣнъ сундуки и принялись немедленно разбивать ихъ саблями и грабить. Одинъ солдатъ спросилъ, гдѣ игуменья? Въ числѣ монахинь многія были изъ дворянъ и знали иностранные языки; кто-то отвѣчалъ, что игуменья уѣхала и увезла съ собою все церковное имущество. Въ это время загорѣлись кельи. „Непріятели вышли изъ церкви, забравъ съ собою все награбленное добро и принялись разжигать пожаръ ружейными выстрѣлами; потомъ сломали ворота и ушли. Напуганныя грабителями, гонимыя распространившимся пожаромъ, монахини бросились изъ заднихъ воротъ къ рѣкѣ, надѣясь укрыться гдѣ нибудь за Крымскимъ мостомъ; но, увидавъ на той сторонѣ толпы непріятелей, снова возвратились въ монастырь. Онѣ укрылись въ каменной церкви, защищая ее отъ болѣе и болѣе распространявшагося пожара. Но вода истощилась, ходъ къ колодцу преградился пожаромъ, силы ихъ ослабѣли. „Отецъ, сказала игуменья, обращаясь къ священнику, смертный часъ насталъ, прочтите намъ отходную“. Всѣ опустились на колѣна. Священникъ сталъ предъ алтаремъ и прочелъ напутственныя молитвы умирающимъ. Голосъ его дрожалъ, и слова сливались съ рыданіями и трескомъ

разрушавшихся вокругъ строеній". Между тѣмъ, въ то время, когда монахини бросились назадъ въ монастырь отъ Крымскаго моста, одна изъ нихъ за мостомъ увидала свою знакомую, графиню Зотову и, перебѣжавъ по мосту къ ней, просила, не можетъ ли она оказать имъ помощь. Графиня указала ей на небольшой домъ, находившійся вблизи, „около котораго тѣснились толпой Московскіе обыватели. Въ немъ стоялъ непріятельскій чиновникъ, б. Таулетъ, который сталъ уже извѣстенъ въ городѣ своимъ милосердіемъ. Онъ защищалъ нашихъ отъ грабежа и насилій. Многіе обращались къ его покровительству, и онъ часто дѣйствовалъ на грабителей властію своего слова, а иногда посылалъ своихъ солдатъ, которые ихъ разгоняли". Графиня Зотова вмѣстѣ съ монахинею пошла къ нему и просила его придти на помощь монастырю. „Я сдѣлаю все что̀ зависитъ отъ меня, сказалъ онъ; но долженъ васъ предупредить, что я дѣйствую незаконно. Сегодня гвардія получила разрѣшеніе грабить. Я могу при помощи моихъ солдатъ защитить хотя немногихъ несчастныхъ, живущихъ около моей квартиры; но препятствовать открыто дозволенному грабежу мнѣ невозможно". Онъ предложилъ послать за монахинями и укрыть ихъ въ своемъ домѣ отъ пожара и грабежа. Его посланный пришелъ въ то время, когда монахини приготовились уже къ неизбѣжной смерти. Находившіяся въ церкви монахини воспользовались его предложеніемъ, три дня провели подъ его покровительствомъ и потомъ, по его предложенію, вновь отправились въ монастырь, который снова былъ ограбленъ непріятелями; но пожаръ, истребивъ всѣ деревянныя строенія, уже прекратился въ немъ.

Баронъ далъ имъ охранную стражу, которая однакоже удалилась, прибивъ надпись къ воротамъ, въ которой было сказано, что монастырь ограбленъ уже дочиста и сгорѣлъ, и потому входъ въ него запрещается. Такія надписи употреблялись въ то время, когда уже непріятели начали принимать мѣры, чтобы не столько положить предѣлъ грабежу, но чтобъ водворить порядокъ въ совершенно распущенныхъ войскахъ. „Когда, поблагодаривъ своего покровителя, игуменья съ монахинями отправилась въ монастырь, и онѣ подходили къ рѣкѣ, по мосту шла Французская конница. Видъ непріятелей поразилъ такимъ ужасомъ одну изъ монахинь, что она быстрымъ движеніемъ сбросила съ себя теплую одежду, подбѣжала къ берегу и бросилась въ рѣку. Всѣ вскрикнули. Одинъ изъ Французовъ пришпорилъ лошадь, въѣхалъ въ воду, ухватилъ за полу ряски утопающую, поднялъ ее на руки и вернулся къ берегу со своей ношей. Всѣ окружили Назарету и старались привести ее въ себя. Когда она открыла глаза, ея спаситель просилъ монахинь не бояться ни его, ни его товарищей и вызвался проводить ихъ до мѣста [13]).

---

[13]) Г. Толычевой, Разсказы очевидцевъ о 1812 г., стр. 149—155. Имя б. Таулета не находится въ спискахъ чиновъ великой арміи; при корпусѣ Даву былъ главнымъ хирургомъ Паулетъ (Paulet). Hist. de la campagne de Russie par Saint-Hilaire, т. II, стр. 374.

Имя Коленкура, генерала Кампана и поступки нѣкоторыхъ другихъ офицеровъ остались также въ народныхъ преданіяхъ. Въ первый день вступленія Французовъ въ Москву, толпу Русскихъ на Остоженкѣ окружили непріятели и начали грабить. „Въ это время (разсказываетъ свидѣтельница купчиха, которую также ограбили вмѣстѣ съ другими) вдругъ видимъ, идетъ еще полкъ, а впереди ѣдетъ командиръ, такой бравый. Около него шелъ одинъ изъ нашихъ; это его Французъ къ себѣ въ переводчики взялъ. Поровнявшись они съ нами, и остановились, какъ увидали насъ горькихъ. Командиръ крикнулъ на нашихъ грабителей, и они разошлись, а переводчикъ говоритъ намъ: „Это генералъ и очень важное лице; онъ велѣлъ, чтобы вы за нимъ шли; онъ васъ въ обиду не дастъ“. И сказывалъ онъ намъ его имя; я его до сихъ поръ помню: звали его Кольникуръ. Мы обрадовались и пошли за ними. Приходимъ къ Пречистенкѣ, тутъ непріятелей видимо-невидимо. Приперли насъ къ рѣшеткѣ дома князя Голицина такъ, что мы двинуться не можемъ. Кольникуръ крикнулъ, чтобы солдаты посторонились, а намъ приказалъ идти въ ворота, самъ въѣхалъ и за нимъ человѣкъ сто солдатъ. Передъ подъѣздомъ стояла дорожная коляска, и на крыльцо вышелъ мущина съ дамой; на ней была дикая шляпка и дикій салопчикъ. Кольникуръ къ нимъ подъѣхалъ и что-то съ ними говорилъ. Потомъ они сѣли въ коляску; онъ за ними поѣхалъ и махнулъ рукой, чтобы мы шли за нимъ въ слѣдъ, а ужъ за нами его команда. Какой онъ право добрый былъ, царство ему небесное, когда его уже въ живыхъ нѣтъ! Услыхалъ онъ, что закричалъ ребенокъ у тетки и прислалъ ему крендель; откуда онъ его взялъ, не знаю“. Такъ проводилъ онъ коляску и пѣшую толпу до самой заставы [14]).

Генералъ Кампанъ, извѣстный храбростью начальникъ дивизіи, принадлежавшей къ корпусу маршала Даву́, раненый поселился въ домѣ Всеволожскаго близъ Дѣвичьяго поля, гдѣ уже стояли Французскіе офицеры. Онъ любовался часами, стоявшими на каминѣ въ той комнатѣ, которую онъ занималъ. Оставляя Москву, онъ не уберегся отъ искушенія и объявилъ, что беретъ эти часы себѣ по праву завоеванія; но, не желая взять даромъ, оставляетъ за нихъ свою лошадь хозяину дома. „Это прекрасная лошадь, говорилъ онъ, и г. Всеволожскій будетъ ею доволенъ“. Дѣйствительно она находилась потомъ на его конномъ заводѣ и называлась madame Campan. Жившіе въ этомъ домѣ Французы „весело проводили время: кладовыя и погреба Всеволожскаго доставляли имъ полную возможность роскошно кушать; а на Кузнецкомъ мосту нашлось много не слишкомъ суровыхъ красавицъ, которыя охотно переѣхали на Дѣвичье поле и увеселяли своимъ смѣхомъ и пѣснями обѣды и ужины соотечественниковъ“. Въ домѣ Всеволожскаго, кромѣ множества дворовыхъ, оставшихся послѣ отъѣзда господъ, было и нѣсколько Французовъ, которые служили при его типографіи. Дворо-

---

[14]) Г. Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 90—92

вые, въ ожиданіи нашествія непріятеля, вырыли норы въ саду, въ которыхъ рѣшились спрятать своихъ женъ и дѣтей. Ночью они приносили имъ пищу. Но это продолжалось недолго. „Въ скоромъ времени дворовые убѣдились, что Французъ никого не обижаетъ, и заключенные были выпущены изъ своихъ поръ“ [15]).

Въ Даниловымъ монастырѣ Французскіе офицеры занимали настоятельскія и братскія кельи. Непріятели и особенно офицеры, по свидѣтельству остававшихся тамъ монаховъ, хотя часто ходили въ церковь и все въ ней осматривали, однако ничего не трогали. Одинъ изъ нихъ, узнавъ, что въ этотъ же монастырь на постой назначены артилеристы, предупредилъ священника, что они все ограбятъ и совѣтовалъ скрыть церковную утварь. Сами же Французы помогали зарывать въ землю и не выдали потомъ артилеристамъ, которые грабили все что̀ только попадалось на глаза. Одинъ купецъ изъ серебрянаго ряда, предъ вступленіемъ непріятелей, уложилъ весь свой товаръ въ большой ящикъ, перевезъ его въ садъ своего дома и хотѣлъ зарыть въ землю, но не успѣлъ. Между тѣмъ жена его была на сносяхъ беременна. Пожаръ ихъ дома ускорилъ ея роды, и больную съ новорожденнымъ уложили на этотъ сундукъ. Сгорѣлъ и рядомъ, стоявшій домъ; но уцѣлѣла каменная кладовая, въ которой поселился Французскій офицеръ съ двумя солдатами. Увидавъ въ окно больную женщину подъ открытымъ небомъ, онъ предложилъ ей раздѣлить съ нимъ тѣсное помѣщеніе, перегороженное на двѣ комнаты. Купецъ отказывался, опасаясь потерять все свое имущество, скрытое въ сундукѣ. Офицеръ съ такимъ участіемъ настаивалъ, что, почувствовавъ къ нему довѣріе, купецъ объяснился съ нимъ откровенно. Офицеръ помогъ имъ ночью зарыть сундукъ, и они прожили въ его помѣщеніи во все время пребыванія непріятелей въ Москвѣ [16]).

Главный докторъ великой арміи Ларрей и нѣкоторые изъ его помощниковъ оставили признательную память между нашими ранеными, не вывезенными изъ Москвы. А. С. Норовъ, которому оторвало ногу въ Бородинскомъ сраженіи, лежалъ вмѣстѣ съ другими, также тяжело ранеными, въ Голицинской больницѣ, когда непріятели заняли Москву. Съ тѣхъ поръ, какъ ему отняли ногу подъ Бородинымъ, ему не было подано никакой помощи. Первую перевязку ему сдѣлалъ самъ Ларрей и спасъ ему жизнь. Поручая его потомъ на попеченіе своего помощника Бофиса (Beaufils), Ларрей сказалъ: „Вы мнѣ отвѣчаете за жизнь этого молодаго человѣка (vous me répondrez de la vie de ce jeune homme)“. Поступокъ доктора Ларрея не представляетъ ничего удивительнаго: онъ извѣстенъ былъ во Французскихъ войскахъ своимъ человѣколюбіемъ, и императоръ Наполеонъ по справедливости называлъ его добродѣтельнымъ (le vertueux Larrey). Лористонъ, занявшій по близости Голицынской больницы домъ Орловой-Чесменской и знавшій А. С. Но-

---

[15]) Г-жи Толычевой, стр. 33—34.

[16]) Тамъ-же, стр. 61—63.

рова по Петербургскому обществу, посѣтилъ его и принималъ въ немъ участіе. Но и простые солдаты оказывали пособіе раненымъ. „На другой день послѣ вступленія Французовъ, говоритъ А. С. Норовъ, вошелъ въ комнату кавалеристъ; это былъ уже Французскій мародеръ; онъ началъ шарить по всей комнатѣ, подошелъ и ко мнѣ, шарилъ подъ подушками и подъ тюфякомъ и ушелъ, пробормотавъ: у него ничего нѣтъ (il n'a donc rien), въ другія комнаты. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ, вошелъ старый солдатъ и также приблизился ко мнѣ. „Вы Русскій?—Да Русскій.—Вы кажется очень страдаете? Я молчалъ.—Не нуждаетесь ли вы въ чемъ нибудь?—Я умираю отъ жажды. Онъ вышелъ, и появилась женщина, которая прежде прислуживала раненымъ. Онъ принесъ какіе-то бѣлые бисквиты и воды; обмочивъ ихъ въ воду, самъ далъ мнѣ напиться и, пожавъ дружелюбно руку, сказалъ: эта женщина будетъ ходить за вами (cette dame vous aidera). Я узналъ отъ этой женщины, что все что̀ было въ домѣ попряталось и разбѣжалось отъ мародеровъ; о людяхъ моихъ не было ни слуху, ни духу“ [17]).

При Голицинской больницѣ находилась и богодѣльня для престарѣлыхъ женщинъ. Одно семейство, гонимое пожаромъ и грабежемъ, долго скиталось по Московскимъ пожарищамъ, ища пріюта, и нашло его наконецъ въ домѣ Нѣмца, содержателя пансіона, женатаго на Француженкѣ, которая чествовала своихъ постояльцевъ-соотечественниковъ и гордилась ихъ присутствіемъ въ ея домѣ. Пріютившись въ этомъ домѣ, они вспомнили про старуху, мать одного изъ членовъ семьи и бабку сыновей, изъ которыхъ одинъ оставилъ воспоминанія объ этомъ времени. „Боже мой, говорилъ онъ, жива ли моя мать? Ты, любимый ея внучекъ, сходи-ка завтра въ Голицинскую богадѣльню; провѣдай, гдѣ она теперь голубушка находится“. Четырнадцатилѣтній мальчикъ, риторъ духовной Славяно-Греко-Латинской Академіи, на другой день ходилъ около воротъ Голицинской больницы съ намѣреніемъ проникнуть во дворъ, гдѣ была богадѣльня. Одинъ изъ стоявшихъ часовыхъ замѣтилъ желаніе мальчика и сказалъ ему: проходи (alons donc, Russe, marchez). „Войдя во дворъ, я увидалъ бабушку, говоритъ онъ, сидѣвшую у окна, съ огромными очками на носу, и штопавшую чулки. Она, увидя меня, ахнула отъ неожиданной встрѣчи; затѣмъ посыпались вопросы: какъ мы, гдѣ мы, всѣ-ли живы? Я отвѣчалъ, что до сихъ поръ насъ Богъ милуетъ, а она крестясь говорила: „А я многогрѣшная считала васъ погибшими и съ недѣлю назадъ просила нашего діакона записать ваши имена въ поминанье, и за каждой обѣдней подаю по грошу на проскомидіи объ упокоеніи усопшихъ душъ вашихъ“.—„Бабушка, отвѣчалъ я, и мы васъ считали на томъ свѣтѣ, полагая, что на старости лѣтъ, видя въ Москвѣ такіе ужасы и совершаемыя непріятелемъ злодѣйства и натерпѣвшись мученій, вы уже оставили этотъ міръ“. Старушка, съ удивленіемъ смотря на меня, сказала: „Дитятко, о какихъ ты толкуешь злодѣйствахъ? Да мы, живя въ бо-

[17]) Статья А. С. Норова, по поводу „Войны и мира“ гр. Л. Н. Толстаго, стр. 49—50.

гадѣльнѣ, не слыхали и не видали не только никакой обиды, но даже дурнаго слова. У насъ во всемъ домѣ прежняя тишина и спокойствіе; если бы въ городѣ не пожары, такъ мы бы и не знали, что здѣсь гоститъ непріятель. Намъ старухамъ говорилъ экономъ, что когда заморскій нàбольшій переѣхалъ сюда жить въ главный корпусъ, то сейчасъ же призвалъ его къ себѣ и приказалъ, чтобы въ больницѣ и богадѣльнѣ все шло прежнимъ порядкомъ, всѣ были-бы сыты, одѣты и обуты; да сверхъ того велѣлъ еще каждодневно служить священнику обѣдню. Мы сами не можемъ надивиться, говорятъ нàбольшій-то вѣры басурманской, а дѣла творитъ христіанскія". Старушка накормила своего внука, снабдила провизіей и впередъ обѣщала снабжать [18]).

Если народная память, безпристрастная къ врагамъ, сохранила эти черты, то мы считали долгомъ отмѣтить нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе выдающіяся и включить въ историческій разсказъ, передавая ихъ простою и безъискуственною рѣчью самихъ свидѣтелей-очевидцевъ. Одно изъ правилъ Наполеоновыхъ войнъ заключалось въ томъ, чтобы войска продовольствовались на счетъ страны, съ которою онъ воевалъ. Грабежъ для его солдатъ представлялся неизбѣжнымъ условіемъ войны, и онъ не только не ограничивалъ, но поощрялъ его [19]). Поэтому приведенныя черты особенно замѣчательны и могутъ быть объяснены свойствами Французскаго народа, какъ и объясняли Москвичи, различая *настоящихъ* по ихъ выраженію Французовъ отъ ихъ союзниковъ, а отчасти и тѣмъ, что въ его войскахъ было много новобранцевъ, еще не свыкшихся съ нравами Наполеоновыхъ войскъ.

Общія бѣдствія и несчастія могли соединить страдавшихъ Москвичей *какъ бы въ одну семью*, по выраженію современныхъ сказаній; но неужели рядомъ съ ними не было дурныхъ людей, готовыхъ также поживиться чужимъ добромъ въ такое время, когда понятія о правѣ собственности и личной безопасности не имѣли значенія? Въ нисшихъ слояхъ народонаселенія большихъ городовъ бываетъ значительное количество негодныхъ людей, готовыхъ на преступныя дѣйствія. Между тѣмъ эти-то именно слои населенія и оставались по преимуществу въ Москвѣ во время занятія ея непріятелемъ. Изъ лицъ, принадлежавшихъ къ высшимъ, образованнымъ и достаточнымъ слоямъ общества, осталось въ Москвѣ весьма немного, случайно захваченныхъ въ расплохъ нашествіемъ. Но бѣдность, недостатокъ средствъ, многочисленныя семейства, преимущественно духовнаго званія, удержали въ Москвѣ многихъ. Тогдашнее населеніе Москвы состояло изъ значительнаго количества крѣпостныхъ дворовыхъ людей при домахъ помѣщиковъ, еще съ начала весны выѣхавшихъ въ деревни, или обучавшихся разнымъ мастерствамъ, изъ небогатыхъ купцовъ и бѣдныхъ мѣщанъ и ремесленниковъ. Самое общественное

---

[18]) Воспоминанія очевидца о пребыв. Французовъ въ Москвѣ въ 1812 г. Отд. 2, гл. 17, стр. 169—171.

[19]) Lanfrey, Hist. de Napoléon, т. V, стр. 342 и слѣд.

положеніе этихъ лицъ, между которыми конечно было много и хорошихъ людей, не давало ручательства за всѣхъ и каждаго изъ нихъ въ нравственномъ отношеніи. Неужели-та буйная и пьяная толпа, которая таскала по улицамъ тѣло несчастнаго Верещагина, которая вздумала защищать Кремль отъ непріятеля и едва не подвергла величайшей опасности нашъ арріергардъ, не успѣвшій еще окончательно выступить изъ Москвы, не состояла большею частію изъ такихъ людей, которые, при всеобщемъ грабежѣ непріятелей, не приняли бы въ немъ сами участія? Неужели только что прошедшее черезъ Москву многочисленное войско не оставило за собою хотя нѣсколькихъ мародеровъ, когда сами лавочники приглашали ихъ брать товаръ, чтобы онъ не достался непріятелямъ? Но если къ этому присоединить обитательницъ такъ называемыхъ домовъ терпимости и преступниковъ, выпущенныхъ изъ тюремъ, то едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что были въ Москвѣ и свои грабители. Народная память, отозвавшаяся безпристрастно о непріятеляхъ, съ тѣмъ же безпристрастіемъ отнеслась и къ своимъ. Грабившіе непріятели страшными пытками вынуждали жителей указывать имъ, гдѣ были зарыты или спрятаны имущества церквей, монастырей и частныхъ собственниковъ. Нѣкоторые, не выдержавъ мученій, указывали потаенныя мѣста; но находились и такіе, которые или добровольно указывали ихъ въ надеждѣ на то, что непріятели подѣлятся съ ними добычею, или сами выкрадывали имущество, если знали, гдѣ оно скрыто. Одна изъ свидѣтельницъ событій, дворовая женщина Соймоновыхъ, разсказываетъ, что имущество было скрыто въ кладовой, нарочно перегороженной каменною стѣною до потолка. „Барскіе сундуки, бѣлье, вещи разныя, чего-чего тамъ не было! Поверхъ и наше все имущество поклали, а стѣна все выше да выше поднимается. Стали туда уже бросать сверху перины, пуховики, подушки со всего дома. На аршинъ стѣна была не доложена; вдругъ изъ сосѣдняго дома знакомый человѣкъ заглянулъ въ кладовую и сталъ упрашивать, чтобы мы и его добро туда запрятали. Натаскали всякаго хламу, не стоило бы и прятать, да вѣдь всякому своего жалко; какъ не помочь въ бѣдѣ: вѣдь и намъ самимъ добрые люди помогали. Мы на него понадѣялись, что онъ останется благодаренъ. Стѣну доложили до верха, немного позамазали, а то всякому въ глаза бросится, что новая. Въ переднюю кладовую натаскали того что было похуже и набили биткомъ; пожалуй, молъ, ломай да таскай, Французъ окаянный!“ Въ надеждѣ сохранить имущество, большая часть дворовыхъ удалились по господскимъ деревнямъ; но по возвращеніи оказалось, что каменная стѣна не спасла, и все было разграблено. „Не осталось ничего, ни барскаго, ни нашего, продолжаетъ разскащица; я всплеснула руками, да какъ взвою; стала припоминать, что я сама запрятала, и Французовъ-то принялась честить по своему. А какъ я только узнала, вытаскали не Французы, а наши Русскіе! Пока нашъ домъ не горѣлъ, въ немъ жилъ какой-то начальникъ; наши домашніе тамъ оставались и разсказывали, что съ Французами жить было очень хорошо; они жили тихо, смирно, ни-

кого не обижали, только иногда пошлютъ имъ что нибудь принести; и мальчишки наши тоже у нихъ были на посылкахъ. А когда добудутъ чего много, сами подѣлятся и ребятишекъ чѣмъ нибудь приласкаютъ за то, что въ посылки ходятъ. Да еще кто укралъ-то! Нашъ знакомый сосѣдъ, который упросилъ насъ къ намъ его добро спрятать“ [20]).—На третій день послѣ вступленія непріятеля въ Москву, 4-го Сентября, когда пожаръ Замоскворѣчья и за Яузою достигъ наибольшей силы, дворовые люди изъ дома Баташева вышли въ поле. „Здѣсь къ ужасу (разсказываетъ одинъ изъ нихъ) усмотрѣли бѣглыхъ и раненыхъ Русскихъ солдатъ или мародеровъ и послѣ узнали, что они жили грабежемъ проходящихъ; однако какъ насъ было много, то и не смѣли до ночи насъ грабить. Мы, отдѣлясь отъ всѣхъ и посадивъ въ гряды капусты дѣтей и женъ, стояли вокругъ ихъ на карауле и черезъ четверть часа услыхали стонущаго человѣка за сто шаговъ отъ насъ. Часть нашихъ ребятъ туда побѣжали и увидали, что Русскіе раненые и бѣглые солдаты не только ограбили бѣднаго обывателя, руки и ноги переломили, но и старались убить до смерти. Видя это, наши возвратились и просили позволенія отомстить убійцамъ. Я, прибавивъ къ нимъ еще нѣсколько человѣкъ, отправился съ дубьемъ въ рукахъ къ укрывавшимся разбойникамъ. Мы нашли 12 человѣкъ, лежавшихъ въ травѣ и въ кустахъ съ подвязанными руками и съ связанными головами; тутъ же были и тѣ самые, которые только что ограбили и убили обывателя. Ребята мои, озлобясь, ударили въ дубье, и мнимо-раненые вскочили, хотѣли бѣжать, но были жестоко прибиты. Послѣ поля сраженія, мы нашли въ водѣ поросшей осокою разнаго платья и прочихъ вещей, награбленныхъ разбойниками, воза два. Изъ числа этой добычи капоты и сюртуки достались и нашимъ побѣдителямъ“ [21]).

Особаго рода воровствомъ и грабежемъ занимались въ это время старообрядцы и раскольники, преимущественно безпоповцы Преображенскаго кладбища. По слухамъ о приближеніи непріятелей, они заблаговременно приняли свои мѣры, отправивъ всѣ капиталы, драгоцѣнности и 250 женщинъ и дѣвокъ подъ надзоромъ настоятелей и наставниковъ въ село Ивановское Владимірской губерніи. Оставался попечитель Никифоровъ и нѣсколько другихъ мущинъ и дѣвокъ. Сохранилось преданіе, что въ первый день вступленія Французовъ они отправили отъ себя депутатовъ въ Кремль съ подарками и напередъ приготовленнымъ переводчикомъ, которому поручалось объяснить, что они составляютъ общество *древнихъ* христіанъ, угнетаемое правительствомъ, но имѣющее по всей Россіи своихъ единовѣрцевъ, къ числу которыхъ принадлежитъ почти весь Русскій народъ. Покоряясь Наполеону и признавая его власть, они просили оградить ихъ монастырь отъ грабежа и насилій. Есть также преданіе, что Наполеонъ посѣтилъ Преображенское кладбище

---

[20]) Русскій Архивъ 1871 г. № 6, стр. 0198—0206. Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 84, 101 и слѣд.; Кичеева, Изъ недавней старины, стр. 36.

[21]) Письмо Сокова къ Баташеву, Р. Архивъ 1871 г. № 6, стр. 0222—0223.

съ Неаполитанскимъ королемъ и свитою, и старики, подъ предводительствомъ ихъ попечителя Алексѣя Никифорова, поднесли ему хлѣбъ-соль.

Трудно сказать, вполнѣ ли справедливо это преданіе или нѣтъ; но во всякомъ случаѣ извѣстно то, что уже 2-го Сентября Преображенское кладбище получило охранную стражу и во все пребываніе Французовъ въ Москвѣ пользовалось спокойствіемъ и безопасностью. Но старообрядцы сами себя обрекали на опасную дѣятельность, похищая древнія иконы изъ Московскихъ храмовъ. Изъ Стрѣтенскаго монастыря всѣ такія иконы были выкрадены, и нѣкоторыя даже изъ Успенскаго собора, какъ напр. икона Іерусалимской Божіей Матери. Претерпѣвая побои отъ непріятелей, перетаскивая на себѣ возлагаемыя на нихъ тяжести, они выкрадывали иконы изъ приходскихъ церквей, пробирались даже въ опустѣлые дома частныхъ лицъ, въ которыхъ находились древнія иконы. Иногда за кусокъ хлѣба они покупали церковныя утвари у голодавшихъ непріятелей. Извѣстія объ ихъ дѣйствіяхъ доходили и до Владиміра, гдѣ находился въ это время графъ Ростопчинъ. А. Я. Булгаковъ, въ письмѣ къ своей супругѣ, говоря о тѣхъ Русскихъ, которые рѣшились принять должности въ устроенномъ императоромъ Наполеономъ городскомъ управленіи и называя ихъ измѣнниками, прибавляетъ: „раскольники играютъ во всемъ этомъ важную роль“ [22]).

Эти воры не имѣли однакоже ничего общаго съ тѣми, на которыхъ жаловались жители Москвы. Но и вообще грабежъ своихъ Русскихъ негодяевъ конечно ничего не значилъ въ сравненіи съ грабежемъ непріятелей. Во всякомъ случаѣ ихъ было незначительное количество, въ отношеніи къ стотысячной арміи, систематически грабившей столицу, и при томъ немногимъ изъ нихъ конечно удалось воспользоваться имуществомъ своихъ соотечественниковъ. Ихъ въ свой чередъ грабили непріятели, да притомъ вскорѣ и нечего было грабить у несчастныхъ обывателей Москвы. Приходилось уже красть у самихъ грабителей; но это сопряжено было съ большими опасностями, на которыя могли рѣшиться только отчаянные преступники. Нашлись и такіе. Одинъ изъ очевидцевъ разсказываетъ, что его семейство, скрывавшееся въ одномъ изъ храмовъ, не имѣло пищи нѣсколько дней. Они спасли оставленную среди пожара дѣвочку лѣтъ трехъ; она томилась голодомъ и просила хлѣба, котораго не было ни у кого изъ укрывавшихся въ этой церкви. „Женщины, сочувствуя естественному требованію ребенка и сами не имѣя чѣмъ удовлетворить голодъ, плакали. Я, говоритъ очевидецъ, терзаемый страданіями невиннаго ребенка, вызвался оты-

---

[22]) Преданія о Москов. безпоповщинцахъ, ч. I. Ѳедосѣевцы (рукоп); Письмо Булгакова изъ Владиміра 19 Окт. 1812 г. Русск. Архивъ 1866 г. № 5, стр. 705; Извѣстія изъ Москвы отъ 18 Сент. 1812 г., Русск. Архивъ 1864 г., стр. 789; Письмо графа Ростопчина къ Императору изъ Владиміра 1-го Окт. 1812 г.: Les raskolniks jouissent de sa (т. е. Наполеона) protection, et j'ai la note des maisons qui sont sous la sauve-garde des Français.

скать пищи, во что́ бы то ни стало". Бродя по пожарищамъ и заглядывая въ каждый погребъ, онъ находилъ кадки съ кислой капустой, огурцами, соленой рыбой и солониной; но ничего не попадалось ему, чѣмъ бы можно утолить голодъ ребенка. Вдругъ онъ увидалъ изъ отверстія свода рыжую полуобритую голову и услышалъ слова: „Мальчишка! Я давно на тебя смотрю, за чѣмъ ты заглядываешь въ каждую яму? Не отыскиваешь ли зарытый кладъ?" Испуганный юноша хотѣлъ было бѣжать; но рыжая голова продолжала: „Не бойся, я не чертъ, а такой же человѣкъ, какъ ты. Чего ты ищешь?" — На отвѣтъ юноши, что онъ ищетъ пищи для голоднаго ребенка, онъ сказалъ, опускаясь въ подвалъ: „Давно бы, чертенокъ, такъ и сказалъ; полѣзай за мной въ подвалъ: у насъ много съѣстнаго". Собственный голодъ, а еще болѣе желаніе найти пищу для ребенка, заставили воспользоваться приглашеніемъ. Спустясь по лѣстницѣ, юноша очутился въ обширномъ подвалѣ, освѣщенномъ толстыми восковыми свѣчами (церковными). По одной сторонѣ около стѣнъ стоялъ длинный рядъ кадокъ съ разными припасами, по другой нѣсколько банокъ съ вареньями и множество бутылокъ съ винами. По срединѣ подвала кучею навалено было мужское и женское платье, куски разныхъ матерій, бархаты, атласы, парчи; на разосланныхъ рогожахъ блестѣли золотая и серебряная посуда и церковная утварь, украшенная драгоцѣнными каменьями. Въ углахъ, на красныхъ сафьянныхъ матрацахъ и шелковыхъ подушкахъ, небрежно развалясь, лежали шесть мужиковъ съ полубритыми головами, въ сѣрыхъ зипунахъ, подпоясанные веревками; у нихъ въ головахъ были ружья, сабли, кинжалы и другое оружіе. Они сурово взглянули, приподнявъ головы, на своего гостя. „Гараська, спросилъ одинъ изъ нихъ того, кто пригласилъ мальчика въ ихъ подвалъ, развѣ онъ изъ нашихъ острожныхъ карманниковъ?"—„Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, это бѣдный мальчикъ проситъ пищи голодному ребенку; такъ я посулилъ дать". — „А что, Гараська, продолжалъ его собесѣдникъ, я вижу, что Французы наводятъ и тебя на путь добродѣтели; и ты начинаешь помогать ближнему, принимаешься за благочестивыя дѣла. Ты придумалъ, товарищъ, дѣло хорошее; пора вспомнить и намъ о своей душѣ; не все же рѣзать какъ барановъ своихъ православныхъ; пришло, братъ, время поработать надъ заморскими гостями. Я знаю, у тебя рука не дрогнетъ перехватить ножемъ непріятельское горло, или знаешь эдакъ"... Онъ поднялъ въ верхъ кулакъ и крѣпко ударилъ имъ о ладонь другой руки.... „Понимаешь покороче... Помнишь острожную поговорку: дать нахлобучку въ темя кистенемъ!" „Эхъ Филька, отвѣчалъ рыжій мужикъ, не я бы слушалъ, не ты бы говорилъ. Вотъ у тебя безгрѣшнаго за добрыя дѣла и ноздри-то вырваны и штемпеля-то поставлены, чтобы не пропалъ; да я, братъ, молчу и зубы-то не точу, не разсказываю, что ты бѣжалъ изъ Сибири съ каторжной работы. Дурачина, самъ разсуди, въ теперешнее время грѣшно своему брату Русскому отказывать въ пищѣ; гдѣ онъ ее сыщетъ? И украсть-то негдѣ, все сожжено и разграблено; я сколько разъ на себѣ испыталъ, что голодъ не тетка".

Мы передаемъ этотъ разговоръ словами самаго очевидца-разскащика. Конечно, записывая свои воспоминанія много лѣтъ спустя, онъ не могъ до слова припомнить рѣчи острожниковъ; но 14 лѣтній, довольно образованный юноша, не могъ и забыть общій смыслъ и свойство этихъ рѣчей. Впечатлѣніе этой встрѣчи было слишкомъ сильно и не могло изгладиться изъ памяти. Рыжій мужикъ вынулъ изъ ящика сайку и, пододвинувъ банку варенья, сказалъ ему: „Мальчикъ, обмакивай да уписывай; сперва самъ наѣдайся досыта, а потомъ дамъ пищи и ребенку“. Но „я смекнулъ, говоритъ этотъ разсказчикъ, что нахожусь въ гостяхъ у выпущенныхъ изъ острога колодниковъ. Эта мысль привела меня въ содроганіе. Я отъ страха стоялъ неподвижно и ничего не ѣлъ. Одинъ изъ колодниковъ, высокій, здоровый малый, замѣтивъ, что я дрожу отъ страха, ласково спросилъ: „Мальчикъ, почему ты не ѣшь? Или кусокъ въ горло нейдетъ, смотря на наши красивыя рожи! Ѣшь, братъ, благословясь, не церемонься и говори спасибо не намъ, а Французамъ: они надѣлили насъ всякимъ довольствомъ; по милости ихъ и выпущены мы изъ острога; а то быть бы намъ въ Сибири, кому на поселеньи, а кто подостойнѣе, и въ каторжной работѣ. Принимайся-ка, мальчуганъ, за работу, набивай скорѣй мамонъ, да и маршъ вонъ!“ Голодъ пересилилъ страхъ, и юноша съ жадностью принялся за сайку съ вареньемъ, слушая, какъ острожники хвастались своими подвигами. „Цапля, говорилъ одинъ изъ нихъ, разскажи, какъ ты вчера воровалъ у Французовъ награбленное церковное серебро.“ Цапля отвѣчалъ, самодовольно улыбаясь: „Я прежде думалъ, что Французы народъ *полированный*, ловкій, а потому отличнѣйшіе воры; не тутъ-то было: оказались пошлые дураки, олухи. Наши острожные мальчишки-карманники много разъ ихъ хитрѣе и ловчѣе: не только очистятъ ихъ карманы, но съ ногъ скинутъ сапоги, а они не догадаются. Умора, какія вчера творили глупости міродеры! Изъ церквей награбятъ драгоцѣнныхъ вещей, положатъ въ фуры, не оставятъ караула и уйдутъ за другими вещами; а я и тутъ! Цапну что получше, да и маршъ въ какой нибудь близкій отъ того мѣста обгорѣлый погребъ и выглядываю оттуда. Они еще что нибудь вынесутъ, положатъ и снова уйдутъ; а я опять хвачу да и тягу. Такъ я нѣсколько разъ прикладывался къ ихнимъ фурамъ. Видите, сколько натаскалъ добра; есть на что полюбоваться и есть на что повеселиться“.

Утоливъ голодъ и желая поскорѣе выбраться изъ этой берлоги, юноша началъ кланяться и благодарить за угощенье. Рыжій острожникъ далъ ему еще сайку и булку съ вареньемъ. „Снеси это голодному ребенку, говорилъ онъ, а выйдетъ провизія, еще дамъ, опять приходи; но только смотри никому не сказывай объ насъ, ни о подвалѣ, а то братъ угощу вотъ чѣмъ“. Онъ вынулъ изъ за пазухи длинный и широкій ножъ и сказалъ ему: „Если забудешь мѣсто нашего подвала, то ходи по этому пожарищу и посвистывай: я тотчасъ отворю. Теперь ступай домой, береги съѣстное, а то какъ разъ отнимутъ непріятели: они сами голодны, какъ собаки. Ну маршъ!“ Онъ поднялъ шестомъ творило, и юноша живо вы-

брался изъ подвала; но въ тотъ же день, желая накормить своего двоюроднаго брата, однихъ лѣтъ съ нимъ, изнемогавшаго отъ голода, онъ снова побывалъ въ этомъ подвалѣ. Не находя спуска въ подвалъ, онъ ходилъ посвистывая по пожарищу, удивляя своего брата. „Кого чертъ принесъ?“ спросила, высунувшись изъ подвала, таже рыжая голова и, узнавъ знакомца, продолжала: „Такъ это ты посвистывалъ, пріятель, да еще и не одинъ!“ Клапяясь острожнику, юноша говорилъ, что онъ привелъ умирающаго отъ голода брата и Христа ради проситъ накормить его. „Слѣзайте проворнѣе, пострѣлята“, кричалъ изъ подвала острожникъ, когда испуганный такимъ неожиданнымъ явленіемъ новый посѣтитель не рѣшался идти въ подвалъ. Братъ насильно впихнулъ его туда.

Острожники были пьяны. „Ага, сказалъ одинъ изъ нихъ, здорово, мальчуганъ; скоренько къ намъ опять пожаловалъ: видно поправилось“. Кланяясь отвѣчалъ ему юноша: „Теперь я пришелъ не для себя, а для брата, который съ голоду едва стоитъ на ногахъ“. Острожникъ далъ ему два калача и банку варенья, говоря: „обработывай!“ „А какъ васъ зовутъ, сладкоѣшки?“ спросилъ онъ потомъ. На отвѣтъ: обоихъ Александрами, онъ запѣлъ: „ахъ вы Сашки-канашки, проголодался дурашки!“ и началъ приплясывать, прищелкивая пальцами. Товарищи едва уняли его, забывшаго о присутствіи въ Москвѣ непріятелей.

Въ то время, какъ голодный мальчикъ ѣлъ калачи съ вареньемъ, одинъ изъ колодниковъ спросилъ другаго: „А ты что же безъ дѣла стоишь, не работаешь зубами“. „Я, отвѣчалъ тотъ, сытъ, давича по вашей милости наѣлся“. „Ты здѣсь въ Москвѣ что ли остался съ своимъ семействомъ?“ продолжалъ онъ съ нимъ разговоръ.—„Да, съ отцемъ, матерью и двумя братьями!“—„Французы, я чай, васъ ограбили до рубашки?“ На утвердительный знакъ головою онъ съ участіемъ посмотрѣлъ на него, вынулъ изъ за пазухи свертокъ, въ которомъ потомъ оказалось нѣсколько нитокъ жемчугу и подалъ его юношѣ, говоря: „Отнеси это матери“; потомъ изъ кармана плисовыхъ шароваръ вынулъ пукъ ассигнацій, выбралъ двѣ сторублевыхъ и подалъ также ему. „А это снеси отцу; хотя они теперь ничего не значатъ, но, можетъ быть, послѣ пригодятся“. Опустивъ руку въ другой карманъ, вынулъ горсть золотыхъ монетъ и, потряхивая ихъ на ладонѣ, говорилъ: „далъ бы тебѣ и *рыжиковъ*, да въ прокъ не пойдутъ; Французы отымутъ; они жадны къ золоту, какъ мухи къ меду“.

Такая неожиданная щедрость ободрила юношу, и онъ осмѣлился попросить пищи для своего семейства. Острожникъ навязалъ ему узелъ калачей, саекъ, вина и варенья и отдавая сказалъ: „Тащите ребята, только будьте осторожны, не накормите непріятелей“ [23]).

Приведенные разсказы, въ правдивости которыхъ нѣтъ никакого повода сомнѣваться, разрѣшаютъ весьма важный вопросъ о томъ, находились ли въ составѣ населенія, остававшагося въ Москвѣ во

---

[23]) Воспоминанія очевидца (д-ра Рязанова), отд. 2-й, гл. 8 и 10-я.

время пребыванія въ ней непріятелей, колодники, выпущенные изъ острога.

Наполеонъ говорилъ въ своихъ извѣстіяхъ о дѣйствіяхъ великой арміи, что графъ Ростопчинъ выпустилъ изъ тюремъ до 3000 преступниковъ, вооружилъ ихъ и поручилъ имъ жечь городъ [24]). Графъ Ростопчинъ, въ письмѣ къ императору, оправдываясь въ убійствѣ Верещагина, говоритъ, что всѣ колодники изъ большой тюрьмы были съ 29 на 30 Августа, подъ военною охраною, отправлены въ Нижній Новгородъ. Верещагинъ и Мутонъ оставались въ другой тюрьмѣ, называемой *ямой* [25]). Возражая на 20-й бюллетень Наполеона, онъ говорилъ: „Что̀ касается до преступниковъ, употребленныхъ для зажигательства, то они находились тогда по крайней мѣрѣ на разстояніи 50 миль отъ Москвы, оставивши ее за четыре дня передъ тѣмъ“ [26]). Тоже самое повторяетъ онъ въ своихъ запискахъ о 1812 годѣ. Таковы два совершенно одно другому противоположныя показанія, двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ этомъ случаѣ.

Конечно свидѣтельство извѣстій изъ великой арміи, писанныхъ со словъ Наполеона, не могли бы имѣть никакого историческаго значенія; но они основывались на показаніяхъ Французовъ и вообще иностранцевъ, оставшихся въ это время въ Москвѣ. Всѣ изъ нихъ, которые оставили письменныя объ этомъ времени воспоминанія, положительно увѣряютъ, что колодники были выпущены изъ тюремъ на свободу. Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ графомъ Ростопчинымъ одному маіору Наполеоновской арміи, оставшемуся въ больницѣ послѣ ея выхода изъ Москвы, былъ слѣдующій: „Что̀ было главнѣйшей причиной ненависти Наполеона къ графу? Французская армія искренно ли раздѣляла эту ненависть, и почему?“ На это маіоръ отвѣчалъ, что многіе иностранцы, оставшіеся въ Москвѣ и особенно Французы, давно жившіе въ столицѣ, описывали графа Ростопчина въ самыхъ ужасныхъ краскахъ. Они говорили, что онъ собственною властію выслалъ на баркахъ многихъ отцевъ семействъ, людей весьма почтенныхъ, между прочимъ своего повара, честнаго Француза; что наканунѣ вступленія въ Москву Французскихъ войскъ онъ самъ выпустилъ изъ тюремъ содержавшихся въ нихъ въ продолженіи многихъ лѣтъ преступниковъ, выдалъ имъ оружіе и приказалъ имъ сжечь не только провіантскіе магазины и амуничные склады, но даже всѣ дома, въ которыхъ Французы могли что нибудь найти; наконецъ, что онъ приказалъ убить въ своихъ глазахъ однаго честнаго и благороднаго юношу, что-то написавшаго о Французской арміи. Иные говорили даже, что онъ самъ нанесъ ему первый ударъ. Однимъ словомъ по ихъ разсказамъ графъ былъ сущій извергъ, жесточайшій изъ тирановъ. На основаніи этихъ разсказовъ была составлена

---

[24]) 19-me bulletin de la grande armée.

[25]) Письмо графа Ростопчина къ Императору 2-го Декабря 1812 г. изъ Москвы.

[26]) La vérité sur l'incendie въ соч. гр. Ростоп., изд. Смирд., стр. 237 и 285.

подробная записка о его злодѣяніяхъ и сообщена была всѣмъ генераламъ и начальникамъ отдѣльныхъ частей. Съ описаніемъ въ той же запискѣ примѣтъ графа Ростопчина, имъ данъ былъ строгій приказъ схватить его, если онъ попадется въ руки Французскому авангарду и держать его подъ строгимъ надзоромъ. „Послѣ тѣхъ ужасовъ, которые разсказывали о графѣ, говорилъ полковникъ, неудивительно, что онъ сдѣлался предметомъ ненависти у большей части офицеровъ и солдатъ“. Что-же касается до Наполеона, „ненависть его къ нему происходила отъ того, что онъ оказалъ ему сопротивленіе и, вопреки его ожиданіямъ, не вышелъ встрѣчать его съ ключами города, какъ это было въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Поэтому онъ ежедневно отзывался о немъ съ самой дурной стороны“ [27]).

Въ показаніи маіора въ сокращенномъ видѣ изложено именно то, что̀ описали въ своихъ воспоминаніяхъ нѣкоторые иностранцы съ бо̀льшими подробностями [28]). Конечно образъ дѣйствій графа Ростопчина не могъ расположить къ нему иностранцевъ, находившихся въ Москвѣ и тѣмъ болѣе Французовъ. Ихъ ненависть къ нему весьма понятна, точно также какъ и опасенія за свою судьбу. Уже давно носился между ними грозный слухъ, что Москва будетъ сожжена, если не представится возможнымъ защитить ее отъ непріятеля и что всѣ иностранцы сдѣлаются жертвами разъяренной черни.

„Около 10 часовъ утра, 2-го Сентября, говоритъ одинъ изъ нихъ, городъ, почти совершенно оставленный жителями, представлялъ обширную пустыню. За шумомъ, сопровождавшимъ выходъ Русскихъ войскъ, наступила ужасающая тишина, которая, казалось, предвѣстницею бѣдствій. Разсказывали, что отпертъ арсеналъ и растаскиваютъ оружіе, что вышедшіе изъ тюремъ преступники вмѣстѣ съ толпою народа вооружаются. Погреба и кабаки еще къ вечеру были разбиты, вино текло ручьями по улицамъ. Какое чувство ужаса испытывали иностранцы и мирные граждане, оставшіеся въ Москвѣ, думая, что̀ можетъ ожидать ихъ въ городѣ безъ полиціи, безъ всякой власти, гдѣ свободно могли дѣйствовать преступники, вышедшіе изъ тюремъ“ [29]). Запираясь въ своихъ домахъ, они съ ужасомъ прислушивались къ каждому звуку. Такое положеніе иностранцевъ можетъ возбудить сомнѣніе и недовѣріе къ ихъ показаніямъ: испуганное воображеніе могло создавать небывалыя опасности. Такъ и было дѣйствительно. Ихъ опасенія въ отношеніи вообще къ Русскому народу были не основательны; но что̀ касается показаній о преступникахъ, выпущенныхъ изъ тюрьмы, то они подтверждаются какъ приведенными уже разсказами очевидцевъ Русскихъ, такъ и слѣдующими словами, записанными въ памятной книжкѣ А. Я. Булгакова, бывшаго въ то время чинов-

---

[27]) Русскій Архивъ 1864 г., изд. 2-е, стр. 807 и 816.

[28]) Domergue, La Russie pendant les guerres de l'empire, т. II, стр. 33 и слѣд.; Surrugues, Lettres sur l'incendie de Moscou, стр. 12; B—ch, Hist de la destruction de Moscou, стр. 68 и слѣд.

[29]) Surrugues, Lettres etc., стр. 14—15; M-me Fusil, L'incendie de Moscou, стр. 5—8.

никомъ при графѣ Ростопчинѣ и совершенно преданнаго ему человѣка. Въ Субботу 31 Августа Булгаковъ выѣхалъ изъ Москвы въ подмосковную, чтобы поторопить свое семейство ѣхать въ болѣе отдаленную отъ столицы деревню. Сентября 2-го, говоритъ онъ, „выѣхалъ въ Москву въ телѣгѣ. Въ 5-ть часовъ пополудни подъѣзжаю къ ней. Картина бѣглецовъ, пѣшкомъ, верхомъ и въ повозкахъ. Что́ мнѣ говорятъ, я не вѣрю; ѣду далѣе. У заставы нѣтъ никого. Кабакъ разбитъ. Изъ острога колодники бѣгутъ: ихъ выпустили, или они сами поломали замки... Противъ (дома) Пушкина убиваютъ солдаты наши лавочника. Ѣду по Басманной. Ужасная картина! Грабежъ вездѣ ранеными и мародерами. Мнѣ говорятъ, что Французы уже въ Кремлѣ“.

Послѣ выступленія непріятеля изъ Москвы генералъ Иловайскій, донося о состояніи столицы графу Ростопчину во Владиміръ, между прочимъ писалъ, что въ теченіи двухъ дней переловлено болѣе 200 зажигателей и грабителей, по большей части выпущенныхъ изъ острога преступниковъ, изъ которыхъ семь человѣкъ схвачены лейбъ-казачьимъ разъѣздомъ, противъ коего они стрѣляли изъ ружей, и нѣсколько пойманы въ святотатствѣ и убійствѣ; а за бѣжавшими и грабящими вокругъ города посланы разъѣзды“ [30]).

Эти свидѣтельства едва-ли оставляютъ сомнѣніе въ томъ, находились-ли въ Москвѣ въ это время выпущенные изъ тюремъ преступники; а присутствіе подобнаго разряда людей конечно не могло не страшить иностранцевъ. Если общее бѣдствіе, постигшее мирныхъ жителей Москвы, и могло пробудить въ нихъ чувства состраданія къ своимъ соплеменникамъ; то едва ли они могли отнестись съ тѣмъ же чувствомъ къ иностранцамъ и особенно Французамъ, которымъ непріятели во всякомъ случаѣ оказывали болѣе покровительства, нежели Русскимъ.

Что же касается до свидѣтельства графа Ростопчина, то его можно объяснить только тѣмъ, что его приказаніе, данное въ самые послѣдніе дни передъ вступленіемъ непріятеля, не было исполнено, по крайней мѣрѣ вполнѣ, и часть острожниковъ не была выслана въ послѣдовавшее затѣмъ общее смятеніе въ первый день Сентября 1812 года.

---

[30]) Рапортъ ген.-маіора Иловайскаго гр. Ростопчину 16-го Окт. 1812 г. изъ Москвы; Записки Булгакова, Русс. Архивъ 1866 г. № 5, стр. 696; письмо Лунина 18 Сент. 1812 г. (Русск. Старина 1873 г., № 12, стр. 992).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Императоръ Наполеонъ провелъ тревожную ночь въ Петровскомъ подъѣздномъ дворцѣ. На другой день утромъ онъ долго и молча смотрѣлъ изъ окна на разстилавшійся передъ нимъ пожаръ. „Это предвѣщаетъ намъ великія бѣдствія“, произнесъ онъ наконецъ [1]). „Императоръ былъ доволенъ, занявъ Москву, говоритъ одинъ изъ бывшихъ тогда при немъ секретарей; но конечно онъ не скрывалъ отъ себя, чего не доставало для полнаго его торжества: въ это время Бернадотъ долженъ бы былъ уже занять Петербургъ, а Турки Крымъ“ [2]).

Таковы именно были первоначальныя предположенія Наполеона; но его собственная неудачная политика въ отношеніи къ Швеціи и Турціи разстроила эти планы. О мирѣ, заключенномъ Россіею съ Портою въ Букарештѣ и о союзѣ съ Швеціею Наполеонъ узналъ уже находясь въ Россіи. Занятіемъ Москвы онъ еще надѣялся достигнуть своей цѣли, хотя и не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ предполагалъ и желалъ, и заключить съ нею миръ, поразивъ ужасомъ ее и ея Императора. Но пожаръ Москвы, совершенно для него неожиданный, спуталъ всѣ его разсчеты и предположенія. Въ рѣчи своей, при открытіи Законодательнаго Собранія, въ началѣ 1813 г., вызывая Францію на новыя чрезвычайныя пожертвованія для продолженія войны, онъ увѣрялъ, что въ Россіи ему пришлось восторжествовалъ надъ всѣми затрудненіями, и „даже пожаръ Москвы, въ четыре дня уничтоживший труды и издержки 40 поколѣній, нисколько не измѣнилъ благопріятнаго положенія дѣлъ“ [3]); но въ самой Москвѣ и потомъ на островѣ Св. Елены онъ думалъ иначе. „Нельзя было предвидѣть возможность сожженія Москвы“, говорилъ онъ, оправдывая этимъ неудачу похода, который считалъ онъ наиболѣе обдуманнымъ, разсчитаннымъ и соображеннымъ изо всѣхъ своихъ походовъ [4]).

Могъ-ли Наполеонъ не понять значенія Московскаго пожара, когда его поняла вся Европа, лишь только узнала о немъ? Поняла и Франція. „Невозможно (доносилъ ему въ это время Фіеве изъ Парижа) описать того изумленія и ужаса, которые произвела въ Парижѣ вѣсть о пожарѣ Москвы. Давно уже народы позабыли о войнѣ, доводимой до крайности. Нашему времени суждено все исчер-

---

[1]) C.-te Segur, Hist. de Napoléon et de la grande armée, ч. II, гл. VII, стр. 59.

[2]) B. Fain, Manuscrit de 1812, ч. II, стр. 55.

[3]) Рѣчь 13 Февраля 1813 г. (н. ст.) у Тьера, Hist. de l'Empire, кн. XXIX.

[4]) Montholon, Mémoires etc. въ Bibliothèque militaire, изд. 1840, стр. 405.—Las-Cases, Mémorial de S-te Hélène, т. II, стр. 142—145.

пать, все довести до крайности, и это событіе безъ сомнѣнія нанесетъ сильный ударъ высокому идеалу воинской славы. Какъ наши предки возставали противъ религіознаго фанатизма, такъ наши потомки будутъ возставать противъ фанатизма военнаго; по крайней мѣрѣ въ настоящее время кончено всякое увлеченіе. Время, прошедшее съ тѣхъ поръ какъ бюллетень принесъ эту вѣсть, до сихъ поръ не ослабило силы произведеннаго впечатлѣнія. Это такое событіе, котораго послѣдствія неисчислимы, и чѣмъ болѣе въ него вдумываешься, тѣмъ болѣе открываются новые виды. Послѣ чувства состраданія къ жителямъ этого несчастнаго города, первая мысль была о нашей арміи, вдругъ потерявшей всѣ средства, которыя она надѣялась тамъ найти. Собранная воедино, она не можетъ въ этомъ климатѣ воспользоваться спокойствіемъ въ промежутокъ времени между двумя кампаніями. Извѣстія, полученныя послѣ этого бюллетеня, нѣсколько ослабили опасенія. Намъ даютъ надежду, что Французскія войска найдутъ достаточно средствъ для того, чтобы безъ особенныхъ лишеній дождаться новой кампаніи. Если-бы сбылась эта надежда! Теперь уже не имѣетъ никакого значенія то обстоятельство, что эта война окупаетъ сама себя; теперь дѣло не въ деньгахъ: затронуты слишкомъ важные вопросы, и всякій бюллетень, изъ котораго узнали-бы, что наши солдаты въ теплѣ, одѣты и сыты, произвелъ бы гораздо больше впѣчатлѣнія на всѣхъ, нежели извѣстія о побѣдахъ... Съ особеннымъ удовольствіемъ всѣ обратили вниманіе на полуправительственную газетную статью, въ которой за пожаръ Москвы не обвиняютъ императора Александра. Это объяснили тѣмъ, что императоръ не потерялъ еще надежды на миръ. Разрушеніе столицы еще можетъ быть приписано порыву народа, который рѣшился скорѣе погибнуть, чѣмъ подчиниться игу побѣдителя. Это чувство, нѣкогда общее всѣмъ свободнымъ народамъ, выразившееся теперь во всей силѣ въ странѣ мало образованной, приводитъ въ изумленіе. Если-бы Москва была сожжена по приказанію императора Александра, то онъ могъ бы оправдать себя передъ исторіею, дѣйствуя послѣдовательно и не входя ни въ какіе переговоры о мирѣ. Въ такомъ случаѣ онъ станетъ высоко въ памяти потомковъ. Въ противномъ случаѣ, если онъ согласится на миръ, то и теперь, и въ послѣдствіи, какъ передъ своими подданными, такъ и передъ Европою, онъ остался бы зажигателемъ. Благоразумное устраненіе его участія въ этомъ событіи свидѣтельствуетъ, что еще не утрачена надежда на миръ, но оно еще не ручается за то, доживемъ ли мы до него“ [5])?

Со вступленіемъ въ Кремль, т. е. съ 3 Сентября и во все пребываніе въ Петровскомъ дворцѣ Наполеонъ не далъ ни однаго приказанія, не продиктовалъ ни однаго военнаго предписанія. Очевидно,

---

[5]) Correspondance et relations de I. Fiévée avec Bonaparte, Paris 1837, т. III, стр. 239—246. Письмо XC, Октябрь 1812. Фьеве, въ продолженіи многихъ лѣтъ, начиная съ консульства, былъ кореспондентомъ Наполеона и сообщалъ ему свѣдѣнія о направленіи общественнаго мнѣнія.

онъ такъ былъ пораженъ неожиданнымъ для него событіемъ, что недоумѣвалъ, что̀ дѣлать и на что̀ рѣшиться. Такое состояніе духа и выражалось въ его тогдашнихъ дѣйствіяхъ.

Въ слѣдъ за Наполеономъ и его свитою выступили изъ Москвы гонимыя пожаромъ войска. Вокругъ Петровскаго дворца устроились бивуаки корпуса Итальянскаго короля. Туда, вслѣдъ за войсками, подъ ихъ охрану, сбѣжалась и большая часть иностранцевъ, особенно Французовъ и даже нѣкоторые изъ Русскихъ. Въ этомъ числѣ находилась и г-жа Оберъ-Шальме, владѣтельница модной тогдашней гостинницы и богатаго магазина различныхъ предметовъ роскоши. (Мужъ ея былъ высланъ въ числѣ другихъ гр. Ростопчинымъ на баркѣ въ Казань). Магазинъ Оберъ-Шальме [6]) служилъ сборнымъ мѣстомъ для всего высшаго и богатаго Московскаго общества, привлекаемаго туда роскошными товарами. На другой день пребыванія въ Петровскомъ дворцѣ, узнавъ, что г-жа Оберъ-Шальме находится также на бивуакахъ, Наполеонъ, въ шесть часовъ утра, вызвалъ ее къ себѣ. Вмѣстѣ съ присланнымъ за нею адъютантомъ она отправилась во дворецъ, въ чемъ была, на первыхъ попавшихся дрожкахъ. У дворцоваго подъѣзда ее встрѣтилъ Мортье, герцогъ Тревизскій, предложилъ ей руку, довелъ до большой залы и впустилъ туда. Императоръ Наполеонъ ожидалъ ее, стоя въ амбразурѣ окна. Лишь только она вошла, онъ обратился къ ней съ слѣдующими словами: „Вы очень несчастливы, какъ я слышалъ; вы потерпѣли значительныя потери?“ — „Да, государь, отвѣчала она, мое состояніе, простиравшееся до 600 тысячъ рублей, погибло въ этой катастрофѣ, и я должна болѣе 300 тысячъ. Позвольте мнѣ надѣяться, что вы защитите меня отъ преслѣдованія моихъ кредиторовъ“. Успокоивъ ее милостивыми обѣщаніями, онъ перевелъ разговоръ на другой предметъ. Онъ сталъ распрашивать ее о настроеніи умовъ въ Россіи, о способахъ управленія, которое онъ намѣревался устроить въ Москвѣ, выражая желаніе, чтобы оно наиболѣе соотвѣтствовало нравамъ жителей. Между прочимъ онъ спросилъ ее: „Что̀ вы думаете о предположеніи освободить Русскихъ крѣпостныхъ людей? — „Если ваше величество позволите мнѣ откровенно выразить мое мнѣніе въ отношеніи къ этому предмету, отвѣчала Оберъ-Шальме, то я смѣю замѣтить, что можетъ быть одна треть изъ нихъ поймете это благодѣяніе; двѣ другія не поймутъ даже, о чемъ имъ говорятъ“.—„Но рѣчи и примѣръ первыхъ увлекутъ за собою и остальныхъ“, возразилъ Наполеонъ. „Ваше величество можете ошибиться, продолжала Француженка: здѣсь не то, что̀ въ полуденной Европѣ. Русскій недовѣрчивъ, его трудно расшевелить. Дворяне не замедлятъ воспользоваться минутою колебанія, и эти новыя идеи будутъ представлены какъ безбожныя и нечестивыя. Увлечь ими чрезвычайно будетъ трудно, даже невозможно“ [7]).

---

[6]) Помѣщался между Тверской и Большой Дмитровкой, въ Глинищенскомъ переулкѣ, въ домѣ нынѣ принадлежащемъ г-ну Обидину.

[7]) Chev. d'Yzarn, Relation etc. стр. 14—15; Arm.Domergues, La Russie pendant les guerres de l'empire, т. II, стр. 73—75. Черновыя письма къ

Выслушавъ такое разсужденіе, Наполеонъ понюхалъ табаку, что̀ служило признакомъ неудовольствія; но, отпуская г-жу Оберъ, благосклонно обѣщалъ ей свое покровительство.

Взглядъ Наполеона на женщинъ, совершенно сходный со взглядомъ на нихъ Мусульманскихъ народовъ, извѣстенъ, и онъ не скрывалъ его. Совѣтоваться съ женщинами, хотя бы умными и образованными, было совершенно противно его праву. Онъ не совѣтовался ни съ кѣмъ, особенно въ то время, когда достигъ до крайней степени величія. „Усиліе достигнуть Москвы истощило всѣ его воинскіе способы, говоритъ одинъ изъ его спутниковъ, очевидецъ происшествій. Москва составляла послѣдній предѣлъ его предположеній, цѣль всѣхъ его стремленій, и Москва изчезаетъ! Что̀ предпринять? Въ это-то время такому рѣшительному (décisif) генію пришлось колебаться. Онъ, который въ 1805 году вдругъ и окончательно покинулъ всѣ приготовленія у Булоня для высадки въ Англію, стоившія столькихъ издержекъ, покинулъ для того, чтобы неожиданно истребить Австрійскія войска, обозначивъ напередъ, поименно всѣ переходы войскъ въ Ульмской кампаніи до самаго Мюнхена, точно такъ какъ они были потомъ приведены въ исполненіе; этотъ человѣкъ, который годъ спустя, диктовалъ въ Парижѣ съ тою же непогрѣшимостью всѣ переходы войскъ до Берлина, опредѣлялъ напередъ день своего вступленія въ столицу и назначалъ туда своего губернатора,—онъ былъ теперь смущенъ и нерѣшителенъ. Никогда онъ никому не сообщалъ о своихъ самыхъ смѣлыхъ предположеніяхъ; его министры, самые приближенные, узнавали о нихъ только въ видѣ предписаній о приведеніи ихъ въ исполненіе. И вотъ онъ вынужденъ совѣтываться, испытывать нравственныя и физическія силы его окружающихъ“.

Изъ всевозможныхъ предположеній о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ конечно только одно могло соотвѣтствовать его гордынѣ, это идти впередъ, продолжать наступательныя дѣйствія: всѣ другія показались бы отступленіемъ, неудачею всего похода и поколебали бы обаяніе, которое внушалъ его военный геній. На разложенныхъ въ его кабинетѣ картахъ Россіи, онъ со всею подробностью размѣтилъ булавками съ разноцвѣтными головками походъ на Петербургъ. Онъ продиктовалъ уже первоначальныя приказанія и сообщилъ нѣкоторымъ изъ маршаловъ о своихъ намѣреніяхъ. Это сообщеніе поразило ихъ; одинъ только молодой вице-король Итальянскій сочувствовалъ мысли своего отчима, всѣ другіе были противъ нея. Этотъ новый походъ, все болѣе и болѣе удалявшій ихъ отъ Франціи, представлялся имъ новымъ рядомъ утомительныхъ трудовъ и превратностей. „Идти снова впередъ на Сѣверъ, предаваясь на волю случая, идти на встрѣчу зимѣ, которая и такъ не замедлитъ наступить, тогда какъ намъ нуженъ миръ, во чтобы то ни стало, хотя бы пришлось его просить на колѣняхъ“. Такъ разсуждали всѣ вос-

---

Наполеону г-жи Оберъ-Шальме хранятся въ ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба. Въ нихъ она проситъ его о покровительствѣ по имуществу и объ опредѣленіи сыновей ея въ Лицей.

начальники Наполеона; но, говоритъ одинъ изъ его тогдашнихъ секретарей, „никто изъ особаго уваженія не рѣшался это выразить ему самому“. Они говорили ему, что для войскъ необходимъ покой, что необходимо время для излеченія раненыхъ или отправленія ихъ въ Смоленскъ, что Москва подъ пепломъ своихъ развалинъ еще представляетъ достаточно средствъ для продовольствія на нѣкоторое время, а уцѣлѣвшій отъ огня Кремль и многіе дома—для помѣщенія. Надо попытать переговоровъ о мирѣ и если бы они не удались, то отступать во всякомъ случаѣ на Югъ, чтобы истребить боевые и продовольственные запасы въ Калугѣ и Тулѣ.

Мысль о заключеніи мира составляла цѣль Наполеона, и занятіемъ Москвы онъ надѣялся достигнуть этой именно цѣли, какъ постоянно достигалъ ея, занимая столицы другихъ Европейскихъ государствъ. Въ порывѣ негодованія на Русскихъ за то, что не дождался торжественной встрѣчи съ ключами города, что нашелъ Москву оставленную жителями, онъ ожесточился и сосредоточилъ свою злобу на личности гр. Ростопчина, котораго осыпалъ ругательствами. Онъ отдалъ приказъ грабить столицу и создалъ планъ похода на Петербургъ. Походъ этотъ, при нѣсколько хладнокровномъ соображеніи, конечно представлялся совершенно невозможнымъ въ виду способовъ, которыми могъ располагать въ это время Наполеонъ и которые хорошо были извѣстны его маршаламъ. Его войска, достигнувъ Москвы, истратили большую часть боевыхъ запасовъ; новые обозы изъ Смоленска еще не подошли; запасовъ продовольствія, фуража и одежды давно не существовало, и его войска вошли голодныя въ столицу. Нужно было много времени для приведенія ихъ въ такое положеніе, чтобы они могли двинуться въ новый, продолжительный походъ. Возможно-ли было оставить въ тылу всю Русскую армію, очистивъ Москву и уведя съ собою всѣ войска? Числительная сила войскъ была ли такова, чтобы можно было раздѣлить ихъ и оставить сильный аріергардъ для удержанія за собою Москвы? Наполеонъ не могъ не знать положеніе своихъ войскъ. Онъ зналъ его не хуже своихъ маршаловъ, хотя можетъ быть и не предвидѣлъ еще, какое разрушительное дѣйствіе произведетъ на нихъ, какъ въ военномъ, такъ и нравственномъ отношеніи, дозволенный грабежъ столицы. Окружавшимъ его боевымъ сотрудникамъ, предлагавшимъ войти въ мирные переговоры, въ которыхъ они видѣли единственное средство спасенія, онъ отвѣчалъ: „Вы полагаете однакоже, что тѣ, которые рѣшились сжечь Москву, могутъ заключить миръ черезъ нѣсколько дней послѣ этаго? Если тѣ, на которыхъ упадетъ обвиненіе за это событіе, имѣютъ силу въ кабинетѣ Александра, то всѣ ваши надежды останутся тщетными... Впрочемъ надо, чтобы выяснились обстоятельства“. „Онъ уступилъ совѣтамъ своихъ боевыхъ товарищей“, замѣчаютъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ его современники-очевидцы. Онъ уступилъ роковой силѣ совершившихся событій (прибавимъ мы), не отказываясь отъ своихъ предположеній, но отсрочивая ихъ исполненіе до тѣхъ поръ, пока не выяснятся обстоятельства

неожиданныя и потому *неясныя* для него, или лучше сказать поразительную *ясность* которыхъ онъ желалъ не только скрыть отъ другихъ, но даже отъ самаго себя [8]).

Бивуаки Французскихъ войскъ, окружавшіе Петровскій дворецъ, занимали значительное вокругъ него пространство и простирались до Тверскихъ воротъ. Кромѣ корпуса Итальянскаго вице-короля, тамъ находилась и часть гвардіи, выведенная изъ города, и толпилось множество несчастныхъ обитателей Москвы, по преимуществу иностранцевъ и особенно Французовъ. Послѣ очереди для грабежа, назначенной для каждаго корпуса войскъ, солдаты продолжали грабежъ тайно, уходя изъ лагеря, преимущественно по ночамъ. Сухая и ясная погода благопріятствовала пребыванію подъ открытымъ небомъ, хотя прохлада Сентябрьскихъ ночей и давала себя чувствовать непривычнымъ къ Московскому климату иностранцамъ. Но съ 5-го Сентября пошелъ сильный дождь, продолжавшійся два дня. Онъ укротилъ силу пожаровъ, но умножилъ неудобства бивуачной жизни.

Наполеонъ рѣшился возвратиться въ Кремль. По дорогѣ, между бивуаками и по улицамъ Московскимъ, онъ въ первый разъ увидалъ, въ какомъ положеніи находятся его войска. „Никогда не забудется то странное зрѣлище, какое представлялъ лагерь вокругъ Петровскаго дворца, говоритъ современникъ-очевидецъ. Тамъ, въ Англійскомъ саду, находились разные штабы, входившіе въ составъ главной квартиры; генералы помѣщались въ зданіи фабрикъ, лошади стояли въ аллеяхъ. Непрерывно солдаты возвращались съ грабежа изъ Москвы и продавали награбленныя вещи. Къ довершенію странности, они были одѣты въ разнообразныя платья, какія только находили“ [9]). Другой свидѣтель, описывая этотъ въѣздъ Наполеона въ опустошенную Москву, говоритъ: „Лагерь былъ расположенъ на поляхъ, покрытыхъ липкою и холодною грязью; повсюду горѣли большіе костры, въ которыхъ огонь поддерживался мебелью

---

[8]) B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 93—97; C.-te Segur, Hist. de Napoléon etc. т. II., стр. 60—63. Тьерь говоритъ: „Ce projet est rapporté, mais entièrement défiguré dans le récit de m-r Fain. Il est rapporté à une date qui ne peut être la véritable, car m-r Fain prétend que l'empereur le conçut et l'arrêta au château de Petrowskoe, où il séjourna pendant l'incendie de Moscou du 16 au 19 Septembre. Or, il existe dans les archives et dans la correspondance de Napoléon un exposé de ce plan divisé en titres et articles, comme un projet de loi. Ce document porte la date d'Octobre, sans désignation du jour. (Hist. de l'Empire, кн. XXVI)“. Конечно тотъ планъ, на который указываетъ знаменитый историкъ, выработанъ гораздо послѣ пребыванія Наполеона въ Петровскомъ дворцѣ; но онъ выражалъ свое намѣреніе идти на Петербургъ еще тамъ, о чемъ свидѣтельствуетъ не одинъ Fain, но и Сегюръ. Этотъ планъ доказываетъ только, что эта мысль занимала долго Наполеона, и весьма понятно почему. Если нельзя дѣйствовать наступательно, то надо было отступать. Ничто такъ не было противно Наполеону, по свидѣтельству самаго г. Тьера, какъ мысль объ отступленіи.

[9]) Duc de Fezensac, Souvenir etc., стр. 265.

изъ краснаго дерева, оконными рамами и позолоченными дверьми изъ богатыхъ домовъ. Вокругъ огней, на постилкахъ изъ мокрой соломы, прикрытыхъ утлыми навѣсами изъ нѣсколькихъ досокъ, толпились солдаты; а офицеры, покрытые грязью и закоптѣлые отъ дыма, сидѣли на креслахъ или лежали на роскошныхъ, покрытыхъ шелковыми матеріями, диванахъ. Ноги у нихъ были закутаны кашемировыми шалями, дорогими Сибирскими мѣхами и Персидскими золотыми матеріями. На серебряныхъ блюдахъ они ѣли какую-то черную похлебку, пересыпанную золою, кровавую и полуизжаренную конину. Странная смѣсь обилія и недостатка, богатства и грязи, роскоши и бѣдности“ [10]).

Подвигаясь далѣе, поѣздъ Наполеона встрѣчалъ толпы солдатъ, обремененныхъ добычею или гнавшихъ передъ собою, какъ вьючныхъ животныхъ, Русскихъ людей, которые едва не падали подъ тяжестью ноши. Городъ представлялъ новое поражающее зрѣлище. Кое-гдѣ видѣлись уцѣлѣвшія зданія, но повсюду груды обгорѣлыхъ дымившихся развалинъ. Обломки стѣнъ, столбовъ и печныхъ трубъ указывали направленіе бывшихъ улицъ. По этимъ развалинамъ скитались ограбленные жители, едва разными отрепками прикрывая наготу и отыскивая пищи, а ихъ грабители отыскивая добычи. „Императоръ увидалъ, что все его войско разсѣялось по городу“, говоритъ графъ Сегюръ, находившійся въ его свитѣ. Движеніе его поѣзда на каждомъ шагу впередъ затрудняли толпы мародеровъ или возвращавшихся съ добычею, или шедшихъ на новый грабежъ, толпы солдатъ собравшихся у отверстій погребовъ, у дверей домовъ и церквей, пощаженныхъ огнемъ. Трудно было пробираться по улицамъ, по которымъ были разбросаны обгорѣлые обломки зданій, всевозможная мебель и домашняя утварь, выброшенная изъ домовъ или оставленная грабителями, которые захватывали все, что̀ попадалось подъ руки, но потомъ бросали, находя другую болѣе цѣнную добычу. „При въѣздѣ Наполеона, говоритъ Русскій свидѣтель (плѣнный, находившійся въ его свитѣ въ качествѣ путеводителя), многіе изъ жителей Московскихъ, испившихъ всю чашу бѣдствій отъ нашествія на нихъ иноплеменниковъ, увидавъ издали многочисленную свиту, убѣгали прочь. Другіе посмѣлѣе отваживались украдкою выглядывать изъ за обвалившихся стѣнъ. Наконецъ, въ одномъ переулкѣ близъ Охотнаго ряду, одѣтая въ лохмотья толпа мѣщанъ, человѣкъ въ 40, на которыхъ отъ страху, голода и холода едва осталось подобіе человѣческое, выждавъ приближеніе свиты къ переулку, падаетъ среди грязи на колѣни, простираетъ къ иноплеменному государю руки, вопіетъ о претерпѣнномъ ими грабежѣ и конечномъ раззореніи и проситъ пощады и хлѣба! Но сей жестокій человѣкъ, поворотивъ лошадь свою вправо, не удостоилъ ихъ своего взгляда; но только приказалъ одному изъ сопровождавшихъ его узнать, о чемъ они просятъ“ [11]). Приказаніе это получилъ одинъ изъ его переводчиковъ

---

[10]) C.-te Segur, Hist. de Napoléon etc. т. II, стр. 63—64.
[11]) Корбелецкій, Краткое повѣствованіе и пр., стр. 37— 38.

Лелорнь. Подъѣхавъ къ толпѣ, онъ вскрикнулъ: „А, г. Бестужевъ, въ какомъ положеніи я васъ вижу!“—„Такова судьба войны“, отвѣчалъ ему Бестужевъ, ограбленный почти до нага вмѣстѣ съ своимъ семействомъ. „Гдѣ же ваша жена, ваши дѣти?“ спрашивалъ Лелорнь. „Вы ихъ видите“, указывая на нихъ, отвѣчалъ Бестужевъ. „Жена въ рубищѣ, а дѣти босы, разсказываетъ онъ въ своихъ запискахъ“. „О Боже“! воскликнулъ Делорнь, и на его глазахъ показались слезы. Изъ многихъ, окружавшихъ насъ онъ приказалъ одному полковнику штаба князя Невшательскаго, фонъ Зейленъ-Нивельту, именемъ императора, взять меня подъ свое покровительство. Полковникъ избралъ домъ для жительства на Петровкѣ, близъ монастыря, бывшій князя Одоевскаго, а нынѣ Дурновой“ [12]).

Наполеонъ осматривалъ хладнокровно, а иногда и съ восторгомъ поля сраженій, послѣ одержанныхъ имъ побѣдъ, покрытыя тысячами убитыхъ и раненыхъ; но едвали онъ испытывалъ тѣже чувства, когда смотрѣлъ на сожженную и ограбленную Москву и ея обитателей. Если не Русскіе, въ числѣ которыхъ онъ подозрѣвалъ поджигателей, то во всякомъ случаѣ иностранцы и преимущественно Французы не могли не возбудить въ немъ участія къ ужасному положенію, въ которомъ они находились. Дѣйствительно, по въѣздѣ въ Москву, онъ поручилъ устроить и обезпечить ихъ существованіе особому чиновнику [13]), который и помѣстилъ многихъ изъ нихъ въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ домовъ у Красныхъ воротъ и снабжалъ продовольствіемъ. Другіе были помѣщены въ домѣ Медицинской Академіи, недалеко отъ нея въ домъ Давыдова; иные нашли пріютъ въ церкви св. Людовика и въ домѣ гр. Разумовскаго, на Гороховомъ полѣ, гдѣ помѣщался Мюратъ. Въ тоже время имъ предложили должности въ канцеляріяхъ войскъ, съ хорошимъ жалованьемъ.—Что̀ касается до Русскихъ, то первымъ распоряженіемъ Наполеона было учрежденіе военнаго суда надъ поджигателями.

Съ первыхъ двухъ дней по вступленіи непріятелей въ Москву, между ними уже разнеслась молва о томъ, что Русскіе намѣрены сжечь столицу. Ихъ же соплеменники, обитатели Москвы, устрашенные ожиданіемъ такого бѣдствія, сообщали имъ объ этомъ. Усилившіеся пожары, на третій день вступленія, заставили ихъ придать вѣру такимъ сообщеніямъ, справедливость которыхъ подтверждалась для нихъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что они не нашли пожарныхъ трубъ и узнали, что трубы вывезены по распоряженію гр. Ростопчина. Всѣ лица, принадлежавшія къ великой арміи Наполеона и записавшія свои воспоминанія объ этомъ походѣ, увѣряютъ, что многіе изъ зажигателей были пойманы на самомъ мѣстѣ преступленія, по взгляду Французовъ. На другой день послѣ занятія

---

[12]) Чтенія въ и. Москов. обществѣ исторіи и древн. 1859, кн. 2, отд. V, стр. 171—172.

[13]) Это былъ auditeur du conseil d'état Busch (Fain, Manuscrit, т. II, стр. 98—99; Surrugues, Lettres, стр. 22; Chev. d'Yzarn, Relation etc. стр. 27—28).

Москвы Французами, когда войска, окружавшія городъ, начали вступать въ него, нѣкоторые изъ офицеровъ корпуса вице-короля Итальянскаго, входившаго въ Тверскую заставу, проникли до Кремля. Въ это время уже горѣлъ Гостинный дворъ, и солдаты его грабили. На ихъ вопросы о пожарѣ гвардейскіе солдаты отвѣчали: „Вчера мы вошли въ Москву, а сегодня утромъ начался пожаръ. Сначала мы принялись тушить его, предполагая, что онъ произошелъ вслѣдствіе неосторожности нашихъ бивуаковъ; но теперь мы отказались отъ этого, потому что узнали, что губернаторъ, оставляя городъ, велѣлъ его жечь и, чтобы лишить насъ возможности тушить пожары, велѣлъ вывезти изъ города всѣ пожарныя трубы“ [14]). Наполеонъ въ это время также приписывалъ пожаръ случайностямъ. Но и до него дошли слухи о томъ, что Русскіе намѣреваются сжечь городъ. Эти слухи страшно раздражили непріятельскихъ солдатъ: пожаръ вырывалъ у нихъ изъ рукъ добычу и квартиры, на которыя они разсчитывали, и они безпощадно убивали всякаго, кого подозрѣвали въ поджогѣ. Стоило много трудовъ, говоритъ одинъ Французъ, свидѣтель происшествій, спасать Русскихъ отъ солдатской ярости [15]).

Этихъ-то мнимыхъ, а вмѣстѣ съ ними быть можетъ и дѣйствительныхъ, поджигателей судила коммисія, составленная, по приказу Бертье, подъ предсѣдательствомъ генерала Лауера, главнаго судьи арміи (grand prévot de l'armée). Сентября 12 (24)-го коммиссія уже объявила и напечатала пофранцузски и порусски свой приговоръ отъ имени императора и короля (au nom de l'empereur et roi). Въ этомъ приговорѣ, составленномъ съ явнымъ желаніемъ показать, что при этомъ дѣлѣ были соблюдены всѣ обряды правосудія, пространно изложено, что пожаръ Москвы былъ дѣломъ преднамѣреннымъ, и подсудимые исполнили только приказанія Московскаго генералъ-губернатора. За тѣмъ повторяется сказаніе, сочиненное напуганнымъ воображеніемъ Московскихъ Французовъ и другихъ иностранцевъ. „Коммиссія убѣдилась, что Русское правительство, предчувствуя конечно опасность войны, въ которую вступило и невозможность воспрепятствовать Французской арміи занять Москву, уже три мѣсяца тому назадъ рѣшилось употребить для своей защиты чрезвычайныя средства пожара и разрушенія, отвергаемыя образованными народами. Съ этою цѣлію оно воспользовалось предложеніями одного доктора Шмидта, Англичанина, называвшагося Нѣмцемъ, механика и машиниста по ремеслу. Вызванный въ Россію, онъ пріѣхалъ въ первыхъ числахъ прошлаго Мая мѣсяца и, послѣ нѣсколькихъ тайныхъ переговоровъ съ представителями власти, былъ помѣщенъ въ домѣ Воронцова, въ шести верстахъ отъ города по Калужской дорогѣ, куда отправленъ былъ отрядъ изъ 160 человѣкъ пѣхоты и 12-ти драгунозъ съ тою цѣлію, чтобы охранять таинственныя дѣянія Шмидта и преграждать доступъ къ нему любопытнымъ. Всѣмъ извѣстно, что

---

[15]) B. Fain, Manuscrit, т. II, стр. 89.

[14]) Labaume, Relation de la campagne de 1812, г. V, стр. 198.

онъ строилъ воздушный шаръ огромныхъ размѣровъ, въ которомъ предполагалось помѣстить разрушительную машину (une machine exterminatrice) и которымъ, по его увѣренію, онъ могъ управлять какъ угодно. Недѣли за двѣ до вступленія Французской арміи въ Москву, въ село Воронцово было послано семь большихъ бочекъ пороху съ фейерверками, которые работали по указаніямъ доктора Шмидта. Но доказано, что приготовленіе шара было только выдумкою, и въ Воронцовѣ занимались исключительно приготовленіемъ зажигательныхъ снарядовъ и машинъ, и всѣ издержки на эти приготовленія оплачивало Русское правительство". За тѣмъ слѣдуютъ обвиненія противъ гр. Ростопчина, которыя заявлялъ еще прежде самъ Наполеонъ въ бюллетеняхъ великой арміи [16]). Послѣ сраженія при Бородинѣ, говорится въ бюллетенѣ, гр. Ростопчинъ рѣшился сжечь столицу. Съ этою цѣлію онъ велѣлъ выпустить около 800 преступниковъ изъ острога и ямы съ тѣмъ, чтобы они подожгли городъ черезъ 24 часа послѣ вступленія въ него Французовъ. Чтобы руководить ихъ дѣйствіями, многіе офицеры и военные чины получили приказаніе переодѣтыми оставаться въ Москвѣ; а чтобы лишить всѣхъ способовъ противодѣйствовать пожару, гр. Ростопчинъ приказалъ вывезти изъ города, въ самый день вступленія Французовъ, пожарныя трубы всѣхъ двадцати частей столицы съ ихъ принадлежностями". „Зажигательные снаряды всякаго рода, какъ разложенные въ разныхъ домахъ, такъ и найденные у поджигателей, не оставляютъ *никакого сомнѣнія* (сказано въ приговорѣ), что сожженіе было дѣломъ преднамѣреннымъ и заранѣе приготовленнымъ", и для бо́льшаго еще удостовѣренія въ этомъ приводится слѣдующій отрывокъ изъ одной афишки самаго гр. Ростопчина: „Вооружитесь чѣмъ ни попало, особенно вилами, которые особенно пригодны противъ Французовъ, потому что они не тяжелѣ соломеннаго снопа; если же не побѣдимъ ихъ, то *сожжемъ ихъ* въ *Москвѣ*, коль скоро они осмѣлятся войти въ нее". Дѣйствительно, въ одномъ изъ своихъ объявленій (30 Августа) графъ Ростопчинъ говорилъ, что противъ Французовъ „всего лучше вилы-тройчатки, Французъ не тяжелѣ снопа ржанаго"; но послѣднихъ строкъ приведенной въ приговорѣ выписки не находится ни въ одной изъ Ростопчинскихъ афишъ. Вѣроятно, судной коммисіи это объявленіе было доставлено во Французскомъ переводѣ съ прибавкою, не существующею въ подлинникѣ.

Первоначально произведено было слѣдствіе, допрошены всѣ подсудимые, свидѣтели, осмотрѣны всѣ поджигательные снаряды, и составленъ обвинительный актъ. Въ засѣданіи коммисіи были прочитаны всѣ относящіяся къ слѣдствію обвиненія и оправданія виновныхъ. Потомъ предсѣдатель велѣлъ караульнымъ ввести подсудимыхъ, „которые были введены безъ стражи и оковъ" (libres et sans fers), говоритъ приговоръ. Объявивъ имъ, въ чемъ они обви-

---

[16]) Бюллетени отъ 17 и 20 Сентября, а приговоръ коммиссіи состоялся 24 Сент. н. ст.

няются и выслушавъ по одиночкѣ заявленія и доказательства свидѣтелей и самихъ обвиняемыхъ, предъявивъ имъ вещественныя доказательства поджоговъ, отобранныя у нихъ самихъ и найденныя въ домахъ и выслушавъ обвинительный актъ съ заключеніями, предсѣдатель спросилъ подсудимыхъ, не могутъ ли они что̀ прибавить въ свою защиту и, послѣ отрицательнаго съ ихъ стороны отвѣта, велѣлъ удалить ихъ. Всѣ обряды были соблюдены; но изъ приговора не видно только, были ли у подсудимыхъ защитники и что̀ говорили сами подсудимые въ свое оправданіе. Коммисія даже и не объявила имъ своего приговора, по которому 10 человѣкъ были приговорены къ смерти, а 16 къ тюремному заключенію въ Москвѣ. Дочь помощника квартальнаго надзирателя, котораго семейство пріютилось въ Страстномъ монастырѣ, въ то время десятилѣтняя дѣвочка, разсказывала въ послѣдствіи: „Однажды видѣла я, какъ народъ сбѣгался на площадь, и Французовъ много нашло. Я стою и смотрю. Чтожъ, это они злодѣи притащили нашихъ вѣшать; зажигателей видишь поймали. Какіе зажигатели! Однаго-то я узнала: изъ Корсаковскаго дома дворовый, старикъ слѣпой. Сбыточно-ли было ему поджигать? Ужъ одна нога въ гробу! А хватали кто подъ руку попался и кричали, что зажигатели. Какъ накинули имъ веревки на шеи, взмолились они сердечные. Многіе изъ нашихъ даже заплакали, а у злодѣевъ не дрогнула рука. Повѣсили ихъ, а которыхъ разстрѣляли, вишь для примѣру, чтобы другіе на нихъ казнились. Я все смотрѣла и не смѣла отъ страха пошевельнуться, ни духъ перевести“ [17]). По свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ, и въ послѣдствіи разстрѣливали многихъ, и конечно безъ суда [18]). Озлобленные за пожаръ Москвы Французы каждаго военнаго подозрѣвали въ поджигательствѣ и даже посившихъ бороду считали переодѣтыми казаками. Одинъ изъ ихъ офицеровъ разсказываетъ, что много Русскихъ солдатъ бродило по улицамъ. „Я собралъ до 50 человѣкъ и отвелъ въ штабъ. Генералъ, которому я доносилъ объ этомъ, сказалъ мнѣ, что я могъ бы ихъ разстрѣлять и что онъ позволяетъ такъ поступать въ послѣдствіи. Но я не злоупотреблялъ его довѣріемъ. Не трудно понять, какими несчастіями и безпорядками сопровождалось наше пребываніе въ Москвѣ. Каждый офицеръ, каждый солдатъ могъ бы много разсказать примѣровъ. Одинъ офицеръ нашелъ Русскаго, скрывавшагося въ развалинахъ; онъ объяснилъ ему знаками, что готовъ ему покровительствовать и взялъ его съ собою. Но ему поспѣшно надо было куда-то отнести приказъ. Встрѣтивъ другаго офицера, который шелъ впереди своего взвода, онъ передалъ ему Русскаго, говоря: „Я вамъ поручаю его“ (je vous recommande monsieur). Этотъ офицеръ, не понявъ въ чемъ дѣло, принялъ его за зажигателя и велѣлъ разстрѣлять [19]).

---

[17]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 53; Русск. Вѣстникъ 1872, Ноябрь, стр. 269.

[18]) B. B...ch, Hist. de la destruction de Moscou, стр. 99—100.

[19]) D. Fezensac, Souvenirs etc., стр. 268. Онъ былъ въ это время полко-

Кто сжегъ Москву? Французы-ли, вторгнувшіеся въ столицу, или сами Русскіе? Стòитъ въ этомъ вопросѣ слово Москва замѣнить названіемъ любой изъ Европейскихъ столицъ, чтобы изумиться передъ странностью такого вопроса. Такое явленіе, какъ сожженіе столицы, средоточія народной жизни, съ существованіемъ которой тѣсно соединены самыя важныя стороны жизни самаго народа, не можетъ совершиться тайкомъ и подать поводъ къ такому вопросу въ исторіи новѣйшаго времени. Между тѣмъ этотъ вопросъ возбужденъ и считается даже неокончательно разрѣшеннымъ. Поэтому невозможно его обойти; но прежде нежели приступить къ его разрѣшенію, необходимо разъяснить, какимъ образомъ могъ возникнуть подобный вопросъ.

Мысль о томъ, что гр. Ростопчинъ былъ главнымъ виновникомъ сожженія Москвы пустилъ въ ходъ Наполеонъ, постоянно въ своихъ произведеніяхъ искажавшій современную ему исторію. Еще прежде тѣхъ обвиненій, которыя выражены въ протоколѣ слѣдственной и судной коммисіи, осудившей Московскихъ зажигателей, онъ выражалъ тѣже обвиненія въ своихъ бюллетеняхъ и за тѣмъ повторялъ ихъ впослѣдствіи, осыпая всевозможною бранью гр. Ростопчина, называя его то Геростратомъ, то Маратомъ. Пожаръ Москвы былъ однимъ изъ роковыхъ событій въ судьбѣ Наполеона. За нимъ послѣдовали его бѣгство изъ Россіи, погибель великой арміи и рядъ другихъ происшествій, окончавшихся разрушеніемъ построеннаго имъ политическаго зданія Европы и ссылкою его самаго. Конечно этотъ пожаръ возбудилъ всеобщее вниманіе Европы; имя графа Ростопчина получило громкую извѣстность повсюду, и особенно въ Англіи его произносили съ восторгомъ. Громкая Европейская извѣстность льстила самолюбію гр. Ростопчина, и онъ десять лѣтъ хранилъ упорное молчаніе, не выражая согласія съ обвиненіемъ, но и не отрицая его справедливости. Это молчаніе укрѣпило такое мнѣніе въ общемъ сознаніи Европы, которая опередила въ этомъ случаѣ мнѣніе Россіи Даже Французы считали подвигъ гр. Ростопчина внушеннымъ пламенною любовію къ Отечеству, хотя и варварскимъ по ихъ мнѣнію, но высокимъ и оправданнымъ происшествіями того времени, когда дѣло шло о спасеніи Отечества. Но въ то время, когда въ слѣдъ за вѣстью о вступленіи Французовъ въ Москву разнеслась другая о пожарѣ, уничтожившемъ древнюю столицу, по всей Россіи естественно пробѣжала мысль, что Французы сожгли Москву. Этому вѣрили всѣ, до самаго императора, кромѣ тѣхъ однакоже, которые оставались въ Москвѣ и находились въ Тарутинскомъ лагерѣ. Раздраженный этимъ государь писалъ къ наслѣдному Шведскому принцу про Наполеона, что „онъ не нашелъ никакихъ сокровищъ въ Москвѣ, которыми надѣялся воспользоваться, ни мира, который надѣялся предписать, и велѣлъ сжечь эту прекрасную столицу, представ-

---

вымъ командиромъ въ корпусѣ маршала Нея. Le Cointe de Laveau, Moscou avant et après l'incendie, стр. 126.

ляющую теперь груды пепла и развалинъ“ [20]). Слухи объ оставленіи Москвы и пожарахъ въ ней уже дошли до Стокгольма, когда Бернадотъ получилъ письмо Государя. „Это происшествіе, отвѣчалъ онъ, прискорбно не только для вашего величества, но и для вашихъ союзниковъ и друзей; поэтому вы можете быть увѣрены, какое я принимаю въ немъ участіе. Императоръ Наполеонъ, приказавъ сжечь Москву, совершилъ варварскій поступокъ, вслѣдствіе котораго съ ужасомъ отвернутся отъ него современники и который покроетъ его позоромъ въ глазахъ потомковъ. Съ военной точки зрѣнія онъ ничего не выигралъ, а съ точки зрѣнія нравственности и политики, онъ только далъ понять, до какого иступленія можетъ доходить его характеръ. Такое приказаніе, отданное хладнокровно, показываетъ, что онъ понялъ всю опасность своего положенія, разсчитывалъ сильно подѣйствовать на Русскій народъ и принудить ваше величество къ заключенію мира“ [21]). Бывшій маршалъ императора Наполеона очень хорошо зналъ его личныя свойства и полагалъ, что онъ способенъ доходить до всякого иступленія. Это и оправдалось въ послѣдствіи, когда, по отступленіи изъ Москвы, Наполеонъ поручилъ маршалу Мортье взорвать Кремль и сжечь всѣ оставшіяся послѣ пожара зданія. Но именно потому, что этотъ поступокъ, по замѣчанію Бернадота, въ военномъ отношеніи не доставлялъ никакихъ выгодъ, Наполеонъ не поддался бы увлеченію, какъ человѣкъ, обладавшій вмѣстѣ съ тѣмъ способностью холоднаго разсчета и не терявшій этой способности особенно въ положеніяхъ опасныхъ. Передъ вступленіемъ въ Москву, онъ запретилъ грабежъ своимъ войскамъ и не отмѣнилъ этаго запрещенія, убѣдившись даже, что она оставлена жителями. Если вѣрить словамъ, сказаннымъ Мюратомъ генералу Милорадовичу, онъ не предполагалъ даже облагать Москву военною контрибуціею. Ему нуженъ былъ миръ, который только и могъ вывести его изъ затруднительнаго положенія, которое безъ сомнѣнія онъ понималъ. Чѣмъ великодушнѣе онъ поступилъ бы съ древнею столицею Русскаго народа, тѣмъ съ большею надеждою онъ могъ бы на него расчитывать. Наконецъ ему необходимо было обезпечить, хотя на первое время, продовольствіе для голодавшихъ его войскъ, дать имъ возможность отдохнуть отъ изнурительнаго похода и привести ихъ въ порядокъ, усталыхъ и обносившихся. Поэтому, когда по утру послѣ первой ночи, проведенной въ Кремлевскомъ дворцѣ, ему сказали о пожарахъ, онъ приписывалъ ихъ неблагоразумію солдатъ; но, припомнивъ доходившіе уже до него слухи, что Русскіе намѣревались сжечь Москву, онъ пришелъ въ ужасъ. Убѣдившись въ этомъ, онъ задумалъ походъ на Петербургъ; но, отказываясь отъ этаго намѣренія по совѣту своихъ боевыхъ сотрудниковъ, предъявлявшихъ ему невозможность дальнѣйшихъ походовъ и требовавшихъ заключенія мира, онъ от-

---

[20]) Письмо 19 Сент. 1812 г.

[21]) Письмо изъ Стокгольма 10 Окт. н. ст. 1812 г.

вѣчалъ: „Вы полагаете, что люди, способные сжечь Москву, могутъ черезъ нѣсколько дней вступить въ мирные переговоры?“ Могъ ли онъ рѣшиться на такую мѣру, которая, по его мнѣнію, отдаляла и, можетъ быть, совершенно отстраняла возможность заключить миръ? Если императоръ Наполеонъ не давалъ и не могъ давать приказанія сжечь Москву, то еще менѣе могло быть побудительныхъ причинъ къ такому поступку со стороны его войскъ. Конечно отъ ихъ неосторожности могли произойти мѣстные пожары; но съ ними легко бы справилось многочисленное войско, особенно если бы пожарныя трубы не были вывезены изъ Москвы. Если же невозможно допустить предположенія, что Французы сожгли Москву; то самъ собою выходитъ отвѣтъ на вопросъ о томъ, кто ее сжегъ, и остается только опредѣлить, какая доля участія въ этомъ событіи принадлежитъ графу Ростопчину?

Послѣ извѣстія о потерѣ Смоленска, гр. Ростопчинъ писалъ къ кн. Багратіону: „Я не могу себѣ представить, чтобы непріятель могъ придти въ Москву. Когда бы случилось, чтобы вы отступили къ Вязьмѣ, тогда я примусь за отправленіе всѣхъ государственныхъ вещей и дамъ на волю каждаго убираться, а народъ здѣшній, по вѣрности къ Государю и любви къ Отечеству, рѣшительно умретъ у стѣнъ Московскихъ. А если Богъ ему поможетъ въ его благомъ предпріятіи, то, слѣдуя Русскому правилу: не доставайся злодѣю!—обратитъ городъ въ пепелъ. Наполеонъ получитъ, вмѣсто добычи, мѣсто гдѣ была столица. О семъ не дурно и ему дать знать, чтобы онъ не считалъ на милліоны и магазейны хлѣба: ибо онъ найдетъ угли и золу“. Князь Багратіонъ читалъ нѣсколькимъ лицамъ письмо гр. Ростопчина, и объ его намѣреніи сжечь Москву ходили слухи въ главной квартирѣ нашихъ войскъ. За нѣсколько дней до Бородинской битвы, Д. В. Давыдовъ слышалъ, какъ кн. Багратіонъ читалъ такое письмо Ланскимъ и такъ передаетъ его содержаніе: „Я полагаю, что вы будете драться прежде, нежели отдадите столицу. Если вы будете побиты и пойдете къ Москвѣ, я выйду къ вамъ на подпору съ 100,000 вооруженныхъ жителей; и если тогда неудача, то злодѣямъ вмѣсто Москвы одинъ пепелъ достанется“ [22]). Обѣщавъ князю Кутузову привесть въ подкрѣпленіе войскамъ до 80 тысячь вольныхъ дружинъ, сверхъ составляемаго правительствомъ народнаго ополченія, онъ въ письмахъ къ кн. Багратіону увеличиваетъ ихъ число до 100,000 и опредѣляетъ, что они составятся изъ Московскихъ жителей.

Еще въ то время, когда наши войска, отступая отъ Смоленска, пришли къ Вязьмѣ, 15 Августа, по свидѣтельству очевидца, когда у кн. Багратіона собралось много офицеровъ первой арміи, которые просили перевести ихъ къ нему во вторую, во время разговора о современныхъ обстоятельствахъ, зашла рѣчь и о возможности оставленія Москвы. Кн. Багратіонъ сказалъ: „Я не думаю, что Французы войдутъ въ Москву; но знаю навѣрное, что если слу-

---

[22]) Сочиненія Д. В. Давыдова, ч. I, стр. 8.

чится это несчастіе, то они найдутъ пепелъ и развалины столицы“ [23]). Если кн. Багратіонъ читалъ письмо гр. Ростопчина нѣкоторымъ лицамъ, то конечно оно было извѣстно и самому главнокомандующему. Извѣстіе о ста тысячахъ вооруженныхъ добровольныхъ ратниковъ подтверждало ему только то, что̀ прежде писалъ ему самому гр. Ростопчинъ; но рѣшимость его сжечь Москву передъ вступленіемъ въ нее непріятеля, конечно, должна была внушить кн. Кутузову важныя опасенія: Русскія войска могли оказаться въ такомъ положеніи, что за ними бы находился непріятель, слѣдовавшій по пятамъ, а впереди горѣвшая столица. Одного этаго обстоятельства было бы уже достаточно для того, чтобы объяснить, почему передъ совѣтомъ въ Филяхъ, за нѣсколько часовъ до оставленія Москвы, кн. Кутузовъ говорилъ, какъ увѣряетъ гр. Ростопчинъ, что не оставитъ Москву безъ боя [24]). Туже мысль о сожженіи Москвы и тогда же гр. Ростопчинъ выразилъ принцу Евгенію Виртемберскому, прибавивъ, что онъ подаетъ этотъ совѣтъ, какъ частный человѣкъ, а не какъ Московскій генералъ-губернаторъ [25]). А. П. Ермолову онъ выражалъ удивленіе, за чѣмъ кн. Кутузовъ усливается удерживать Москву и прибавилъ: „Если и безъ сраженія вы оставите Москву, то увидите ее за собою пылающею“ [26]). Онъ считалъ себя полновластнымъ властителемъ Москвы, забывая о законѣ, что въ лицѣ главнокомандующаго выражается верховная власть въ военное время, въ тѣхъ губерніяхъ и сосѣднихъ съ ними, которыя служатъ поприщемъ военныхъ дѣйствій.

До полученія записки кн. Кутузова, въ которой тотъ объявлялъ объ оставленіи Москвы, гр. Ростопчинъ „1 Сентября, въ 9 часовъ пополудни (какъ доносилъ исправлявшему должность министра полиціи Вязмитинову Московскій оберъ-полиціймейстеръ Ивашкинъ) далъ приказаніе изготовить всю полицейскую команду съ одними пожарными трубами къ выступленію въ походъ, по первому повелѣнію“. Послѣ полученія записки отъ кн. Кутузова, онъ „въ 11 часовъ вечера (продолжаетъ Ивашкинъ) приказать мнѣ изволилъ, чтобы отправиться всѣмъ непремѣнно 2-го числа по полуночи въ 3 часа изъ столицы въ городъ Владиміръ, перебивъ въ теченіи то-

---

[23]) Кн. И. Б. Голицынъ, состоявшій въ штабѣ кн. Багратіона. Русс. Инвалидъ, 1846 г. № 270 и его-же Souvenirs et impressions d'un officier russe, pendant les campagnes de 1812, 1813 et 1814, СПБ. 1849, стр. 10.

[24]) Въ 1814 г. Апр. 28-го, гр. Ростопчинъ писалъ гр. С. Р. Воронцову: On me paye d'ingratitude, parce que Koutousow a insinué, après avoir abandonné la ville de Moscou pendant la nuit, que c'etait à cause de moi et que je lui avais promis 300,000 combattans, tandis qu'il n'a pas voulu employer les 119,000 h. de la milice que j'avais formée aux environs de Moscou et qui pouvaient rejoindre l'armée avant même la bataille de Borodino. (Архивъ кн. Воронцова, кн. VIII, стр. 319). Извѣстно, что Московскія дружины дѣйствовали при Бородинѣ.

[25]) Helldorff, aus dem Leben des Pr. Eugen v. Würtenberg, ч. II, стр. 59.

[26]) Записки А. П. Ермолова, ч. I, стр. 209.

го времени всѣ бочки съ простымъ виномъ, на баркахъ и въ питейныхъ домахъ находящіяся“ [27]). Въ тоже время гр. Ростопчинъ призвалъ полицейскаго чиновника Вороненку, который пользовался его довѣріемъ, „въ 5 часовъ по полуночи, и поручилъ ему отправиться на винный и мытный дворы, въ комиссаріатъ и на запоздавшія выходомъ казенныя и частныя барки у Краснаго Холма и Симонова монастыря и, въ случаѣ внезапнаго вступленія непріятельскихъ войскъ, стараться истреблять все огнемъ, что̀ мною и было исполняемо въ разныхъ мѣстахъ по мѣрѣ возможности, въ виду непріятеля, до 10 часовъ вечера; а въ 11-мъ часу изъ Замоскворѣчья, переплавясь верхомъ вплавь рѣку ниже Данилова монастыря, около двухъ часовъ пополуночи я соединился съ нашимъ архіергардомъ“, говоритъ Вороненко [28]).

Приведенныя свидѣтельства доказываютъ, что графъ Ростопчинъ не только желалъ лучше сжечь Москву, нежели отдать ее въ руки врагамъ, но и принималъ участіе въ пожарахъ, начавшихся послѣ вступленія Французовъ. Приказаніе, отданное Вороненкѣ, и вывозъ пожарныхъ трубъ объ этомъ свидѣтельствуютъ. „Я велѣлъ выпроводить изъ города двѣ тысячи сто человѣкъ пожарной команды (писалъ онъ впослѣдствіи) и 96 трубъ, наканунѣ входа непріятеля въ Москву. Былъ также корпусъ офицеровъ, опредѣленный на службу при пожарныхъ командахъ, и я не счелъ приличнымъ оставлять ихъ для услугъ Наполеона, удаливъ уже изъ города всѣ гражданскіе и военные чины“ [29]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и пожарныя команды съ офицерами слѣдовало вывести изъ столицы, но не пожарныя трубы, которыя и по цѣнности, какъ казенное имущество, не представляли важности; а можно бы спасти что нибудь поважнѣе, напр. оставшіеся въ Москвѣ трофеи нашихъ прежнихъ войнъ. Цѣль, съ которою вывезены трубы, очевидна. Графъ Ростопчинъ принималъ участіе въ пожарахъ; но не въ той однако же мѣрѣ, какъ обвиняетъ его приговоръ Французской судной ком-

---

[27]) Рапортъ ген. майора Ивашкина изъ Владиміра 27 Сент. 1812 г. Вольцогенъ разсказываетъ: „Около 11 часовъ Барклай проѣхалъ съ свитою (въ которой находился и разскащикъ) Рогожскую заставу. Гр. Ростопчинъ присоединился къ намъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Коломенской дороги мы замѣтили толпу солдатъ, сопровождавшихъ обозъ. Когда обозъ приблизился, я увидалъ, что это были пожарныя трубы. Удивленный я спросилъ Ростопчина, зачѣмъ ихъ вывезли? „На это я имѣю свои причины; впрочемъ я ничего не взялъ изъ Москвы, кромѣ лошади, на которой ѣду и одежды, которая на мнѣ, отвѣчалъ онъ“. Нельзя не усомниться въ этомъ показаніи Вольцогена, какъ и во многихъ другихъ его свидѣтельствахъ. Въ тотъ часъ, на который онъ указываетъ, гр. Ростопчинъ еще находился въ Москвѣ, и поѣзда трубъ по Владимірской дорогѣ нельзя было видѣть съ Рязанской, если бы даже онъ выѣхалъ изъ Москвы и позднѣе 3-хъ часовъ утра, какъ распорядился гр. Ростопчинъ. Можетъ быть, Вольцогенъ имѣлъ подобный разговоръ съ нимъ; но едва ли видѣлъ, какъ увозили трубы. V. Volzogen, Mémoiren, стр. 156.

[28]) Показаніе его 1836 г. Іюня 7-го.

[29]) Правда о пожарѣ Москвы, въ изд. Смирдина, стр. 211 и 265.

миссіи надъ зажигателями. На чемъ этотъ приговоръ основанъ? На признаніяхъ подсудимыхъ и показаніяхъ свидѣтелей, но ни тѣхъ, ни другихъ не находится въ приговорѣ; между тѣмъ совершенно такія же обвиненія противъ гр. Ростопчина сохранились въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ Французовъ и другихъ иностранцевъ, находившихся въ то время въ Москвѣ и бывшихъ свидѣтелями-очевидцами пожаровъ. Гр. Ростопчинъ, говорятъ они, тайно подготовлялъ разрушительные снаряды для поджоговъ на особой фабрикѣ, распуская слухъ, что тамъ приготовляютъ воздушный шаръ для погибели непріятеля. Наканунѣ вступленія Французовъ въ Москву онъ выпустилъ изъ острога преступниковъ, обѣщавъ имъ полное прощеніе, но съ тѣмъ однакоже, чтобы они зажгли въ разныхъ мѣстахъ городъ, когда вступятъ въ него непріятели. Онъ роздалъ имъ зажигательные снаряды, каждому далъ особую марку, по которой они могли узнавать одинъ другаго и поручилъ ихъ руководству въ этомъ дѣлѣ полицейскихъ чиновниковъ. „Спокойно они ходили по улицамъ, говоритъ одинъ изъ этихъ иностранцевъ, между Французскими солдатами, скрывая подъ кафтанами зажигательныя ракеты и горшки, наполненные воспламеняющимся составомъ. Встрѣчалось ли имъ открытое окно или они полагали, что ихъ никто не замѣтитъ, они подбрасывали эти горшки. Горшокъ разбивался отъ паденія, по соприкосновеніи съ воздухомъ находившагося въ этихъ горшкахъ состава, и огонь съ быстротою охватывалъ окружающіе предметы. Они повсюду, гдѣ возможно, подбрасывали эти горшки, и дѣйствіе ихъ на дома, большею частію деревянные, было ужасно. Ловко обманывая бдительность непріятелей, эти зажигатели тайно запасались ими въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ приготовляли. Съ острожниками соперничали въ смѣлости и ловкости полицейскіе солдаты, свободно ходившіе повсюду, переодѣтые въ крестьянское платье. Иногда эти зажигательные снаряды падали съ верху на дома, пущенные по воздуху, иногда съ колоколенъ и башень. Одни утверждаютъ, что о замыслѣ сжечь столицу графъ Ростопчинъ никому не говорилъ, кромѣ однаго близкаго семейства; другіе напротивъ разсказываютъ, что слухи давно ходили о рѣшеніи общемъ лицъ высшаго сословія“ [30]).

Эти сказанія послужили главнымъ основаніемъ для приговора судной коммиссіи надъ поджигателями. Но строгая бдительность полиціи гр. Ростопчина надъ Французами, Московскими обывателями, публичныя наказанія нѣкоторыхъ изъ нихъ, ссылка на баркѣ въ Казань 43 человѣкъ, возбудили въ нихъ такой страхъ, что они были увѣрены, что лишь только прекратится дѣятельность правительства въ городѣ, они сдѣлаются жертвами народной ненависти,

---

[30]) Arm. Domergues, La Russie pendant les guerres de l'empire, т. II, гл. XIV и XV; M-me Fusil, L'incendie de Moscou, стр. 10 и др.; Ab. Surugues, Lettres etc. стр. 16; Le Cointe de Laveau, Moscou avant et après l'incendie, стр. 114 и др.; B. B... ch, Hist. de la destruction de Moscou, стр. 66—70; Labaume, Relation de la campagne de Russie, стр. 186 и слѣд.

возбужденной гр. Ростопчинымъ. Передъ вступленіемъ непріятеля въ Москву ихъ волновали тѣже самыя чувства, какія волновали Русскихъ обывателей Москвы, послѣ выхода изъ ней Наполеона, пока еще оставались Французы въ Кремлѣ: они были увѣрены, что ихъ всѣхъ перебьютъ. Подъ вліяніемъ такихъ чувствъ естественно могли составиться фантастическія сказанія о пожарѣ Москвы. Безъ сомнѣнія, сказанія эти отличаются такимъ свойствомъ; но подобныя сказанія образуются и на почвѣ дѣйствительности и могутъ заключать въ себѣ долю правды. Конечно гр. Ростопчинъ не заготовлялъ зажигательныхъ снарядовъ для сожженія Москвы; но шаръ, приготовленный Леппихомъ, долженъ былъ съ воздушной высоты бросать разрушительные снаряды на непріятельскія войска. Вѣроятно они приготовлялись также и очень легко могли попасть въ послѣдствіи въ руки поджигателей. Острожники, не смотря на положительныя увѣренія гр. Ростопчина, который дѣйствительно распорядился объ ихъ удаленіи изъ Москвы, не всѣ были удалены, и часть осталась въ Москвѣ; они были выпущены на свободу или вышли сами изъ тюремъ, которыхъ никто не охранялъ. Не представлялось никакой нужды составлять изъ нихъ особую шайку, давать каждому условные знаки. Опытные преступники между собою сами составили бы шайку и конечно приняли бы участіе въ поджогахъ, хотя исключительно изъ корыстныхъ цѣлей. Но справедливо замѣчаетъ графъ Ростопчинъ: „Для чего было устраивать фабрику зажигательныхъ веществъ? Солома, сѣно были бы гораздо удобнѣе для зажигателей, чѣмъ фейерверки, съ которыми обходиться слѣдовало съ осторожностью, которые трудно было скрыть, а еще труднѣе дѣйствовать, людямъ къ тому непривычнымъ“ [31]). Не подлежитъ сомнѣнію, что такой фабрики, на которой приготовлялись бы разрушительныя снаряды для сожженія Москвы, никогда не существовало и что не было нужды въ нихъ для этой цѣли. Но у Леппиха они приготовлялись для другой, неудавшейся цѣли, и поджигатели могли ими воспользоваться. Вопросъ заключается лишь въ томъ, случайно ли они попались подъ руки или кто нибудь указалъ на нихъ?

Въ 1822 году кн. Н. Б. Голицынъ находился въ Парижѣ и часто посѣщалъ графа Ростопчина. Онъ старался узнать подробности о пожарѣ Москвы и часто заводилъ объ этомъ рѣчь; графъ Ростопчинъ каждый разъ отклонялъ разговоръ и переходилъ къ другимъ предметамъ. Но однажды онъ разговорился по поводу воздушнаго шара Леппиха. „Что̀ касается до этого шара, то это глупость, говорилъ онъ, которая могла занимать только тѣхъ, которые способны вѣрить во все чудесное. Но приготовленіе этаго, какъ говорили, разрушительнаго шара (ballon destructeur) доставило бы мнѣ средство возобновить, но въ бо̀льшихъ размѣрахъ, во время сраженія подъ Москвою то, что̀ было въ Сарагоссѣ. Мысль о томъ, что ее сдадутъ безъ выстрѣла никогда не приходила мнѣ въ голову.

---

[31]) Правда о пожарѣ Москвы, стр. 206 и 261.

Я не считаю себя хорошимъ тактикомъ; но мой долгъ состоялъ въ томъ, чтобы похоронить себя подъ развалинами столицы и превратить ее въ разрушительный адъ для Французскихъ войскъ. Мнѣ удалось возбудить духъ Московскаго народонаселенія; съ нимъ я многое бы сдѣлалъ, если бы мнѣ дали возможность дѣйствовать. Въ такомъ случаѣ, съ факеломъ въ одной рукѣ и съ мечемъ въ другой, во главѣ моего преданнаго народонаселенія, я показалъ бы, что Русскіе умѣютъ защищать свои очаги (ses foyers). Это дѣйствіе было бы ужаснѣе, нежели воздушное путешествіе. Если бы я думалъ о немъ, то справедливо могли бы полагать, что мой мозгъ не въ порядкѣ“ [32]).

Десять лѣтъ послѣ совершившихся событій гр. Ростопчинъ говорилъ о своемъ намѣреніи защищать Москву отъ Французовъ, точно также какъ говорилъ въ 1812 году и съ тѣмъ же мечтательнымъ увлеченіемъ. Что̀ касается до изобрѣтенія Леппиха, то онъ дѣйствительно разочаровался въ немъ, не за долго впрочемъ до оставленія Москвы; но съ помощію какого-же Московскаго народонаселенія онъ думалъ защищать столицу, не собравъ и не приготовивъ тѣхъ 100 или 80 тысячь защитниковъ, о которыхъ онъ съ такою рѣшительностію писалъ кн. Кутузову и кн. Багратіону? Онъ дѣйствительно намѣревался сжечь столицу до вступленія въ нее непріятеля, какъ еще въ Августѣ мѣсяцѣ писалъ кн. Багратіону и какъ потомъ объяснялъ самому императору въ донесеніяхъ, писанныхъ въ Сентябрѣ. „Я въ отчаяніи, писалъ онъ, что кн. Кутузовъ измѣннически поступилъ со мною (qu'il ait agi en traître vis-à-vis de moi); потому что, не имѣя способовъ защитить городъ, я долженъ бы его сжечь, чтобы лишить Бонапарта славы взять его, ограбить и потомъ предать пламени. Я бы отнялъ у Французовъ плодъ ихъ похода. Я бы заставилъ ихъ убѣдиться, что они лишились всякихъ сокровищъ и показалъ бы имъ, съ какимъ народомъ они имѣютъ дѣло“ [33]). Ровно черезъ мѣсяцъ онъ пишетъ императору, увѣдомляя его объ оставленіи Москвы Наполеономъ и повторяя свои упреки Кутузову: „Онъ писалъ мнѣ до 30 Августа и говорилъ, что будетъ драться. 1-го Сентября, когда я увидался съ нимъ, онъ повторилъ мнѣ тоже самое, прибавляя: я и въ улицахъ буду драться. Я оставилъ его въ часъ, а въ 8 ч. вечера онъ прислалъ мнѣ пресловутое письмо, въ которомъ просилъ проводниковъ черезъ городъ, увѣдомляя, что оставляетъ его съ крайнимъ сожалѣніемъ. Если бы онъ мнѣ объявилъ объ этомъ за два дня, я бы его сжегъ, выгнавъ напередъ жителей, и возмущеніе въ войскахъ Наполеона было бы послѣдствіемъ при видѣ объятаго пламенемъ города, который обѣщанъ былъ имъ въ добычу. Съ этою цѣлію я ничего не вывозилъ изъ моихъ двухъ домовъ, чтобы имѣть право сказать потомъ, что я рѣшился на гораздо бо́льшія пожерт-

---

[32]) Русскій Инвалидъ 1846 г. № 270.

[33]) Письмо 13-го Сентября 1812 г. Пахра, въ 35 верстахъ отъ Москвы, на старой Калужской дорогѣ.

вованія, нежели другія лица. Москва погубила Бонапарта; но ея сдача есть пятно, а тогда это было бы славнымъ дѣломъ“ [34]).

Графъ Ростопчинъ могъ привести свое намѣреніе въ дѣло и сжечь столицу, еслибъ дѣйствительно за два дня увѣдомилъ его князь Кутузовъ, что защищать ее не будетъ; но по этому-то онъ его и не увѣдомилъ. Когда онъ получилъ его записку, обозы нашей арміи уже начинали проходить чрезъ Москву, и въ слѣдъ за нею почти весь слѣдующій день продолжалось ихъ движеніе; а въ слѣдъ за арміей, даже смѣшиваясь съ нашимъ аріергардомъ, входили непріятельскія войска. Въ это время конечно уже не было времени жечь Москву. „Лечь подъ ея развалинами, защищая ее во главѣ вѣрнаго ему Московскаго народонаселенія“, гр. Ростопчинъ не могъ, потому что не подготовилъ защитниковъ столицы. Не успѣвъ привести въ исполненіе этаго предположенія, въ послѣдствіи, когда только что начались пожары, онъ писалъ Государю: „2-го Сентября ночью начался пожаръ лавокъ и хлѣбныхъ магазиновъ, находившихся у стѣнъ Кремля. Французы или Русскіе воры произвели этотъ пожаръ; но я болѣе склоненъ вѣрить тому, что ихъ подожгли сами ихъ сторожа, побуждаемые Русскимъ правиломъ: не доставайся врагу. 3-го утромъ огонь показался во многихъ мѣстахъ и, раздуваемый сильнымъ вѣтромъ, усиливался и свирѣпствовалъ въ продолженіи 48 часовъ“ [35]). Въ это время графъ Ростопчинъ очень хорошо зналъ, кто жжетъ Москву; потому что по его порученію Вороненко поджигалъ склады и магазины *во многихъ мѣстахъ*, какъ онъ свидѣтельствуетъ самъ. Хотя въ послѣдствіи, во время своего пребыванія въ Москвѣ, онъ говорилъ и даже печаталъ въ Русскомъ Вѣстникѣ, что сожгли Москву Французы [36]); но эти заявленія возможно бы объяснить тѣмъ, что онъ не желалъ противорѣчить общему мнѣнію, распространенному въ то время въ Россіи, что Французы сожгли Москву, и думалъ отклонить упреки тѣхъ изъ Московскихъ обывателей, которые потеряли все свое имущество и въ этомъ обвиняли его. Но туже самую мысль онъ выражалъ въ частной перепискѣ, не предназначавшейся для оглашенія, въ перепискѣ съ гр. С. Р. Воронцовымъ, находившимся въ Лондонѣ. Поручая вниманію гр. Ростопчина одного Англійскаго капитана, отправлявшагося въ Россію въ началѣ 1813 года, гр. Воронцовъ писалъ ему: „Онъ ѣдетъ, чтобы вблизи посмотрѣть на народъ, который превзошелъ всѣ современные и прежніе народы сво-

---

[34]) Письмо 13 Октября 1812 г. изъ Владиміра.

[35]) Письмо 8-го Сентября 1812 г., деревня Кутузово, въ 34 верстахъ отъ Москвы на Тульской дорогѣ.

[36]) Русс. Вѣстникъ 1813 г. №. 5, стр. 65—75, письмо гр. Ростопчина къ С. Н. Глинкѣ. Это мнѣніе и самимъ издателемъ повторялось во многихъ статьяхъ и во всѣхъ журналахъ того времени. Русс. Вѣсти. 1813 г. № 1, стр. 7—15, № 3, стр. 6—19, № 4, стр. 65—74, №. 5, стр. 15—26, 1814 г. кн. 10, стр. 8; Сѣверн. Почта 1812 г. №№, 69, 76; Сынъ Отечества 1812 г. № 1, стр. 1—17, № 12 стр. 253—258. Ср. Русскіе и Наполеонъ Бонапарте М. 1813, стр. 71 и слѣд. Пораженіе Французовъ на Сѣверѣ, М. 1814, ч. 1. стр. 88—95.

имъ великодушіемъ, доблестью, постоянствомъ и любовію къ Отечеству. Къ кому лучше могу направить его, какъ не къ тому, кто былъ главною причиною, вызвавшею эти доблести? Они существовали въ душѣ народа, какъ огонь существуетъ во всякомъ веществѣ и особенно въ селитрѣ, углѣ и сѣрѣ; но въ ихъ соединеніи онъ оставался бы на всегда, если бы прикосновеніе искры не вызвало его могучаго проявленія. Вы были этою благотворною искрою, возбудивъ возвышенный характеръ моихъ дорогихъ соотечественниковъ, Русскихъ по крови, говорящихъ однимъ языкомъ и исповѣдывающихъ одну вѣру. Я ни съ кѣмъ не могу васъ сравнить кромѣ кн. Пожарскаго, но вашъ подвигъ былъ еще труднѣе". Графъ Ростопчинъ, отвѣчая на это письмо, писалъ: „Наполеонъ предалъ городъ пламени для того, чтобы имѣть предлогъ допустить свои войска ограбить его" и, отклоняя отъ себя похвалы гр. Воронцова, говоритъ далѣе: „Вы хвалите мою любовь къ Отечеству; но сколько же лицъ, которыя превзошли меня! Крестьяне, которые сами жгли свои избы; отецъ приведшій ко мнѣ двухъ сыновей и отдававшій ихъ на защиту Отечества; старуха, приведшая ко мнѣ двухъ сыновей и внука и говорившая имъ: „да будете вы прокляты, если не истребите злодѣевъ"; одинъ слуга, выстрѣлившій въ Мюрата на Арбатѣ, полагая, что это Бонапартъ и убившій какого-то полковника; крестьянка, которая зажгла домъ въ той мысли, что тамъ ночуетъ это чудовище. Двое послѣднихъ поплатились жизнью за свою преданность. Вотъ герои! Позавидуемъ имъ и будемъ считать себя счастливыми, что принадлежимъ къ ихъ соотечественникамъ. Я вознагражденъ уже тѣмъ, что имѣлъ счастіе исполнить мой долгъ" [37]).

Но всѣ эти свѣдѣнія хранились въ тайникахъ нашихъ архивовъ и только въ недавнее время начали мало по малу появляться на свѣтъ; между тѣмъ извѣстія, пущенныя въ ходъ бюллетенями Наполеона, подтверждаемыя разсказами всѣхъ возвратившихся на родину чиновъ его великой арміи и особенно Французами, бывшими Московскими обывателями, укоренились въ общественномъ мнѣніи Европы. Имя гр. Ростопчина неразрывно соединилось съ великою жертвою, принесенною Русскимъ народомъ для спасенія Отечества, съ пожаромъ древней столицы. Его имя, не безъ нѣкотораго ужаса, внушаемаго величіемъ жертвы, но и съ уваженіемъ, произносилось повсюду и особенно въ Англіи, заматарѣлой въ ненависти къ Наполеону, на судьбу котораго это событіе имѣло роковое вліяніе. Переселившись за границу въ 1815 году и видя повсюду и особенно въ Парижѣ (гдѣ прожилъ около семи лѣтъ), что его имя соединяется постоянно съ пожаромъ Москвы, онъ упорно молчалъ, когда заходила о томъ рѣчь и переводилъ разговоръ на другіе предметы, своимъ молчаніемъ подкрѣпляя укоренившееся мнѣніе. Д. П. Бутурлинъ, приготовляя къ изданію исторію войны 1812 г.

---

[37]) Письмо гр. Воронцова 7-го Марта 1813 г. изъ Лондона. Отвѣтъ гр. Ростопчина 28 Апр. 1813 изъ Москвы. Архивъ Кн. Воронцова, т. VIII, стр. 316, 517.

и приписывая пожаръ Москвы, распоряженіямъ правительства и графа Ростопчина, посылалъ свою рукопись къ нему въ Парижъ и просилъ дополнить ее. „Но графъ, говоритъ Бутурлинъ, кажется, еще не спѣшитъ сказать *свою правду* и возвратилъ мнѣ мою записку безъ всякихъ замѣчаній“ [38]). Такимъ образомъ и между Русскими и иностранными писателями этотъ вопросъ считался рѣшеннымъ и не возбуждалъ споровъ. Графъ Ростопчинъ, быть можетъ дѣйствительно или увлекаясь тою славою, которою онъ пользовался въ чужихъ краяхъ именно вслѣдствіе того, что его имя соединяли съ пожаромъ столицы или, что̀ вѣроятнѣе, не желая возбуждать литературныхъ споровъ, въ которыхъ былъ бы вынужденъ и самъ принять участіе, не только не рѣшался сказать послѣдняго слова о своемъ участіи въ этомъ происшествіи, но даже поддерживалъ, по видимому, общее мнѣніе. Когда въ Англійскихъ журналахъ въ 1822 году появилось извѣстіе, что Серъ Робертъ Вильсонъ былъ въ 1812 году въ Москвѣ и „помогалъ графу Ростопчину привести въ исполненіе задуманное имъ намѣреніе сжечь столицу“, онъ немедленно помѣстилъ опроверженіе. „Я увидалъ въ первый разъ Вильсона въ главной квартирѣ на р. Пахрѣ, слѣдовательно ему поздно было и безполезно помогать мнѣ“ [39]). Но иногда случалось графу Ростопчину, въ увлеченіи разговора, выражать о томъ свое мнѣніе. Въ 1817 г. въ Баденѣ, гдѣ онъ пользовался водами (по разсказу Фарнгагена-фонъ-Ензе, который тамъ познакомился съ нимъ), однажды вечеромъ у Тетенборна, онъ началъ насмѣхаться надъ тѣми, которые воображаютъ, что возможно сжечь огромный городъ, какъ на театральной сценѣ сгараетъ Персеполисъ отъ руки Таисы. „Я поджогъ духъ народа, говорилъ онъ, и этимъ страшнымъ огнемъ легко зажечь множество факеловъ“. За тѣмъ онъ объяснилъ, какія принималъ мѣры, какъ генералъ-губернаторъ: велѣлъ вывезти пожарныя трубы, открылъ тюрьмы и вообще распоряжался съ тою цѣлію, чтобы Французамъ оставить не городъ, наполненный всѣми средствами для существованія, а мѣсто запустѣнія, и наконецъ рѣшительный примѣръ, который онъ далъ самъ, когда сжегъ свой домъ въ подмосковной деревнѣ. „Онъ послѣдовательно излагалъ свои взгляды, говоритъ Фарнгагенъ, побудительныя причины своихъ дѣйствій, свои ощущенія и признавался, что въ то время онъ вовсе не обращалъ вниманія на цѣну имуществъ, когда погибало Отечество“ [40]). Въ семейной перепискѣ съ дочерью, въ одномъ изъ писемъ 1816 г., онъ говоритъ: „Но всего смѣшнѣе, что моя такъ называемая знаменитость основана на Московскомъ пожарѣ, событіи, которое я подготовилъ, но вовсе не приводилъ въ исполненіе (événement que j'ai préparé, mais que j'ai été bien loin d'effectuer),

---

[38]) Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812. Paris, 1824, т. 1, стр. 369 и слѣд.

[39]) British Monitor 7 Октября 1822 г.

[40]) Varnhagen v. Ense, Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften, 2 B. Leipzig, 1842, стр. 171 и слѣд.

и никто не говоритъ ни слова ни о томъ, что народонаселеніе Москвы постоянно сохраняло спокойствіе, ни о героизмѣ народа“ [41]).

Если сопоставить всѣ эти показанія съ тѣми, которыя гр. Ростопчинъ изложилъ въ своемъ сочиненіи, изданномъ въ Парижѣ въ 1823 году „Правда о Московскомъ пожарѣ“, то нельзя не замѣтить, что сочиненіе это весьма близко къ правдѣ. Между тѣмъ лишь только появилось оно въ печати, то удивило не только Русскихъ, но даже иностранцевъ, и никого не убѣдило: въ Парижскихъ современныхъ изданіяхъ появились о немъ отзывы, въ которыхъ выразилось это удивленіе. „Общее мнѣніе не только во Франціи, но и повсюду (говорилось въ нихъ) приписывало сожженіе Москвы гр. Ростопчину, по приказанію правительства. И какъ могли мы въ этомъ усумниться? Всѣ наши бюллетени это говорили,—свидѣтельство весьма полновѣсное; всѣ разсказы объ этомъ времени постоянно повторяли тоже самое; никогда ошибка не была болѣе извинительна. Но вотъ наконецъ появилась Правда о Московскомъ пожарѣ. По милости этой книжки, одною ложью будетъ менѣе въ исторіи“. Гр. Ростопчинъ увѣряетъ, что пожаръ Москвы не былъ его дѣломъ, что онъ не задумалъ его и не приготовилъ. Мы должны этому вѣрить, его свидѣтельство не можетъ быть заподозрѣно. Всѣмъ извѣстно, какія были послѣдствія этого достопамятнаго происшествія и какое оно имѣло вліяніе на судьбы Европы. Самые просвѣщенные умы считали его не только главнѣйшею причиною спасенія Россіи, но и паденія Наполеона. Въ заревѣ Московскаго пожара уже видѣлась св. Елена... Гр. Ростопчинъ вѣрно замѣчаетъ, что нельзя бы не гордиться по справедливости такимъ подвигомъ; но въ тоже время нельзя и не согласиться съ нимъ, что, объявляя намъ истину о пожарѣ Москвы, онъ разрушилъ до основанія свою славу и, говоря его словами, отказался отъ лучшей роли въ событіяхъ того времени. Многіе другіе, находясь въ такомъ положеніи, не поспѣшили бы просвѣтить общее мнѣніе, столь положительно утвердившееся, и охотно пользовались бы честью, которую съ такимъ безкорыстіемъ отклоняетъ отъ себя гр. Ростопчинъ, который, „никогда не присвоивая себѣ чужихъ правъ“, не хочетъ, чтобы продолжали указывать на него: вотъ кто сжегъ Москву и спасъ свое Отечество. Эта слава ему не принадлежитъ; онъ отдаетъ ее тѣмъ, которые съ бо́льшимъ правомъ могутъ ею пользоваться. Но общее любопытство не удовлетворено: хотятъ, и это желаніе очень естественно, знать, кто же сжегъ Москву? Не гр. Ростопчинъ, мы въ этомъ совершенно убѣждены. Но кто же!“ Естественно отклоняя мысль, что Москву могъ сжечь Наполеонъ и тѣмъ погубить самого себя, сочинитель статьи выбираетъ нѣсколько показаній изъ сочиненія самаго гр. Ростопчина, которыя приводятъ его къ тому заключенію, что сами Русскіе сожгли свою столицу [42]). Маркизъ Шамбре, по поводу сочиненія котораго гр. Ростопчинъ издалъ свою Правду,

---

[41]) Гр. Сегюръ, Vie du c-te Rostopschine, Paris, 1871, стр. 240.

[42]) Gazette de France, 1823 г., №. 125, lundi 5 Мая.

немедленно отвѣчалъ, опровергая его доводы и приводя разсказы свидѣтелей-очевидцевъ о поджигателяхъ, которые говорили, что имъ *велѣно* было поджигать [43]). Изданы были вновь письма аббата Сюрюга, которыя прежде появились въ немногихъ экземплярахъ. Д. П. Бутурлинъ оставилъ безъ измѣненія и во второмъ изданіи своего сочиненія прежнія соображенія о пожарѣ Москвы, но прибавилъ къ нимъ слѣдующее примѣчаніе. „То что̀ написано мною о Московскомъ пожарѣ было сообщаемо сочинителемъ гр. Ростопчину, которому онъ для просмотра послалъ записку, послужившую основаніемъ для его сочиненія. Но, кажется, графъ не спѣшилъ высказаться, потому что онъ возвратилъ эту записку безъ всякихъ замѣчаній. Послѣ этаго какъ же можно было предвидить, что, спустя 10 лѣтъ, онъ совершенно иначе представитъ дѣло и обнародуетъ свою Правду? Странно было бы не повѣрить великодушной, хотя и запоздалой, искренности человѣка, который самъ сходитъ съ высоты историческаго дѣятеля, чтобы скрыться въ толпѣ; но положительныя однакоже свидѣтельства не даютъ сочинителю возможности сомнѣваться, что пожаръ Московскій былъ приготовленъ и исполненъ Русскими правительственными лицами. Поэтому, чтобы примирить разныя мнѣнія, остается только предположить, что въ числѣ подчиненныхъ графа Ростопчина были въ это время люди съ сильнымъ характеромъ, которые дѣйствовали на свой страхъ. Оставаясь при этомъ мнѣніи, сочинитель не счелъ нужнымъ исправлять текстъ своего сочиненія, потому что происшествіе въ немъ разсказано вѣрно; но считаетъ лишь нужнымъ предварить читателя, чтобы похвалы гр. Ростопчину, выраженныя имъ неправильно, они отнесли къ этимъ лицамъ“ [44]).

Такимъ образомъ до сихъ поръ вопросъ былъ поставленъ такъ: или Французы сожгли Москву по *повелѣнію* Наполеона, или Русскіе по *распоряженію* своего правительства. Намъ кажется, что такая ложная постановка вопроса единственно и затрудняетъ его рѣшеніе и возбуждаетъ различныя мнѣнія, которыхъ примирить между собою нельзя. Французскій критикъ книжки гр. Ростопчина о пожарѣ Москвы, котораго мнѣнія мы привели выше, весьма справедливо замѣчаетъ: „Гр. Ростопчинъ удивляется, что его имя повторялось въ бюллетеняхъ, какъ необходимая принадлежность Московскаго пожара, какъ припѣвъ о Мальборугѣ въ извѣстной пѣснѣ. Это составляетъ новое доказательство невиновности Наполеона въ происшествіи, не соотвѣтствовавшемъ его видамъ; но почему же ему нужно было избрать жертвою своего гнѣва именно графа Ростопчина, который, кажется, не очень доволенъ этимъ предпочтеніемъ? Причину весьма легко угадать: графъ Ростопчинъ былъ Московскимъ генералъ-губернаторомъ, его имя по необходимости должно было представиться прежде всѣхъ; всякій другой,

---

[43]) Réponse à la brochure de m-r le c-te Rostopschine intitulée: La vérite sur l'incendie de Moscou (M. de Chambray) Paris. 1823 г.

[44]) Hist. militaire etc. т. I, гл. V, стр. 368—369.

кто бы ни былъ на этомъ мѣстѣ, вмѣсто графа, удостоился бы той же чести". Дѣйствительно графа Ростопчину и нельзя было бы удивляться, что его имя въ общемъ мнѣніи Европы связалось неразрывно съ пожаромъ Москвы на основаніи *ложнаго* предположенія, бу́дто Москва была сожжена по *распоряженію* правительства. При этомъ предположеніи естественно, что лицо гр. Ростопчина должно было выдвинуться впередъ. Едва ли нужно доказывать, что такого распоряженія не было, и гр. Ростопчинъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ лично, а не какъ представитель правительства. Но графъ Ростопчинъ въ своей Правдѣ отказывается и отъ этого. Онъ не упоминаетъ о своемъ приказаніи, данномъ Вороненкѣ, отрицаетъ существованіе разрывныхъ снарядовъ, присутствіе колодниковъ въ Москвѣ, увѣряетъ, что частные пожары въ Москвѣ, въ которыхъ могли быть виновны столько же Русскіе, какъ и Французы, не могли распространиться на весь городъ по причинѣ множества садовъ, пустырей и бульваровъ и такую мѣру, какъ сожженіе Москвы, считаетъ ужасною, жестокою и неблагоразумною. Распространеніе пожаровъ онъ приписываетъ единственно случайному обстоятельству, т. е. необыкновенно сильному вѣтру. „Дурно сдѣлаютъ, если мнѣ не повѣрятъ, потому что я отказываюсь отъ прекраснѣйшей роли этой эпохи и самъ разрушаю зданіе моей знаменитости; но я рѣшаюсь говорить правду, которая одна должна руководить исторіею".

Много разъ приводя разсказы гр. Ростопчина изъ его записокъ о 1812 годѣ, мы указывали, что онъ приписывалъ себѣ такія мнѣнія и взгляды, которыхъ онъ не имѣлъ во время совершавшихся событій и которыя могли образоваться у него гораздо послѣ. Тѣмъ же свойствомъ отличается и его Правда. Онъ говоритъ, на примѣръ, что должно бы остановить его въ предположеніи сжечь Москву важное соображеніе, „а именно: чтобы тѣмъ не заставить Наполеона принудить къ сраженію князя Кутузова послѣ оставленія Москвы, потому что всѣ выгоды такого сраженія были на сторонѣ Французовъ, имѣвшихъ двойное число воиновъ въ сравненіи съ Русскимъ войскомъ, которое было обременено ранеными и частію народонаселенія, вышедшаго изъ Москвы". Такъ могъ думать князь Кутузовъ въ то время; а не графъ Ростопчинъ, который упрекалъ его именно за то, что онъ не дѣйствуетъ наступательно на непріятеля, упрекалъ не только въ письмахъ, которыя онъ писалъ въ то время къ частнымъ и правительственнымъ лицамъ, но и передъ Государемъ, считая силы непріятеля незначительными и разстроенными. Его Правда была дѣйствительно правдою, но только для него одного, способнаго поддаваться увлеченію настоящаго до такой степени, что все прошлое или исчезало изъ его воспоминаній, или принимало совершенно иной характеръ [45]).

Но кто же сжегъ Москву?

Первые пожары произведены были полицейскимъ чиновникомъ Вороненкою, исполнявшимъ приказанія гр. Ростопчина, который, вѣ-

---

[45]) Правда и пр. стр. 201—203, 208, 254.

роятно для облегченія совершить опасное (почти въ виду непріятеля) предпріятіе, указалъ ему на разрывные снаряды, приготовленные Леппихомъ для воздушнаго шара. Вороненко исполнилъ приказаніе по мѣрѣ возможности, оставаясь въ Москвѣ до 8 часовъ вечера, т. е. до того времени, когда не только ее заняли непріятельскія войска, но ихъ авангардъ уже расположился за Рогожскою заставою. Князь Кутузовъ, извѣстясь, что не успѣли спасти отъ непріятеля коммиссаріатскія барки, которыя шли позади барокъ съ артилерійскими запасами, по мелководью и тяжести груза остановившимися у Москвы, велѣлъ ихъ сжечь и потопить [46]). Это порученіе съ успѣхомъ исполнено было капитаномъ артиллеріи Фигнеромъ [47]). Еще до вступленія въ Москву непріятеля, говоритъ гр. Ростопчинъ, „въ разговорахъ съ купцами, мастеровыми и людьми изъ простаго народа, мнѣ приходилось слышать слѣдующее выраженіе, когда они съ грустью заявляли опасеніе, что Москва можетъ достаться въ руки непріятеля: лучше ее сжечь! Во время моего пребыванія въ главной квартирѣ кн. Кутузова, я видѣлъ многихъ Москвичей, спасшихся изъ столицы послѣ пожара, которые хвалились тѣмъ, что сами сожгли свои дома“ [48]). Это послѣднее показаніе подтверждаютъ и другіе свидѣтели-очевидцы. „Бывшіе въ Тарутинскомъ лагерѣ конечно помнятъ, точно также какъ и я помню, говоритъ П. П. Липранди, что Московскіе выходцы разсказывали, какъ они сами и другіе Москвичи поджигали свои дома и лавки передъ тѣмъ, чтобы уйти изъ ней“ [49]). Полковникъ Кроссаръ, находившійся въ Тарутинскомъ лагерѣ, разсказываетъ, что на другой день послѣ оставленія Москвы, нѣсколько нашихъ офицеровъ обѣдали у графа Строгонова, и князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ часто выражалъ сожалѣніе, что не пришла ему въ голову во-время слѣдующая мысль: „Я сожалѣю только объ одномъ, что при выходѣ изъ Москвы мы сами не подожгли нашихъ домовъ“ [50]). По возвращеніи въ Москву въ Октябрѣ 1812 года, графъ Ростопчинъ собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о пожарѣ. Вотъ что между прочимъ онъ говоритъ:

„Въ Москвѣ есть цѣлая улица съ каретными лавками, въ которой живутъ одни только каретники. Когда армія Наполеона вошла

---

[46]) Мнѣніе Госуд. Совѣта 7-го Мая 1817 г. п. 4. Комиссаріатскія вещи, вывезенныя на 1700 подводахъ, были спасены; но изъ „числа полученныхъ комиссаріатомъ барокъ (23-хъ), шедшія впереди артилерійскихъ три барки спасены и находившіяся въ нихъ вещи сданы въ армію; прочія же барки, слѣдовавшія позади артилерійскихъ и задержанныя ими, коихъ по сей причинѣ не было никакой возможности спасти отъ непріятеля, по повелѣнію покойнаго генералъ-фельдмаршала кн. Кутузова Смоленскаго, сожжены и потоплены“.

[47]) Записки артилериста, т. I, стр. 172—175, 206—209.

[48]) Правда о пожарѣ Москвы, стр. 212—213.

[49]) Война 1812 г. замѣчанія на сочиненіе г. Богдановича, 1869 г., 2-го отдѣла, стр. 167 и его же: нѣкоторыя замѣчанія о гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 г. СПБ. 1855, стр. 167—192.

[50]) Mémoires militaires et histor. m. IV, гл. 44, стр. 370.

въ городъ, то многіе генералы и офицеры бросились въ этотъ кварталъ и, обошедши всѣ лавки онаго, выбрали себѣ кареты и замѣтили ихъ своими именами. Хозяева, по общему между собою согласію, не желая снабдить каретами непріятеля, зажгли всѣ свои лавки. Одинъ купецъ, ушедшій съ своимъ семействомъ въ Ярославль, оставилъ домъ на попеченіе племянника. По возвращеніи полиціи въ Москву, этотъ племянникъ пришелъ объявить ему, что семнадцать мертвыхъ тѣлъ находятся въ погребѣ его дяди, и вотъ какъ онъ разсказывалъ объ этомъ. На другой день по входѣ непріятеля въ городъ, четыре солдата пришли къ нему; осмотря домъ и не найдя ничего что̀ могли-бы съ собой унести, они сошли въ погребъ и нашли тамъ сотню бутылокъ вина и, давши разумѣть знаками племяннику купца, чтобъ онъ ихъ поберегъ, возвратясь опять ввечеру, въ сопровожденіи тринадцати другихъ солдатъ, зажгли свѣчу, принялись пить и потомъ уснули. Молодой Русскій купецъ, видя ихъ погруженныхъ въ пьяный сонъ, вздумалъ ихъ умертвить. Онъ заперъ погребъ, завалилъ его каменьями и убѣжалъ на улицу. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, размысливъ хорошенько, что эти семнадцать человѣкъ могли бы какимъ нибудь образомъ освободиться изъ своего заточенія, встрѣтиться съ нимъ и его убить, онъ рѣшился зажечь домъ, что̀ и исполнилъ посредствомъ соломы. Два человѣка, одинъ дворникъ г. Муравьева, а другой купецъ, были схвачены при зажиганіи своихъ домовъ и разстрѣляны“ [51]). Италіянецъ граверъ, проживавшій въ это время въ Москвѣ, разсказываетъ, что идя, по Басманной къ Ильинскимъ воротамъ, „увидалъ, какъ изъ дома кн. Куракина вышелъ управляющій съ четырьмя лакеями, которые палками гнали передъ собою пьянаго человѣка въ бѣломъ армякѣ. Онъ держалъ въ рукѣ шапку полицейскаго и радостно кричалъ: „какъ хорошо горитъ!“ [1] Люди кн. Куракина объяснили, что онъ только что поджегъ домъ, и они ведутъ его къ Французамъ, которыхъ и встрѣтили у горѣвшаго дома кн. Трубецкаго. Французскіе солдаты не медленно его разстрѣляли [52]).

Молодой 16 лѣтній мальчикъ, изъ духовнаго семейства, разсказывалъ: „Между нашими, т. е. оставшимися въ Москвѣ Русскими, распространился слухъ, что полицейскіе, переодѣтые въ зипуны, ходятъ по улицамъ и поджигаютъ“. „Страшно было, разсказываетъ остававшаяся въ Москвѣ въ то время молодая дѣвушка изъ купеческаго семейства: наши жгли Москву“. „Какъ начались пожары, говоритъ крѣпостной человѣкъ г. Соймонова, остававшійся въ домѣ своего помѣщика, такой страхъ насъ пробралъ! Говорили, что свои

---

[51]) Правда о пожарѣ Москвы, стр. 213—215.

[52]) Воспоминанія Вандрамини. Венеціанецъ Vandramini жилъ въ домѣ кн. М. П. Голицына, во флигелѣ, выходившемъ на Старую Басманную и гравировалъ картины его галлереи. О немъ упоминаетъ г-жа Фюзиль, нашедшая у него пріютъ. Его воспоминанія напечатаны въ Economiste Belge 1864, а переводъ въ Русскомъ Инвалидѣ того же года №№ 28, 29, 30 и 31.

жгутъ Москву, чтобы Бонапарта изъ нея выгнать. Правда или нѣтъ, того я не знаю; но что нашъ домъ подожгли, то это вѣрно“ [53]).

Послѣ изложенныхъ свидѣтельствъ возможенъ ли вопросъ о томъ, кто сжегъ Москву? Тотъ, кто имѣлъ на это право, тотъ кто жегъ, начиная съ Смоленска, всѣ свои города, села и деревни и даже поспѣвавшій въ полѣ хлѣбъ, лишь только проходили Русскія войска и приближался непріятель, — Русскій народъ въ лицѣ всѣхъ сословій и состояній, не исключая и лицъ облеченныхъ правительственною властію, въ числѣ которыхъ былъ и графъ Ростопчинъ. „Москва, изъ своего пепла возставшая, говоритъ одинъ изъ боевыхъ дѣятелей 1812 г., прекрасная, богатая, новою вѣчною славою великой жертвы озаренная, конечно всегда будетъ помнить вмѣстѣ съ цѣлой Россіей свои дни скорби и запустѣнія, но помнить съ тѣмъ, чтобы гордиться ими: ибо пожаръ ея, надъ головой вторгнувшагося въ нее врага зажженный, если былъ дѣломъ *немногихъ*, то былъ мыслію *всѣхъ*. И съ нею вмѣстѣ обращались въ прахъ и всѣ надежды завоевателя на миръ и на побѣду“ [54]).

Выпровожденные на баркѣ изъ Москвы Ростопчинымъ Французы мирно плыли во время пожаровъ Московскихъ уже по Окѣ и находились недалеко отъ Касимова. Нѣсколько дней сряду ихъ поражало огромное зарево. Имъ не приходило на мысль что̀ означаетъ это необыкновенное явленіе; но оно было въ той сторонѣ, гдѣ по ихъ предположенію должны находится воюющія арміи, и забота объ оставленныхъ въ Москвѣ семействахъ возбуждала ихъ любопытство узнать его значеніе. Они часто причаливали къ берегу для прогулокъ и для пріобрѣтенія припасовъ продовольствія. При первомъ причалѣ, они увидали мужика, который шелъ по направленію къ нимъ и громко пѣлъ пѣсню. „Мы поспѣшили, говоритъ одинъ изъ этихъ невольныхъ плавателей, распросить его что̀ значило это огненное небо, на которое мы съ безпокойствомъ смотрѣли нѣсколько дней сряду. „Это зарево, отвѣчалъ онъ имъ съ насмѣшливымъ добродушіемъ, указывая пальцемъ на Сѣверъ; это зарево показываетъ уваженіе Русскихъ къ вашему Наполеону и Французскимъ войскамъ, которыя хотятъ зимовать въ Москвѣ; теперь становится уже холодно, и вотъ они затопили дома“ [55]).

„Простой мужикъ такъ говорилъ, восклицаетъ Французъ. Какой предметъ для размышленій!“

---

[53]) Г. Толычевой, Разсказы очевидцевъ о 1812 г., стр. 60, 92, 103.

[54]) Графъ П. Х. Граббе, изъ Памятныхъ Записокъ отечеств. войны, стр 85; Записки А. П. Ермолова, ч. 1, стр. 215.

[55]) Arm. Domergues, la Russie etc. т. 1, стр. 309—310.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Если императоръ Наполеонъ считалъ нужнымъ разстрѣливать и вѣшать поджигателей, то тѣмъ болѣе его заботы должны были обратиться на то, чтобы водворить порядокъ въ войскахъ, совершенно разрушенный дозволеннымъ грабежемъ и безнаказанными истязаніями и убійствами мирныхъ жителей Москвы. Одного переѣзда отъ Петровскаго парка до Кремля достаточно было для его зоркаго взгляда, чтобы замѣтить, что дисциплина въ его войскахъ совершенно разстроилась. Солдаты разныхъ корпусовъ дрались между собою изъ-за добычи, обворовывали другъ друга, не повиновались начальникамъ, видя, что многіе изъ офицеровъ также грабятъ, какъ и они, а генералы переѣзжаютъ изъ одного дома въ другой съ тѣмъ, чтобы въ новомъ помѣщеніи овладѣть новою добычею [1]). Свидѣтельства, конечно робкія, окружавшихъ Наполеона лицъ, если только онъ обращался къ нимъ, должны были подтвердить вѣрность этого взгляда. Онъ не могъ не замѣтить, что грабившіе Москву солдаты его арміи были большею частію пьяны: находя значительное количество винъ въ погребахъ, они тутъ-же распивали ихъ. Такое состояніе усиливало какъ безпорядочность, такъ и жестокость грабежа. Поэтому, пріѣхавъ въ Кремль, Наполеонъ немедленно приказалъ генералъ-интенданту великой арміи графу Дюма собрать все оставшееся вино въ Москвѣ и помѣстить въ особыхъ магазинахъ: хлѣбное для правильной раздачи войскамъ, виноградное для употребленія въ госпиталяхъ. Но могъ ли быть исполненъ этотъ приказъ въ разгаръ грабежа? На другой же день маршалъ Бертье доносилъ императору (19 Сентября): „Графъ Дюма мнѣ сообщилъ, что ваше величество приказали ему собрать все вино, которое еще можно найти въ погребахъ сгорѣвшихъ домовъ въ городѣ; но для того чтобы распоряженія, которыя по этому поводу будутъ сдѣланы, достигли цѣли, необходимо предписать герцогу Тревизскому, чтобы онъ распорядился прекращеніемъ грабежа съ завтрашняго же дня. Испрашиваю вашихъ приказаній“ [2]). Вѣроятно Наполеонъ далъ согласіе на предложеніе Бертье, который въ тотъ же день писалъ маршалу Даву: „Императоръ прика-

---

[1]) Chev. d'Ysarn, Relation du sejour des Français à Moscou, стр. 26—27.

[2]) Подлинники, какъ этого письма, такъ и всѣхъ другихъ проказовъ, приводимыхъ далѣе безъ особыхъ указаній, находятся въ числѣ отбитыхъ у непріятеля бумагъ, въ Ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба.

зываетъ, чтобы съ завтрашняго дня грабежъ былъ прекращенъ въ Москвѣ. Поэтому вы устроите нужное число патрулей изъ пѣхоты и кавалеріи, которые бы развели солдатъ къ ихъ корпусамъ и чтобы никто не смѣлъ отыскивать добычи ни въ погребахъ, ни въ домахъ. Вы примете мѣры, чтобы они не оставляли мѣстъ своего квартированія, и въ полдень, или въ три часа, или когда найдете удобнѣе, вы сдѣлаете перекличку и доставите мнѣ вѣдомости, чтобы его величество зналъ число войновъ, которыми онъ можетъ располагать. Это чрезвычайно важно". Наполеонъ вынужденъ былъ однакоже нѣсколько разъ повторять это приказаніе. На другой же день начальникъ его главнаго штаба опять писалъ маршалу Даву: „Императоръ съ неудовольствіемъ усматриваетъ, что, не смотря на приказъ, отданный вчера о прекращеніи грабежа, грабежъ производился сегодня точно въ такихъ же размѣрахъ, какъ и прежде. Я считаю нужнымъ повторить, что вы должны заставить уважать приказанія императора, удерживать солдатъ въ ихъ помѣщеніяхъ, поручить офицерамъ, чтобы они наблюдали за ними и наконецъ возстановить дисциплину и надлежащій порядокъ" *). На слѣдующій день Бертье пишетъ: „Императоръ не только желаетъ, чтобы грабежъ былъ прекращенъ въ Москвѣ, но чтобы не наряжали и партіями солдатъ для собиранія жизненныхъ припасовъ или другихъ предметовъ. Въ городѣ находится еще очень много солдатъ посланныхъ съ такими порученіями. Его величество запрещаетъ подобные наряды. Поэтому выдайте приказъ по вашему корпусу, чтобы никто по такому поводу не являлся въ городъ". Во исполненіе такихъ предписаній, отъ каждаго баталіона наряжались патрули изъ 15 человѣкъ солдатъ, съ офицерами, которые обязаны были прекращать безпорядки и забирать солдатъ, отлучившихся отъ полковъ. Мародеры изъ гвардіи являлись даже въ Кремль съ награбленною добычею. Сентября 17 (29) былъ выданъ новый приказъ за подписью маршала Бертье: „Не смотря на предписанія о прекращеніи грабежа, онъ все-таки продолжается въ нѣкоторыхъ частяхъ города; поэтому предписывается г.г. маршаламъ и корпуснымъ начальникамъ удерживать солдатъ въ границахъ назначенныхъ для ихъ мѣстъ пребыванія. Строго воспрещается давать позволеніе офицеру или солдату, одному или нѣсколькимъ, ходить по городу для отысканія муки, кожи или иныхъ предметовъ". Слово всевластнаго Наполеона сдѣлалось безсильно: до такихъ размѣровъ дошло разстройство его великой арміи. Изъ этого же приказа можно замѣтить, что начальники его войскъ оправдывались передъ нимъ тѣмъ, что солдаты нуждались въ хлѣбѣ и обуви, что необходимость вынуждала ихъ къ отысканію средствъ для существова-

---

*) Moscou le 20 Sept. 1812: L'empereur voie avec peine que malgré l'ordre donné hier d'arrêter le pillage on s'y est encore livré aujourd'hui, au moins autant qu'auparavant; je ne puis que vous rappeler que vous devez faire respecter les ordres de l'empereur, tenir les soldats dans leurs casernes, les faire surveiller par leurs officiers et rétablir enfin la discipline et le bon ordre.

нія. Въ первые дни грабежа, солдаты, утоляя лишь дневной голодъ и жажду, накидывались преимущественно на предметы цѣнные, и какой нибудь корпусъ, награбивъ множество золотыхъ и серебряныхъ вещей, дорогихъ мѣховъ и матерій, черезъ нѣсколько дней не имѣлъ пищи. Въ первое время они не ѣли ни икры, ни соленой и копченой рыбы, ни соленыхъ огурцовъ и кислой капусты, не пили простаго хлѣбнаго вина, достаточно упиваясь виноградными винами. Вышеназванною пищею поддерживали свое существованіе несчастные Русскіе обыватели Москвы [3]). Въ послѣдствіи, по мѣрѣ истощенія продовольствія, непріятели сдѣлались менѣе разборчивы; но когда состоялся приказъ, о которомъ идетъ рѣчь, они еще не дошли до такого состоянія, хотя многіе уже нуждались въ пропитаніи. Чтобы помочь этому, думали замѣнить безпорядочный грабежъ правильною раздачею необходимыхъ для солдатъ вещей и продовольствія изъ магазиновъ. „Такъ какъ безпорядокъ господствуетъ въ городѣ, то ни одинъ купецъ не торгуетъ законнымъ образомъ, и лишь маркитанты и солдаты позволяютъ себѣ торговать награбленными вещами, что̀ только поддерживаетъ безпорядокъ. Императоръ приказалъ главному интендантскому управленію собрать въ магазины все, что̀ оставлено въ городѣ жителями, которые бѣжали, бросивъ свое имущество. Онъ намѣренъ воспользоваться оставшимся имуществомъ для правильныхъ раздачъ войскамъ“. Войскамъ роздано было на пятнадцать дней водки; виноградное вино предназначалось для госпиталей, и запрещалось отыскивать продовольствія и грабить. „Прекращеніе грабежа и водвореніе порядка могли возвратить изобиліе въ эту столицу“, писалъ Наполеонъ. Губернатору города Москвы, герцогу Тревизскому, предписывалось отдать приказъ, чтобы караулы на заставахъ и разные посты и патрули въ городѣ забирали тѣхъ, которые будутъ продолжать грабить и чтобы всѣ маршалы приняли мѣры для защиты крестьянъ, „которые будутъ везти припасы и фуражъ въ Москву“.

Чтобы придать дѣйствительное значеніе всѣмъ этимъ мѣрамъ, приказъ князя Невшательскаго оканчивался слѣдующею угрозою: „Солдаты, которые будутъ пойманы и уличены въ грабежѣ, съ завтрашняго дня, т. е. съ 18 (30) Сентября, будутъ предаваемы военному суду и судимы по всей строгости законовъ“ [4]).

Можетъ быть, эти строгія предписанія, угроза судомъ, которая не рѣдко и приводилась въ исполненіе, уменьшили грабежъ; но вѣроятнѣе, что первоначальная безпощадная ярость грабежа затихла отъ того, что солдатамъ ничего не оставалось грабить. „Приказано было прекратить грабежъ“, говоритъ офицеръ Наполеоновой арміи, „но онъ продолжался во все пребываніе Французскихъ войскъ въ Москвѣ. Офицеры смотрѣли на это сквозь пальцы, и только немно-

---

[3]) B...ch., Hist. de la destruction de Moscou, стр. 103—104.

[4]) Русс. Архивъ 1864 г. изд. 2, стр. 835—838.

гіе изъ нихъ умѣли остановить его въ нѣкоторыхъ частяхъ города“ [5]).

Среди этихъ заботъ привести въ порядокъ войска, заботъ, поглощавшихся все вниманіе Наполеона, случилось происшествіе, которое смутило его и сильно возволновало всѣхъ его окружавшихъ. Съ 3-го Сентября авангардъ Французской арміи, подъ предводительствомъ Себастьяни, шелъ по пятамъ за удалявшимся войскомъ Кутузова, по Рязанской дорогѣ. Русскіе постоянно уступали ему мѣстности. Перейдя Москву-рѣку, достигнувъ г. Бронницъ, 8 Сентября, Французы замѣтили, наконецъ, что уже нѣсколько дней передъ ними находились только незначительные отряды казаковъ, которые въ этотъ день внезапно скрылись. Немедленно, 10 Сентября утромъ, былъ отправленъ офицеръ съ донесеніями къ маршалу Бертье. Въ тотъ же день посланный пріѣхалъ въ Москву, не встрѣтивъ никакихъ препятствій на пути и впущенъ былъ въ Кремль, гдѣ Наполеонъ дѣлалъ смотръ гвардіи. Бертье стоялъ возлѣ императора, и офицеръ долженъ былъ передать письмо Монтіону. „Между тѣмъ, разсказываетъ этотъ офицеръ, меня со всѣхъ сторонъ осыпали вопросами, гдѣ находятся войска, тотъ или другой корпусъ. Когда я объяснилъ, въ какомъ положеніи дѣла по Рязанской дорогѣ, что я ничего не знаю о другихъ корпусахъ и что мы слышали только отдаленную пушечную пальбу съ праваго фланга, всѣ выразили удивленіе, потому что многіе предполагали, что армія идетъ къ рѣкѣ Окѣ, преслѣдуя Русскихъ. Удивленіе возросло, когда я сказалъ, что мы видѣли передъ собою лишь нѣсколько казачьихъ полковъ“. Между тѣмъ къ новопріѣзжему подошелъ Монтіонъ и спросилъ, гдѣ онъ оставилъ войска и что они дѣлаютъ. Получивъ въ отвѣтъ, что авангардъ находится у Бронницъ и вчерашній день прошелъ въ бездѣйствіи, Монтіонъ спросилъ, знаетъ-ли онъ, какія непріятельскія войска находятся передъ ними?—Мы никого не видали, кромѣ нѣсколькихъ казаковъ и вооруженныхъ крестьянъ“, отвѣчалъ офицеръ. „Не полагаете ли вы, что эти вооруженные крестьяне предвѣщаютъ полное народное возстаніе?“ „Я не могъ отвѣчать удовлетворительно на этотъ вопросъ, разсказываетъ офицеръ, но присовокупилъ, что они гораздо смѣлѣе Испанскихъ гверильясовъ, хотя и хуже ихъ вооружены. Узнавъ, что они не терпятъ нужды въ провіантѣ и фуражѣ, Монтіонъ заключилъ разговоръ словами: „Скажите вашему генералу, что депеши, которыя вы привезли, представлены императору“ [6]).

Въ слѣдъ за этимъ извѣстіемъ, въ тотъ же день пришло другое, о дѣйствіяхъ генералъ-маіора Дорохова на Можайской дорогѣ. Раннимъ утромъ 10 Сентября, одинъ изъ его отрядовъ въ селѣ Перкушковѣ напалъ на непріятельскій обозъ, ѣхавшій въ Москву подъ

---

[5]) Показанія майора Шмидта, тамъ же, стр. 820.

[6]) Этотъ офицеръ былъ Брандтъ, служившій прежде во Французскихъ войскахъ, дѣйствовавшихъ въ Испаніи. Aus dem Leben des Gen. v. Brandt. Berlin, 1870 г., стр. 437—439.

значительнымъ прикрытіемъ и ночевавшій въ этомъ селѣ. Передъ разсвѣтомъ отрядъ ударилъ на деревню, взялъ въ плѣнъ двухъ капитановъ, 5 офицеровъ и 92 человѣкъ нижнихъ чиновъ и когда нѣкоторые изъ нихъ разбѣжались по избамъ и сараямъ, онъ зажегъ сіе послѣдніе и поднялъ на воздухъ 36 фуръ съ артилерійскими снарядами". Въ тоже время другой отрядъ напалъ на аріергардъ, прикрывавшій паркъ, который направлялся въ Москву, истребилъ его и взялъ въ плѣнъ 6 офицеровъ и 97 рядовыхъ, сжегъ также болѣе 20 фуръ съ снарядами. Тогда же получены извѣстія объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ Русскихъ отрядовъ изъ корпуса Винцингероде по Тверской дорогѣ противъ Французскихъ фуражировъ [7]). „Мы потеряли слѣдъ Русскихъ войскъ", говорилъ Наполеонъ генералу Себастьяни, раздражаясь и осыпая его упреками [8]). Мюрату, находившемуся въ Москвѣ, немедленно поручено отправиться къ авангарду. Предполагая, что частые переговоры на аванпостахъ съ Русскими послужили поводомъ къ тому, что Себастьяни былъ обманутъ, Наполеонъ велѣлъ маршалу Бертье написать къ нему, что подъ страхомъ смертной казни запрещается входить въ переговоры съ Русскими аванпостами. „Его величеству угодно, писалъ Бертье, чтобы сносились съ непріятелемъ только ружейными и пушечными выстрѣлами" [9]). Въ слѣдъ за выѣздомъ Мюрата, Наполеонъ приказалъ кн. Понятовскому съ Поляками идти на Тульскую дорогу къ Подольску, а маршалу Бессьеру, герцогу Истрійскому, съ наблюдательнымъ корпусомъ, который медленно былъ составленъ изъ частей разныхъ корпусовъ, на Калужскую дорогу къ Деснѣ. При общемъ разстройствѣ войскъ вслѣдствіе грабежа, Наполеонъ употребилъ всѣ годныя для боевой службы, чтобы разослать ихъ по разнымъ направленіямъ для узнанія, гдѣ именно находится Русская армія. Безпрерывно онъ диктовалъ самыя настоятельныя предписанія Мюрату, Бессьеру, Понятовскому; по нѣскольку разъ въ день приходилось маршалу Бертье писать къ нимъ [10]). Тревога Наполеона усиливалась опасеніями его маршаловъ и въ свой чередъ усиливала то мрачное настроеніе духа, въ которомъ они находились послѣ сожженія Москвы. „Имъ все казалось, и особенно со стороны Можайска, что Кутузовъ перерѣзалъ сообщенія Французской арміи", говоритъ одинъ изъ секретарей Наполеона [11]). На другой-же день по отъѣздѣ изъ Москвы, Мюратъ прислалъ императору полученное отъ Себастьяни донесеніе, въ которомъ тотъ настаивалъ, что Русская армія отступаетъ къ Рязани и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ составить сильный авангардъ подъ его начальствомъ и двинуться не-

---

[7]) Донесеніе ген. майора Дорохова кн. Кутузову отъ 10 Сент. Донесеніе кн. Кутузова императору отъ 11-го Сент.

[8]) B. Denniée, Itinéraire de l'emp. Napoleon, Paris, 1842 г., стр. 100.

[9]) Письмо Бертье къ Мюрату 22 Сент. н. ст. Fain, Manuscrit, стр. 177.

[10]) Fain, Manuscrit, стр. 177—183.

[11]) Fain, Manuscrit, т. II, стр. 112—113; 180—181.

медленно противъ Русскихъ; но Мюратъ не раздѣлялъ этой мысли и предполагалъ, что кн. Кутузовъ отступилъ на Тульскую дорогу для прикрытія этого города. Наполеонъ находился въ недоумѣніи. Въ тотъ же день, ночью съ 23 на 24 н. ст., онъ писать Неаполитанскому королю: „Единственная цѣль, къ которой вы должны стремиться, заключается въ томъ, чтобы напасть на слѣды непріятеля. Меня увѣряютъ, что Кутузовъ черезъ Серпуховъ идетъ на Калугу. Обратитесь въ эту сторону".

Но болѣе всего смущали Наполеона дѣйствія нашихъ отрядовъ на Можайской дорогѣ. Онъ не могъ рѣшить, случайные-ли это набѣги небольшихъ отрядовъ и преимущественно казаковъ, или Русская армія идетъ наперерѣзъ его сообщеній и вызываетъ его на бой въ то время, когда онъ не можетъ противопоставить ей своихъ войскъ, совершенно разстроенныхъ и обремененныхъ награбленною добычею, когда онъ еще не привелъ ихъ въ надлежащій порядокъ и не возстановилъ хотя бы до нѣкоторой степени дисциплины. Онъ ожидалъ разъясненій отъ маршала Бессьера, посланнаго имъ на Калужскую дорогу. Но первое донесеніе Бессьера не было успокоительно. Не доходя до Десны, онъ сообщалъ собранныя имъ свѣдѣнія о Русскихъ войскахъ и замѣчалъ, что „ничего нѣтъ удивительнаго, если старый Русскій генералъ, ускользнувъ отъ Неаполитанскаго короля, идетъ со всею арміею на перерѣзъ нашихъ сообщеній съ Смоленскомъ". Наполеонъ приказалъ написать отвѣтъ, что вся его армія готова выступить въ походъ и что онъ рѣшился отбросить Русскихъ за Оку, что онъ ожидаетъ только извѣстій отъ Бессьера и Мюрата, которыя укажутъ, куда направить движеніе войскъ, на Коломну, или на Тулу. „Сообщите намъ свѣдѣнія, какъ можно скорѣе", прибавлялъ Бертье, встревоженный постоянно приходившими извѣстіями объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ нашихъ отрядовъ на Можайской дорогѣ. „Императоръ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ отъ васъ извѣстій", писалъ онъ въ тоже время Неаполитанскому королю. Слухъ о пораженіи отряда гвардейскихъ драгуновъ маіора Мартода, перехваченная Французская почта и два курьера съ депешами, распространили тревогу по всей Можайской дорогѣ, покрытой обозами и отсталыми. Наполеонъ немедленно отправилъ туда маіора Летора съ отрядомъ гвардейскихъ драгуновъ и въ слѣдъ за нимъ всю остальную дивизію генерала Сенъ-Сюльписа, предписывая маршалу Бессьеру скорѣе занять Десну, что̀ по его предположенію должно было удалить Русскіе отряды съ этой дороги. Въ тотъ же день онъ поручилъ приказать генералу Бараге-д'Илье въ Смоленскѣ и маршалу Жюно въ Можайскѣ, чтобы конница и артилерія, сопровождающія обозы, шли вмѣстѣ, не раздѣляясь ни подъ какими предлогами, чтобъ при остановкахъ составляли каре вокругъ обоза, чтобы начальникъ конвоя находился въ срединѣ и чтобы каждый конвой былъ подъ вѣдѣніемъ штабъ-офицера и состоялъ изъ полутора тысячи строевыхъ чиновъ, пѣхоты и конницы.

Неизвѣстность о движеніяхъ князя Кутузова продолжалась въ главной квартирѣ великой арміи до 14 Сентября ст. ст. Въ ночь

подъ этотъ день, получено было извѣстіе отъ Мюрата, что онъ дошелъ до Подольска, что Десна очищена Русскими и арміи Кутузова не находится у Красной Пахры. За тѣмъ пришли извѣстія объ отступленіи его аріергарда. На требованіе Неаполитанскаго короля о подкрѣпленіи находившагося подъ его начальствомъ авангарда маршалъ Бертье отвѣчалъ: „Императоръ далъ повелѣніе арміи быть готовою къ выступленію въ эту ночь (на 28 Сент. н. ст.) Впрочемъ (прибавлялъ онъ) извѣстія отъ маршала Бессьера ожидаются сегодня вечеромъ, и тогда императоръ рѣшитъ, нужно-ли двинуть армію“ [12]).

Усиливъ авангардъ, выдвинувъ на путь своихъ сообщеній сводный корпусъ Бессіера, едва ли могъ Наполеонъ, при томъ разстройствѣ, въ которомъ находились его войска, думать о томъ, чтобы начать наступательныя дѣйствія и вызвать князя Кутузова на новый бой, какъ этого желалъ Неаполитанскій король. Для того нужно было: во 1-хъ, обезпечить путь своихъ сообщеній съ Можайскомъ и Смоленскомъ и во 2-хъ, убѣдиться въ томъ, не рѣшится-ли князь Кутузовъ на дѣйствія наступательныя. Въ послѣднемъ случаѣ, конечно, онъ долженъ былъ принять вызовъ и дать сраженіе. Но когда онъ убѣдился, что Русскія войска отступили къ Тарутину и укрѣпляютъ позицію, приготовляясь только отражать нападенія, что отрядъ Дорохова отступилъ съ Можайской дороги, что его сообщенія свободны и охраняются корпусомъ Бессьера, расположеннымъ у Горокъ: то цѣль его была достигнута. Онъ писалъ о своемъ намѣреніи выступить со всею арміею для того, чтобы придать бодрости духа своимъ маршаламъ и, распустивъ слухъ объ этомъ намѣреніи, принудить Русскія войска къ дальнѣйшему отступленію. Въ тоже время, когда онъ выражалъ эту мысль, обѣщая даже отбросить Русскихъ за Оку, онъ поручалъ написать Бессьеру: „Если непріятель остановится у Пахры, то императоръ намѣренъ выступить противъ него и дать сраженіе; но вѣроятно онъ не будетъ этого дожидаться, и вся цѣль его состоитъ лишь въ томъ, чтобы убѣдиться, вся ли наша армія находится передъ нимъ. Императоръ желаетъ избавить войска отъ новыхъ трудовъ и потому не двигать своей арміи противъ непріятеля. Увѣрьте всѣхъ, что его величество со всею арміею идетъ за вами“ [13]). Наполеонъ поручалъ также Бертье распространить слухъ, что ему чрезвычайно было бы пріятно, еслибъ Русская армія двинулась къ Можайску и такимъ движеніемъ поставила бы себя между двухъ его армій. Въ сущности же ему было пріятно то, что онъ могъ оставаться въ Москвѣ и употреблять мѣры къ приведенію въ порядокъ войскъ, которыя конечно, въ продолженіи 25 дней пребыванія, могли бы отдохнуть, еслибъ грабежъ не разстроивалъ ихъ совершенно.

---

[12]) Тамъ же, стр. 182—190; M. Chambray, Hist. de l'expédition de Russie, т. III, прилож., стр. 407—417.

[13]) Бертье маршалу Бессьеру отъ 27 Сент. н. ст. B. Fain, Manuscrit, т. II, стр. 185—189.

Въ избыткѣ удовольствія, Наполеонъ въ этомъ же письмѣ счелъ возможнымъ похвалить дѣйствія Русскаго главнокомандующаго. Вѣроятно Бессьеръ писалъ ему, что послѣ Бородинской битвы князю Кутузову совѣтовали отступить къ Калугѣ. Отвѣчая на это, Наполеонъ говорилъ: „Движеніе на Калугу было бы явнымъ приглашеніемъ Французской арміи идти на Москву. Кутузовъ поступилъ такъ, какъ и слѣдовало ему поступить, отступивъ къ Москвѣ. Эта мѣра была до такой степени хороша, что если бы начальникъ артилеріи генералъ Ларибуасьеръ показалъ въ своей вѣдомости на 25 т. пушечныхъ выстрѣловъ менѣе разрядовъ, то императоръ долженъ бы былъ остановиться (хотя поле для битвы представлялось чрезвычайно выгоднымъ), потому что нельзя было бы взять редутовъ безъ артилеріи, снабженной большимъ количествомъ зарядовъ“.

Успокоившись отъ тревоги, причиненной неизвѣстностью, гдѣ находится Русская армія и опасеніемъ, чтобы она не вызвала его на новое сраженіе, Наполеонъ принялъ мѣры для водворенія порядка въ Москвѣ. Маршалъ Мортье, назначенный губернаторомъ Москвы, принялся дѣятельно за отправленіе своей новой должности. Устроено было полицейское управленіе, подчиненное ему. Лессепсъ, бывшій долго консуломъ въ Петербургѣ и вызванный во Францію въ 1811 году, былъ назначенъ начальникомъ муниципальнаго управленія, составленнаго изъ Московскихъ жителей, Русскихъ и иностранцевъ. Сентября 19-го (1 Октября н. ст.) онъ обнародовалъ во всеобщее свѣдѣніе, въ печатныхъ листахъ, слѣдующее *провозглашеніе*, на Французскомъ и Русскомъ языкахъ (proclamation).

„Жители Москвы! Ваши несчастія велики, но его величество императоръ и король желаетъ прекратить ихъ. Ужасные примѣры вамъ показали, какъ онъ наказываетъ неповиновеніе и преступленія. Приняты строгія мѣры для прекращенія безпорядковъ и возстановленія общей безопасности. Отеческое управленіе, составленное изъ васъ самихъ, будетъ вашею городскою управою (municipalité). Оно будетъ заботиться о васъ, о вашихъ нуждахъ, о вашей пользѣ. Ея члены будутъ отличаться красною лентою надѣтою черезъ плечо, а городской голова сверхъ того будетъ носить бѣлый поясъ. Но внѣ отправленій своей службы они будутъ носить перевязь на лѣвой рукѣ изъ красной ленты. Городская полиція возобновлена въ ея прежнемъ видѣ, и ея дѣятельностію введенъ уже лучшій порядокъ. Правительство избрало и назначило двухъ главныхъ коммисаровъ или полицеймейстеровъ и 20 частныхъ коммисаровъ или приставовъ въ прежнихъ частяхъ города. Вы ихъ будете узнавать по перевязи изъ бѣлой ленты на лѣвой рукѣ. Многія церкви различныхъ исповѣданій открыты, и въ нихъ безпрепятственно производится богослуженіе. Ваши сограждане ежедневно возвращаются въ свои жилища, и отданы приказанія, чтобы имъ, въ несчастномъ ихъ положеніи, оказывали должную помощь и покровительство“.

„Такія мѣры приняты правительствомъ для того, чтобы возстановить порядокъ и облегчить ваше положеніе. Но чтобы достигнуть этого, необходимо, чтобы и вы приложили къ тому свои старанія, чтобы забыли, по возможности, тѣ несчастія, которыя вы претерпѣли, наполнили бы ваши души надеждою на участь менѣе суровую, чтобы вы были увѣрены, что неизбѣжная и позорная смерть ожидаетъ тѣхъ, которые бы осмѣлились покуситься на васъ лично или на ваши имущества

и не сомнѣвались наконецъ въ томъ, что они будутъ сохранены, потому что такова воля величайшаго и справедливѣйшаго изъ всѣхъ монарховъ".

„Солдаты и обыватели, какой бы народности вы ни были! Возстановите общественное довѣріе (la confiance publique), источникъ благоденствія государствъ; живите какъ братья, подавайте взаимно другъ другу помощь и покровительство, соединитесь вмѣстѣ, чтобы не дать ходу намѣреніямъ злыхъ людей; повинуйтесь гражданскимъ и военнымъ властямъ, и въ скоромъ времени перестанутъ литься ваши слезы".

Это воззваніе, подписанное „интендантомъ города и Московской провинціи" Лессепсомъ, распространенное по городу во множествѣ печатныхъ листовъ, должно было внушить нѣкоторую надежду несчастнымъ обывателямъ Москвы. Но суждено ли было осуществиться такой надеждѣ?

Когда задумали учредить полицію и городское управленіе, говоритъ одинъ изъ очевидцевъ-Французъ, то первую не трудно было устроить, потому что не были строги въ выборѣ и потому что тѣ, которые принимали полицейскія должности, надѣялись защитить себя отъ грабежа и пріобрѣсти насущный хлѣбъ. На это рѣшились только тѣ, которые не имѣли никакихъ другихъ средствъ для существованія. Но трудно было устроить городское управленіе, потому что всѣ, кому предлагали въ немъ участіе, постоянно отказывались. Настойчивыя увѣренія, что ихъ обязанности будутъ заключаться только въ томъ, чтобы заботиться о поддержаніи порядка въ городѣ и опасеніе, что рѣшительнымъ отказомъ навлечешь на себя новыя бѣдствія, заставили нѣкоторыхъ, особенно изъ купцовъ, принять эти должности [14]). Разсказы современниковъ, вынужденныхъ принять участіе въ этомъ городскомъ управленіи, объясняютъ, какъ оно составлялось. Одинъ изъ нихъ говоритъ, что въ ихъ домъ пришелъ Французскій офицеръ и потребовалъ одного изъ членовъ купеческаго семейства къ интенданту Лессепсу. Все семейство пришло въ ужасъ; но когда позванный купецъ явился къ Лессепсу, онъ объявилъ ему, что онъ избранъ въ муниципальное управленіе, гдѣ и долженъ занять свое мѣсто. „Я, выслушавъ приказаніе (пишетъ Московскій обыватель въ своихъ воспоминаніяхъ) просилъ его объ увольненіи, представляя ему, что имѣю престарѣлыхъ родителей, жену и восемь человѣкъ дѣтей и что часть нашего дома сгорѣла, и онъ весь разграбленъ. Лессепсъ сказалъ, что онъ уволить меня не можетъ, потому что я выбранъ не имъ, а самими Русскими. Я настоятельно повторилъ мою просьбу; онъ долго слушалъ и наконецъ, разсердившись, сказалъ: „Что же вы со мною разговариваете? Развѣ хотите, чтобы я о васъ, какъ объ упрямцѣ, донесъ моему императору Наполеону, который, въ примѣръ другимъ, прикажетъ васъ разстрѣлять?" Принудительное средство достаточно сильное, и привесть его въ исполненіе въ то время ничего не стоило Лессепсу: въ своей прокламаціи онъ прямо заявляетъ, что императоръ предастъ позорной казни не только зажигателей, но и *ослушниковъ*

---

[14]) Chev. d'Ysarn, Relation du sejour des Français à Moscou, стр. 28.

его воли. Послѣ этого, говоритъ разскащикъ, „я уже не нашелся и не осмѣлился сказать ни слова. Лессепсъ, походя по комнатѣ, приказалъ мнѣ идти за собою и ввелъ въ одну изъ комнатъ, гдѣ уже голова засѣдалъ съ своими товарищами. Имъ сказалъ, чтобы показали мѣсто и приказалъ мнѣ его занять, что̀ я и принужденъ былъ исполнить“ [15]). Головою былъ назначенъ купецъ Находкинъ. Его также вызывали къ Лессепсу, который объявилъ ему, что онъ назначается городскимъ головою. Находкинъ отвѣчалъ: „Ваше превосходительство! Какъ честный человѣкъ, я долженъ прежде всего объявить вамъ, что никогда я ничего не сдѣлаю противъ моей вѣры и моего Государя“. Лессепсъ, нѣсколько удивленный рѣшительностію Находкина, отвѣчалъ: „Вражда императора Наполеона съ императоромъ Александромъ до васъ не касается; ваши обязанности будутъ состоять лишь въ томъ, чтобы наблюдать за благоденствіемъ города“. О самомъ Находкинѣ и его дѣятельности сохранили добрыя воспоминанія Московскіе обыватели того времени, какъ Русскіе, такъ и иностранцы. Въ товарищи ему были назначены именитый гражданинъ Ѳедоръ Фракманъ, купецъ Петръ Коробовъ и надворный совѣтникъ Бестужевъ-Рюминъ [16]). Сей послѣдній, послѣ встрѣчи съ Наполеономъ, находился подъ охраною офицера Французскихъ войскъ, въ домѣ князя Одоевскаго у Петровскаго монастыря, когда, по приказанію императора, его потребовали къ коменданту города графу Милò, который съ запискою отъ себя отправилъ его къ маршалу Мортье. „Я не могу довольно похвалить-ся, говоритъ Бестужевъ-Рюминъ, привѣтливостью и ласкою этого маршала“. Онъ спросилъ Бестужева, тотъ ли онъ самый, которому было поручено хранить архивы въ Кремлѣ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, Мортье изъявилъ сожалѣніе къ его несчастному положенію, предлагалъ ему одежду и денегъ (которыхъ тотъ не принялъ), сказалъ ему объ учрежденіи городскаго управленія въ Москвѣ и объявилъ волю императора, чтобы онъ принялъ званіе товарища головы. „На первый разъ, говоритъ Бестужевъ-Рюминъ, я сдѣлалъ было отрицаніе мое отъ участія въ немъ; но маршалъ говорилъ, что это управленіе учреждается не въ пользу Французовъ, а напротивъ считаютъ такое учрежденіе единственнымъ средствомъ защитить несчастныхъ моихъ соотечественниковъ отъ грабежа, насилій и обидъ; слѣдовательно и отклоненіе отъ участія въ исполненіи этого намѣренія, съ моей стороны, несправедливо“. Къ тому же маршалъ прибавилъ, что онъ не рѣшится донести императору объ его отказѣ. Онъ показалъ ему наставленіе, данное этому управленію. Прочитавъ его, Бестужевъ согласился принять возла-

---

[15]) Записки Григорія Никитича Кольчугина, рукопись, сохранившаяся у внука его Московскаго книгопродавца Ивана Ивановича Кольчугина и съ просвѣщенною готовностью сообщенная имъ въ Русскій Архивъ.

[16]) Armand Domergues, La Russie pendant les guerres de la révolution et de l'empire, т. II, стр. 90 и слѣд.; Chev. d'Ysarn, Relation, стр. 28 и 29; Дѣло о лицахъ, принявшихъ должности отъ Франц. правительства, рѣшенное окончательно Госуд. Совѣтомъ 17-Мая 1815 г.

гаемыя на него обязанности, потому что не нашелъ въ немъ ничего противнаго совѣсти и сопряженнаго съ нарушеніемъ присяги“ [17]).

Не одни Русскіе уклонялись отъ принятія должностей въ городскомъ управленіи, но и нѣкоторые изъ иностранцевъ, особенно эмигранты, старались не принимать въ немъ участія. Одинъ изъ такихъ эмигрантовъ, бывшій въ Русской службѣ, отставной поручикъ Д'Орреръ находился съ семействомъ въ Москвѣ. Ограбленный, какъ и всѣ другіе Москвичи, онъ нашелъ пріютъ и защиту въ домѣ, въ которомъ поселился генералъ Ванъ-Деденгъ, Голандецъ. Д'Орреръ нѣсколько сблизился съ нимъ. Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ этомъ домѣ, генералъ, бесѣдуя съ нимъ наединѣ, спросилъ: „Видились ли вы съ Лористономъ, Лессепсомъ или маршаломъ Мортье?“ На отрицательный отвѣтъ Д'Оррера, генералъ замѣтилъ, что такимъ образомъ дѣйствій онъ сдѣлаетъ себя подозрительнымъ. „Я принялъ Русское подданство, присягалъ Русскому императору, а потому не могу считать себя Французомъ“. „Это внушитъ еще сильнѣйшее подозрѣніе“, сказалъ генералъ и вручилъ Д'Орреру письмо, говоря: „Доставьте его лично завтра въ 10 часовъ графу Дарю. Если не исполните этого порученія, то пеняйте сами на себя“. На другой день Д'Орреръ отправился. Дарю принялъ его очень ласково и послѣ нѣсколькихъ любезныхъ выраженій спросилъ: какими способами возможно бы пріобрѣтать продовольствіе для войскъ?— „Не могу указать ни на какіе способы, отвѣчалъ Д'Орреръ, потому что Французскія войска продолжаютъ грабить окрестности столицы за своими аванпостами; изъ за Русскихъ же аванпостовъ очевидно не могутъ проходить продовольственные запасы въ Москву, потому что они ихъ не пропустятъ“. „Вы не хотите сказать правду, съ неудовольствіемъ замѣтилъ Дарю; вы жили долго въ Россіи, вы знаете Русскій языкъ, вы имѣете чинъ и орденъ: вамъ легко бы оказать намъ услугу. Вы будете потомъ раскаяваться, что отказываетесь это сдѣлать, потому что намъ очень хорошо извѣстно, что все ваше семейство принадлежитъ къ эмигрантамъ, а я полагаю, что вамъ извѣстны Французскіе законы противъ нихъ. Подите и подумайте“ [18]).

Приходилось прибѣгать къ угрозамъ. Умѣли, однакоже, безъ особенныхъ затрудненій, устроить полицейское управленіе, которое все состояло изъ иностранцевъ, обывателей Москвы. Изъ нихъ многіе охотно принимали эти должности, чтобы избавиться отъ грабежа и пріобрѣсть насущный хлѣбъ, а нѣкоторые, конечно Французы, изъ увлеченія славою великаго полководца.

Военные начальники, сдерживавшіе солдатъ въ мѣстахъ, назначенныхъ имъ для пребыванія и посылавшіе постоянно патрули по городу, вмѣстѣ съ вновь учрежденною полиціею, должны были заботиться о прекращеніи грабежа. Обязанности городскаго управле-

---

[17]) Чтенія въ импер. обществѣ истор. и древностей 1859 г. кн. II, отд. V, стр. 170.

[18]) Записки Д'Оррера, рукопись.

нія состояли въ томъ, чтобы заботиться о пользахъ и нуждахъ несчастныхъ Русскихъ обывателей, какъ говорилъ Лессепсъ въ своемъ объявленіи. Но могло-ли оно исполнить возложенныя на него обязанности? Послѣ принятыхъ Наполеономъ мѣръ, повальный, безпощадный грабежъ дѣйствительно прекратился, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ начальники войскъ принимали строгія мѣры; но вообще грабежъ не прекращался, какъ свидѣтельствуютъ сами Французы и установленные ими полицейскіе чиновники. Спустя десять дней послѣ перваго приказа, запрещавшаго грабить и многихъ повтореній этого запрещенія, маршалъ Бертье писалъ, 30-го Сент. н. ст., герцогу Экмюльскому: „Садясь на лошадь, чтобы сопровождать императора, я увидалъ солдатъ, которые грабили и, подъѣхавъ къ нимъ, замѣтилъ въ ихъ числѣ одного съ капитанскими эполетами. Я велѣлъ привесть его ко мнѣ, и по допросу оказалось, что онъ вовсе не офицеръ, но переводчикъ генерала Морана (Morand) и что этотъ генералъ приказалъ ему носить эполеты. Я велѣлъ ему снять ихъ и спрятать въ карманъ, а самаго отправляю къ вамъ, чтобы вы подвергли его наказанію, какое сами признаете справедливымъ. Вы знаете, маршалъ, до какой степени заботится императоръ о возстановленіи порядка“. Въ тотъ же день вышло новое повелѣніе изъ главной квартиры, чтобы приказъ о запрещеніи грабежа читался въ продолженіи многихъ дней передъ ротами различныхъ корпусовъ. Свидѣтельства начальника главнаго штаба великой арміи подтверждаются донесеніями маршалу Мортье полицейскихъ чиновниковъ. „Часть моего округа, доносилъ 2 Окт. н. ст. своему начальству одинъ изъ нихъ, по имени Ланансъ, находящуюся за Яузою, постоянно грабятъ солдаты 3-го корпуса (маршала Нея), которые не только отнимаютъ у несчастныхъ, укрывающихся въ подвалахъ, все ничтожное имущество, которое у нихъ осталось, но имѣютъ жестокость наносить имъ раны саблями, какъ это я видалъ нѣсколько разъ. Раненные, которые помѣщены въ госпиталѣ Воспитательнаго Дома, выходятъ оттуда отнимать у Русскихъ набранную ими капусту и картофель“. „Обходя мой округъ, Якиманскую часть, доносилъ другой, 5 Окт. н. ст., около полудни, я вошелъ въ домъ купца Николая Филатова Глетчева и нашелъ въ немъ трехъ солдатъ гусарскаго полка, которые грабили. Будучи одинъ, а стража далеко, я не могъ ничего сдѣлать; но отнялъ у нихъ добычу и возвратилъ этому купцу. Въ это же время еще четыре солдата, и между ними одинъ гвардейскій гренадеръ, съ саблями на голо, вошли въ домъ дьякона церкви Успенія въ Казачьемъ и силою отняли у него и его семейства, состоящаго изъ 14-ти человѣкъ, послѣдніе два хлѣба“. „Отставнаго Русскаго сержанта обокралъ третьяго дня вечеромъ фурьеръ 10 роты гвардейской кавалеріи и взялъ четверть овса, 4 рубашки и двѣ пары чулокъ“. „Русскій сержантъ знаетъ мѣстопребываніе Французскаго солдата“, писалъ 9 Окт. н. ст. приставъ Пресненской части Мишель Маркъ. Приставъ Басманной части, Гюбертъ Дрозъ, извѣщалъ, отъ того же числа, что въ его округѣ „ничего нѣтъ новаго, исключая того, что солдаты воруютъ и грабятъ“ и черезъ нѣсколько дней: „воров-

ство и грабежъ продолжаются. Составилась цѣлая шайка грабителей въ нашемъ округѣ которую можно разогнать только значительною силою". Такія донесенія подавали Французскіе полицейскіе пристава въ послѣднихъ числахъ Сентября мѣсяца.

Между тѣмъ Наполеонъ въ тоже время говорилъ окружавшимъ его лицамъ: „Мы стараемся водворить порядокъ въ столицѣ". Этимъ стараніямъ препятствовали другія мѣры, имъ же самимъ принимаемыя. Разстройство его арміи было таково, что скоро прекратить его не представлялось возможности. Солдаты не слушались начальниковъ. Начальники не всегда рѣшались прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ, видя, что солдаты дѣйствительно нуждаются въ средствахъ пропитанія и одеждѣ. Даже послѣ первыхъ дней всеобщаго грабежа, нѣкоторыя части войскъ не имѣли пропитанія, хотя у нихъ было много драгоцѣнныхъ вещей, дорогихъ матерій, сахару и чаю [19]). Неправильное распредѣленіе добычи въ первые дни послѣ грабежа, и потомъ постоянное уменьшеніе средствъ пропитанія, должны были поддерживать грабежи, а вмѣстѣ и разстройство Наполеоновой арміи. Если бы онъ привелъ въ исполненіе ту мѣру, которую намѣревался предпринять, т. е. правильную выдачу войскамъ провіанта, фуража и новое обмундированіе, то можетъ быть его строгіе и много разъ повторяемые приказы достигли бы цѣли. Но онъ едва могъ обезпечить существованіе одной гвардіи. Черезъ два дня по возвращеніи его въ Кремль, начальникъ его штаба Бертье, князь Невшательскій, представлялъ ему, что дивизія Пино, одна только изъ войскъ Итальянскаго вице-короля, нуждается въ продовольствіи и просилъ дозволенія выдать ей сто квинталовъ муки изъ запаснаго магазина Воспитательнаго Дома. На этомъ представленіи Наполеонъ написалъ одно слово: *отказать* (refuser). Маршалъ Мортье обращался къ нему съ такими же требованіями и получалъ такой же отказъ. „Мой братъ! (mon cousin)", писалъ Наполеонъ къ маршалу Бертье, „герцогъ Тревизскій требуетъ продовольствія для полицейскихъ чиновниковъ; онъ также требуетъ его для дѣтей Воспитательнаго Дома, еще требуетъ для Русскихъ, находящихся въ больницахъ, требуетъ и для больныхъ жителей, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Всѣ эти требованія совершенно законны, и ни одно не можетъ быть удовлетворено. Необходимо, чтобы Русское городовое управленіе образовало общество изъ Русскихъ и отрядами посылало ихъ по деревнямъ забирать продовольствіе, уплачивая за него деньги. Главный интендантъ будетъ давать деньги изъ тѣхъ суммъ, которыя я для этого предназначилъ. При городскомъ управленіи устроить складъ, изъ котораго это продовольствіе и будетъ выдаваемо для исчисленныхъ потребностей. Это общество (compagnie) можетъ называться полицейскимъ и, если это удастся, то впослѣдствіи можно составить еще три-четыре подобныхъ общества. Обходя окрестности города, они устроятъ такъ, чтобы привозилось сюда за деньги все необходимое для госпиталей.

---

[19]) D. de Fezensac, Souvenirs milit., стр. 268; Labeaume, стр. 237.

Вотъ единственный способъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ. Поговорите объ этомъ съ Лессепсомъ и чтобы, не теряя времени, приступили къ исполненію“. [20]).

Почему же Наполеонъ не разрѣшалъ выдачу продовольствія изъ составленныхъ по его предписанію генералъ-интендантомъ магазиновъ? Во всеуслышаніе Европы онъ говорилъ: „Хотя пожаръ убавилъ средства для содержанія войскъ; но, не смотря на то, ихъ найдено уже и открывается очень много. Огонь не коснулся погребовъ... Войска отдыхаютъ отъ усталости; они имѣютъ въ изобиліи хлѣбъ, картофель, капусту и другія овощи, свѣжую говядину, соленую провизію, вино, водку, сахаръ, кофе и вообще всякаго рода продовольствіе“ [21]). Но такъ говорилъ онъ въ бюллетеняхъ великой арміи, а между тѣмъ, по вѣдомости, представленной ему графомъ Дюма, онъ очень хорошо зналъ, сколько именно удалось собрать въ устроенные имъ склады оставшихся послѣ пожаровъ предмѣтовъ продовольствія и обмундированія. Вѣдомость показываетъ, какое относительно незначительное количество собрано было хлѣба въ зернѣ, муки и фуража [22]). Это обстоятельство вынудило Наполеона запретить выдачу для своихъ войскъ, не только для несчастныхъ Московскихъ обывателей. Онъ заставлялъ даже голодать свой авангардъ, передъ которымъ находилась вся Русская армія [23]). При-

---

[20]) Chambray, Hist. de l'expédition en Russie т. III, прилож., стр. 406 и 424; B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 135.

[21]) 19-ти bulletin de la grande armée. Moscou, 17 Sept. 1812.

[22]) Intendance générale.—Grande armée.

Tableau par aperçus des ressourses existantes après l'incendie dans la place de Moscou.

Grain-froment.	Farine	Gruau	Eau-de-vie		Fourrages		Bois et lumières	
			pentes	rations	sacs d'avoine	rations	stères	rations
18000 q-x.	8000	4000	4073000	65000000	8000	200000	36000	450000

Nota. Les équipages militaires ont transporté jusqu'à ce jour envers 8000 quintaux de farine du magasin des enfants trouvés au Kremlin.

Un magasin de farine contenant 1000 q. que S. M. a daigné faire connaître s'evacue sur le magasin placé près du lieu où on construit les fours, la quantité qu'il renferme n'est pas comprise dans les huit mille quintaux. Ne sont pas compris non plus 896 q. de farine chargés à Elbing qui viennent d'arriver dans la place; ils seront exposés au magasin de service courant près des fours.

Moscou, le 27 Sept. 1812.

Le général de division, conseiller d'etat, intendant-général.

C-te Dumas.

[23]) C-te Belliard, Mémoires т. I, Письмо Мюрата отъ 10-го Окт., стр. 112; Шамбре, т. II, стр. 205—206.

берегая эти запасы для будущихъ военныхъ движеній, онъ настаивалъ въ письмахъ изъ Москвы къ герцогу Бассано въ Вильну, чтобы какъ можно скорѣе доставлены были амуниція и обувь, заготовленныя въ Данцигѣ, о которыхъ онъ предполагалъ, что они доставлены уже въ Минскъ [24]).

Въ такомъ положеніи дѣлъ, конечно, ни вновь устроенная полиція, ни городовое управленіе не могли принести особенной пользы жителямъ и удовлетворять ихъ нуждамъ. Русскіе члены городского управленія, убѣдившись въ этомъ, избѣгали отправленія своей должности. На нихъ были возложены разныя порученія. Такъ Кольчугину предписано было, съ нѣкоторыми изъ другихъ членовъ, заботиться о возстановленіи въ церквахъ богослуженія и имѣть надзоръ за больными. По возращеніи въ первый разъ изъ присутствія, говоритъ Кольчугинъ, „мы положили избѣгать засѣданій, журналовъ не подписывать, а являться или передъ присутствіемъ, или послѣ его окончанія и давать о себѣ знать, что пошелъ въ такой-то приходъ или такую-то часть къ больнымъ или былъ тамъ-то“. Но возложенныя обязанности могли служить предлогомъ; а „выполнить ихъ было невозможно, потому что церкви были разграблены и осквернены, а больные нигдѣ не были собраны вмѣстѣ. За недѣлю, или около того, до выхода Французовъ, по требованію Лессепса, городское управленіе назначило меня въ командировку, быть переводчикомъ при отрядѣ, который намѣрены были отправить для закупки хлѣба или фуражировки по окрестнымъ селеніямъ, вокругъ Москвы. Одинъ изъ хорошо знакомыхъ мнѣ членовъ правленія зашелъ и предупредилъ меня. Прежде всего представился ужасъ: если этотъ отрядъ встрѣтится съ Русскимъ, произойдетъ сраженіе, а пули и картечи не разбираютъ, что Русскій взятъ по волѣ или по неволѣ. За тѣмъ явилась мысль: участвовать въ продовольствіи непріятеля было бы противъ присягѣ Государю, противъ Отечества и совѣсти“. Кольчугинъ притворился больнымъ и этимъ избавился отъ порученія. Инымъ удавалось, подъ разными предлогами, уклоняться отъ такихъ порученій; но другіе вынуждены были повиноваться приказаніямъ непріятеля; поддались и нѣкоторые крестьяне окрестныхъ деревень. Подмосковные жители с. Останкина пріѣхали въ Москву на 30 подводахъ съ овсомъ и мукою. У нихъ все было закуплено и заплачено за хлѣбъ; ихъ отпустили назадъ и поручали пріѣхать опять. Но едва они выѣхали за городъ, какъ на нихъ напали непріятельскіе солдаты, били, отняли лошадей, а крестьянъ возвратили въ Москву и заставили работать. Такой образъ дѣйствій конечно не могъ повадить крестьянъ привозить на продажу въ Москву свои сельскія произведенія, если бы даже и нашлись охотники. Но охотниковъ было немного. „Мы стояли у воротъ дома (разсказываетъ одинъ изъ иностранцевъ), вмѣстѣ съ полковникомъ Домономъ и двумя Французскими офицерами и увидали, что солдаты ведутъ къ намъ мужика. Онъ

---

[24]) Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 141—143.

былъ блѣденъ, слезы катились изъ глазъ, а въ рукахъ у него былъ печатный листъ бумаги. Онъ хотѣлъ говорить съ генераломъ; ему указали на полковника, которому онъ объяснилъ, что въ ихъ деревню были присланы печатныя объявленія на Русскомъ языкѣ, которыми крестьяне приглашались привозить всякіе припасы въ Москву съ обѣщаніемъ за все платить исправно. Мы съ братомъ, говорилъ бѣднякъ, повѣрили, нагрузили три воза и поѣхали къ Москвѣ; но подъ самымъ городомъ на насъ напали солдаты и ограбили. Братъ хотѣлъ защищать воза, и его убили. При этомъ онъ показалъ объявленіе, обагренное кровью его брата. Полковникъ обѣщалъ, разобравъ дѣло, строго наказать солдатъ, если они были изъ его полка и далъ ему денегъ; но не могъ возвратить брата. Разумѣется, слухъ объ этомъ распространился по окрестнымъ деревнямъ, и никто не сталъ возить припасовъ въ Москву“ [25]). Если извѣстіе объ Останкинскихъ крестьянахъ и справедливо, то оно составляетъ исключительное явленіе [26]). Подражателей имъ не нашлось. „Французы, говоритъ одинъ изъ Русскихъ очевидцевъ-свидѣтелей, прокламаціею къ нашимъ поселянамъ приглашали ихъ привозить въ Москву ихъ произведенія, обѣщая имъ свободную продажу и всякое покровительство и защиту. Лессепсъ приглашалъ желающихъ ѣхать въ дальнія деревни покупать хлѣбъ на деньги, обѣщая имъ за эту услугу большія милости; но одинъ изъ Москвичей, вызвавшійся выполнить требуемое порученіе, поѣхалъ съ деньгами и, какъ увѣряютъ, назадъ не возвратился; другой едва отъ крестьянъ унесъ ноги; а изъ подъ-московныхъ крестьянъ никто съ произведеніями своими и глазъ въ Москву не показывалъ“ [27]). Расплата фальшивыми Русскими ассигнаціями, которыя немедленно были оцѣнены по достоинству, также не могла привлечь продавцевъ [28]).

Въ такомъ положеніи дѣлъ, конечно ни Французскія войска не могли быть приведены въ порядокъ, ни обезпечены существованіе и безопасность Московскихъ жителей. Не смотря на ежедневные смотры войскамъ, которые дѣлалъ самъ Наполеонъ, не смотря на строгія предписанія его начальника штаба, даже въ самой гвардіи не удавалось водворить порядокъ. Дневные приказы маршала Лефевра могутъ служить тому доказательствомъ. „Императоръ чрезвычайно недоволенъ, писалъ онъ въ одномъ изъ нихъ, что, не взирая на строгія приказанія прекратить грабежъ, только и видны отряды гвардейскихъ мародеровъ, возвращающихся въ Кремль“ [29]).

---

[25]) Воспоминанія о 1812 г. Вендрамини. Русс. Инвалидъ, 1864 г. № 30.

[26]) Русск. Архивъ 1864 г., стр. 796, Извѣстія изъ Москвы, 4.

[27]) Корбелецкій, Краткое повѣствов. о вторж. Французовъ въ Москву, стр. 80.

[28]) Bar. Peyrusse, Mémorial, стр. 107. Il a été versé dans une caisse par m. le grand-maréchal un million en roubles. Sa majesté a fixé a 1 fr. chaque rouble en papier. 1-e Octobre.

[29]) Ordre du jour du 21 Sept. 1812. L'empereur voit avec peine que les soldats destinés à la garde de sa personne, qui devraient conséquement donner dans toutes les circonstances l'exemple de l'ordre et du

Но запрещенія не дѣйствовали; спустя нѣсколько дней, въ началѣ Октября, тотъ же маршалъ писалъ въ приказѣ: „Въ старой гвардіи безпорядки и грабежъ возобновились сильнѣе нежели когда нибудь, вчера, въ послѣднюю ночь и сегодня. Съ соболѣзнованіемъ видитъ императоръ, что отборные солдаты, предназначенные охранять его особу, которые должны подавать другимъ примѣръ подчиненности, до такой степени не повинуются приказаніямъ, что разбиваютъ погреба и магазины, приготовленные для арміи. Они дошли до такой степени униженія, что не слушались часовыхъ и караульныхъ офицеровъ, бранили ихъ и били [30]). Всѣ офицеры, всякихъ чиновъ, проходя съ войсками мимо императора, должны салютовать шпагою его величеству. Сегодня, на разводѣ, это не исполнялось. Герцогъ Данцигскій, поставляя на видъ офицерамъ такое неисполненіе обязанностей, предписываетъ начальникамъ всѣхъ частей войскъ, чтобы они наблюдали за порядкомъ службы“ [31]). Если таково было положеніе гвардіи, получавшей (хотя и неправильно) выдачи провизіи, то другія войска безъ сомнѣнія находились еще въ худшемъ положеніи. Фуражировки въ окрестностяхъ Москвы, уже опустошенныхъ, мало доставляли способовъ пропитанія и притомъ были опасны. Вооруженные крестьяне и казаки истребляли фуражировъ, и немногіе изъ нихъ возвращались съ добычею. Ближайшія окрестности были скоро истощены совершенно; приходилось отправлять отряды въ болѣе отдаленныя мѣстности, гдѣ встрѣчали ихъ казаки вмѣстѣ съ вооружившимися крестьянами. Большая часть фуражировъ погибали, а нѣкоторые возвращались въ Москву, не находя ни хлѣба, ни фуража.

При ежедневныхъ перекличкахъ солдатъ, которыя обязаны были дѣлать офицеры, они замѣчали, какъ постоянно убывало число людей въ ихъ командахъ [32]). Лошади падали сотнями; едва-едва поддерживалась гвардейская конница; остальные почти всѣ должны были спѣшиться. Въ такомъ же положеніи находилась и артилерія. Наполеонъ употреблялъ всѣ способы, чтобы исправить положеніе дѣлъ: требовалъ, чтобы прислали ему 14 тысячъ лошадей изъ Вильны, закупивъ ихъ въ Литвѣ, Варшавѣ, Эльбингѣ, Ганноверѣ и Берлинѣ, предписывалъ употреблять Русскихъ крестьянскихъ лошадей для артилеріи; но первая мѣра не могла быть исполнена во-время, крестьянскихъ же лошадей можно было брать не иначе, какъ съ бою. Хотя солдаты и многіе изъ офицеровъ до послѣдняго времени вѣрили въ мудрость и счастіе своего предводителя, который можетъ вывести ихъ изъ всякаго затруднительнаго положенія [33]); но

---

subordination, s'oublient de commettre des pareilles fautes. Il en est qui ont enfoncé des caves et des magasins de farine que fesait garder l'intendant-général.

[30]) Ordre du jour du 29 Sept. 1812.

[31]) Ordre du jour du 6 Octobre 1812.

[32]) Labaume, Relation de la campagne de Russie, стр. 239 и др.

[33]) Roos, Ein Jahr aus meinem Leben, Petersb. 1832, стр. 148.

эта вѣра въ лицахъ болѣе образованныхъ начинала разрушаться. Многіе офицеры и даже генералы были до такой степени необразованы, по свидѣтельству современника-очевидца и Француза, что о политическихъ дѣлахъ они разсуждали также, какъ и солдаты. Они упрекали Русскихъ, „зачѣмъ они сожгли такой прекрасный городъ. Мы бы нашли въ немъ хорошія зимнія квартиры, говорили они; у насъ у всѣхъ были деньги, мы бы ихъ истратили, жители возвратили бы такимъ образомъ назадъ все, что̀ съ нихъ взято было бы въ видѣ военной контрибуціи, и всѣ мы были бы счастливы“. Но болѣе просвѣщенные легко соглашались съ иными взглядами на дѣло: они признавались, что въ самолюбіи Бонапарта причина всѣхъ золъ. Въ откровенныхъ разговорахъ они говорили о томъ, что „Франція совершенно разорена и что такой порядокъ дѣлъ не можетъ долго продолжаться“ [34]). Что же послѣ этого могли говорить иностранцы, по неволѣ увлеченные Наполеономъ въ войну съ Россіею? Одинъ капитанъ Итальянской гвардіи, познакомившись съ Русскимъ семействомъ, которое было изъ духовнаго состоянія и въ которомъ можно было вести рѣчь полатыни, очень часто посѣщалъ его. Однажды онъ пришелъ въ особенно-грустномъ настроеніи духа и послѣ долгаго молчанія заговорилъ: „Хотя ваше положеніе ужасно, но я завидую вашей долѣ. Вы переносите свое несчастіе вмѣстѣ и въ своемъ Отечествѣ; а я разлученъ съ родными, удаленъ отъ прекрасной родины. Лѣтъ десять я служу во Французскихъ войскахъ, въ безпрерывныхъ походахъ по разнымъ государствамъ; съ оружіемъ въ рукахъ я гоняюсь за славою, которая увлекла насъ на вашъ далекій и страшный Сѣверъ, гдѣ, можетъ быть, непобѣдимую армію Наполеона ожидаютъ великія бѣдствія, среди вашихъ снѣговъ, при вашихъ морозахъ“. Разсказы Русскаго семейства о нашей зимѣ особенно поражали воображеніе Итальянцевъ. „Мы не знаемъ ничего о вашей арміи, продолжалъ капитанъ; она скрыла свои силы, не даетъ сраженій и не проситъ мира, котораго съ нетерпѣніемъ ожидаетъ вся наша армія и самъ Наполеонъ, чтобы выдти изъ затруднительнаго положенія. Армія голодаетъ и обносилась, солдаты ропщутъ, выходятъ изъ повиновенія, разбѣгаются по деревнямъ отыскивать пищу, и тамъ убиваютъ ихъ мужики. Начальники дѣйствуютъ не для общаго блага, а для своихъ выгодъ; нѣтъ единодушія, нѣтъ военныхъ порывовъ; всѣ впали въ уныніе и только въ какомъ-то ослѣпленіи ожидаютъ мира. Мнѣ же кажется, заключилъ капитанъ, что Русскій полководецъ разставилъ Наполеону сѣти, запуталъ его въ нихъ и хочетъ насъ взять живьемъ. Увидимъ, какъ мы выпутаемся; а мнѣ кажется, мы сидимъ въ западнѣ, окруженные со всѣхъ сторонъ Русскою арміею“.

Эти грустныя разсужденія Итальянца, какъ „животворная роса“ подѣйствовали на его Русскихъ слушателей, которые, находясь въ Москвѣ, конечно ничего не знали о положеніи Россіи и нашихъ

---

[34]) Chev. d'Ysarn, Relation etc., стр. 39.

войскъ въ это время. „По уходѣ капитана, узнавъ, что Россія не только не ищетъ заключенія мира съ непріятелями; но можетъ быть ожидаетъ лишь удобнаго случая и времени, чтобы нанесть ему рѣшительное пораженіе, мы всѣ начали молиться Богу и просить о дарованіи Русскому воинству побѣды и одолѣнія на враговъ“ [35]).

Такое положеніе великой арміи, извѣстное всѣмъ начальникамъ, начиная съ офицеровъ и оканчивая маршалами, неужели оставалось непзвѣстнымъ императору Наполеону? Очевидно, онъ не могъ не знать о немъ; но онъ не хотѣлъ признаться въ этомъ окружавшимъ его лицамъ. Онъ какъ будто желалъ скрыть отъ нихъ, что̀ было имъ такъ хорошо извѣстно, можетъ быть потому, что желалъ скрыть отъ самаго себя. „Вмѣсто того, говоритъ одинъ изъ его офицеровъ, участникъ въ походѣ, чтобъ лично обозрѣть корпуса своихъ войскъ и убѣдиться, въ какомъ жалкомъ они находятся положеніи, онъ сидѣлъ запершись въ Кремлѣ, дѣлая только смотры гарнизонныхъ войскъ и поручая полковникамъ строго наблюдать порядокъ“ [36]). Ежедневные смотры, которые производилъ Наполеонъ въ самомъ Кремлѣ, конечно, если даже въ нихъ участвовала не одна гвардія, вообще находившаяся сравнительно съ другими въ бо̀льшемъ порядкѣ, но и армейскіе полки, не могли служить образцомъ того положенія, въ какомъ вообще находилось его войско. Для этихъ смотровъ выбирали лучшихъ людей, одѣвали ихъ и тщательно приготовляли. Наполеонъ охотно поддавался обману. На одномъ изъ такихъ смотровъ, онъ обратился къ графу Нарбонну: „Ну, что ска̀жете вы, любезный Нарбоннъ, о такихъ войскахъ, маневрирующихъ при такой хорошей погодѣ?“ „Государь, отвѣчалъ Нарбоннъ, я скажу только, что войска отдохнули и могутъ предпринять движеніе на зимнія квартиры въ Литву и Польшу, оставивъ Русскимъ Москву въ томъ видѣ, въ какой они сами ее привели“. Наполеонъ ничего не сказалъ на это, потому, конечно, что болѣе всего его раздражала мысль о необходимости отступленія и потому что самый его вопросъ былъ только отвѣтомъ на представленія окружавшихъ его лицъ о положеніи войскъ и о скоромъ наступленіи зимы [37]).

Невозможность рѣшиться на отступленіе, до такой степени не согласное съ его гордостью, съ успѣхами всей его боевой жизни, онъ оправдывалъ, не безъ основанія, тѣмъ, какое впечатлѣніе это отступленіе произведетъ на всю Европу и даже на самую Францію. Оно разсѣетъ обаяніе непобѣдимости, подъ которымъ находилась вся Европа и ослабитъ тѣ узы, въ которыхъ онъ держалъ другія государства и особенно Пруссію и Австрію. Между тѣмъ онъ сознавалъ невозможность наступательныхъ дѣйствій. Его неутомимая мысль озабочена была тѣмъ, чтобы придумать такой

---

[35]) Д. Рязановъ, Воспоминанія очевидца, стр. 205—207.

[36]) Labaume, Relation de la campagne de Russie en 1812, стр. 240.

[37]) Villemain, Souvenirs contemporains. M-r de Narbonne, ч. I, стр. 223—224.

способъ отступленія, который бы казался въ тоже время наступательнымъ дѣйствіемъ. Съ ужасомъ узнали маршалы, что императора вновь занимаетъ мысль о походѣ на Петербургъ. Но это предположеніе, обдуманное, обработанное и изложенное письменно, явилось уже въ совершенно иномъ видѣ, нежели прежде. Извѣстія, получаемыя Наполеономъ о дѣйствіяхъ кн. Шварценберга и Ренье, Сенъ-Спра и Макдональда, имѣли вліяніе на новую постановку вопроса о движеніи на Петербургъ. Еще въ Можайскѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ Бородинской битвы, Наполеонъ поручилъ Бертье написать приказъ маршалу Виктору, чтобы онъ двинулъ свой корпусъ, находившійся еще у Тильзита, къ Смоленску. „Непріятель, пораженный въ сердце, не будетъ заботиться объ окраинахъ; онъ употребляетъ всѣ способы, чтобы препятствовать намъ занять Москву и намѣревается также употребить всѣ способы, чтобы какъ можно скорѣе насъ оттуда выгнать“ [38]). Повторяя тѣже самыя слова, герцогъ Бассано, также по приказанію Наполеона, писалъ къ кн. Шварценбергу, что „императоръ совершенно убѣжденъ, что всѣ отряды, которые находятся у Мозыря и Кіева, двинутся къ Москвѣ и что вѣроятно послѣдуетъ за ними вся армія Тормасова“, которую и поручалъ ему преслѣдовать [39]). Корпусъ Виктора долженъ былъ составить резервъ великой арміи и быть наготовѣ, по первому призыву, двинуться къ Москвѣ. Такъ, еще до занятія Москвы, Наполеонъ заботился о подкрѣпленіяхъ для своей арміи. Эти заботы, по мѣрѣ его пребыванія въ Москвѣ, конечно не уменьшились; но въ тоже время и съ окраинъ приходили такія извѣстія, которыя не могли не возбудить его вниманія и не измѣнить первоначальныхъ предположеній.

По обыкновенію, сраженіе при Городечнѣ онъ провозгласилъ побѣдою, будто одержанною Саксонцами и Австрійцами надъ арміею Тормасова, потому только, что, удержавъ поле сраженія и успѣшно отразивъ всѣ нападенія, Русскій военачальникъ долженъ былъ отступить. Но Тормасовъ отступилъ на Кобринъ для того, чтобы сосредоточить силы и обезпечить продовольствіе войскъ въ странѣ, гдѣ начались уже волненія Поляковъ. Этимъ движеніемъ, сверхъ того, третья армія приближалась къ Дунайской. Въ концѣ Августа (29) она перешла на правый берегъ рѣки Стыри; а 7 Сентября начала подходить къ ней Дунайская армія, въ составѣ 35 т. съ 204 орудіями. Обѣ арміи, соединившись и превосходя числомъ непріятеля, перешли Стырь и начали наступательныя дѣйствія. Соединенному Австрійскому и Саксонскому корпусу пришлось отступать. Кн. Шварценбергъ давно предвидѣлъ этотъ случай, получа вѣрныя свѣдѣнія о заключеніи нами мира съ Турками и о движеніи арміи Чичагова на Волынь. Вмѣстѣ съ Ренье онъ увѣ-

---

[38]) Lettre de Napoléon au major-général, Mojaisk, le 11 Sept. 1812. M. Шамбре, Hist. de l'expédition de Russie, т. III., прил., стр. 403—404.

[39]) Письмо изъ Вильны 17-го Сент. н. ст. Von Welden, der Feldzug der Oestreicher gegen Russland in 1812. Wien, 1870, прилож. 19, стр. 138.

домлялъ объ этомъ маршала Бертье и герцога Бассано; но сначала они получали увѣренія, что эти слухи невѣрны, а потомъ что Дунайская армія вѣроятно двинется на подкрѣпленіе войскамъ Кутузова и наконецъ, что она такъ незначительна по количеству, что во всякомъ случаѣ нельзя опасаться большаго перевѣса силъ со стороны Русскихъ [40]). Въ концѣ Сентября Наполеонъ уже поручалъ начальнику своего штаба увѣдомить маршала Виктора, что онъ не даетъ ему окончательнаго назначенія потому, что это будетъ зависить отъ движенія Дунайской арміи. „Если она двинется къ Кіеву, для подкрѣпленія войскъ Кутузова, писалъ Бертье, то онъ, Викторъ, получитъ приказаніе идти на соединеніе съ великою арміею, по дорогѣ на Ельню и Калугу, или по иной. Если же, напротивъ, 20 тысячная Молдавская армія соединится съ Тормасовымъ и увеличитъ его боевыя силы до 40 тысячъ, то нашъ правый флангъ, находящійся подъ начальствомъ Шварценберга, еще будетъ въ равныхъ съ нею силахъ, потому что у него около 40 т. Австрійцевъ, Поляковъ и Саксонцевъ. Впрочемъ я писалъ къ Австрійскому императору и просилъ его предписать корпусу Рейса, находившемуся у Лемберга, сдѣлать движеніе къ Русскимъ границамъ и въ подкрѣпленіе Шварценбергу послать еще 10 т. войскъ. Между тѣмъ императоръ Александръ усиливаетъ гарнизонъ въ Ригѣ и корпусъ гр. Винтгенштейна съ тою цѣлію, чтобы заставить Сенъ-Сира отступить отъ Полоцка, а герцога Тарентскаго (Макдональда) отъ Риги и Динабурга. Шварценбергъ, въ письмахъ отъ 24 Сентября, желаетъ доказать, что Молдавская армія, вмѣсто того чтобы идти къ Москвѣ, соединилась съ арміею Тормасова и усилила ее. Надо еще знать, что́ произойдетъ, и потому я желаю, чтобы маршалъ Викторъ расположилъ свой корпусъ между Смоленскомъ и Оршею и находился въ постоянныхъ и правильныхъ сношеніяхъ съ герцогомъ Бассано съ тѣмъ, чтобы онъ могъ получать отъ него извѣстія, которыя приходятъ къ нему съ разныхъ сторонъ и чтобы послать офицера, умнаго, смѣтливаго и скромнаго, къ Шварценбергу и Ренье, который бы узналъ отъ перваго о томъ что́ происходитъ, а отъ Ренье о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ. Маршалъ Сенъ-Сиръ долженъ былъ имѣть главную квартиру въ Смоленскѣ и расположить свои войска такимъ образомъ, чтобы по первому приказу могъ или двинуться на помощь Шварценбергу и прикрыть Минскъ, если бы угрожала опасность нашимъ главнымъ сообщеніямъ и магазинамъ, или на помощь Сенъ-Сиру и прикрыть Вильну, или наконецъ къ Москвѣ для усиленія великой арміи“ [41]). Такое распоряженіе ставило корпусъ Виктора въ положеніе выжидательное и неопре-

---

[40]) Von Welden, der Feldzug der Oestreicher etc., стр. 42 и слѣд. прилож. № 20. Ср. Funck, Erinnerungen aus dem Feldzuge in Russland im Jahre 1812, стр. 120 и слѣд.; Liebenstein, der Krieg Napoleons gegen Russland, II, стр. 155 и слѣд.

[41]) Предписаніе Бертье маршалу Виктору, Moscou le 6 Octobre 1812. Chambray, Hist. de l'expédition, т. III, прилож., стр. 420—424.

дѣленное; на его помощь расчитывали въ одно и тоже время какъ центръ Наполеоновыхъ войскъ, такъ и фланги, которые особенно нуждались въ ней. Соединеніе Дунайской арміи съ третьею западною, открывшихъ наступательныя дѣйствія, принудили къ отступленію корпусъ Шварценберга.

Не въ лучшемъ положеніи оказались въ тоже время и корпуса Удино и Сенъ-Сира. Удино, нѣсколько разъ разбитый гр. Витгенштейномъ, былъ подкрѣпленъ корпусомъ Сенъ-Сира, состоявшимъ преимущественно изъ Баварцевъ. Этотъ корпусъ отъ переправы черезъ Нѣманъ до Бѣшенковичей, откуда онъ былъ двинутъ Наполеономъ, по соединеніи съ Удино, не былъ еще въ бою, но отъ голода и болѣзней потерялъ почти половину своего состава, и изъ 25 т., перешедшихъ Нѣманъ, въ немъ осталось только 13 т. изнуренныхъ ускореннымъ переходами солдатъ. Но приказаніе двинуться изъ Бѣшенковичей, по свидѣтельству Сенъ-Сира, было такъ настоятельно, что какъ будто угрожало какое нибудь бѣдствіе, и онъ двинулся, не дождавшись даже возвращенія отрядовъ, отправленныхъ для отысканія продовольствія [42]). По соединеніи корпусовъ Удино и Сенъ-Сира, они рѣшились дѣйствовать наступательно потому только, что были увѣрены, что самъ графъ Витгенштейнъ оставитъ ихъ въ покоѣ. Вся цѣль этихъ дѣйствій заключалась въ томъ, чтобы остановить его наступательныя дѣйствія и поставить войска въ такое положеніе, чтобы они могли устроиться, отдохнуть и снабдить себя продовольствіемъ и особенно фуражемъ. Послѣ нѣсколькихъ упорныхъ сраженій Французы оставались въ Полоцкѣ и съ 11 Августа по самое начало Октября не предпринимали никакихъ дѣйствій. Такое положеніе этихъ войскъ, конечно, не соотвѣтствовало желаніямъ Наполеона. Хотя онъ и произвелъ въ маршалы Сенъ-Сира, и послѣ раны, полученной Удино, подчинилъ ему оба корпуса; но онъ желалъ наступательныхъ дѣйствій съ его стороны [43]), а между тѣмъ получалъ извѣстія отъ него, что войска его находятся въ такомъ положеніи, что безъ значительныхъ подкрѣпленій онъ не можетъ дѣйствовать наступательно. Получивъ извѣстія, что маршалъ Викторъ можетъ подкрѣпить его, но въ томъ случаѣ когда ходъ дѣлъ обозначится яснѣе и онъ получитъ прямое повелѣніе о томъ отъ самаго императора [44]), Сенъ-Спръ обратился въ другую сторону.

Корпусъ Макдональда, состоявшій большею частію изъ Прусаковъ подъ начальствомъ ген. Граверта и предназначенный для осады Динабурга и Риги, перейдя Нѣманъ въ Тильзитѣ, около половины Іюля, приблизился къ Якобштату, угрожая съ одной стороны Динабургу, а съ другой Ригѣ и устроивая тамъ мосты на Двинѣ. Динабургская крѣпость въ это время не была отстроена; выведено было только мостовое укрѣпленіе, которымъ безъ сопротивленія

---

[42]) Sait-Syr, Mémoires, т. III, гл. 2, стр. 55—56.

[43]) Предписаніе маршала Бертье, Mojaisk, le 10 Sept. 1812.

[44]) Предписаніе маршала Бертье, Moscou, le 8 Oct. 1812.

овладѣлъ одинъ полкъ, посланный къ Динабургу маршаломъ Макдональдомъ, потому что Русскіе и не имѣли намѣренія защищать его. Такимъ образомъ вся задача для дѣйствій этого корпуса заключалась въ томъ, чтобы взять Ригу; но для этого необходимо было предпринять правильную осаду. Отразивъ вылазку Левиза, Макдональдъ оставался въ бездѣйствіи до конца Августа, ожидая назначеннаго для осады Риги парка. Въ половинѣ Мая (16) паркъ этотъ былъ отправленъ моремъ изъ Данцига, чрезъ Кенигсбергъ въ Тильзитъ и оттуда перевезенъ сухимъ путемъ въ Руенталь близъ Бауска (29 Авг.). Если бы въ это время Макдональдъ часть своего корпуса направилъ противъ Витгенштейна на содѣйствіе Сенъ-Спру, то безъ сомнѣнія оказалъ бы ему значительную помощь. Но маршалы Наполеона дѣйствовали независимо одинъ отъ другаго, подчиняясь единственно ему самому; они заботились только какъ бы исполнить возложенныя на каждаго изъ нихъ обязанности. Графъ Витгенштейнъ предполагалъ именно движенія со стороны двухъ маршаловъ и потому такъ размѣщалъ свои войска, чтобы не дать имъ возможности соединиться вмѣстѣ и чтобы разбить каждаго изъ нихъ порознь [45]). Баварскій корпусъ по донесеніямъ Вреде и докторовъ, которымъ поручено было произвести изслѣдованіе, приходилъ къ совершенному разложенію. Сенъ-Спръ писалъ къ Макдональду: „Вы, можетъ быть, удивитесь, что два соединенныхъ корпуса не могутъ выставить для военныхъ дѣйствій большаго числа войскъ; но вы не знаете, сколько трудовъ перенесли эти корпуса и до чего они доведены недостаткомъ продовольствія и болѣзнями, какъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого недостатка. Вамъ однимъ я прямо скажу: 6-й корпусъ не существуетъ; онъ не годенъ ни къ какой болѣе службѣ. Я считалъ бы себя счастливымъ, если бы онъ въ состояніи былъ защищать только своихъ больныхъ, которыми переполнены госпитали и дома въ Полоцкѣ, свой лагерь и больныхъ втораго корпуса, который одинъ можетъ только выставить отрядъ для соединенія съ вашими войсками“ [46]). „Если бы даже, отвѣчалъ Макдональдъ, я собралъ всѣ войска своего лѣваго фланга т. е. до 20 т.; то открылъ бы всю Курляндію, Самогитію и Нѣманъ для набѣговъ отрядамъ Рижскаго гарнизона, которые могли бы дѣйствовать и на правомъ берегу Двины. Такого предпріятія я ни предположить, ни исполнить не могу. Всѣ эти соображенія я имѣлъ честь сообщить м-лу Бертье, присовокупивъ, что вѣроятно онъ найдетъ благоразумнымъ, вообще не предпринимать осады Риги съ обоихъ береговъ, однимъ 10-мъ корпусомъ, безъ всякой поддержки. Мнѣ было тяжело высказать эту истину и показать, что силою самыхъ обстоятельствъ я осужденъ на бездѣйствіе и не могу ничего сдѣлать важнаго для службы его величества, ни въ отношеніи къ дѣйствіямъ противъ Витгенштейна, ни въ отношеніи къ осадѣ Риги“. Далѣе въ отвѣтѣ Макдональда Сенъ-Спру

---

[45]) Донесенія гр. Витгенштейна отъ 21 и 31 Іюля; Сѣверн. Почта 1812 г. № 60.

[46]) Письмо м. Гувіона-Сенъ-Спра къ м. Макдональду изъ Полоцка 19 Сент. 1812.

читаемъ: „Я долженъ вамъ даже признаться, что опасаюсь за осадный паркъ; потому что гарнизонъ, также разсчитывающій на приближеніе зимы, можетъ дѣйствовать смѣлѣе и предпріимчивѣе“ [47]).

Маршалъ Макдональдъ опасался не безъ основанія. Вскорѣ попытка Штейнгеля захватить осадный паркъ доказала справедливость его опасеній. Хотя эта попытка и была неудачна, и Пруссаки заставили Штейнгеля возвратиться въ Ригу; но она доказала, что Русскіе *силою обстоятельствъ* не осуждены на бездѣйствіе, какъ Французскіе маршалы; а напротивъ, получивъ новыя подкрѣпленія и въ значительномъ количествѣ, намѣрены усилить свои дѣйствія.

Все это конечно было хорошо извѣстно Наполеону. Маршалы не только писали о томъ его начальнику главнаго штаба, но Сенъ-Сиръ посылалъ даже въ Москву одного изъ офицеровъ своего штаба, чтобы на словахъ объясниться во всѣхъ подробностяхъ. Что же могъ предпринять въ такомъ положеніи дѣлъ Наполеонъ? „Единственно наивозможно-скорое возвращеніе завоевателя, во главѣ своихъ войскъ, могло возстановить порядокъ дѣлъ“, говоритъ одинъ изъ историковъ его похода въ Россію [48]); но это значило бы начать отступленіе, о которомъ мысль приводила въ раздраженіе Наполеона. Требовалось немедленно усилить корпусъ Шварценберга, послать значительныя подкрѣпленія маршаламъ Макдональду и Сенъ-Сиру. Одинъ находившійся въ его распоряженіи корпусъ маршала Виктора не могъ въ одно и тоже время содѣйствовать великой арміи на случай ея отступленія и подкрѣплять трехъ предводителей отдѣльныхъ корпусовъ, дѣйствовавшихъ на Волыни, у Полоцка и Риги. Раздробить его на части и двинуть ихъ въ разныя стороны значило бы подвергнуть опасности каждую изъ этихъ частей и не оказать дѣйствительнаго пособія ни одному изъ отдѣльно дѣйствовавшихъ корпусовъ, хотя князь Невшательскій отъ имени императора и увѣдомилъ маршаловъ, что именно таково назначеніе корпуса Виктора [49]). Надѣяться на то, что Австрія и Пруссія пришлютъ новыя войска для подкрѣпленія своихъ корпусовъ, едва ли могъ Наполеонъ, начинавшій уже подозрѣвать двусмысленную политику своихъ союзницъ. „3-го Октября, послѣ безпокойно проведенной ночи, говоритъ графъ Сегюръ, императоръ Наполеонъ пригласилъ къ себѣ маршаловъ. „Войдите, говорилъ онъ, увидавъ

---

[47]) Письмо марш. Макдональда къ м. Сенъ-Сиру, Kalkamen, le 21 Sept. 1812; Saint-Cyr, Mémoires, т. III, стр. 100—111; и продож. Völdendorf, Kriegsbegebenheiten der Bayern, т. III, стр. 101 и слѣд.; Михайловскій-Данилевскій, Сочиненія т. IV, гл. XVI и XVIII.

[48]) Chambray, Hist. de l'expédition etc., т. II, стр. 199.

[49]) Предписаніе Бертье маршалу Сенъ-Сиру изъ Москвы отъ 8-го Окт.; письмо герцога Бассано кн. Шварценбергу изъ Вильны отъ 3 Сент.; Saint-Cyr, Mémoires, т. III, стр. 306—307; V. Welden, der Feldzug der Oestreicher, стр. 131—132.

ихъ. Послушайте новыя предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ, которыя я составилъ. Князь Евгеній (вице-король Итальянскій)— читайте“. [50]).

Сущность этого новаго плана, котораго цѣль заключалась уже не въ томъ, чтобы завоевать вторую столицу Русской имперіи, но чтобы косвеннымъ путемъ, угрожая только Петербургу, *отступить* въ предѣлы Варшавскаго герцогства, состояла въ слѣдующемъ. Корпусъ Виктора, который Наполеонъ считалъ возможнымъ довести до 40 т. человѣкъ (присоединивъ къ нему части Вестфальскихъ, Польскихъ и Саксонскихъ войскъ и маршевые баталіоны, предназначенные для пополненія убыли въ войскахъ) предполагалось двинуть отъ Смоленска на дорогу къ Петербургу, черезъ Витебскъ и Великіе Луки. По соединеніи ихъ съ корпусомъ Сенъ-Сира и одною дивизіею отдѣленною отъ корпуса Макдональда, составилось бы войско въ 70 т., готовое двинуться на Петербургъ. Въ то время, когда выступилъ бы въ походъ Викторъ, самъ императоръ, съ гвардіею и корпусами вице-короля Итальянскаго и маршала Даву́, двинулся бы изъ Москвы на Сѣверо-западъ, чрезъ Воскресенскъ, Волоколамскъ, Зубцовъ и Бѣлый, также къ Великимъ Лукамъ, совершая такимъ образомъ почти параллельное движеніе съ дорогою въ Смоленскъ, въ разстояніи отъ нея около 50 и 60 верстъ. Въ тоже время маршалъ Ней началъ бы движеніе прямо по Смоленской дорогѣ на Можайскъ, прикрывая всѣ обозы. Въ Можайскѣ съ нимъ долженъ соединиться Мюратъ, ускользнувъ отъ Кутузова, и оба вмѣстѣ остановятся между Смоленскомъ и Витебскомъ. Наполеонъ полагалъ, что къ 3 (15) Октября всѣ колонны могли выступить, а чрезъ 10 или 12 дней похода его боевыя силы оказались бы въ слѣдующемъ положеніи: маршалъ Викторъ съ 70-ю т. былъ бы въ Великихъ Лукахъ и угрожалъ Петербургу, куда, въ виду этихъ силъ, Витгенштейнъ долженъ былъ отступать; самъ Наполеонъ, также съ 70 т., въ Велижѣ, имѣя возможность подкрѣпить его или, соединясь съ 30 тысячами корпусовъ Нея и Мюрата, дать отпоръ Кутузову, еслибъ онъ их преслѣдовалъ. Опустошенная Смоленская дорога, конечно, не представила бы такихъ затрудненій для корпусовъ Нея и Мюрата, которые могли запастись частію продовольствія, какое могло бы представиться для всей арміи Наполеона. При томъ возможно было разсчитывать на то, чтобы выиграть нѣсколько переходовъ и тѣмъ избавиться отъ упорнаго преслѣдованія со стороны Русскаго главнокомандующаго [51]).

Молча выслушали военачальники новыя соображенія своего вождя. Несмотря на желаніе Наполеона увлечь ихъ величіемъ предстоявшаго подвига, они не только оставались равнодушны, но каждый старался отклонить его отъ приведенія его въ исполненіе,

---

[50]) Hist. de Napoléon et de la grande armée, кн. VIII, гл. IX, стр. 79 и слѣд.

[51]) Тьеръ, Hist. de l'empire, кн. XXVI.

представляя многочисленныя затрудненія. Знаменитый историкъ Наполеона называетъ этотъ новый планъ военныхъ дѣйствій геніальнымъ, какъ бы „вдохновеннымъ свыше“, возможнымъ для исполненія. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ Тьеръ прибавляетъ: „но все, даже самое лучшее, что̀ ни изобрѣталъ въ это время Наполеонъ не должно было удаваться, въ силу того положенія, въ которое онъ самъ себя поставилъ, удалившись такъ далеко“. На островѣ Святой Елены, Наполеонъ, доказывая геніальность всѣхъ своихъ военныхъ соображеній во время похода въ Россію, говорилъ: „Если бы это было въ Августѣ, а не въ Ноябрѣ, то войска пошли бы на Петербургъ, а не отступили бы къ Смоленску“ [52]). Изъ этихъ отзывовъ очевидно, что новый планъ военныхъ дѣйствій, не смотря на то, что въ немъ выразился геній великаго полководца, страдалъ однимъ недостаткомъ, а именно тѣмъ, что онъ *не былъ сообразенъ съ обстоятельствами.* Самъ же онъ считалъ однимъ изъ важныхъ, основныхъ законовъ для военныхъ дѣйствій, чтобы планъ кампаніи былъ сообразенъ съ обстоятельствами, „что на войнѣ только обстоятельства имѣютъ рѣшающее значеніе“. Не въ такомъ положеніи были войска Наполеона, разстроенныя, обремененныя добычею, награбленною въ Москвѣ, чтобы въ это время года предпринимать отдаленные походы, которыхъ успѣхъ могъ зависить отъ быстроты движеній. Геніальность полководца, поставленнаго въ безвыходное положеніе, выразилась не столько въ составленіи этого плана, сколько въ томъ, что онъ, который такъ долго лелѣялъ эту мысль, такъ тщательно ее обработалъ, не только не настаивалъ на приведеніи ея въ исполненіе, выслушавъ возраженія своихъ боевыхъ сотрудниковъ, но немедленно отъ нея отказался, рѣшившись въ тотъ же день вступить въ непосредственныя сношенія съ Русскимъ императоромъ для заключенія мира [53]).

Между тѣмъ разстройство войскъ усиливалось болѣе и болѣе, потому что усиливалась главная причина этого разстройства—недостатокъ въ фуражѣ и продовольствіи. Лошади гибли сотнями, ежедневно; полумертвыя онѣ бродили по опустошеннымъ огородамъ, пустырямъ и пожарищамъ столицы; ихъ трупы валялись по улицамъ и наполняли зловоніемъ воздухъ. Солдаты разбѣгались по окрестностямъ для отысканія пропитанія и большею частію не возвращались болѣе: они гибли отъ рукъ вооруженныхъ крестьянъ, казаковъ и партизанскихъ партій, все ближе и ближе опоясывавшихъ Москву со всѣхъ сторонъ. Чтобы нѣсколько поднять упавшій духъ войскъ, распускались различные нелѣпые слухи. Говорили, что маршалъ Макдональдъ взялъ Ригу приступомъ, завладѣлъ Петербургомъ, въ тотъ самый день, когда Французы вошли въ Москву, и сжегъ его; что по дорогѣ

---

[52]) Mémoires de Napoléon écrits par Montholon, Biblioth. militaire, 1840, Paris, стр. 406. Планъ похода предложенъ былъ Наполеономъ въ Октябрѣ, но войска сосредоточились бы у Себежа и Великихъ Лукъ только къ Ноябрю.

[53]) Гр. Сегюръ, Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, стр. 81—83.

отъ Вильны къ Смоленску слѣдуютъ многочисленныя войска и обозы съ зимнею одеждою для солдатъ, что маршалъ Викторъ ведетъ значительныя подкрѣпленія, и войска Наполеона къ будущей веснѣ сдѣлаются также многочисленны, какъ были при переходѣ черезъ Нѣманъ. Войска сохраняли еще вѣру въ Наполеона и полагали, что онъ все предвидитъ, обо всемъ заботится и всегда находитъ неожиданныя средства. То говорили, что императоръ Александръ скончался; то, что онъ удалился въ Казань, что извѣстіе о заключеніи мира съ Турками несправедливо, что Шведы, пришедшіе на помощь Русскимъ, узнавъ, что Французы взяли Москву, овладѣли Петербургомъ. „Если Русскіе (хвастались Французы) не заключатъ мира въ продолженіи зимы, то Наполеонъ прогонитъ ихъ въ Азію, возстановитъ Польшу, устроитъ особыя герцогства, Смоленское, Курляндское и Петербургское [54])".

Распуская невѣрные слухи, главный штабъ Наполеона и самъ онъ, въ свою очередь, получали невѣрныя свѣдѣнія о положеніи Русскихъ войскъ. Какъ въ первые дни занятія Москвы Французы потеряли слѣдъ отступавшей Русской арміи, такъ и въ послѣдствіи, за чертою аванпостовъ ихъ авангарда, передъ Тарутинскимъ лагеремъ, начиналась для нихъ невѣдомая страна (terra incognita), о которой они не могли получать никакихъ точныхъ свѣдѣній. При вступленіи въ Россію Наполеонъ полагалъ, что найдетъ шпіоновъ по преимуществу въ средѣ Поляковъ, которые могли знать страну, понимали Русскій языкъ и многіе даже хорошо говорили порусски. Управленіе этой частію онъ ввѣрилъ генералу Сокольницкому, который ему въ Парижѣ, въ одно время съ кн. Понятовскимъ, сообщалъ свѣдѣнія о Польшѣ и представлялъ соображенія о военныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи. „Около 21 Сентября [55]), разсказываетъ одинъ изъ находившихся въ его штабѣ Польскихъ офицеровъ, къ этому генералу явился Полякъ и сказалъ, что онъ давнишній обыватель Москвы, а теперь только что пришелъ изъ лагеря Русскихъ войскъ. Онъ казался на видъ человѣкомъ порядочнаго общества и заявилъ о фланговомъ движеніи Кутузова съ Рязанской дороги на Калужскую и что Барклай-де-Толли послалъ его въ Москву развѣдать о положеніи Французской арміи и дальнѣйшихъ замыслахъ Наполеона. Въ удостовѣреніе онъ показалъ записку, въ которой рядъ вопросовъ будто бы написанъ былъ рукою самаго Русскаго генерала. Графъ Солтыкъ изъ этихъ вопросовъ припомнилъ только два, когда писалъ свои записки о походѣ 1812 года: имѣютъ ли на-

---

[54]) Chev. d'Ysarn, Relation etc, стр. 32 — 33; Показанія майора Шмидта, Русск. Архивъ 1864 г., стр. 812; Корбелецкій, Краткое повѣств. стр. 45; Записки D'Oррера, рукопись.

[55]) Графъ Романъ Солтыкъ, Napoleon en 1812 etc. Paris, 1836 г., стр. 311—314. Въ этотъ день, т. е. 9 Сент. ст. ст., наши войска подходили уже къ Красной Пахрѣ. Солтыкъ говоритъ неопредѣленно, *vers* le 21 Sept.; поэтому вѣроятнѣе, что Сокольницкій доставилъ это извѣстіе въ тоже время, какъ и Бравтъ привезъ вѣсть о томъ, что Русскихъ войскъ уже нѣтъ на Рязанской дорогѣ, т. е. 22 Сентября. Иначе оно не было-бы такъ неожиданно для Наполеона.

мѣреніе Французы идти на Казань? Въ хорошемъ ли состояніи ихъ артилерійскія лошади? Но кажется достаточно и одного перваго вопроса, чтобы показать, что̀ это былъ за шпіонъ. Сокольницкій поспѣшилъ увѣдомить Наполеона, который самъ продиктовалъ отвѣты на всѣ эти вопросы и отправилъ посланца въ Русскій лагерь. „Этотъ человѣкъ, возвратившись оттуда, представилъ полный докладъ императору, отправился назадъ и—не возвращался болѣе“. Вообще Сокольницкій, по свидѣтельству того же офицера, былъ „еще менѣе счастливъ въ выборѣ другихъ эмиссаровъ“. Къ нему явилась одна красивая дама, музыкантша, назвавшая себя Нѣмецкою баронессою, и предложила свои услуги; получивъ 4000 франковъ, она отправилась и не возвращалась болѣе назадъ.

Можетъ быть, недовольный услугами Сокольницкаго по этой части и вѣроятнѣе по принятому имъ правилу поручать за одними шпіонами наблюдать другимъ, Наполеонъ ввѣрилъ туже часть лейтенанту легкой гвардейской кавалеріи Вандерноту (Vandernott). Но сверхъ того сохранились извѣстія, что и маршалъ Даву принималъ участіе въ этой службѣ. Купецъ 3-й гильдіи Ждановъ, остававшійся съ семействомъ въ Москвѣ, отправился къ нему, чтобы выпросить пропускъ изъ Москвы (къ Даву многіе приходили съ этою цѣлію). Переводчикъ [56]), обратясь къ нимъ, спросилъ: у кого есть жена и дѣти, того отпустимъ и дадимъ билетъ. Эти билеты давались Русскимъ съ тѣмъ, чтобы въ окрестностяхъ они сами себѣ находили способы для пропитанія, но чтобы непремѣнно возвращались: съ этою цѣлью въ Москвѣ задерживали ихъ семейства. При этомъ хотѣли воспользоваться Ждановымъ, объявившимъ, что онъ Московскій старожилъ и у него здѣсь жена и двое дѣтей. Ему предложили 1000 червонцевъ и любой домъ въ Москвѣ, если онъ отправится въ Русскій станъ и разузнаетъ о количествѣ войскъ, о предводителяхъ, о томъ, пополнены ли полки послѣ Бородинской битвы и подходятъ ли новыя подкрѣпленія, что̀ говоритъ народъ о мирѣ. Если Русскія войска идутъ къ Смоленску, то поручалось немедленно возвратиться въ Москву и объявить обо всемъ. Ему велѣли наизустъ выучить вопросы и взяли назадъ бумагу. Придя на Русскіе аванпосты, Ждановъ разсказалъ все Милорадовичу и потомъ кн. Кутузову. Какъ ни заботила его участь семейства, однако онъ не рѣшился на измѣну. Фельдмаршалъ съ похвальнымъ отзывомъ отправилъ его въ Петербургъ [57]).

Жданову поручено было также говорить, что въ Москвѣ находившійся хлѣбъ весь уцѣлѣлъ отъ пожара и что Французы располагаютъ тамъ зимовать. Этотъ слухъ Наполеонъ распускалъ и между

---

[56]) Ждановъ называетъ его барономъ *Самсоновымъ*; при штабѣ Наполеона былъ c-te Samson, бригадный генералъ, chargé de la topographie et de l'historique; но едвали онъ зналъ порусски. Не Вансовичъ ли это, дѣйствительно бывшій переводчикомъ Наполеона? Корбелецкій (стр. 18) называетъ его Вельсовичъ.

[57]) Памятникъ Французамъ или приключенія Московскаго жителя П. Ж. СПБ. 1813 г., стр. 30—34; Анекдоты достопамятной войны Россіянъ съ Французами, СПБ. 1813 г., ч. I, стр. 108—115.

своими войсками, безъ сомнѣнія никогда не предполагая прибѣгнуть къ такой мѣрѣ. Но этому почти никто и не вѣрилъ изъ окружавшихъ его лицъ. Онъ же распускалъ этотъ слухъ съ одной стороны для того, чтобы возстановить порядокъ въ войскахъ, которыя, ожидая скораго оставленія Москвы, не заботились о своемъ устройствѣ; съ другой, чтобы скрыть настоящую причину, вслѣдствіе которой онъ укрѣплялъ Кремль, нѣкоторые изъ монастырей и большой острогъ. Не имѣя точныхъ свѣдѣній о Русскихъ войскахъ, зная усиливавшуюся постоянно народную и партизанскую войну вокругъ Москвы, онъ опасался внезапнаго нападенія со стороны Русскихъ, но конечно не желалъ признаться въ этихъ опасеніяхъ.

Чтобы заявить, такъ сказать, свою прочную осѣдлость на пепелищѣ Москвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развлечь офицеровъ и солдатъ, Наполеонъ, узнавъ, что въ числѣ Французовъ находившихся въ Москвѣ оказалось нѣсколько актеровъ и актрисъ, поручилъ префекту дворца де-Боссе устроить театральныя представленія. Въ Москвѣ находилась постоянная труппа Французскихъ актеровъ и актрисъ, которые давали представленія въ императорскихъ театрахъ. Въ нихъ являлась передъ Москвичами извѣстная г-жа Жоржъ и не менѣе извѣстный танцоръ Дюпоръ. Начальницею труппы была г-жа Аврора Бюрсе [58]), Bursay, главнымъ режиссеромъ ея братъ Арманъ Домергъ. Эта труппа, по случаю войны, прекратила свои представленія. Многіе изъ ея членовъ, которыхъ договоры окончились, уѣхали изъ Москвы; нѣкоторые еще оставались. Боссе пригласилъ ихъ къ себѣ и объявилъ приказаніе императора открыть представленія. Ограбленные вполнѣ, явились къ нему остатки Французской труппы, въ странныхъ отрепьяхъ, а нѣкоторые въ полунаготѣ. Защита отъ грабежа и достаточное вознагражденіе естественно заставили ихъ повиноваться приказанію, противъ котораго и возражать было опасно. „Трудно было устроить театральныя представленія, говоритъ одна изъ актрисъ, въ городѣ совершенно разграбленномъ, гдѣ женщины не имѣли ни платьевъ, ни башмаковъ, а мущины ни одеждъ, ни сапоговъ, гдѣ не было гвоздей, чтобъ укрѣпить кулисы, не было масла для лампъ. Набрали въ солдатскихъ казармахъ лентъ и цвѣтовъ, и мы играли на дымящихся развалинахъ. Когда намъ объявили объ этомъ намѣреніи, я приняла его за шутку. Но это не была шутка. Мы играли до оставленія Французами Москвы, и Наполеонъ былъ очень щедръ въ отношеніи къ намъ. Императорскій театръ, построенный въ 1803 г. на Арбатской площади, сгорѣлъ; но у нѣкоторыхъ изъ богатыхъ помѣщиковъ были домашніе театры. Такой театръ нашелся въ великолѣпномъ домѣ Позднякова на Никитской. Домъ уцѣлѣлъ отъ пожара, но былъ ограбленъ. Приступили немедленно къ поправленію театра; а между тѣмъ Боссе, при помощи г-жи Бюрсе

---

[58]) Г-жа Бюрсе, почти съ дѣтства, получила извѣстность въ Парижѣ четверостишіемъ къ Вольтеру, на которое онъ отвѣчалъ ей лестнымъ письмомъ въ стихахъ. 16-ти лѣтъ она вышла за мужъ за актера Бюрсе, 22-хъ лѣтъ овдовѣла. Она написала нѣсколько драматическихъ сочиненій и перевела драму Коцебу: „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“.

и другихъ актеровъ и актрисъ, составилъ репертуаръ. „По несчастію, оставались изъ актрисъ не самыя молодыя и красивыя, говоритъ одна изъ нихъ, и выборъ піесъ представлялъ немало затрудненій. „Надо играть „Островъ старухъ“ (L'île des vieilles), сказала я этимъ господамъ. Вотъ прекрасный случай вновь поставить на сцену эту піесу“. Она была однимъ изъ произведеній г-жи Бюрсе. Репертуаръ былъ составленъ, театральная зала приведена въ порядокъ; занавѣсъ, сшитая изъ парчи, отдѣляла сцену отъ партера, который освѣщала большая взятая изъ церкви люстра; дорогая мебель набрана изъ домовъ частныхъ лицъ. Костюмы актеровъ и актрисъ, также какъ и убранство театра, показывали, при какихъ обстоятельствахъ онъ возникъ. „Понадобилась даже парча отъ священническихъ ризъ, клочки которыхъ солдаты промѣнивали за кусокъ хлѣба“. Черезъ три дня послѣ приказанія Наполеона, 25 Сентября н. ст., удалось открыть представленія двумя піесами, комедіею Мариво: „Игра любви и случая“, Jeu de l'amour et du hazard, и водевилемъ: „Любовникъ сочинитель и лакей“, L'amant auteur et valet [59]). Потомъ дано было еще десять представленій, продолжавшихся до самаго выхода Французскихъ войскъ изъ Москвы. Нѣкоторыя піесы, какъ Три Султанши, Разсѣянный Фигаро, Притворная Невѣрность, Стряпчій Посредникъ (Le procureur-arbitre), Проказы въ тюрьмѣ, Сидъ и Заира, особенно нравившіеся зрителямъ, повторялись по нѣскольку разъ. Но особенно восхищалъ ихъ дивертисментъ, состоявшій изъ танцевъ, въ которыхъ двѣ дѣвицы Ламираль исполняли Русскія пляски. „Это были настоящія Русскія пляски, говоритъ Боссе, а не такія какія мы видали въ большой оперѣ въ Парижѣ. Прелесть этой пантомимы состоитъ въ игрѣ плечь, въ движеніяхъ головы и всего тѣла“. Съ наступленіемъ ночи, въ то время когда сожженная Москва покрывалась мракомъ, среди коего кое-гдѣ тлѣвшійся еще подъ пепломъ огонь обозначался столбами дыма, когда между развалинъ бродили лишь немногіе томимые голодомъ и отыскивающіе пищи Русскіе или непріятельскіе грабители, домъ Познякова горѣлъ блестящими огнями, и освѣщенная Никитская была покрыта экипажами разнаго рода; вокругъ дома стояли стража, наряженная отъ разныхъ полковъ и множество бочекъ наполненныхъ водой: Французы опасались, чтобы и домъ Познякова не былъ подожженъ и строго его оберегали. Оркестръ былъ составленъ изъ полковыхъ музыкантовъ, но въ ихъ числѣ были и двое Русскихъ: первый скрипачь-солистъ Московскаго театра Поляковъ и віолончелистъ Татариновъ. Подслушавъ ихъ игру, Французы завербовали ихъ въ свой оркестръ. Партеръ занимали обыкновенно солдаты, и въ первыхъ рядахъ помѣщались заслуженные гвардейцы, украшенные Почетнымъ Легіономъ. Ложи наполняли офицеры разныхъ чиновъ, между которыми кое-гдѣ замѣчались и женщины, оставшіяся конечно въ Москвѣ Француженки. Цѣны за мѣста были умѣренныя. Часть изъ собранныхъ денегъ употреблялась на освѣщеніе

---

[59]) Афишка этого представленія напечатана (съ ошибкою въ числѣ дня) въ Библіографическихъ Запискахъ 1859 г., т. 2, стр. 268.

и отопленіе театра; а остальная раздѣлялась между артистами. „Генералы и маршалы, съ ихъ штабами, также постоянно посѣщали представленія, говоритъ Домергъ, какъ и солдаты. Въ темнотѣ ночи пробирались они туда по Московскимъ развалинамъ. Г-жи Домергъ и Бюрсе едва успѣвали собирать деньги, которыя они горстями сыпали на ихъ прилавокъ". Афиши были писанныя; не было входныхъ билетовъ, ни ихъ раздачи по обычаю; но при входѣ въ театръ платили деньги. „Герцогъ Тревизскій постоянно посѣщалъ представленія и входя клалъ на прилавокъ этихъ дамъ по цѣлой горсти пятифранковыхъ монетъ и рублей. Простые Французы платили также щедро и никогда не требовали сдачи. Даже солдаты платили дороже назначенной цѣны". (19) Октября еще было представленіе, и объявлены піесы назначенныя на другой день. „Возвратясь изъ театра, говоритъ г-жа Фюзиль, я приготовляла себѣ платье для роли Петропиллы, когда ко мнѣ вошелъ офицеръ и спросилъ: „Что̀ вы дѣлаете!" „Вы видите, приготовляю платье къ завтрашнему вечеру", отвѣчала я. — „Позаботьтесь лучше приготовить ваши чемоданы къ завтрашнему утру, потому что мы въ два часа утра выступаемъ". Я была поражена, но послѣдовала совѣту. На другой день съ разсвѣтомъ дѣйствительно всѣ собрались выступать [60]).

Императоръ Наполеонъ слѣдилъ за успѣхами театра, но не бывалъ въ немъ. Въ Кремлѣ не было представленій, но была устроена концертная зала, гдѣ пѣлъ Итальянскій пѣвецъ Таркиніо, не давно пріѣхавшій въ Москву изъ Милана и игралъ пьянистъ Мартини, на которыхъ указала г-жа Бюрсе. Въ слушаніи этой музыки, въ прогулкахъ по городу, въ осмотрѣ зданій, заключались всѣ развлеченія Наполеона, конечно нисколько не развлекавшія его думъ, направленныхъ къ разрѣшенію неразрѣшимой по самой ея сущности задачи: полную неудачу похода представить великимъ успѣхомъ и ловко придуманнымъ движеніемъ выдти съ торжествомъ изъ безвыходнаго положенія. Опустѣлыя улицы Москвы, которыя едва можно было различать между грудами пепла и развалинъ и которыя представляли повсюду слѣды разрушенія, мертвое молчаніе, изрѣдка прерываемое шагами проходившихъ отрядовъ также видимо разрушавшагося войска, не могли не омрачать его. За завтраками онъ выслушивалъ доклады Боссе объ успѣхѣ театральныхъ представленій. Даже 7-го Октября, наканунѣ выхода изъ Москвы, онъ разсуждалъ съ нимъ о томъ, чтобы выписать изъ Парижа въ Москву нѣсколько актеровъ и актрисъ и составлялъ имъ списокъ. За тѣмъ онъ диктовалъ своимъ секретарямъ различныя предписанія начальнику своего штаба и другимъ лицамъ. Обѣды его длились подолгу, вопреки обычаю. Прежде онъ никогда не любилъ долго сидѣть за столомъ; но въ Москвѣ, какъ бы желая убить время,

---

[60]) M-me Fusil, L'incendie de Moscou etc., стр. 22—23; Armand Domergues, la Russie pendant les guerres de l'empire, т. II, стр. 96—100; Bausset, ancien préfêt de palais, Mémoires anecdotiques, т. IV, стр. 76 и слѣд.; B. Peyrusse, Memorial, стр. 103, 105, 108; B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 100. Ср. статью г. Кони въ Пантеонѣ Русск. театровъ 1840 г.

тяготившее его своею продолжительностію, онъ измѣнилъ этому обычаю [61]). По вечерамъ, окруженный свитою и военачальниками, ходя взадъ и впередъ по залѣ Кремлевскаго дворца, ярко освященной, съ растопленнымъ каминомъ, онъ, чтобы показать свою власть надъ обстоятельствами и силу духа, разсуждалъ о новыхъ литературныхъ произведеніяхъ и о театрѣ. Такъ, за нѣсколько дней до оставленія Москвы, подписавши декретъ [62]) объ устройствѣ театра, въ тотъ же вечеръ онъ обратился къ графу Нарбонну, говоря: „Я долженъ бы посовѣтоваться съ вами, любезный Нарбоннъ, прежде нежели подписать сегодняшній декретъ. Вы конечно въ молодости любили театръ и знакомы съ этимъ предметомъ. Но вы предпочитали комедію; а я, напротивъ, люблю трагедію, высокую, величественную, какою ея создалъ Корнель. Великіе люди въ ней вѣрнѣе изображаются, нежели въ исторіи; въ ней они выставлены въ критическихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ они вынуждаются прибѣгать къ великимъ рѣшеніямъ; въ ней нѣтъ этихъ подробностей, приготовленій и соображеній, которыя очень часто невѣрно приписываются имъ историками. Всѣ эти человѣческія слабости, колебанія, сомнѣнія, должны исчезнуть въ героѣ. Это должна быть величавая статуя, глядя на которую не чувствуешь слабостей и препятствій тѣла. Это Персей, работы Бенвенуто-Челлини“. Онъ объяснялъ, почему преслѣдовалъ современныхъ драматическихъ писателей, обвиняя ихъ въ неумѣніи изображать великихъ людей новаго времени. „Надо, чтобы великіе короли были великими и на сценѣ. Отчего не возведутъ на нее Карла Великаго, Святаго Людовика, Филиппа-Августа? Я не отвергаю даже иностранныхъ предметовъ. Какую трагедію могъ бы даровитый писатель создать изъ Петра Великаго, этаго гранитнаго мужа, твердаго, какъ основанія Кремля, человѣка, который сотворилъ просвѣщеніе Россіи и ея вліяніе на Европу и который вынудилъ меня, черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти, предпринять эту ужасную экспедицію. Я прихожу въ изумленіе, когда думаю, что въ этомъ дворцѣ, 20 лѣтній Петръ, безъ совѣтниковъ, почти безъ образованія, въ виду гордой правительницы и старыхъ Русскихъ, захватываетъ власть и, замысливъ сдѣлать ее побѣдоносною и завоевательною, уничтожаетъ стрѣльцовъ. Какой примѣръ нравственной силы (d'autocratie morale)! Какъ бы хорошо видѣть на сценѣ, какъ молодой Петръ, котораго считали преданнымъ грубымъ удовольствіямъ, приводитъ въ исполненіе дѣло 18 Брюмера при своемъ дворѣ, посылаетъ въ монастырь гордую Софью и въ одно время создаетъ мирныя и боевыя учрежденія, начинаетъ войну, устраиваетъ армію и флотъ и строитъ новую столицу Россіи. Что̀ касается до особенностей его генія, то они никѣмъ не были поняты. Не замѣтили, что онъ пріобрѣлъ то, чего недостаетъ рожденнымъ на престолѣ, славу *но-*

---

[61]) C-te Segur, Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, liv. VIII, глава XI, стр. 102—103.

[62]) Collection générale des lois, т. XII, стр. 257, decret de 15 Oct. 1812.

ваго человѣка, достигшаго до трона (la gloire de parvenu) со всѣми испытаніями, соединенными съ этою славою. Онъ добровольно сдѣлался артилерійскимъ лейтенантомъ, чѣмъ и я былъ. Это не была комедія. Онъ оставилъ страну, чтобы освободить себя на нѣкоторое время отъ короны, чтобы испытать жизнь частнаго человѣка и постепенно дойти до величія. Онъ самъ сдѣлалъ для себя то, что̀ дала мнѣ судьба. Вотъ что̀ выдвигаетъ его впередъ изъ ряда всѣхъ прирожденныхъ государей (les monarques de race). И не смотря на то, какое было испытаніе этому генію! Подумайте, такой человѣкъ на берегахъ Прута, во главѣ войскъ, имъ самимъ созданныхъ, допустилъ себя окружить Турецкой арміи, лишить способовъ продовольствія и едва не взять себя въ плѣнъ! Такія *необъяснимыя затмѣнія* случаются съ великими людьми. Это Цезарь, плохо начавшій дѣло и осажденный въ Александріи негодными Египтянами. Но Цезарь взялъ свое, отмстилъ имъ; великій человѣкъ всегда найдется, какъ послѣ ошибки, такъ и послѣ несчастія“. Замѣчательное сужденіе Наполеона о Петрѣ Великомъ и о его положеніи при Прутѣ очевидно намекало на него самаго и на тогдашнее положеніе его дѣлъ.

Графъ Нарбоннъ, воспитанный въ высшихъ слояхъ общества дореволюціонной Франціи, пропитанный понятіями о внѣшнемъ лоскѣ просвѣщенія и полагавшій, что великіе люди въ новое время могутъ быть только между Французами, конечно не могъ понять Петра Великаго: въ его глазахъ онъ былъ варваръ и своими успѣхами обязанъ не столько своему генію, сколько ошибкамъ своихъ противниковъ. „Если бы Карлъ XII не вдался такъ далеко въ глубь Россіи, или отступилъ бы во̀-время, замѣчаетъ онъ, если бы онъ не продолжалъ своего нашествія даже зимою, когда сильные холода уничтожали сотнями его солдатъ на походѣ, то онъ никогда бы не былъ побѣжденъ; онъ прикрылъ бы Польшу и не далъ бы царю идти далѣе. Петръ былъ великъ вслѣдствіе ошибокъ своихъ противниковъ. Онъ побѣдилъ не тактикою и своимъ геніемъ, но силою климата своей страны. На это средство и теперь еще разсчитываютъ его потомки“.

Хотя отзывъ Нарбонна вполнѣ соотвѣтствовалъ смыслу рѣчей Наполеона, но тотъ не любилъ, чтобы отгадывали его намѣренія, и съ живостію замѣтилъ: „Вижу, къ чему вы клоните рѣчь, любезный Нарбоннъ; вамъ говорятъ о театрѣ, а вы отвѣчаете политикою. Впрочемъ они часто соприкасаются другъ съ другомъ; но будьте покойны: мы не повторимъ ошибки Карла XII-го. Она записана въ исторіи для того, чтобы предостеречь насъ отъ нея. Надо было нѣсколько подождать здѣсь послѣдствій громовыхъ ударовъ Бородинской битвы и занятія Москвы. Я имѣлъ причины надѣяться на заключеніе мира; но заключимъ мы его или нѣтъ, во всякомъ случаѣ есть предѣлъ нашему здѣсь пребыванію. Наши войска отдохнули и переустроены; время стоитъ хорошее, и мы имѣемъ возможность отойти къ Смоленску, соединиться на пути съ нашими подкрѣпленіями и расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Польшѣ и Литвѣ. Есть еще и другой способъ, который предлага-

етъ Дарю́, а я называю его *львинымъ совѣтомъ*: собрать провизію, убить и посолить всѣхъ нашихъ лошадей, зимовать въ Москвѣ и весною начать вновь наступательныя дѣйствія. Но я не соглашаюсь съ этимъ предложеніемъ. Можно ходить далеко, но не слѣдуетъ долго оставаться внѣ своего дома. Парижъ призываетъ меня сильнѣе, нежели манитъ Петербургъ. Будьте довольны, любезный графъ: скоро уйдемъ *съ* миромъ или *безъ* него“ [63]).

Такими рѣчами Наполеонъ желалъ отвлекать вниманіе и свое собственное и окружающихъ его лицъ отъ главнаго предмета заботъ. Въ такихъ разговорахъ коротàлъ онъ долгіе осенніе вечера Московской своей жизни. Но онъ не достигалъ цѣли. Окружавшія его лица только и думали о томъ, какъ бы скорѣе выбраться изъ Москвы; его же самаго волновало и раздражало напрасное ожиданіе мира и бѣдственное положеніе войскъ, которому помочь онъ не имѣлъ никакихъ средствъ. „Его ночи были особенно тревожны“, говоритъ гр. Сегюръ. Онъ проводилъ ихъ частію вмѣстѣ съ гр. Дарю́, которому однако рѣшался повѣрять заботу о своемъ опасномъ положеніи. Перебирая различныя предположенія, чтобы выдти изъ этой опасности, онъ говорилъ ему: „Думаютъ, что дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы оставить Москву; а не соображаютъ того, что нуженъ мѣсяцъ, чтобы преобразовать армію и вывезти раненыхъ и больныхъ. Не оставить же ихъ въ добычу казакамъ! Это покажется не отступленіемъ, а бѣгствомъ (il paraîtra fuir). Что̀ заговоритъ Европа! Она завидуетъ мнѣ, ищетъ мнѣ соперника и подумаетъ, что нашла его въ лицѣ императора Александра. Какія могутъ тогда послѣдовать опасныя войны! Пусть же не порицаютъ моего бездѣйствія. Развѣ я не знаю, что Москва въ военномъ отношеніи ничего не значитъ? Но это не военная позиція, а политическая. Хотятъ видѣть во мнѣ только генерала, но я императоръ“. Онъ старался доказать, что въ политикѣ никогда не слѣдуетъ отступать (reculer), никогда не признаваться въ своихъ ошибкахъ, но упорно идти впередъ [64]). Касательно переустройства войскъ, Наполеонъ безъ сомнѣнія очень хорошо понималъ, что въ томъ положеніи, въ какомъ они находились въ Москвѣ и передъ Тарутинскимъ лагеремъ, въ продолженіи еще мѣсяца они бы разстроились еще болѣе. Надежда придвинуть къ себѣ корпусъ маршала Виктора едва ли также могла его обольщать. У него просили подкрѣпленій и князь Шварценбергъ, и маршалы Сенъ-Сиръ и Макдональдъ. Получить же новые контингенты, сверхъ договоровъ, отъ Австріи и Пруссіи, безъ сомнѣнія, онъ не надѣялся. Но судьба раненыхъ и больныхъ дѣйствительно его озабочивала потому, что оставленіе ихъ въ Москвѣ послужило бы признакомъ не правильнаго даже отступленія, а просто бѣгства. Его чрезвычайно смутилъ отвѣтъ генералъ-интенданта на вопросъ: сколько

---

[63]) Villemain, M-r de Narbonne, стр. 225—230.

[64]) C-te Segur, т. II, стр. 93 и слѣд.

нужно употребить времени на ихъ вывозъ изъ Москвы?—Не менѣе сорока пяти дней, отвѣчалъ ему графъ Дюма [65]).

Бесѣдуя по ночамъ, съ глазу на глазъ, съ графомъ Дарю, Наполеонъ говорилъ ему, что пойдетъ на Кутузова, „чтобы разгромить его, или *обойти* и вдругъ повернуть на Смоленскъ“.—„Уже поздно, отвѣчалъ ему графъ Дарю: Русскія войска переустроены, наши ослабѣли, побѣда забыта. Лишь только войска будутъ обращены лицемъ къ Франціи, они разбѣгутся по частямъ: каждый солдатъ, обремененный добычею, будетъ спѣшить впередъ, чтобы продать ее во Франціи“.—„Что же надо сдѣлать?“ воскликнулъ Наполеонъ. „Оставаться здѣсь, отвѣчалъ Дарю, сдѣлать изъ Москвы большой укрѣпленный лагерь и провесть въ немъ зиму“. Дарю былъ увѣренъ, что уцѣлѣвшія отъ пожара зданія и погреба доставятъ достаточное помѣщеніе и что можно запастись продовольствіемъ, убивъ всѣхъ лошадей и посоливъ ихъ мясо. „Весною наши подкрѣпленія и вся вооружившаяся Литва придутъ къ намъ на выручку. Соединившись съ ними, мы довершимъ побѣду“. Очевидно, графъ Дарю не зналъ положенія дѣлъ въ тылу великой арміи, которое Наполеонъ тщательно скрывалъ даже отъ самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ. „Это львиный совѣтъ“ (conseil de lion), отвѣчалъ послѣ нѣкотораго молчанія Наполеонъ. „А что скажутъ въ Парижѣ? Что тамъ можетъ произойти, когда въ продолженіи шести мѣсяцевъ не будутъ имѣть отъ меня извѣстій? Нѣтъ, Францію не пріучишь къ моему отсутствію; а Пруссія и Австрія имъ воспользуются“ [66]).

Такъ проводилъ Наполеонъ послѣдніе дни своего пребыванія въ Москвѣ. Сонъ не успокоивалъ его волненій. „Его тревога выражалась порывами гнѣва, говоритъ гр. Сегюръ. Особенно это случалось утромъ, когда онъ вставалъ съ постели (à son lever). Окруженный предводителями войскъ, обращавшими на него пытливые взгляды, въ которыхъ онъ думалъ видѣть укоръ за его дѣйствія, онъ, суровымъ обхожденіемъ, нетерпѣливыми движеніями и рѣзкими, отрывочными выраженіями, казалось, хотѣлъ ихъ оттолкнуть отъ себя. По его блѣдному лицу можно было замѣтить, что его томила горькая истина его положенія, со всею ясностію представлявшаяся въ темнотѣ ночей“.

Въ то время, когда Наполеонъ проводилъ томительные дни и ночи, когда его офицеры и солдаты утѣшались представленіями

---

[65]) Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 147; C-te Mathieu Dumas, Souvenirs, т. III, стр. 456 и 457.

[66]) C-te Segur, т. II, стр. 100—102. Часто ссылаясь на Сегюра, мы не указываемъ на опроверженій его показаній генераломъ Гурго (Examen critique de l'ouvrage de c-te Segur, Bruxelles 1825 г.). Officier du palais, какъ въ насмѣшку называетъ его Гурго (т. е. maréchal des logis du palais, чѣмъ онъ былъ) постоянно находясь при Наполеонѣ, конечно зналъ болѣе, что дѣлается въ его дворцѣ, чѣмъ officier d'ordonnance, чѣмъ былъ Гурго въ то время. Впрочемъ показанія графа Сегюра подкрѣпляются и многими другими.

въ театрѣ Познякова и катаньями съ публичными женщинами [67]), несчастные Русскіе обыватели Москвы испытывали утѣшенія инаго рода.

Русскіе члены муниципальнаго управленія, учрежденнаго въ Москвѣ, не могли облегчить ихъ бѣдствія, не могли ни доставить продовольствія, ни пріютить подъ кровы, ни оградить отъ насилій и грабительства. Имъ удалось, по мѣрѣ скудныхъ средствъ и возможности, оказать помощь только немногимъ; но они исполнили одну изъ возложенныхъ на нихъ объявленіемъ Лессепса обязанностей—способствовать открытію богослуженія въ нашихъ храмахъ, въ чемъ оказывали имъ содѣйствіе и нѣкоторые изъ Французскихъ военачальниковъ. Въ церкви Голицынской больницы постоянно производилось богослуженіе. Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ оно началось вскорѣ послѣ пожаровъ, когда главная квартира маршала Даву́ помѣстилась на Дѣвичьемъ полѣ. „Что ни Воскресенье, что̀ ни праздникъ, у насъ была обѣдня въ соборной церкви, говоритъ современница-монахиня. Церковь мы всегда запирали, и ключь былъ у насъ. А въ другихъ-то они жили и съ своими мамзельками, потому что келій для нихъ было мало“. Въ Рождественскомъ монастырѣ начальникъ отряда, который былъ помѣщенъ въ немъ, также приглашалъ священника отправлять церковную службу, когда онъ обратился къ нему съ просьбою. По свидѣтельству современницы, находившейся въ этомъ монастырѣ, „священникъ говорилъ, что обѣдни, разумѣется, служить нельзя, потому—не ровёнъ часъ, можетъ они войдутъ въ храмъ во время совершенія таинства и какое кощунство сотворятъ, да и антиминсы спрятаны. Часы и вечерню можно бы каждый день служить“. Получивъ разрѣшеніе, обрадованный священникъ велѣлъ немедленно ударить въ колоколъ; но прибѣжалъ солдатъ и объявилъ, что генералъ проситъ: „нельзя ли звонить въ маленькой колоколъ, потому что онъ не выноситъ громкаго колокольнаго звона“. „Ну, что же, говоритъ батюшка, мы его безпокоить не станемъ“. И во все время, пока они стояли у насъ, ударяли по три раза къ часамъ и къ вечерни въ маленькой колоколъ. Служили въ Златоустовской церкви, и Французы бывали частенько на службѣ. Любопытно имъ видно было. Войдутъ, намъ поклонятся и смотрятъ. Иной разъ между собою пошепчутся, и стояли всегда прилично“. Грабежъ и осквернепіе храмовъ, постоянное кощунство надъ святынею, естественно возбуждали чувство опасенія не только со стороны священниковъ, но и прихожанъ. Они скрывали въ тайникахъ антиминсы отъ грабежа и поруганія. „Грабители подпоясывались ими и, находя, что они коротки, бросали потомъ“. Въ Зачатеевскомъ монастырѣ только на нѣсколько дней пожаръ и грабежъ прервали божественную службу; вообще же она продолжалась во все пребываніе Французовъ въ Москвѣ. Игуменья и монахини возвратились въ сожженный и ограбленный монастырь въ день Рождества Богородицы (8 Сентября). „Въ честь

---

[67]) Воспоминанія очевидца, стр. 185—188.

МОСКОВСКАЯ
ЕПАРХІАЛЬНАЯ
БИБЛІОТЕКА

праздника, по свидѣтельству монастырскихъ преданій, были отслужены всенощная и молебенъ. Съ 9-го числа священникъ служилъ каждое утро часы; но съ 22 числа, которое приходилось въ Воскресенье, онъ освятилъ обнаженный непріятелями престолъ, и совершена была литургія. Съ этого времени монахини, міряне поселившіеся въ монастырѣ и жители сосѣднихъ улицъ сходились на звонъ колокола, призывавшаго вѣрующихъ въ храмъ. Всѣ торопились, въ ожиданіи смерти, исполнить христіанскій долгъ; каждый день приходили къ священнику исповѣдники, за каждою обѣдней были причастники. Въ немногихъ церквахъ служили литургію; ихъ посѣщали пріютившіеся въ ближайшихъ къ нимъ окрестностяхъ обыватели Москвы; но многіе и не знали объ этомъ. Такъ разсказываетъ одна простая женщина, вышедшая изъ Москвы 1-го Октября на праздникъ Покрова, утромъ: „Слышимъ, ударяютъ къ заутрени; мы перекрестились и пошли. Заутрени ужъ служили и часы и вечерни; а обѣдни еще нигдѣ не служили, потому что антиминсовъ не было: всѣ были отобраны и увезены, чтобы не хватали ихъ нечистыми руками. Бонапарту хотѣлось, чтобы въ церквахъ служба была въ тѣхъ, которыя остались чисты; а то въ другихъ стояли лошади, какъ въ конюшняхъ. Ну такъ и велѣлъ Бонапартъ всѣхъ поповъ ловить, гдѣ ни попадутся; поймаютъ дьякона вмѣсто попа, все равно, и тотъ годится, и велятъ ему обѣдню служить: Французу все равно, ничего не понимаетъ. Такъ и начали служить въ церквахъ, гдѣ заутреню, гдѣ часы. Бонапартъ былъ доволенъ, лишь бы только была служба; а намъ какъ было отрадно, когда стали благовѣстить!“ Впрочемъ литургію нельзя было совершать не потому только, чтобы не нашлось священниковъ, но потому, что всѣ почти храмы, за немногими исключеніями, были осквернены, ограблены, престолы сдвинуты съ мѣстъ, не было ни утвари, ни другихъ принадлежностей для богослуженія. Гдѣ только было возможно, тамъ ожедневно совершалась даже литургія. Въ церкви Спасо-Преображенской, на Глинищахъ, протоіерей Семеновъ постоянно совершалъ литургію и исправлялъ требы. Точно также священники Троицкой церкви на Хохловкѣ и Петропавловской на Якиманкѣ „совершали богослуженіе съ разрѣшенія Французскихъ начальниковъ, но съ запрещеніемъ читать, послѣ сугубой эктеніи, молитву объ избавленіи отъ нашествія супостатовъ. Священники этихъ церквей ходили и въ окрестныя мѣста крестить младенцевъ, исповѣдывать тяжело больныхъ и напутствовать ихъ св. дарами“ [68]). Въ

---

[68]) Воспоминанія очевидца, стр. 171; Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 18—19, 124—126, 155—156; Русск. Архивъ 1871 г., № 6, стр. 0211; Записка о происшествіяхъ въ Московскихъ церкв. и монастырях въ 1812 г. Аббатъ Сюрюгъ говоритъ: „On ne rencontrait aucun pope, on ne voyait aucun trace du culte réligieux. Le peuple, au milieu des horreurs de la calamité la plus désastreuse, n'avait pas même la consolation d'épancher ses peines aux pieds des autels et d'implorer la seule ressource qui reste aux malheureux. Les santinelles préposées à la garde d'Israel à la vue du danger s'étaient cachées ou avaient pris la fuite. Un seul

Москвѣ находился въ это время нечаянно попавшій въ плѣнъ протоіерей кавалергардскаго полка Гратинскій. Ограбленный почти до̀ нага, переходившій изъ одного дома въ другой, гонимый пожарами, онъ поселился наконецъ въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ домовъ на Мясницкой, вмѣстѣ съ двумя стами человѣкъ разоренныхъ Московскихъ обывателей. „Здѣсь, доносилъ онъ потомъ оберъ-священнику, въ облегченіе участи стенавшихъ подъ игомъ убійцъ и грабителей, рѣшился я просить позволенія открыть богослуженіе и отъ Французской полиціи получилъ его. Комендантъ города гр. Мильо далъ мнѣ билетъ и, для безопасности богослуженія, караулъ изъ двухъ солдатъ. Для богослуженія избралъ я верхнюю церковь св. Евпла. Сентября 15-го, въ день коронованія императора, при первомъ ударѣ колокола, при многочисленномъ стеченіи оставшагося въ Москвѣ народа, началъ я отправлять богослуженіе, послѣ котораго о здравіи монарха нашего и всего его семейства отправлено было молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Вся церковь омыта была слезами. Сами непріятели, смотря на вѣру и ревность Русскаго народа, едва не плакали. Въ самое короткое время, въ два дня служенія моего, усерднѣйшими христіанами были принесены въ церковь серебряные и вызолоченные сосуды, до 10 пудъ свѣчь и ладона, вина, муки на просфоры и довольное количество разной церковной утвари. Въ семъ храмѣ, до возвращенія въ Москву той церкви священника, каждый день отправляемо было мною богослуженіе“ [69]). Все что̀ могли спасти изъ предметовъ необходимыхъ для богослуженія отъ похищенія непріятелей ограбленные жители Москвы несли въ храмъ, призывавшій ихъ къ богослуженію торжественнымъ благовѣстомъ. Много разъ случалось имъ слыхать безпорядочный звонъ колоколовъ, которымъ потѣшались Французы [70]); но правильный звонъ, совершаемый *по чину*, производилъ на нихъ потрясающее дѣйствіе. Когда въ первый разъ по Замоскворѣчью раздался звукъ колокола, призывавшій къ богослуженію въ храмъ Петра и Павла, „около осьми часовъ утра (говоритъ современникъ-свидѣтель), мы услыхали отдаленный звонъ, и всѣ вопросительно взглянули другъ на друга, отгадывая его значеніе. Нѣкоторые думали, что это непріятели потѣшаются; но мой отецъ сказалъ, вни-

---

pope me consulta pour savoir s'il pouvait reprendre ses fonctions“. Это Гратинскій (Lettres sur l'incendie de Moscou, стр. 30—31). Тоже говоритъ и нѣкій Нѣмецъ B...ch: „Presque tous les monastères et les églises grecques avaient été abandonnées des prêtres et des religieux qui y vivaient. Le clergé catholique et les ministres n'eurent point la même terreur; on ne cite qu'un temple protestant qui fut délaissé“. (Hist. de la destruction de Moscou, стр. 123). Изложенныя въ нашемъ разсказѣ свидѣтельства избавляютъ насъ отъ нужды опровергать показанія этихъ двухъ свидѣтелей. О нихъ можно бы и не упоминать, если бъ нѣкоторые изъ Русскихъ писателей не придавали имъ вѣры (Исторія отечеств. войны г. Богдановича т. II, стр. 329 и Вѣсти. Европы 1872 г. Ноябрь, статья Д. Н. Свербеева).

[69]) Донесеніе протоіерея Гратинскаго 5 Дек. 1812 г. Русск. Архивъ, 1866, № 5, стр. 731—735.

[70]) Кичеева, Изъ недавней старины, стр. 36.

мательно вслушавшись: „это не простой безпорядочный звонъ, но правильный благовѣстъ, въ одинъ колоколъ, которымъ православные сзываются на богослуженіе“. Наведя справки, удостовѣрились, что дѣйствительно благовѣстятъ въ церкви Петра и Павла. Священникъ этой церкви, гдѣ случайно остался неприкосновеннымъ одинъ изъ придѣловъ, получилъ разрѣшеніе отправлять богослуженіе и караулъ; но съ тѣмъ, чтобы звонъ производился одинъ разъ въ день, не ранѣе 8 часовъ утра. „Богомольцы, входя въ храмъ, разсказываетъ тотъ же очевидецъ, благоговѣйно крестясь, творили молитвы. Смотря на исхудалыя и блѣдныя лица, выражавшія совершенное истощеніе силъ, на рубища, на то, какъ они съ трудомъ передвигали ноги, выходя изъ своихъ жилищъ, какъ изъ норъ, изъ подваловъ и погребныхъ ямъ, ихъ можно было уподобить возставшимъ изъ гробовъ, вызваннымъ трубнымъ гласомъ, въ послѣдній день страшнаго суда. Съ радостнымъ трепетомъ, какъ божественнаго врачеванія, они ожидали начала службы. Молились одни, преклонивъ колѣна и простерши руки; другіе, упавъ съ рыданіями на помостъ, а иные—неподвижно устремивъ взоры на распятаго Спасителя. Когда передъ иконами были зажжены свѣчи, блескъ огня, какъ благодать, нисшедшая свыше, проникла богомольцевъ: всѣ воспрянули какъ бы отъ тяжкаго сна, одобрились духомъ, готовясь встрѣтить въ полночь грядущаго жениха. Наконецъ отдернулась завѣса, отворились царскіе врата, и священно-служители, въ полномъ облаченіи, вышли изъ алтаря. Священникъ несъ на головѣ крестъ и Евангеліе, дьяконъ со свѣчею въ лѣвой и съ кадиломъ въ правой. Народъ палъ ницъ. Выйдя на средину церкви и осѣняя крестомъ на четыре стороны, священникъ возгласилъ: „Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его!“ Когда онъ положилъ крестъ на аналой, клиръ запѣлъ: „Кресту твоему поклоняемся, Владыко!“ Всѣ присутствовавшіе три раза поклонились въ землю. Во время водосвятія, когда пѣли: „Спаси, Господи люди твоя“, народъ, стоя на колѣняхъ, общимъ хоромъ вторилъ молитвѣ. Но когда запѣли: „Къ Богородицѣ прилѣжно нынѣ притецемъ“... весь храмъ огласился воплями и рыданіями. Матери, стоя на колѣняхъ, поднимая на рукахъ грудныхъ младенцевъ, взывали: „Пресвятая Дѣва, спаси невинныхъ дѣтей“. Во время литургіи, когда дьяконъ провозгласилъ: „елицы оглашеннїи, изыдите“, молящіеся въ великое пришли недоумѣніе, замѣтя вдругъ трехъ непріятельскихъ солдатъ, въ синихъ мундирахъ, стоявшихъ на колѣняхъ и молившихся со слезами; но сомнѣніе изчезло, когда узнали въ нихъ единовѣрцевъ, Словаковъ. Много было причастниковъ. По окончаніи обѣдни, приложась къ кресту, окропленные святою водою, богомольцы разошлись, спокойны и довольны“.

Современникъ, котораго разсказъ мы привели почти подлинными его словами, весьма вѣрно заключаетъ, что его перо не въ силахъ выразить тѣхъ чувствъ, которыми преисполнены были несчастные жители Москвы [71]). Но какое же перо и можетъ ихъ выразить!

---

[71]) Д-ра Рязанова, Воспоминанія очевидца, гл. 21, стр. 199—204.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пребываніе Наполеона въ Москвѣ представляетъ совершенную противуположность въ сравненіи съ его пребываніемъ въ Дрезденѣ. Тамъ онъ чувствовалъ себя на верху могущества, властелиномъ всей Европы, раболѣпно преклонившейся предъ нимъ въ лицахъ своихъ государей и верховныхъ сановниковъ. Если озабочивало его положеніе Турціи и Швеціи, то эта забота пробѣгала мгновенно въ его политическихъ соображеніяхъ, и онъ увѣренъ былъ, что увлечетъ ихъ за собою. Что̀ касается до Россіи, то конечно онъ смотрѣлъ на нее не безъ тайной тревоги; упоеваясь мыслью о своемъ всемогуществѣ, опираясь на огромныя военныя силы, онъ изрекалъ ей смертный приговоръ, называя ее увлеченною рокомъ. Черезъ три съ небольшимъ мѣсяца иное чувство должно было наполнять его душу: онъ увидалъ себя въ уединенномъ положеніи, внѣ той среды, гдѣ развивалась и увѣнчивалась успѣхами его дѣятельность, въ новомъ и непонятномъ для него мірѣ. Какое-то недоразумѣніе видимо отдаляло отъ него тѣхъ самыхъ лицъ, которыя въ Дрезденѣ подобострастно ловили его улыбку, покорно выслушивали каждое его слово и готовы были идти по его мановенію, куда онъ имъ укажетъ. Они и въ Москвѣ, все еще подъ обаяніемъ его могущества, не выражали никакихъ враждебныхъ ему намѣреній; но они молчали. Ни Пруссія, ни Австрія не спѣшили, вопреки договорамъ, умножать свои контингенты по первому его требованію. Онъ подозрѣвалъ ихъ и всю Германію, хорошо зная враждебное настроеніе въ отношеніи къ нему Нѣмецкаго народа. Онъ подозрѣвалъ даже Францію. Къ довершенію печальнаго положенія его дѣлъ, начали приходить недобрыя вѣсти изъ Испаніи.

Что̀ же заставляло его медлить въ Москвѣ, вопреки общему голосу его боевыхъ сотрудниковъ, требовавшихъ немедленнаго ея оставленія? Его гордость не могла примириться съ мыслію объ отступленіи; а положеніе его войскъ лишало возможности дѣйствовать наступательно. Увѣренность въ своемъ счастіи остановила его на той мысли, что сто́итъ только выразить ему, что онъ готовъ заключить миръ, какъ Русскій императоръ, пораженный участью своей столицы и, желая прекратить бѣдствія войны, немедленно исполнитъ его желаніе и преподастъ ему возможность явиться въ величавомъ положеніи великодушнаго побѣдителя. Только заключеніе мира могло вывести его изъ бѣдственнаго положенія, мира,

который онъ торжественно обѣщалъ своимъ войскамъ, какъ неминуемое послѣдствіе занятія Москвы.

Въ первый день вступленія Французовъ въ Москву, оставшійся въ ней главный начальникъ тамошняго Воспитательнаго Дома И. А. Тутолминъ, желая спасти его отъ грабежа и оградить безопасность сиротъ, отправился съ переводчикомъ въ Кремль и, объяснивъ значеніе подчиненнаго ему заведенія, просилъ защиты у генерала Дюронеля, назначеннаго губернаторомъ города. Дюронель отрядилъ къ нему 12 конныхъ жандармовъ, которые и поселились въ Воспитательномъ Домѣ. Дѣятельностію Тутолмина большая часть зданій этого дома была спасена отъ пожара. По возвращеніи своемъ въ Кремль изъ Петровскаго дворца, проѣзжая по Москворѣцкой набережной и замѣтивъ Воспитательный Домъ, сохраненный отъ огня, Наполеонъ спросилъ, что̀ это за зданіе. Когда ему объяснили значеніе этого зданія и что оно спасено его начальникомъ и подчиненными ему лицами, императоръ послалъ генералъ-интенданта графа Дюма̀ объявить свое благоволеніе Тутолмину. „Я присланъ къ вашему превосходительству, говорилъ ему графъ Дюма, отъ императора, который приказалъ мнѣ благодарить васъ за труды и за спасеніе вашего дома. Его величеству угодно съ вами лично познакомиться“.

На другой день, въ 12 часовъ, Наполеонъ послалъ за Тутолминымъ своего переводчика Лелорня, съ которымъ Тутолминъ и отправился въ Кремлевскій дворецъ. Наполеонъ принялъ его благосклонно и, выслушавъ его благодарность за покровительство, оказанное Воспитательному Дому, сказалъ: „Я желалъ сдѣлать тоже и для всего города, что̀ могу теперь дѣлать только для одного вашего заведенія. Я желалъ поступить съ вашимъ городомъ такъ, какъ я поступилъ съ Вѣною и Берлиномъ, которые до сихъ поръ цѣлы и не разрушены. Но Русскіе, оставивъ этотъ городъ почти пустымъ, сдѣлали безпримѣрное дѣло. Они сами хотѣли предать пламени свою столицу и, чтобы причинить мнѣ временное зло, разрушили созданіе многихъ вѣковъ. Я могу оставить Москву; но вредъ, ими самими причиненный себѣ, останется невознаградимымъ. Всѣ донесенія, которыя ежечасно я получаю, и зажигатели, которые пойманы на самомъ дѣлѣ, достаточно показываютъ, откуда исходили варварскія повелѣнія совершать подобные ужасы. Объясните это императору Александру, которому, безъ сомнѣнія, неизвѣстны эти злодѣянія. Я никогда подобнымъ образомъ не воевалъ; мои войска умѣютъ сражаться, но не жгутъ. Отъ самаго Смоленска я встрѣчалъ только одинъ пепелъ“.

Затѣмъ Наполеонъ спросилъ Тутолмина, извѣстно ли ему, что въ день вступленія Французовъ въ Москву выпущены были колодники изъ тюремъ и правда-ли, что увезены изъ столицы всѣ пожарныя трубы. Тутолминъ отвѣчалъ, что дѣйствительно до него доходили слухи о томъ, будто-бы выпущены колодники и что полиція увезла трубы. „Это не подлежитъ никакому сомнѣнію“, замѣтилъ Наполеонъ. Между прочимъ онъ спросилъ его, сколько находится

дѣтей въ Воспитательномъ Домѣ, на сколько времени онъ имѣетъ продовольствія и откуда надѣется получить его на зиму. Тутолминъ представилъ ему подробную вѣдомость о числѣ дѣтей, просмотрѣвъ которую Наполеонъ съ улыбкою сказалъ: „Вы увезли въ Казань взрослыхъ дѣвицъ!“ Въ отношеніи къ продовольствію Тутолминъ объяснилъ, что имѣетъ его только на одинъ мѣсяцъ, что хотя Воспитательный Домъ заключаетъ подряды на цѣлый годъ, но у себя, за невмѣніемъ мѣста, помѣщаетъ продовольствіе только на мѣсяцъ; въ настоящее же время всѣ его подрядчики оставили Москву, и онъ лишенъ возможности возобновить свои запасы. „А откуда городъ получаетъ предметы продовольствія?“—„Хлѣбъ изъ Украинскихъ, скотину изъ Малороссійскихъ, а мелкую живность изъ ближайшихъ губерній. Хлѣбъ доставляется или на баркахъ весною, или по зимнему пути“, отвѣчалъ Тутолминъ.—„Какой шаръ дѣлалъ Англичанинъ Шмитъ, для пагубы моего войска и меня самаго?“ продолжалъ распрашивать Наполеонъ и, когда Тутолминъ отвѣчалъ, что объ этомъ ничего не знаетъ, онъ замѣтилъ: „Я знаю, что шаръ дѣлался въ семи верстахъ отъ Москвы, но не былъ оконченъ; поэтому его сожгли, а оставшіяся горючія вещества употребили на сожженіе Москвы. Такое варварство недостойно просвѣщеннаго народа“. Наконецъ онъ сказалъ: „Какъ безчеловѣчно поступили Русскіе, оставивъ 10 тысячъ раненыхъ безъ пищи и призрѣнія!“ и, отпуская Тутолмина, повторилъ: „Напишите обо всѣхъ происшествіяхъ Москвы къ вашему императору и отправьте съ донесеніемъ своего чиновника, черезъ котораго можете получить отвѣтъ. Я дамъ ему пропускъ чрезъ мои аванпосты“ [1]).

Гордый завоеватель не рѣшался еще выразить желаніе вступить въ переговоры о мирѣ, но косвеннымъ путемъ надѣялся достигнуть этой цѣли. Расчитывая, что Александръ Павловичъ будетъ отвѣчать на донесеніе Тутолмина, онъ надѣялся, что этотъ отвѣтъ можетъ подать ему поводъ войти въ непосредственныя съ нимъ сношенія. Онъ еще вѣрилъ въ силу обаянія, которое, по его мнѣнію, онъ производилъ на Русскаго императора въ личныхъ свиданіяхъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ; но онъ находился въ это время въ такомъ положеніи, что вѣра была потрясена сомнѣніемъ, а гордость должна была уступать силѣ обстоятельствъ.

Вслѣдствіе случайныхъ причинъ, отставной капитанъ гвардіи И. А. Яковлевъ замедлилъ выѣздомъ изъ Москвы. 2-го Сентября, когда онъ садился въ карету, чтобы выѣхать изъ столицы, отрядъ Французскихъ солдатъ ограбилъ его съ семействомъ и слугами, отнялъ экипажи, лошадей и пожитки. Дома его и родственниковъ его сгорѣли одинъ за другимъ. Ограбленные, онъ и его родственники, съ ихъ родными, прислугою и сотнею крестьянъ, бродили, безъ пищи и крова по Московскимъ пожарищамъ. Случайно встрѣтившись съ

---

[1]) Донесеніе Тутолмина императору 7-го Сентября, императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ 11-го Ноября 1812 г. Чтенія въ Моск. общ. исторіи и древн. 1860 г., кн. 2, отд. V, стр. 163 и слѣд.

полковникомъ Менадье, принадлежавшимъ къ главному штабу маршала Бертье, Яковлевъ спрашивалъ его, какими способами могъ бы онъ выбраться изъ Москвы. Полковникъ указалъ Яковлеву на маршала Мортье, который въ свой чередъ объяснилъ, что не можетъ дать ему разрѣшеніе, но долженъ напередъ доложить о томъ императору. Черезъ нѣсколько времени (9 Сент.) переводчикъ Лелорнь пріѣхалъ за Яковлевымъ, привезъ его въ Кремлевскій дворецъ и ввелъ въ тронную залу, гдѣ ожидалъ его Наполеонъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, первымъ предметомъ его рѣчей, также какъ и Тутолмину, былъ пожаръ Москвы. „Конечно не мы поджигаемъ городъ, говорилъ онъ. Я занималъ почти всѣ столицы Европы и не сжегъ ни одной. Мнѣ пришлось сжечь только одинъ городъ въ Италіи и то потому, что дрались на улицахъ. Какъ это вы сами хотите разрушить Москву, гдѣ покоится прахъ всѣхъ предковъ вашихъ государей!“ Яковлевъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, кто былъ причиною этого бѣдствія; но его послѣдствія испыталъ онъ на самомъ себѣ, потерявъ все свое имущество. „Кто былъ вашимъ губернаторомъ въ Москвѣ?“ спросилъ Наполеонъ, хотя очень хорошо зналъ его имя.—„Графъ Ростопчинъ“, подсказалъ Лелорнь.—„Что это за человѣкъ?“ продолжалъ спрашивать Наполеонъ.—„Онъ человѣкъ извѣстный по своему уму“, отвѣчалъ Яковлевъ.—„Можетъ быть, онъ уменъ, возразилъ Наполеонъ; но онъ сумашедшій. Я прежде имѣлъ понятіе объ этой странѣ и все что̀ я видѣлъ, начиная отъ границы и до Москвы, показывало, что это прекрасная страна, повсюду обработанныя поля, повсюду жилища; но я находилъ ихъ опустѣлыми или сожженными. Это вы сами разоряете прекрасную страну, и для чего? Это мнѣ не препятствовало идти впередъ. Я понялъ бы, еслибъ вы поступили такъ съ Польшею. О, Поляки этого сто̀или, потому что они предались намъ. Наконецъ надо же положить предѣлъ кровопролитію; пора намъ примириться. Эта война чисто-политическая, и мнѣ нечего дѣлать въ Россіи. Я отъ нея ничего не требую болѣе, какъ исполненія условій Тильзитскаго договора; я хочу возвратиться, потому что всѣ мои дѣла касаются Англіи. О, если бы я взялъ Лондонъ, то не скоро бы его оставилъ! Да, я хочу возвратиться во Францію. Если императоръ Александръ желаетъ мира, то ему сто̀итъ только извѣстить меня объ этомъ; я пошлю къ нему одного изъ моихъ адъютантовъ, Нарбонна или Лористона, и миръ немедленно будетъ заключенъ. Но если онъ желаетъ продолжать войну, то и я буду продолжать; мои солдаты только того и требуютъ, чтобы идти на Петербургъ. Ну что же, мы пойдемъ, и Петербургъ испытаетъ участь Москвы“.

Воспользовавшись тѣмъ временемъ, когда Наполеонъ нюхалъ табакъ, Яковлевъ спросилъ его: гдѣ находится наша главная армія? „Ваша армія отступаетъ по Рязанской дорогѣ“, отвѣчалъ Наполеонъ —„А Витгенштейнъ?“—„Онъ у Петербурга; его совершенно разбилъ Сенъ-Сиръ. Ваши солдаты очень хороши, у васъ нѣтъ недостатка и въ хорошихъ офицерахъ; но вашъ о̀фицеръ не выдержитъ того, что̀ можетъ выдержать нашъ. Нашъ одинаково переноситъ зной и холодъ и всякаго рода лишенія“.

„Въ словахъ Наполеона, замѣчаетъ Яковлевъ, „выражались или хвастовство или ложь. Такъ онъ увѣрялъ, что наши бумажныя деньги каждый день падаютъ въ цѣнѣ, и мы скоро обанкротимся, что его солдаты завели торги въ Москвѣ и прибавилъ: „Знаете ли, если мои солдаты дадутъ объ этомъ знать своимъ родственникамъ, то привлекутъ къ вамъ всю Европу, какъ въ обѣтованную землю“. „Вы желаете пропуска изъ Москвы чрезъ мои аванпосты, говорилъ онъ; я согласенъ на это, но съ уловіемъ: когда проводники ихъ, куда намѣреваетесь ихъ проводить, поѣзжайте въ Петербургъ. Императору будетъ весьма пріятно видѣть свидѣтеля-очевидца всѣхъ происшествій въ Москвѣ и выслушать вашъ отчетъ“. Яковлевъ отвѣчалъ, что, по своему общественному положенію, онъ не имѣетъ никакого права лично представляться Императору. Наполеонъ возразилъ, что онъ можетъ это устроить или черезъ оберъ-гофъ-маршала графа Толстаго, котораго онъ знаетъ какъ хорошаго человѣка, или поручить камердинеру Императора доложить о себѣ, или наконецъ встрѣтить Императора во время его ежедневныхъ прогулокъ. Вынужденный настояніями Наполеона, Яковлевъ наконецъ сказалъ: „Государь! Я нахожусь теперь въ вашей власти; но я не перестаю быть вѣрнымъ подданнымъ императора Александра и останусь имъ до тѣхъ поръ, пока течетъ кровь въ моихъ жилахъ. Не требуйте отъ меня того, чего я не могу сдѣлать и, слѣдовательно, не могу вамъ и обѣщать“.—„Хорошо, отвѣчалъ Наполеонъ, въ такомъ случаѣ я напишу письмо къ Императору. Я скажу ему, что приглашалъ васъ къ себѣ, что я съ вами говорилъ“. По свидѣтельству Яковлева, Наполеонъ разсказалъ ему содержаніе письма, сущность котораго заключалась въ томъ, что онъ желаетъ заключить миръ. Онъ объявилъ ему, что онъ долженъ отвезти письмо въ Петербургъ и, пожелавъ добраго пути, отпустилъ. Яковлевъ ничего не отвѣчалъ. „Признаюсь откровенно, говоритъ онъ, что я и тогда не зналъ, какъ и теперь не знаю, слѣдовало ли мнѣ взять это письмо или отказаться отъ него“ [2]).

Императоръ Наполеонъ писалъ: „Государь мой братъ! Узнавъ, что братъ министра вашего величества при Кассельскомъ дворѣ находится здѣсь, я призывалъ его къ себѣ и говорилъ съ нимъ. Я поручилъ ему отправиться къ вашему величеству и выразить вамъ мои чувства. Прекрасная, великолѣпная Москва уже не существуетъ! Ростопчинъ ее сжегъ. 400 зажигателей были пойманы на мѣстѣ преступленія. Всѣ они показали, что поджигаютъ по приказаніямъ губернатора и начальника полиціи. Они были разстрѣляны. Наконецъ пожары, кажется, прекратились. Три четверти домовъ сдѣлалось добычею пламени; уцѣлѣла одна четвертая часть. Поступокъ ужасный и не имѣющій цѣли. Того ли хотѣли, чтобы лишить насъ нѣкоторыхъ способовъ продовольствія? Но запасы находились въ погребахъ, до которыхъ не коснулся огонь. Впрочемъ, какъ можно было предавать огню одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ въ свѣ-

---

[2]) Русск. Архивъ 1874 г., стр. 1062—1066.

тѣ, созданный вѣками, для достиженія такой незначительной цѣли? Точно также поступаютъ, начиная съ самаго Смоленска, и отъ этого доведено до нищеты 600 тысячъ семействъ. Городскія пожарныя трубы были или изломаны, или увезены; часть оружія изъ арсенала была роздана преступникамъ, и намъ пришлось выстрѣлами прогнать ихъ изъ Кремля. Человѣчество, выгоды вашего величества и этого обширнаго города требовали ввѣрить мнѣ столицу, оставленную Русскими войсками. Надо было оставить въ ней власти, городовое управленіе и гражданскую стражу. Такъ поступали два раза въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, въ Мадридѣ; такъ поступили и вы въ Миланѣ, когда входилъ въ него Суворовъ. Пожаръ далъ солдатамъ право грабить; они оспоривали добычу у пламени. Если бы я могъ предполагать, что такъ поступаютъ на основаніи повелѣній вашего величества, то я не писалъ бы къ вамъ этого письма. Но я считаю несогласнымъ съ вашими правилами, съ вашимъ сердцемъ, съ вашимъ свѣтлымъ образомъ мыслей, чтобы вы допустили такія неистовства, недостойныя ни великаго монарха, ни великаго парода. Въ то время, когда вывозили изъ Москвы пожарныя трубы, въ ней оставили 150 полевыхъ орудій, 70 тыс. новыхъ ружей, 1,600,000 патроновъ и много пороху, селитры, сѣры и проч. Я веду войну съ вашимъ величествомъ безъ всякаго озлобленія. Простая записочка отъ васъ, прежде или послѣ послѣдняго сраженія, остановила бы мое движеніе и, чтобы угодить вамъ, я пожертвовалъ бы выгодою вступить въ Москву. Если ваше величество, хотя отчасти сохраняете прежнія ко мнѣ чувства, то вы благосклонно прочтете это письмо. Во всякомъ случаѣ вы будете мнѣ благодарны за то, что я отдаю отчетъ вашему величеству о происходящемъ въ Москвѣ“.

Это письмо было получено Александромъ Павловичемъ; но онъ не отвѣчалъ и не могъ отвѣчать на него. Оно служило явнымъ признакомъ, что Наполеонъ поставилъ свое войско въ такое положеніе, что единственнымъ для него способомъ спасенія было бы скорое заключеніе мира. Могъ ли Русскій императоръ идти ему на помощь и спасать своего врага и врага Россіи? Но Наполеонъ могъ иначе объяснять себѣ молчаніе Русскаго государя. Конечно онъ помнилъ, какъ упорно отказывался Яковлевъ лично представиться Императору и передать ему его письмо. Не получая отвѣта, онъ могъ предполагать, что Яковлевъ рѣшился взять это письмо для того только, чтобы выбраться изъ Москвы съ своими родными и прислугою и не исполнилъ порученія, не доставилъ его письма. Молчаніе Государя Наполеонова гордость скорѣе всего могла объяснить этимъ обстоятельствомъ. Онъ придумалъ новое средство.

Въ тотъ же самый день, когда онъ отказался отъ предположенія, угрожая Петербургу, двинуть свои войска на соединеніе съ Викторомъ, Сенъ-Сиромъ и Макдональдомъ, Наполеонъ рѣшился отправить своего уполномоченнаго къ императору Александру для предложенія и заключенія мира. Но этотъ уполномоченный могъ достигнуть до Петербурга не иначе, какъ получивъ пропускъ и даже провожатыхъ отъ главнокомандующаго Русскими войсками.

Поэтому, по его порученію, начальникъ его штаба (22 Сентября) писалъ къ Неаполитанскому королю: „Его величество, рѣшившись отправить къ Русскому главнокомандующему одного изъ своихъ генералъ-адъютантовъ, желаетъ, чтобы вы поручили начальнику вашего штаба написать къ начальнику непріятельскаго авангарда письмо въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Императоръ, намѣреваясь отправить одного изъ своихъ генералъ-адъютантовъ къ кн. Кутузову, желаетъ знать день, часъ и мѣсто, гдѣ онъ можетъ его принять“. Это письмо должно быть передано подъ росписку начальника авангарда. Само собою разумѣется, что императоръ предоставляетъ избрать удобное время для этого дѣла, чтобы оно не показалось вынужденнымъ обстоятельствами“. Даже Мюрату, котораго войска, состоявшія преимущественно изъ конницы, были еще въ бо̀льшемъ разстройствѣ, нежели другія, Наполеонъ хотѣлъ представить этотъ поступокъ совершенно свободнымъ и невынужденнымъ. Но послѣднія строки обличали его дѣйствительное значеніе. „Генералъ-адъютантъ, котораго пошлетъ его императорское величество, вѣроятно пріѣдетъ сегодня же вечеромъ въ вашу главную квартиру“ [3]). Очевидно, Мюратъ какъ возможно скорѣе долженъ былъ исполнить возлагаемое на него порученіе, чтобы не задерживать на неопредѣленное время генералъ-адъютанта въ своей главной квартирѣ. При Наполеонѣ находились графы Коленкуръ и Лористонъ, оба состоявшіе послами Франціи при Русскомъ императорѣ. Всего естественнѣе представлялось отправить одного изъ нихъ. За Коленкуромъ Наполеонъ признавалъ болѣе дипломатическихъ способностей и полагалъ, что онъ болѣе могъ имѣть вліянія и успѣшнѣе дѣйствовать на Русскаго императора и наконецъ, что онъ болѣе знако̀мъ если не съ Россіею, то съ высшимъ обществомъ Петербурга, вслѣдствіе продолжительнаго тамъ пребыванія. Но Коленкуръ постоянно выражалъ несочувствіе къ предпріятіямъ своего повелителя противъ Россіи, постоянно защищалъ Русскаго императора и заявлялъ объ его миролюбивыхъ свойствахъ. Наполеонъ во все время похода не входилъ съ нимъ ни въ какія разсужденія. Теперь, вынужденный обстоятельствами, онъ долженъ былъ обратиться къ нему. Онъ призвалъ къ себѣ Коленкура, но прежде чѣмъ начать рѣчь, долго и скорыми шагами ходилъ взадъ и впередъ. Признаться передъ нимъ, что онъ вынужденъ просить мира и требовать его услугъ въ этомъ случаѣ, было тяжело для его гордости. Наконецъ онъ заговорилъ, что намѣренъ предпринять походъ на Петербургъ, что разрушеніе этого города конечно огорчитъ Коленкура, котораго онъ постоянно дразнилъ приверженностію къ императору Александру; что это событіе произведетъ возмущеніе въ Россіи, которое можетъ сто̀ить даже жизни Русскому государю. Эти слова конечно также были расчитаны на тѣ чувства, которыя Коленкуръ выражалъ постоянно въ отношеніи къ

---

[3]) Письмо марш. Бертье къ Мюрату 4 Окт. н. ст. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, прилож., стр. 192.

Александру Павловичу. „Но, продолжалъ Наполеонъ, изъ личнаго расположенія къ нему и потому, что онъ самый склонный къ выгодамъ Франціи, я желаю предупредить такой переворотъ и съ этою цѣлію посылаю васъ въ Петербургъ для заключенія мира“. Коленкуръ возразилъ, что такое посольство не только не будетъ полезно (потому что императоръ Александръ никогда не заключитъ мира, пока Французскія войска находятся въ предѣлахъ его имперіи), но даже вредно, потому что обличитъ ихъ затруднительное положеніе. Тогда Наполеонъ вдругъ прервалъ бесѣду словами: „Хорошо, въ такомъ случаѣ я пошлю Лористона“. Онъ немедленно призвалъ его и, не обращая вниманія на его отговорки, поручилъ ѣхать въ Русскій лагерь. „Я желаю мира, говорилъ онъ; мнѣ нуженъ миръ; я непремѣнно хочу его заключить, только бы честь была спасена“ [4]).

Лористонъ былъ снабженъ письмомъ Наполеона къ князю Кутузову. Единственнымъ послѣдствіемъ его поѣздки въ Тарутинскій лагерь было обѣщаніе, данное Русскимъ главнокомандующимъ, что онъ немедленно сообщитъ Государю своему о желаніи Наполеона вступить въ мирные переговоры и съ этою цѣлію отправитъ въ Петербургъ своего адъютанта. До полученія отвѣта Русскаго императора, дѣла должны были оставаться въ прежнемъ положеніи. Лористонъ, „при семъ случаѣ, расчитывалъ съ нетерпѣніемъ время, когда сей отвѣтъ придти можетъ“, какъ доносилъ Государю кн. Кутузовъ [5]). Не менѣе его расчитывали это время самъ Наполеонъ и всѣ тѣ изъ окружающихъ его лицъ, кому была извѣстна цѣль поѣздки Лористона.

Вѣсть о попыткѣ заключить миръ скоро распространилась въ войскѣ. О поѣздкѣ Лористона говорили съ живымъ участіемъ, какъ свидѣтельствуетъ очевидецъ. Впрочемъ слухамъ о мирѣ давали вѣру потому только, что всѣ его желали. Люди благоразумные считали его совершенно невѣроятнымъ. „Возможно-ли, чтобы правительство, которое рѣшилось на такое дѣло самоотверженія, грозное и дикое, какъ сожженіе Москвы, не захотѣло бы лучше похоронить себя подъ развалинами имперіи, нежели вступать въ мирные перегоры съ нами“ [6]). Французы не придавали важнаго значенія посылкѣ Лористона и объясняли упорство Наполеона продолжать свое пребываніе въ Москвѣ тѣмъ, что онъ имѣлъ свѣдѣнія, на основаніи

---

[4]) C-te Segur. L'histoire Napoléon et de la grande armée, т. II, гл. VIII, стр. 81—83; Souvenir du duc de Vicence, par Charlotte de Sor, т. I, стр. 88—89. Коленкуръ, по этимъ разсказамъ, отрицалъ намѣреніе Наполеона послать его для открытія мирныхъ переговоровъ; но г-жѣ Соръ случайно удалось часто бесѣдовать съ нимъ въ 1826 г. въ Пломбьерѣ, и изъ этихъ разговоровъ она составила свои воспоминанія. Вѣрно-ли сохранила ихъ память больной женщины и вполнѣ-ли откровенно бесѣдовалъ съ ней Коленкуръ? А между тѣмъ Тьеръ (Hist. de l'empire, кн. XXVI) подтверждаетъ, что прежде Лористона Наполеонъ предлагалъ Коленкуру ѣхать къ князю Кутузову, но онъ отказался.

[5]) Всеподдан. донесеніе кн. Кутузова 23 Сент. 1812 г. Село Тарутино.

[6]) B. Peyrusse, Mémorial etc., стр. 106, 109.

которыхъ былъ увѣренъ, что миръ будетъ заключенъ. Не поѣздка Лористона могла служить основаніемъ этой увѣренности, но „гораздо вѣроятнѣе (предполагали они), что онъ тайно велъ переговоры въ Петербургѣ и что тамъ происки Англіи разрушили его надежды“ [7]). Не знаемъ, поощрялъ-ли Наполеонъ эту увѣренность, которую едва-ли самъ имѣлъ; но начальникъ его штаба вполнѣ раздѣлялъ ее. Генералъ-интендантъ гр. Дюма разсказываетъ, „что онъ стоялъ вмѣстѣ съ маршаломъ Бертье на одномъ изъ балконовъ Кремлевскаго дворца и наблюдалъ, съ какимъ усиліемъ трудились рабочіе, чтобы снять крестъ съ Ивана Великаго, который, по его мнѣнію, особенно чтимъ у Русскаго народа, полагающаго, что онъ сдѣланъ изъ чистаго золота“. Императоръ Наполеонъ задумалъ поставить его на куполѣ Дома Инвалидовъ въ Парижѣ. Начальникъ штаба, огорченный и взволнованный этимъ грабежемъ, лишеннымъ всякаго политическаго смысла, сказалъ мнѣ, говоритъ гр. Дюма: „Возможно-ли дѣлать подобныя вещи, когда миръ почти заключенъ?“ [8]).

Но Наполеонъ дѣлалъ подобныя распоряженія именно потому, что съ каждымъ днемъ терялъ надежду на заключеніе мира. Дни проходили за днями, а отвѣта отъ Русскаго императора онъ не получалъ. Между тѣмъ, судя по времени, онъ долженъ былъ его получить. Это раздражало его, и долгое пребываніе въ Москвѣ лишало послѣдней надежды даже совершить правильное отступленіе. Позорное бѣгство великой арміи подъ его предводительствомъ представлялось его воображенію, вызывало изъ глубины его души дикія страсти и возбуждало жажду неразумнаго мщенія. Онъ руководился уже не соображеніями великаго полководца и императора образованнаго народа, но инстинктомъ грубаго Корсиканца. Онъ самъ началъ грабить, не съ тою цѣлію, чтобы доставить необходимыя средства существованія своимъ войскамъ, а для обогащенія своей казны. Онъ велѣлъ въ это время обобрать всѣ серебряныя и золотыя украшенія въ Кремлевскихъ соборахъ. Въ Успенскомъ „поставлены были плавильныя печи“, чтобы переплавить ихъ въ слитки для удобства перевозки. Онъ назначилъ въ распоряженіе маршала Бертье, для раздачи жалованья войскамъ, милліонъ фальшивыхъ ассигнацій, опредѣливъ цѣну рубля въ одинъ франкъ [9]) и въ тоже время, сберегая свою казну, велѣлъ роздать имъ мѣдныя деньги, найденныя въ Москвѣ. Ассигнацій, которыхъ подложность

---

[7]) C-te Matieu Dumas. Souvenirs, т. III, стр. 454—456; Rapp., Mémoires, стр. 212—213.

[8]) Est-il possible qu'on fasse une telle chose, quand on a la paix dans sa poche? Souvenirs, т. III, стр. 456.

[9]) B. Peyrusse, Mémorial etc., стр. 170. Донесеніе Тутолмина императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, 11-го Ноября. 1812 г. Чтенія въ Моск. Истор. общ. 1860 г. кн. 2-я, отд. V, стр. 175. Лессепсъ предлагалъ Тутолмину взять денегъ на покупку продовольствія для Воспитательнаго Дома; но онъ отказалъ. Они хотѣли, писалъ онъ, „ссужать меня своими фальшивыми ассигнаціями, коихъ привезли съ собою весьма большое число и ими даже, по повелѣнію императора Наполеона, выдавали

съ одного взгляду была видна, никто не бралъ, тѣмъ болѣе, что они были сторублевыя; тяжелыя же мѣдныя деньги, незначительной цѣнности сравнительно съ ихъ вѣсомъ, брали Французскіе солдаты; они начали ихъ продавать и устроили мѣняльныя лавки по Никольской, у Каменнаго моста и въ другихъ мѣстахъ. Корысть вызвала изъ норъ и подваловъ ограбленныхъ бѣдняковъ, изъ которыхъ многіе принадлежали къ такому слою Московскаго народонаселенія, которое и всегда готово было поживиться чужимъ добромъ. По свидѣтельству современниковъ, этотъ торгъ привлекъ и крестьянъ подмосковныхъ деревень, также разоренныхъ и ограбленныхъ. На Никольской, за 10, потомъ за 7, 5 и 1 рубль серебра можно было купить сколько угодно мѣшковъ мѣди въ 25 р. Трудность заключалась въ томъ, какъ унести ихъ съ собою, по причинѣ тяжести и потому, что густая толпа окружала продавцевъ. У покупщиковъ отнимали ихъ другія лица, жаждавшія пріобрѣтенія, а часто и сами Французскіе солдаты, чтобы продать въ другой разъ. „Трудно себѣ вообразить, говоритъ очевидецъ, какое зрѣлище представляла Никольская, наполненная такими продавцами и покупателями. Я пошелъ посмотрѣть на эту толпу и долженъ былъ осторожно пробираться у стѣны, чтобы не сдѣлаться болѣе нежели простымъ зрителемъ. Солдаты саблями сыпали удары направо и налѣво, чтобы разрѣдить эту толпу. На другой день устроили торгъ у Воскресенскихъ воротъ, огородившись отъ толпы, и продавали мѣшки съ мѣдью изъ оконъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ. Толпа по прежнему осаждала продавцевъ, и только ружейными выстрѣлами можно было водворить нѣкоторый порядокъ“ [10]).

Конечно Наполеонъ долженъ былъ стараться о водвореніи хотя нѣкотораго порядка въ своихъ войскахъ; а между тѣмъ онъ не только возбуждалъ низкія страсти Московскихъ обывателей, но и усиливалъ безпорядокъ, роздавъ войскамъ мѣдныя деньги въ видѣ жалованья, которое давно не платилось имъ, не смотря на представленія маршала Бертье.

Въ первыхъ числахъ Октября больные и раненые, которые, по свидѣтельству докторовъ, могли вынести продолжительное путешествіе, были вывезены по Смоленской дорогѣ. Другіе оставлены въ Москвѣ и помѣщены въ Воспитательномъ Домѣ [11]). Такъ называемые трофеи вывезены были 3 Октября подъ охраною генерала Клапе-

---

войскамъ своимъ жалованье. По просьбѣ стоявшаго въ домѣ съ жандармами полковника, который принесъ ко мнѣ кучу сторублевыхъ фальшивыхъ ассигнацій и просилъ размѣнять на двадцатирублевыя, я выбожился, что у меня нѣтъ, а такія же сотенныя; но принужденъ былъ размѣнять одну на мелкія 25 рублевыя и намѣренъ былъ поднести оную В. И. В-ву; но въ бытность ген. ад. Кутузова, сказывая ему объ оной, принужденъ былъ по просьбѣ его дать ему, для отправленія Государю Императору“.

[10]) Chev. d'Ysarn, Relation etc., стр. 40—43; Arm. Domergues, la Russie pendant les guerres de l'empire, т. II., стр. 115—119; Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 64—65.

[11]) Тутолминъ, Донесеніе императрицѣ 11-го Ноября. Тамъ же, стр. 177.

реда, а генералъ Нансути́, сопровождавшій послѣдній обозъ съ ранеными, получилъ приказаніе возвращать назадъ въ Смоленскъ всѣ обозы и отряды, которые двигались въ Москву [12]). Въ это же время отправлены въ Смоленскъ и Русскіе плѣнные, и состоялся жестокій приказъ безпощадно убивать всякаго, кто будетъ отставать по усталости или по истощеніи силъ отъ своихъ товарищей. Русскій офицеръ, находившійся въ одной изъ такихъ партій, говоритъ, что „ихъ колонна состояла слишкомъ изъ тысячи человѣкъ; но и тутъ, какъ и между офицерами, не всѣ были военные и понапрасну дѣлили съ нами горькую участь. Въ солдатской колоннѣ много было купцовъ и крестьянъ. Французы, ссылаясь на ихъ бороды, увѣряли, что это были казаки. Тутъ были и дворовые люди, и даже лакеи въ ливреяхъ, которые, по мнѣнію провожавшихъ ихъ Французовъ, были тоже переодѣтые солдаты“ [13]).

Дѣятельность Наполеона не ослабѣвала и въ это время; но, одержимый порывами гнѣва, онъ то отдавалъ приказанія, которыя самъ отмѣнялъ потомъ, или такія, которыя исполнены быть не могли; то увлекался едва вѣроятными предположеніями, обличавшими тревожное состояніе его духа. Въ послѣднихъ числахъ Сентября, узнавъ, что въ одномъ изъ подваловъ найдено десять человѣкъ Русскихъ солдатъ, онъ предписалъ маршалу Бертье немедленно разстрѣлять ихъ, какъ поджигателей, „завтра въ 4 часа утра, безъ огласки“. Но на томъ же приказѣ было помѣчено, что онъ не былъ исполненъ потому, что это оказались больные [14]). 1-го Октября Французскіе полицейскіе чиновники взяли и подъ стражею привели въ домъ, занимаемый комендантомъ, шесть человѣкъ Русскихъ изъ высшихъ сословій. Ихъ продержали съ 7 часовъ утра до 8 вечера въ холодной комнатѣ, у дверей которой поставлены были четыре драгуна съ обнаженными саблями. Вечеромъ пришелъ къ нимъ генералъ Дюронель съ полицеймейстеромъ Виллерсомъ, которые объявили имъ, что „высланные изъ Москвы гр. Ростопчинымъ на баркѣ иностранцы въ Казань или Сибирь содержатся тамъ дурно; посему императоръ Наполеонъ приказалъ имъ написать объ этомъ къ своему Императору и князю Кутузову, чтобы Французы непремѣнно были возвращены, въ противномъ случаѣ они будутъ разстрѣляны“. Ихъ отдали подъ стражу, продержали три дня, давая каждому по куску хлѣба въ день, и потомъ выпустили на свободу, которая была имъ объявлена маршаломъ Мортье [15]). Прежде еще водворенія своего въ Кремлѣ, Наполеонъ услыхалъ отъ являвшихся къ нему Московскихъ Французовъ объ этой мѣрѣ графа Ростопчина и потомъ, въ

---

[12]) B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, 153.

[13]) Записки гр. Перовскаго, Русск. Архивъ 1865 г. стр. 1049; Roos, Ein Jahr aus meinen Leben. СПБ. 1832, стр. 186—187; Fesenzac, Souvenirs milit. стр. 281—282.

[14]) Chambray, Hist. de l'expédition etc., т. III, прилож., стр. 424. Приказъ 6 Окт. н. ст.

[15]) Донесеніе въ госуд. коллегію иностр. дѣлъ Бантыша-Каменскаго, 7 Нояб. 1812 г. Русск. Архивъ 1875, стр. 294—296.

первые дни пребыванія въ Кремлѣ и Петровскомъ дворцѣ, могъ узнать всѣ подробности и отъ оставшихся въ Москвѣ семействъ этихъ Французовъ. Если бы онъ съ самаго начала принялъ какія нибудь мѣры, чтобы облегчить ихъ участь, какъ и разсказываютъ нѣкоторые изъ нихъ [16]), то подобный образъ дѣйствій имѣлъ бы значеніе. Но захватъ шести человѣкъ заложниковъ, за нѣсколько дней до оставленія Москвы, съ тѣмъ, чтобы черезъ три дня выпустить ихъ на свободу, обнаруживаетъ только чувство мести, которое не могло повести ни къ какимъ послѣдствіямъ.

Еще страннѣе представляются тѣ враждебные Россіи замыслы, которыя питалъ Наполеонъ въ это время. Одинъ изъ Французовъ, находившихся тогда въ Москвѣ и часто посѣщавшій графа Дарю́, которому Наполеонъ сообщалъ свои соображенія съ наибольшею откровенностью, разсказываетъ, „что онъ предполагалъ образовать обширное Польское королевство и возложить на себя Польскую корону, устроить особое герцогство Смоленское для кн. Понятовскаго и вокругъ Польши образовать союзъ государствъ наподобіе Рейнскаго (la confédération de la Vistule); сюда онъ хотѣлъ присоединить и тѣ губерніи, которыя намѣревался отнять у Россіи. Чтобы привести въ исполненіе такое предположеніе, онъ разсчитывалъ не только на силу оружія, но и на свои обольщенія. Онъ велъ разговоры съ крестьянами, которымъ сулилъ освобожденіе; но убѣдился, что это оружіе противъ Россіи, на которое онъ съ увѣренностью расчитывалъ, не могло имѣть никакого значенія въ рукахъ иностранца, ненавидимаго Русскимъ народомъ. Поэтому онъ думалъ, нельзя ли имѣть въ своемъ распоряженіи кого либо изъ потомковъ удѣльныхъ Русскихъ князей, который цѣною измѣны Отечеству захотѣлъ бы сѣсть на престолъ своихъ предковъ. Особенно его вниманіе обращалось на князей Долгорукихъ, такъ много пострадавшихъ въ царствованіе Анны Іоанновны. Онъ розыскивалъ въ Москвѣ съ большимъ стараніемъ въ сохранившихся архивахъ и частныхъ библіотекахъ все, что̀ касалось до Пугачевскаго бунта, думая воспользоваться тѣми средствами, которыя употреблялъ этотъ злодѣй [17]). Въ этомъ смыслѣ писались даже проекты манифестовъ“. Наполеонъ предполагалъ тоже возмутить Татаръ. Получивъ извѣстіе отъ своего губернатора изъ Вильны, генерала Гогендорпа, что нѣкоторые изъ плѣнныхъ Татаръ изъявляютъ готовность служить въ его войскахъ, онъ немедленно отвѣчалъ ему, что „всѣ способы умножить конницу дороги; ничего не должно оставлять безъ вниманія. Вы пишете, что плѣнные Татары пламенно желаютъ стать подъ мои знамена. Смѣло можно составить изъ нихъ полкъ, если найдется тысяча человѣкъ съ лошадьми. Надо содѣйствовать этому“ [18]). Онъ искалъ даже эмиссаровъ, чтобы послать ихъ въ Казань подговаривать къ возстанію соплеменниковъ.

---

[16]) Armand Domergues. La Russie pendant les guerres de l'empire, т. II стр. 44—45.

[17]) Записка Д'Оррера, рукопись; chev. d'Yzarn, Relation etc., стр. 34—35.

[18]) Шамбре, Hist. de l'expédition etc., т. II, стр. 214; Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 140.

Вмѣстѣ съ этими фантастическими предположеніями, Наполеонъ обдумывалъ въ это время иного рода мщеніе, котораго исполненіе дѣйствительно было въ его власти: онъ намѣревался сжечь всѣ уцѣлѣвшія въ Москвѣ, послѣ пожаровъ, зданія и взорвать Кремль съ его древними стѣнами и башнями, съ его дворцами и соборами.

Между тѣмъ проходило время, и съ каждымъ днемъ положеніе Французскихъ войскъ становилось хуже и опаснѣе. Народная война вокругъ столицы разгоралась во всей силѣ; смѣлость партизанскихъ отрядовъ умножалась; казаки, значительно усиленные новыми полками, пришедшими съ Дона въ Тарутинскій лагерь, врывались даже въ самый городъ. Не только за заставами Москвы и въ ея окрестностяхъ ежедневно или попадали въ плѣнъ, или погибали сотни непріятелей; но и въ самомъ городѣ они не находились въ безопасности. Изъ разсказовъ очевидцевъ-свидѣтелей видно, до какой степени доходила смѣлость казаковъ въ этомъ отношеніи. Недалеко отъ Калужскихъ воротъ, въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ домовъ, у хозяйки-Француженки жило нѣсколько пріятелей ея офицеровъ, а противъ нихъ помѣщался въ другомъ небольшомъ домѣ отрядъ гусаровъ. По вечерамъ эти гусары играли въ карты. Къ нимъ хаживалъ солдатъ, исправлявшій должность конюха у офицеровъ и одержимый страстью къ карточной игрѣ. Онъ заставлялъ подметать свою конюшню мальчика 14 лѣтъ, ученика Духовной Академіи, водилъ его иногда съ собою къ гусарамъ. Однажды, во время игры, онъ на счастіе посадилъ его рядомъ съ собою; но, проигравшись, далъ ему такого пинка, что мальчикъ едва опомнился, выбѣжавъ изъ дома на улицу. Въ это время онъ замѣтилъ, что кто-то, пригибаясь и поднимаясь, смотрѣлъ въ освѣщенныя окна. „Что ты корчишься и высматриваешь, не хочешь ли поиграть съ ними?“ спросилъ его мальчикъ. Незнакомецъ быстро отскочилъ отъ окна и подошелъ къ нему. „Тебѣ какое дѣло; ну поиграть. Ты живешь что-ли въ этомъ домѣ?“ Поговоривъ съ мальчикомъ и узнавъ о горькой участи его семейства и только что полученномъ имъ пинкѣ, онъ взялъ его подъ руку и сказалъ: „Я вижу, что ты добрый малый. Пойдемъ-ка въ этотъ садъ; мнѣ нужно поговорить съ тобою“. Удалившись въ глубь сада, неизвѣстный распахнулъ свою сермягу. „Теперь видишь, кто я“. Въ крестьянинѣ съ рыжею бородою, въ шапкѣ и въ сермягѣ, подпоясанной кушакомъ, мальчикъ увидалъ казака въ синемъ полукафтанѣ съ пистолетами за поясомъ и саблею при бедрѣ. „Слушай, малюга, говорилъ ему казакъ, слушай меня обѣими ушами и отвѣчай сущую правду, о чемъ буду тебя спрашивать, какъ слѣдуетъ Русскому вѣрному подданному. Мнѣ нужно знать, сколько человѣкъ гусаровъ живетъ въ этомъ домѣ, гдѣ хранится ихъ оружіе, въ которой комнатѣ они спятъ, гдѣ стоятъ ихъ лошади“. Получивъ подробныя свѣдѣнія, казакъ заключилъ свой разговоръ, грозя пальцемъ мальчику: „Ей, малюга, заруби на память на носу, если хочешь самъ быть живъ и сохранить жизнь твоей семьѣ, чтобы никому не сказывать, ни отцу, ни матери, о чемъ я тебя спрашивалъ. Ни гугу и о томъ, что сдѣлается съ гусарами“. Воспользовавшись знакомствомъ съ казакомъ, мальчикъ спросилъ его: „скоро-ли будетъ заклю-

ченъ миръ?“ Ему нерѣдко приходилось слышать, что непріятели только и желаютъ скорѣйшаго заключенія мира. Казакъ съ удивленіемъ взглянулъ на него. „О какомъ ты говоришь мирѣ? У насъ нѣтъ ни помину, ни слуху о мирѣ. Нашъ фельдмаршалъ говоритъ, что война только что начинается“. Сказавъ эти слова, казакъ отправился къ своимъ, на сборное мѣсто, которое находилось весьма недалеко, за Донскимъ монастыремъ. Черезъ день суматоха, поднявшаяся въ томъ домѣ, гдѣ жилъ мальчикъ, разбудила его утромъ ранѣе обыкновеннаго времени. Гусары всѣ были перебиты; ихъ оружіе, одежда были похищены, лошади уведены. Поднялась тревога между офицерами: производилось изслѣдованіе, которое ничего не открыло. Полковникъ съ офицерами, послѣ донесенія объ этомъ происшествіи, возвратясь изъ Кремля, говорили хозяйкѣ домѣ, что маршалъ осыпалъ ихъ упреками за безпечность. „Между тѣмъ, говорили они, виноватъ во всемъ самъ императоръ: завелъ войско въ такую глушь, гдѣ не отыщешь ни начала, ни конца. Мы даже не знаемъ состоянія Русской арміи. Можетъ быть, нѣкоторые отряды, врываясь по ночамъ въ Москву, производятъ подобныя убійства, которыхъ въ прошлую ночь было не одно наше“ [19]).

По окраинамъ Москвы, уже среди бѣлаго дня, казаки нападали въ расплохъ, подмѣтивъ неосторожныхъ непріятелей. „Проходя мимо одного дома, уже въ то время, какъ Французы начали оставлять Москву, я полюбопытствовалъ взглянуть въ щель забора, что̀ дѣлалось на дворѣ, говоритъ очевидецъ, и увидалъ, что семь человѣкъ непріятелей, похожихъ болѣе на дельщиковъ или служителей, почти безоружные, укладывали какое-то имущество въ фуру. Вдругъ влетѣлъ на дворъ казакъ и въ нѣсколько секундъ всѣхъ ихъ перебилъ пикой, соскочилъ съ лошади, обыскалъ ихъ и уѣхалъ“. Въ это же время, когда Наполеонъ уже выѣхалъ изъ Москвы, Мортье заперся въ Кремлѣ и выступали послѣдніе отряды. Одинъ изъ такихъ отрядовъ, по свидѣтельству также очевидца, двигался въ направленіи къ Петровскому дворцу. Вдругъ противъ него показался отрядъ казаковъ; началась перестрѣлка; казаки двинулись въ атаку, „Французы не устояли и обратили тылъ. Казаки вскорѣ настигли ихъ, и пошла работа пиками. А въ тоже время бѣгущихъ Французовъ встрѣтили православные наши мужички, какъ бы выросшіе изъ земли, съ домашними орудіями. Тогда все смѣшалось. Картина была страшная. Казаки съ удивительною быстротою укладывали Французовъ на вѣчный покой; мужички усердно помогали. Французы видимо исчезали съ лица земли; имъ не давали пощады“. Пространство отъ камеръ-коллежскаго вала до Петровскаго дворца было изрыто ямами, изъ которыхъ брали глину. Въ этихъ-то ямахъ сидѣли вооруженные подмосковные крестьяне, сторожа непріятелей; въ эти же ямы они и зарывали убитыхъ [20]). Почти ежедневно приходили также извѣстія объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ нашихъ партизановъ, не-

---

[19]) Доктора Рязанова, Воспоминанія очевидца, гл. 22, стр. 205—220.

[20]) П. Г. Кичеева, Изъ недавней старины, стр. 43, 46—48.

прерывною цѣпью окружавшихъ столицу и подступавшихъ къ ней все ближе и ближе. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣйствій имѣли особенно важное значеніе, какъ напр. взятіе приступомъ Вереи генераломъ Дороховымъ и срытіе ея укрѣпленій. Верею императоръ Наполеонъ велѣлъ укрѣпить и посадилъ въ ней значительный гарнизонъ, считая ее важною точкою опоры для охраненія своихъ сообщеній по Смоленской дорогѣ. Это извѣстіе произвело большое волненіе между Французами; но и оно не могло побѣдить упорство Наполеона, все еще не рѣшавшагося на отступленіе. Однако его военныя распоряженія въ это время указывали ясно, что нѣсколько дней ранѣе или позднѣе, онъ долженъ былъ принять это рѣшеніе.

Въ послѣднихъ числахъ Сентября онъ поручилъ начальнику своего штаба увѣдомить маршала Жюно, съ возложеніемъ на него отвѣтственности (sous la responsabilité), чтобы онъ всѣхъ раненыхъ и больныхъ, находившихся въ Можайскѣ, Рузѣ и Колоцкомъ монастырѣ, немедленно отправилъ въ Вязьму, и въ тоже время написать генералу Бараге-д'Илье въ Вязьму, чтобы оттуда онъ отправилъ ихъ къ Смоленску. Съ этою цѣлію поручалось обоимъ генераламъ дѣлать поиски на 25 верстъ въ окружности отъ Можайска и Вязьмы, чтобы собрать достаточное число подводъ для исполненія предписанія. Маршалу Жюно позволялось даже воспользоваться тѣми военными транспортами, которые придутъ въ Можайскъ изъ Смоленска, нагруженные уже не одеждою и припасами для госпиталей, но только мукою, для снабженія госпиталей и этаповъ. „Мое намѣреніе, говорилъ въ заключеніе Наполеонъ, состоитъ въ томъ, чтобы въ продолженіи осьми дней не оставалось ни одного раненаго ни въ Рузѣ, ни въ Колоцкомъ монастырѣ, ни въ Можайскѣ и Гжатскѣ. Замѣтьте генераламъ, что это дѣло великой важности“ [21]). По донесеніямъ Бараге-д'Илье оказывалось, что въ его распоряженіи находится слишкомъ мало войскъ, чтобы онъ могъ успѣшно охранять безопасность дороги. Онъ предлагалъ сосредоточить значительные корпуса войскъ въ Вязьмѣ, Гжатскѣ и Дорогобужѣ. Наполеонъ, одобряя его предположенія, предписалъ останавливать въ этихъ городахъ и въ Можайскѣ всѣ отряды, слѣдовавшіе изъ Смоленска въ Москву. Очищая Смоленскую дорогу отъ обозовъ съ больными и ранеными, обезпечивая ее отъ нападеній нашихъ партизановъ и народныхъ ополченцевъ, конечно онъ долженъ былъ обратить вниманіе на то, что эта дорога совершенно разорена и не можетъ представить никакихъ способовъ для продовольствія и фуража. Поэтому онъ писалъ начальнику своего штаба: „Такъ какъ дорога отъ Смоленска до Можайска совершенно истощена, то не мѣшало бы (il est convenable) вамъ написать къ Бараге д'Илье, чтобы онъ предписалъ комендантамъ Дорогобужа, Гжатска, Вязьмы и пр. розыскать двѣ паралельныя дороги, въ двухъ или трехъ миляхъ справа, такимъ образомъ, чтобы слѣдующіе къ

---

[21]) Письмо императора Наполеона начальнику штаба, Moscou le 6 Octobre 1812, Шамбре, т. III, прилож., стр. 425—426.

Дорогобужу, Вязьмѣ и Можайску отряды проходили въ эти города, но шли бы по дорогамъ неопустошеннымъ“ [22]). Въ тоже время онъ поручалъ увѣдомить маршала Виктора, чтобы онъ задерживалъ всѣ отряды въ Смоленскѣ, даже генераловъ и офицеровъ и не допускалъ ихъ продолжать путь къ Вязьмѣ и Можайску по *разоренной* дорогѣ. Предписывая составить дивизію изъ подходившихъ къ Смоленску отрядовъ войскъ, подчиняя ее Бараге-д'Илье и на его мѣсто назначая въ Вязьму генерала Шарьера, Наполеонъ поручалъ этой дивизіи запастись провіантомъ въ Смоленскѣ на 12 дней и быть готовою къ выступленію не по старой дорогѣ на Вязьму, но по новой, „которую я укажу“, писалъ Наполеонъ, прибавляя: „Поэтому по старой дорогѣ не будутъ уже слѣдовать никакіе: ни артиллерійскіе и вообще военные обозы, ни отряды конницы и пѣхоты; но только эстафеты, почта и нѣкоторые офицеры Главнаго Штаба по нѣкоторымъ неотлагательнымъ дѣламъ служебнымъ, напримѣръ: сопровожденію ручныхъ мельницъ, которыя должны прибыть въ Смоленскъ изъ Парижа. Эта дорога будетъ также открыта для перевозки больныхъ и раненыхъ и отрядовъ, которые отъ арміи будутъ слѣдовать въ Смоленскъ; но ничего не будетъ слѣдовать по ней изъ Смоленска къ Москвѣ“ [23]).

Не смотря на то, что предписанія Наполеона были таковы, что или не могли быть вовсе исполнены, какъ предписаніе маршалу Жюно (собрать у Русскихъ крестьянъ по окрестностямъ Можайска достаточное число подводъ для перевозки раненыхъ и больныхъ), или требовали значительнаго времени для исполненія; но общее значеніе всѣхъ этихъ мѣръ очевидно состояло въ томъ, чтобы очистить и обезопасить Смоленскую дорогу на Можайскъ и Москву. Октября 2 (14), по его порученію, Бертье писалъ къ Мюрату: „Императоръ, отправляя изъ Москвы больныхъ и раненыхъ и вооружая Кремль, предписываетъ и вамъ отправить въ Можайскъ вашихъ больныхъ и раненыхъ. Прикажите хорошо развѣдать путь, по которому вы могли бы двинуться къ Можайску, чтобы вы знали дорогу, на случай, если вамъ придется отступать передъ непріятелемъ. Императоръ предполагаетъ, что ваши обозы, паркъ и большая часть пѣхоты могутъ уйти такъ, что непріятель и не замѣтитъ“. Бертье поручалъ ему запастись продовольствіемъ на много дней и самъ изъявлялъ готовность выдать нѣсколько муки и вина изъ Московскихъ запасовъ [24]). Наполеону очевидно приходило на мысль, что сила обстоятельствъ можетъ принудить его отступать по этой дорогѣ. Но безъ сомнѣнія это была бы крайняя мѣра, которой онъ желалъ избѣжать, о которой онъ не могъ никому и говорить: каждый изъ его начальниковъ съ ужасомъ отнесся бы къ такому предположенію. Но онъ проговаривался иногда во время

---

[22]) Письмо 10-го Окт. 1812 г. Москва. Шамбре, тамъ же, стр. 428.

[23]) Письмо отъ 10 Окт. 1812 г. Москва. Шамбре, тамъ же, стр. 428—430.

[24]) Письмо Бертье къ Мюрату 14 Окт. 1812, Москва, въ 10 ч. вечера. Шамбре, тамъ же, стр. 432—433.

гнѣва и раздраженія, прибавляя однакоже, что онъ пойдетъ по этой дорогѣ послѣ заключенія мира [25]).

Желанная мысль о скоромъ оставленіи Москвы распространилась въ войскахъ. Поспѣшный вывозъ больныхъ и раненыхъ и особенно возвращеніе въ Москву корпусовъ, находившихся въ Богородскѣ и Дмитровѣ, подтверждали эту надежду. Всѣ дожидались рѣшительнаго приказанія. Корпусъ маршала Нея возвратился въ Москву изъ Богородска 3 (15) Октября, и 6-го императоръ дѣлалъ ему смотръ въ Кремлѣ. „Этотъ смотръ былъ такъ хорошъ, какъ позволяли только обстоятельства, говоритъ одинъ изъ офицеровъ, служившихъ у него. Полковники соревновали въ усердіи одинъ передъ другимъ, чтобы показать полки въ возможно-лучшемъ состояніи. Никто, смотря на нихъ, не подумалъ бы, сколько перестрадали и какъ страдали эти солдаты. Я увѣренъ, что хорошій видъ, который сохраняли наши войска посреди ужаснѣйшихъ бѣдствій, поддерживалъ и упрямство Наполеона, убѣждая его, что съ такими людьми нѣтъ ничего невозможнаго“ [26]). Туже мысль почти въ тѣхъ же словахъ дѣйствительно выразилъ Наполеонъ гр. Нарбонну на одномъ изъ такихъ смотровъ; но едвали самъ онъ вѣрилъ этому. Его опытный глазъ не могъ не замѣчать, какое незначительное количество строевыхъ чиновъ могъ каждый полкъ представить ему на смотръ въ сносномъ порядкѣ. Ихъ число постепенно убывало даже въ гвардіи и въ корпусѣ Нея, который сравнительно съ другими находился въ лучшемъ положеніи, стоя у Богородска.

Во время этого смотра разнеслась вѣсть, что съ той стороны, гдѣ находится авангардъ Мюрата, слышна сильная канонада. Долго никто не смѣлъ довести это обстоятельство до свѣдѣнія императора. „Наконецъ отважился на то Дюрокъ. Императоръ перемѣнился въ лицѣ, но скоро оправился и продолжалъ смотръ“, говоритъ Сегюръ. По окончаніи смотра, за завтракомъ, онъ, повидимому, спокойно выслушивалъ докладъ Боссе объ удачныхъ представленіяхъ въ Позняковскомъ театрѣ и перечислялъ вмѣстѣ съ нимъ, какихъ бы выписать актеровъ и актрисъ изъ Парижа, для пополненія Московской труппы. Но это, тоже сценическое, представленіе вскорѣ было прервано пріѣздомъ адъютанта Неаполитанскаго короля Беранже съ извѣстіемъ о Тарутинскомъ боѣ [27]).

---

[25]) C-te Segur, Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, стр. 83; M. Chambray. Hist. de l'expédition, т. II, стр. 209.

[26]) Fezensac, Souvenirs milit., стр. 271—272.

[27]) C-te Segur, Hist de Napoléon et de la grande armée, т. II, стр. 106 и слѣд.; Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 158; M. Chambray, Hist. de l'expédition, т. II, стр. 212; Fezensac, Souvenirs, 272; Bausset. Mémoires, т. II, 208 и др.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Избытокъ душевныхъ силъ Наполеона не сотвѣтствовалъ тѣмъ обстоятельствамъ, въ которыя онъ былъ поставленъ во время своего пребыванія въ Москвѣ. Онъ волновался, отъ одного предположенія переходилъ къ другому, и всѣ одинаково оказывались неисполнимыми. Ни время года, ни состояніе войскъ не дозволяли никакихъ наступательныхъ дѣйствій. Мысли объ отступленіи не только не выносила его гордыня, но и строгія соображенія указывали, что отступленіе можетъ быть гибельно для войскъ, можетъ разрушить его господство надъ Европою, поколебать созданное имъ политическое зданіе Французской имперіи. Лишь скорое заключеніе мира, въ которомъ онъ былъ увѣренъ до Бородинскаго сраженія и который обѣщалъ своимъ войскамъ, могло спасти его отъ погибели. Но это сраженіе не походило на Ульмъ и Аустерлицъ, на Іену и Ауерштадтъ. Въ его увѣренность вкрадывалось сомнѣніе. Уступка безъ боя древней столицы Россіи не на долго поднята его надежду. Оставленіе Москвы жителями и пожары поколебали ее окончательно. Послѣдствіемъ этихъ событій, совершенно для него неожиданныхъ, былъ грабежъ, разстроившій войска, и это разстройство поддерживалось и усиливалось недостаткомъ продовольствія для людей и особенно корма для лошадей его многочисленной конницы, разрушавшейся съ каждымъ днемъ, равно и артилеріи. Такое положеніе войскъ вынудило гордаго завоевателя употреблять всѣ способы, чтобы войти въ переговоры о мирѣ. Но всѣ его попытки не имѣли успѣха. Молчаніе Русскаго императора, не удостоившаго отвѣтомъ его предложенія, и народное ополченіе были для него точно также явленіями неожиданными. Въ тщетномъ ожиданіи отвѣта, окруженный народнымъ возстаніемъ, онъ, какъ левъ, запертый въ клѣтку, долженъ былъ ходить взадъ и впередъ на тѣсномъ пространствѣ, не имѣя возможности двинуться далѣе безъ явной опасности. Пребываніе въ Москвѣ было предвареніемъ пребыванію на островѣ Святой Елены. Тѣже чувства волновали его какъ здѣсь, такъ и тамъ. Но въ Москвѣ онѣ были для него новы и непривычны, а потому сильнѣе уязвляли его душу. Сознавая необходимость выдти изъ этого положенія, онъ не могъ однакоже рѣшиться на этотъ роковой шагъ силою собственной воли и какъ-бы ожидалъ внѣшняго обстоятельства, которое вывело бы его изъ нерѣшительнаго положенія, которое приводило его въ раздраженіе,

выражавшееся въ постоянныхъ, рѣзкихъ выходкахъ въ отношеніи къ окружавшимъ его лицамъ и въ жаждѣ мщенія Россіи и Русскимъ. Такимъ внѣшнимъ обстоятельствомъ и было извѣстіе о пораженіи его авангарда подъ Тарутинымъ. Оно придало опредѣленное направленіе обычной его дѣятельности.

Разразившись напередъ гнѣвомъ противъ нашего главнокомандующаго, будто бы нарушившаго условія перемирія, которое вовсе не заключалось, императоръ отдалъ приказаніе, чтобы войска приготовлялись къ немедленному выступленію изъ Москвы, и принялся потомъ диктовать своимъ секретарямъ письма къ маршалу Бертье, который тщательно ихъ переписывалъ въ видѣ приказовъ изъ главной квартиры. Эти приказы давали направленіе движенію разныхъ частей войска и служили началомъ исполненія предположеній о дальнѣйшемъ ходѣ его военныхъ дѣйствій.

Въ чемъ же заключались эти предположенія? Знаменитый историкъ консульства и первой имперіи говоритъ, что Наполеонъ составилъ смѣшанный планъ дѣйствій (imagina une combinaison mixte), состоявшій въ томъ, чтобы напасть на Тарутинскій лагерь, выгнать изъ него Кутузова, что̀ конечно не имѣло бы вида отступленія, отбросить его на правую или на лѣвую сторону и потомъ двинуться на Калугу, приблизить къ себѣ черезъ Ельну маршала Виктора или сильную дивизію (Бараге д'Ильє), которая была уже образована въ Смоленскѣ, провести зиму въ Калугѣ, въ странѣ плодоносной, *въ климатъ болѣе умѣренномъ*, сохраняя сообщенія, справа съ Смоленскомъ и съ тылу съ Москвою. На основаніи этого соображенія, Наполеонъ сохранилъ-бы обладаніе Кремлемъ, поручивъ защищать его маршалу Мортье съ 4 тысячами гвардіи и 4 тысячами спѣшенной конницы, изъ которой составлены были баталіоны пѣхоты, оставивъ тамъ самыя тяжелыя военныя принадлежности, раненыхъ, больныхъ, отсталыхъ и такимъ образомъ снабдивъ опытнаго маршала 10 тысячнымъ гарнизономъ и продовольствіемъ на 6 мѣсяцевъ. Расположившись въ Калугѣ, при *нѣкотораго рода изобиліи*, подавая руку съ одной стороны Мортье, отъ котораго онъ находился бы въ пяти дняхъ перехода, съ другой—Виктору, отъ котораго также былъ бы въ пяти дняхъ, еслибъ приблизилъ его къ Ельнѣ, Наполеонъ находился бы какъ *паукъ* въ средоточіи растянутой сѣти, готовый двинуться всюду, гдѣ потребовалась бы его помощь. Въ такомъ случаѣ онъ ничего бы не оставлялъ; напротивъ, онъ занялъ бы новыя области, утвердившись въ *лучшей* странѣ, въ средоточіи Россіи. Если имѣть въ виду совершенно *выигранное* сраженіе надъ Кутузовымъ у Тарутина и зиму обыкновенную по холодамъ: то это предположеніе представляло надежду на успѣхъ, не принимая даже въ соображеніе мысли о приближеніи къ Польшѣ. Въ послѣднемъ случаѣ Мортье, запасшись продовольствіемъ на десять дней, оставилъ бы Москву и спокойно пришелъ бы въ Смоленскъ, соединясь съ расположенными по дорогѣ отрядами и прикрытый присутствіемъ Наполеона въ Калугѣ.

Этотъ новый планъ, „плодъ неисчерпаемой, по словамъ Тьера, плодовитости Наполеонова ума, конечно онъ не считалъ самымъ лучшимъ, но наиболѣе сообразнымъ съ обстоятельствами“. Онъ измѣнилъ этотъ планъ, по мнѣнію Тьера, уже во время самаго отступленія изъ Москвы, узнавъ, что Кутузовъ снова возвратилъ войска въ укрѣпленный лагерь и не преслѣдуетъ Мюрата послѣ Тарутинскаго сраженія. Тогда Наполеонъ задумалъ обойти его и поэтому невольно потерялъ два дня, которые имѣли роковое значеніе въ дальнѣйшей судьбѣ отступленія [1]).

Дѣйствительно, Наполеонъ потерялъ эти два дня въ первое время отступленія; но что̀ бы могло случиться тогда, когда бы онъ не потерялъ ихъ? Едва ли историкъ имѣетъ право останавливаться на подобномъ вопросѣ. Вопросъ же о томъ, почему Наполеонъ потерялъ два дни, представляется весьма важнымъ. Едва ли возможно сомнѣваться, что онъ никогда не думалъ зимовать въ Москвѣ; но какія сложились въ его головѣ соображенія о порядкѣ отступленія изъ Москвы, послѣ неудавшихся предположеній о походѣ сначала на Петербургъ, а потомъ къ Великимъ Лукамъ,—объ этомъ нѣтъ никакихъ извѣстій. Этого никто не зналъ, кромѣ его самаго. По его отзывамъ невозможно судить о томъ. Во время совершавшихся происшествій онъ говорилъ и объявлялъ не то, что̀ было, а то, чему желалъ чтобы всѣ вѣрили. Впослѣдствіи, на островѣ св. Елены, онъ сочинялъ исторію своихъ дѣяній также, какъ представляла своихъ героевъ Французская классическая трагедія, которую онъ считалъ болѣе вѣрною въ этихъ изображеніяхъ, нежели самая исторія. О его планахъ и предположеніяхъ можно судить единственно по тѣмъ приказамъ, которые онъ отдавалъ, чтобы приводить ихъ въ исполненіе. Эти приказы онъ началъ отдавать подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ полученнаго извѣстія о пораженіи его авангарда, вечеромъ 6 (18) Октября. До этого времени всѣ его распоряженія клонились лишь къ тому, чтобы очистить и обезпечить дорогу изъ Москвы на Можайскъ, Вязьму, Гжатскъ до Смоленска, по которой, безъ всякаго сомнѣнія, онъ отступать не желалъ.

Впечатлѣніе, произведенное на императора извѣстіемъ о Тарутинскомъ сраженіи, было весьма сильно, какъ свидѣтельствуютъ всѣ современники и очевидцы, и это несомнѣнно доказывается тою торопливостью, съ которою онъ вывелъ войска изъ Москвы и которая имѣла немаловажное значеніе. Показанія Русскихъ, находившихся въ это время въ Москвѣ, совершенно согласныя съ показаніями Французовъ, свидѣтельствуютъ объ особенной поспѣшности выступленія непріятелей изъ столицы. При такой поспѣшности, естественно они захватывали съ собою и грузили на свои обозы безполезныя вещи, которыя бросали потомъ на дорогѣ. Въ тоже время они забывали о самыхъ важныхъ вещахъ, о средствахъ продовольствія, которыя и безъ того не были обильны [2]). Большинство

---

[1]) Thiers, Hist. de l'empire, кн. XXVII, Octobre 1812 г.

[2]) Fezensac, Souvenirs, стр. 276—277.

Французскихъ писателей, современниковъ Наполеона и ихъ послѣдователей, увлеченные силою его военнаго генія, привыкли каждое его сраженіе считать побѣдою, особенно если послѣ сраженія непріятель отступалъ. Это правило неудобно было примѣнить, конечно, къ Тарутинскому сраженію, потому что разбитый Мюратъ долженъ былъ отступить. Но въ этихъ случаяхъ историки прибѣгаютъ къ иному средству: они выдаютъ такое сраженіе или незначительнымъ, или неимѣвшимъ никакого вліянія вообще на ходъ военныхъ дѣйствій и особенно тогда, когда непріятель не преслѣдовалъ ихъ разбитыхъ войскъ. Такимъ и выдавалъ Тарутинское сраженіе Наполеонъ въ своихъ бюллетеняхъ [3]). Но неважное авангардное дѣло не могло вызвать той поспѣшности, съ которою онъ вывелъ свои войска изъ Москвы и выѣхалъ самъ съ своею главною квартирою [4]). Это сраженіе имѣло иное значеніе. Оно показывало, что въ продолженіи того времени, которое Наполеонъ проводилъ въ Москвѣ въ бездѣйствіи и въ надеждѣ заключить миръ, Русскія войска, въ удобной мѣстности, снабженныя достаточнымъ продовольствіемъ, отдохнули отъ трудовъ продолжительнаго отступленія, что ихъ потери пополнены новыми и значительными подкрѣпленіями, что опытный главнокомандующій не только окружилъ непріятеля народнымъ возстаніемъ и партизанскими отрядами, но и привелъ войска въ такое положеніе, что они могли вновь начать военныя дѣйствія съ надеждою на успѣхъ. Возможность мира исчезала окончательно, и начиналась снова война. Тарутинское сраженіе было первымъ наступательнымъ дѣйствіемъ; за нимъ могли послѣдовать и другія. Князь Кутузовъ, довершивъ пораженіе уже разбитаго авангарда, могъ вывести всѣ свои войска на сообщенія Наполеона. Могъ ли же сей послѣдній продолжать свое пребываніе въ Москвѣ, въ виду такой возможности? Немедленно данный приказъ выступать изъ Москвы служитъ положительнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Но остается другой едва-ли не болѣе важный: какимъ образомъ Наполеонъ предполагалъ совершить отступленіе своихъ войскъ?

Вечеромъ 6-го Октября, съ неутомимою дѣятельностію онъ диктовалъ свои приказанія. Онъ писалъ Неаполитанскому королю, что „въ тотъ же вечеръ отправилъ своихъ лошадей, и послѣ завтра армія придетъ къ вамъ, чтобы идти на непріятеля и прогнать его. Нужно три дня, чтобы достигнуть до той высоты, на которой вы находитесь“ [5]). Поэтому онъ предполагалъ, что ему нужно четыре

---

[3]) 25 и 26 бюллетени отъ 20 и 26 Октября н. ст.

[4]) B. Peyrusse, Mémorial, стр. 110. Je vis beaucoup d'agitation dans le quartier-général et je ne pus me rendre compte, qu'un simple engagement d'avant-poste pût causer autant d'émoi et nécessiter notre départ.

[5]) Этотъ приказъ у Шамбре (Hist. de l'expédition, т. III, стр. 451) и Фена (Manuscrit т. II, стр. 205—206) обозначенъ 13-мъ Окт., что́ совершенно несогласно съ его содержаніемъ; но у Тьера онъ вѣрно помѣченъ 18-мъ Окт. 1812 г. н. ст. (Hist. de l'empire, кн. XXVII).

или пять дней продержаться, занимая позицію при Вороновѣ. За часъ до оставленія Кремлевскаго дворца, онъ писалъ герцогу Бассано въ Вильну: „Съ выступленіемъ арміи въ походъ, завтра я рѣшу взорвать Кремль и двинуться или на Калугу, или на Вязьму“ [6]). Въ этой краткой, шифрованной депешѣ своему министру иностранныхъ дѣлъ, кажется, всего яснѣе выразился взглядъ Наполеона на дальнѣйшій образъ его военныхъ дѣйствій. Онъ находился въ полной зависимости отъ нашего главнокомандующаго, и все его вниманіе было устремлено на то, что̀ предпримѣтъ князь Кутузовъ. Пока не разъяснилось это обстоятельство, онъ потерялъ стратегическую самостоятельность (инпціативу) въ дѣйствіяхъ, которой самъ придавалъ такое важное значеніе въ военномъ дѣлѣ.

Въ тотъ же вечеръ 6 Октября, Наполеонъ далъ приказаніе маршалу Бертье увѣдомить герцога Тревизскаго, что онъ завтра оставляетъ Москву съ войсками, чтобы преслѣдовать непріятеля. Опредѣливъ войска, которыя должны входить въ составъ отряда оставляемаго маршалу Мортье въ Москвѣ, онъ поручилъ предписать генералъ-интенданту, начальникамъ инженеровъ и артилеріи оставить нѣсколько человѣкъ изъ своихъ чиновъ, подъ начальствомъ старшихъ офицеровъ. Съ этимъ отрядомъ Мортье долженъ былъ расположиться въ Кремлѣ, поспѣшно укрѣпить его и вооружить. Больныхъ, которые еще тамъ находились, немедленно поручалось перемѣстить въ Воспитательный Домъ. По выходѣ войскъ изъ Москвы, маршалъ Мортье долженъ былъ печатными объявленіями извѣстить Московскихъ жителей, что слухи объ оставленіи города Французскими войсками несправедливы, что войска пошли въ Калугу, Тулу и Брянскъ, чтобы овладѣть этими важными мѣстностями и оружейнымъ заводомъ; жителямъ поручалось поддерживать порядокъ и препятствовать попыткамъ окончательнаго разрушенія города. Конечно Наполеонъ не заботился о городѣ, который онъ самъ обрекалъ на окончательное разрушеніе, отдавая этотъ приказъ маршалу Мортье; но онъ желалъ обезопасить его собственное положеніе съ оставляемыми подъ его начальствомъ войсками въ Кремлѣ. Поэтому онъ поручалъ ему строго наблюдать за жителями, предписать, чтобъ никто не выходилъ изъ больницъ и разстрѣливать всякаго Русскаго солдата, который появился бы на улицѣ и „нигдѣ не ставить малочисленныхъ постовъ, чтобы они не подверглись нападенію крестьянъ и казаковъ“. Сверхъ того Мортье долженъ былъ приложить стараніе, чтобы приготовить какъ можно болѣе продовольствія, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ и сохранить его до крайнихъ обстоятельствъ.

Начальнику артилеріи генералу Ларибуасьеру предписано было оставшіеся въ Москвѣ, по выходѣ войскъ, зарядные ящики и повозки сосредоточить въ Кремлѣ, равно порохъ, свинецъ для пуль и заряды для ружей и пушекъ. „Можетъ быть, я возвращусь въ Москву“, писалъ Наполеонъ. Сѣру и селитру поручалось сжечь. „У меня довольно пороху“, говорилъ онъ. Всѣ магазины и сараи, находившіеся за го-

---

[6]) Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 160.

родомъ и матеріалы, которыхъ нельзя было бы помѣстить въ Кремлѣ, также предписывалось сжечь на другой же день утромъ. Начальнику артилеріи онъ поручалъ познакомить маршала Мортье съ полковниками артилеріи и офицерами, которые останутся въ Москвѣ. „Они должны быть помѣщены въ Кремлѣ (заключилъ свой приказъ Французскій императоръ): имъ поручено взорвать Кремль, когда настанетъ время“. Въ тотъ же вечеръ генералъ-интенданту дано было приказаніе приготовиться къ оставленію Москвы на другой день вечеромъ, подъ прикрытіемъ дивизіи Роже, но оставить и помѣстить въ Кремлѣ нѣсколькихъ чиновниковъ по интендантской части въ распоряженіе маршала Мортье. Этотъ приказъ заключается словами: „Императоръ, имѣя намѣреніе возвратиться сюда, желаетъ сохранить главные магазины муки, овса и водки“. Только въ этихъ приказахъ начальнику артилеріи и генералъ-интенданту говорится о возможномъ возвращеніи его въ Москву; но между тѣмъ вовсе не упоминается объ этомъ въ приказѣ маршалу Мортье, которому конечно болѣе всѣхъ нужно бы это знать [7]). Напротивъ, ему предписывается только поддерживать это мнѣніе въ обывателяхъ Москвы и объявлять, что слухи о совершенномъ оставленіи столицы Французскими войсками совершенно несправедливы. Цѣль этой мѣры весьма ясна: Наполеонъ опасался попытки со стороны жителей, вмѣстѣ съ вооруженными крестьянами и даже войсками, которыхъ передовые отряды находились въ недалекомъ разстояніи отъ Москвы, напасть на отрядъ Мортье, который былъ гораздо малочисленнѣе, нежели первоначально предполагалъ его составить Наполеонъ, по собственному его свидѣтельству, подтверждаемому многими современниками [8]). Сверхъ того Наполеонъ могъ опасаться, чтобъ боевые запасы и продовольствіе, которые не могли увезти съ собою войска по недостатку подводъ, не были совершенно истреблены, по его-же распоряженію, и маршалъ Мортье остался бы ни съ чѣмъ. Этихъ запасовъ было весьма немного, когда императоръ поручалъ ему заготовить изъ нихъ продовольствіе, по возможности на мѣсяцъ, для такого незначительнаго отряда, какой оставался у маршала Мортье. Но распространяя слухъ, что онъ разобьетъ Русскихъ и потомъ возвратится въ Москву, онъ никого ни убѣдилъ, „потому что всѣмъ было извѣстно настоящее положеніе дѣлъ“, говоритъ Шамбре [9]). Поэтому множество больныхъ и раненыхъ послѣдовали за своими полками. Вмѣстѣ съ ними выѣхали изъ Москвы всѣ почти иностранцы изъ ея обывателей, и особенно Французы. Не только солдаты, но ни одинъ офицеръ и генералъ не оставили въ ней своей добычи. Конечно менѣе всѣхъ этой возможности возвращенія въ Москву вѣрилъ самъ Наполеонъ: онъ не думалъ возвращаться въ Кремль,

---

[7]) M. Chambray, т. III, прилож. стр. 433—435; Fain, Manuscrit, т. II, стр. 208—212. Приказы 18 Окт. 1812 г. н. ст.

[8]) Бюллетень 26-й отъ 26 Окт. Мортье занималъ Кремль тремя тысячами человѣкъ.

[9]) Hist. de l'expédition en Russie, т. III, стр. 317.

наполненный порохомъ съ подведенными подъ него минами. Цѣль оставленія Мортье заключалась единственно въ томъ, чтобы привести въ исполненіе задуманное имъ окончательное истребленіе Москвы.

Выступленіе Наполеона изъ Москвы представляло давно невиданное въ исторіи Европы зрѣлище. Оно напоминало Европѣ движенія варваровъ, разрушившихъ Римскую имперію; а Русскимъ—нашествіе Татаръ. „Мы думали, что нашему горю и конца не будетъ, говоритъ свидѣтельница изъ купеческаго семейства, находившаяся въ Москвѣ. Только разъ, видимъ мы, повалили полки по Крымскому мосту. Изъ оконъ нашего подвала какъ на ладони все видно. Человѣкъ десять нашихъ мужиковъ выбѣжали посмотрѣть поближе. Идутъ эти Французы настоящими нищими; не хуже насъ обносились, всѣ въ лохмотьяхъ, да обвернувшись во что ни попало. Тутъ и зипуны, и женскія юбки, и поповскія ризы, и стихари: чего хочешь, того просишь. За ними ѣдутъ пушки и фуры, и женщины тутъ-же: жены ли ихъ, пріятельницы ли, ужъ Богъ ихъ знаетъ. Одна сидитъ на телѣгѣ и сама правитъ, а телѣга вѣрхомъ навьючена. Нѣкоторые солдаты верхами рѣку въ бродъ переѣзжали. Вздумала и она за ними, да и забрала въ сторону, попала на быстрое мѣсто, и стала лошадь кружиться. Солдаты уже уѣхали далеко; закричала она благимъ матомъ; а наши молодцы бросились въ бродъ, спихнули се въ воду, а лошадь взяли подъ уздцы, вывели ее на берегъ и пустились рысью къ Остоженкѣ. А тебя, молъ, мамзель, пускай твой пріятель спасаетъ“. „Прошло около недѣли послѣ Покрова, говоритъ другая свидѣтельница изъ духовной семьи, видимъ мы, что Французы что-то засуетились. Слышны отъ насъ крикъ и говоръ и конскій топотъ. Страхъ насъ разобралъ; видимъ, что-то готовится; а что̀, не знаемъ. Всю ночь продолжался у нихъ шумъ, а мы всю ночь не спали. На другой день повалили они мимо нашихъ оконъ, по Якиманкѣ, конные и пѣшіе. Иные чучелы-чучелами смотрѣли. Навьючили на себя разнаго женскаго трепья. Шли они всѣ да ѣхали въ розсыпную, кто гдѣ попало, а не такъ, какъ обыкновенно полки идутъ стройнымъ шагомъ; а за ними ѣхали пушки, фуры и повозки. Долго они тянулись одни за другими; мы думали и конца этому не будетъ, а вдругъ—улица опустѣла. Что-же, мы думаемъ, ужъ не покинули они Москву?. И вѣрить не смѣемъ такому счастью“ [10]). Такіе разсказы простыхъ Русскихъ людей, подглядѣвшихъ изъ своихъ притоновъ выходъ Французовъ, совершенно совпадаютъ и съ ихъ собственными свидѣтельствами. Утренники, начавшіеся съ 6-го Октября, хотя и незначительные, уже давали себя чувствовать непріятельскимъ войскамъ, особенно потому, что они обносились и должны были всевозможными лохмотьями и одеждами, награбленными въ Москвѣ, прикрывать наготу и кутать ноги, за неимѣніемъ обуви. Конечно, все что̀ было получше и цѣннѣе было или захвачено офи-

---

[10]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 86—87, 99—100; Русск. Вѣстникъ 1872 г. Ноябрь, стр. 273, 285; Кичеева, изъ недавней старины, стр. 41.

церами и высшими чинами войскъ, или перекуплено ими у солдатъ. Хотя число войскъ, выступавшихъ изъ Москвы и составляло нѣсколько болѣе ста тысячъ, но немногіе изъ нихъ походили на солдатъ стройныхъ и способныхъ къ бою. Большая часть конницы была спѣшена, остальная едва могла двигаться на истощенныхъ лошадяхъ. Одна гвардейская кавалерія, простиравшаяся до 5-ти тысячъ человѣкъ, еще сохраняла бодрый видъ. Артилерія, несоразмѣрная по числу орудій съ количествомъ войскъ, обремененная огромными обозами съ боевыми снарядами, на изнуренныхъ лошадяхъ, хотя и представляла грозную силу, но крайне стѣсняла движеніе войскъ. Между тѣмъ, не смотря на совѣты своихъ боевыхъ сотрудниковъ, Наполеонъ не хотѣлъ оставлять орудія и думалъ увезти всѣ. Пѣхота, и преимущественно гвардейская, еще походила на стройное войско; но и то въ незначительномъ количествѣ, которое сопровождалось безпорядочными толпами солдатъ. Огромные обозы съ добычею, гдѣ, рядомъ съ щегольскими городскими экипажами, тянулись всевозможныя фуры, повозки, телѣги и одноколки, обремененныя поклажею, не только затрудняли движеніе войскъ, но и производили разстройство въ нихъ. Не одни высшіе чины и офицеры имѣли по нѣскольку экипажей, но у каждой роты и нѣкоторыхъ солдатъ были свои подводы, на которыхъ они везли запасы продовольствія и добычу. Заботясь о добычѣ, солдаты или толпились около возовъ, или, выбравъ болѣе цѣнные предметы, несли ихъ въ своихъ мѣшкахъ и ранцахъ, обременяя себя тяжелою ношею. Многія семейства иностранцевъ, опасаясь стать жертвою народнаго мщенія, добровольно отправились вмѣстѣ съ войсками. Другихъ уговорили оставить столицу Французскіе офицеры, зная, на какую участь обрекъ Наполеонъ уцѣлѣвшія въ ней зданія. Въ экипажахъ находилось поэтому много женщинъ и дѣтей; даже нѣкоторыя изъ Русскихъ обитательницъ публичныхъ домовъ и много Русскихъ крестьянъ и вообще лицъ изъ простаго народа, которыхъ заставляли нести тяжести и помогать истощеннымъ лошадямъ тащить нагруженные воза [11]).

Императоръ Наполеонъ выѣхалъ изъ Москвы 7 Октября, рано утромъ. Отъ самой заставы по старой Калужской дорогѣ тянулись въ нѣсколько рядовъ обозы, загромождая широкую большую дорогу. Каждый пригорокъ, каждый оврагъ и мостъ стѣсняли ихъ движеніе. Безпорядочно скопляясь на одномъ мѣстѣ, они препятствовали движенію аріергарда и разстроивали войска все болѣе и болѣе. Наполеонъ, съ своею свитою, едва могъ пробираться между обозами и войсками и медленно подвигался впередъ. Проѣхавъ около десяти верстъ, онъ остановился и, ходя взадъ и впередъ по полю, ожидалъ извѣстій отъ Мортье, котораго положеніе его тревожило. Подозвавъ

---

[11]) C-te Segur, Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, 112—114; Fezensac, Souvenirs, стр. 277—278; M. Chambray, Hist. de l'expédition, т. II, стр. 316 и слѣд.; Fain, Manuscrit, т. II, стр. 261; Paixhans, Rétraite de Moscou, отд. III, стр. 36 и слѣд.

къ себѣ генерала Раппа, онъ сказалъ ему: „Ну, вотъ мы идемъ по Калужской дорогѣ, къ границамъ Польши и тамъ займемъ хорошія зимнія квартиры. Я надѣюсь, что императоръ Александръ заключитъ миръ“.—„Вы его слишкомъ долго ожидали, государь, отвѣчалъ Раппъ. Жители предсказываютъ суровую зиму“.—„А! что вы говорите о жителяхъ? У насъ сегодня 19. Октября, а какая прекрасная погода! Развѣ вы не узнаёте моей звѣзды?“ возразилъ Наполеонъ. „Впрочемъ я не могъ выступить прежде, нежели отправилъ всѣхъ больныхъ и раненыхъ. Я не могъ предоставить ихъ мщенію Русскихъ“.—„Вы гораздо лучше бы поступили, продолжалъ его собесѣдникъ, еслибы оставили ихъ въ Москвѣ; а теперь, лишенные всякой помощи, они перемрутъ на дорогѣ“. Наполеонъ желалъ казаться спокойнымъ и увѣреннымъ въ своемъ счастіи; но, по свидѣтельству Раппа, онъ самъ не вѣрилъ тому что̀ говорилъ, и его лице выражало крайнее безпокойство [12]).

Получивъ извѣстіе отъ Мортье, что онъ укрѣпился въ Кремлѣ, Наполеонъ продолжалъ путь и къ вечеру достигъ до села Троицкаго на р. Деснѣ. Авангардъ, подъ предводительствомъ вице-короля, остановился въ этотъ день у д. Витютинки; а на другой день, продолжая походъ, онъ подошелъ къ Красной Пахрѣ. Въ Троицкомъ Наполеонъ поручилъ начальнику штаба сдѣлать слѣдующія распоряженія: „Предписать маршалу Мортье всѣхъ отсталыхъ и изувѣченныхъ солдатъ, принадлежавшихъ къ корпусамъ Даву и вице-короля и, вѣроятно, отставшихъ отъ нихъ спѣшенной конницѣ и молодой гвардіи, отправить въ Можайскъ. 22 или 23 (т. е. 10 или 11-го) Октября, въ два часа утра, поджечь магазины съ виномъ, казармы и всѣ публичныя зданія, исключая Воспитательнаго Дома и поджечь Кремлевскій дворецъ, изломать всѣ ружья, лафеты и колеса и подложить порохъ подъ Кремлевскія стѣны“. Когда все это будетъ приведено въ исполненіе и огонь покажется во многихъ мѣстахъ Кремля, Мортье долженъ былъ выступить изъ Москвы по дорогѣ къ Можайску; но самому ему дожидаться, пока, черезъ нѣсколько часовъ послѣ выхода войскъ, будетъ взорванъ Кремль; а также поджечь два дома графа Ростопчина и домъ графа Разумовскаго [13]). Это распоряженіе, сдѣланное въ то время, когда для Наполеона вопросъ о томъ: возвратился ли въ укрѣпленный лагерь кн. Кутузовъ и, оставаясь въ немъ, не возъимѣетъ ли намѣренія немедленно продолжать наступательныя дѣйствія, еще не былъ рѣшенъ,—доказываетъ, что онъ никогда и не имѣлъ намѣренія возвращаться въ Москву. 25-й бюллетень великой арміи, продиктованный въ тотъ же самый день, какъ и приведенный приказъ маршалу Мортье, показываетъ, что онъ хотѣлъ подготовить къ этой мысли общественное мнѣніе Франціи и Европы. Этотъ бюллетень выражается весьма неопредѣленно о дальнѣйшихъ движеніяхъ великой арміи. „Съ одной стороны, сказано въ немъ, укрѣпили и вооружили Кремль, и въ тоже время подвели

---

[12]) Rapp, Mémoires, Paris, 1823, стр. 221—222.

[13]) Приказъ 20 Окт. н. ст. Chambray, т. III, прилож., стр. 436—437.

подъ нимъ подкопы, чтобы взорвать его на воздухъ. Одни думаютъ, что императоръ пойдетъ на Тулу и Калугу, чтобы провести зиму въ этихъ губерніяхъ, занимая Москву гарнизономъ, помѣщеннымъ въ Кремлѣ; другіе полагаютъ, что императоръ взорветъ Кремль и сожжетъ всѣ уцѣлѣвшія публичныя зданія; а самъ съ войсками приблизится къ Польшѣ, чтобы занять зимнія квартиры въ дружелюбной странѣ". Дальнѣйшія подробности, объяснявшія цѣль этого движенія, т. е. чтобы приблизить къ себѣ запасы продовольствія, собранныя въ Данцигѣ, Ковнѣ, Вильнѣ и Минскѣ и находиться въ разстояніи болѣе близкомъ отъ Петербурга и Кіева, показывали желаніе дать предпочтеніе этому предположенію. „Москва не имѣетъ военнаго значенія и потеряла уже политическое, потому что сожжена и разорена на сто лѣтъ", прибавлятъ этотъ бюллетень. Очевидно, Мортье оставленъ былъ въ Москвѣ, и притомъ съ гораздо меньшимъ количествомъ войскъ (какъ впослѣдствіи заявилъ самъ Наполеонъ), съ исключительною цѣлію привести въ исполненіе его злобный замыселъ—разрушить послѣднія зданія, уцѣлѣвшія въ Москвѣ послѣ пожаровъ.

Въ тотъ же день, когда Наполеонъ отдавалъ эти приказы, онъ поручилъ своему начальнику штаба написать письмо къ князю Кутузову, повторяя тоже, что̀ говорилъ уже Лористонъ противъ народной и партизанской войны и спрашивая, не получены ли отъ Русскаго правительства предписанія по этому поводу. Немедленно это письмо было послано съ полковникомъ Бартелеми; но вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ авангардъ и графъ Лористонъ подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы осмотрѣть новую позицію, занятую Мюратомъ послѣ Тарутинскаго сраженія. Для Наполеона нуженъ былъ не отвѣтъ князя Кутузова, въ смыслѣ котораго едва ли онъ могъ сомнѣваться; но онъ желалъ убѣдиться въ томъ: продолжаетъ ли Кутузовъ оставаться спокойно въ Тарутинскомъ лагерѣ и не замѣчается-ли приготовленій къ дальнѣйшимъ наступательнымъ движеніямъ. Поэтому на другой день, 8 (20) Окт., лишь только Наполеонъ убѣдился въ этомъ и получилъ отвѣтъ Кутузова, что онъ не имѣетъ еще никакихъ предписаній изъ Петербурга, онъ повернулъ движеніе своихъ войскъ съ старой Калужской дороги на новую [14]). Мортье получилъ приказаніе, совершивъ возложенное на него порученіе, двинуться уже не на Можайскъ, но на Верею и прибыть туда къ 13 (25) числу, чтобы находиться между корпусомъ Жюно, бывшимъ въ Можайскѣ, и всею арміею, которая къ этому числу должна была прибыть въ Боровскъ. Ему поручалось присоединить къ себѣ всѣ отряды, находившіеся близъ Москвы. Маршалу Жюно предписано было двинуть изъ Можайска всѣ маршевые полки и батальоны, конные и пѣшіе, къ Верее. Они должны были поступить подъ начальство кн. Понятовскаго, направленнаго уже туда съ своимъ корпусомъ. Самъ Жюно долженъ былъ приготовить къ выступленію свой

---

[14]) M. Chambray, Hist. de l'expédition, т. II, стр. 319—321; Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 221—223.

корпусъ на Вязьму, по первому приказанію; напередъ ему велѣно отправить всѣхъ больныхъ и раненыхъ изъ Можайска и Колоцкаго монастыря, изломать всѣ ружья и сжечь военные запасы, которые нельзя будетъ увезти съ собою. Гжатскъ долженъ быть очищенъ, лишь только корпусъ Жюно двинется къ Вязьмѣ, а изъ Вязьмы открыто сообщеніе съ главною арміею черезъ Юхновъ. Извѣщая своего маршала объ этихъ распоряженіяхъ, Наполеонъ присовокупилъ, что Мортье „безопасно сблизится съ арміей, выступивъ изъ Москвы; его могутъ преслѣдовать развѣ нѣсколько сотенъ казаковъ, потому что вся Русская армія находится еще на Калужской дорогѣ“ [15]).

Вызванный изъ Москвы наступательными дѣйствіями нашего главнокомандующаго, Наполеонъ естественно долженъ былъ прежде всего убѣдиться въ томъ, будетъ ли князь Кутузовъ продолжать эти наступательныя дѣйствія или, ограничившись пораженіемъ Французскаго авангарда, отступитъ снова въ укрѣпленный свой лагерь. Пока не былъ рѣшенъ этотъ вопросъ, онъ ничего инаго предпринять не могъ, какъ двинуть свои войска по старой Калужской дорогѣ и, соединившись съ Мюратомъ и Бруссье, выдержать сраженіе, на которое вызвалъ бы его князь Кутузовъ. Потерявъ свободу дѣйствія, онъ конечно не могъ приступить къ исполненію какихъ бы то ни было предположеній о дальнѣйшемъ своемъ движеніи. Но лишь только онъ убѣдился, что всѣ Русскія войска спокойно находятся въ Тарутинскомъ лагерѣ, то немедленно сдѣлалъ вышеуказанныя распоряженія, которыя уже ясно обличаютъ его дальнѣйшіе виды. Онъ хотѣлъ обойти Русскія войска и занять Калугу, т. е. избѣжать сраженія. Могъ ли иначе думать такой опытный въ бояхъ и геніальный полководецъ? Если онъ говорилъ, что идетъ разбить Кутузова и съ боя открыть путь своимъ войскамъ на зимнія квартиры, то иначе онъ и говорить не могъ, чтобы поднять хотя нѣсколько упавшій духъ, не только войскъ, но даже ихъ предводителей и отвлечь глаза Европѣ [16]). Но онъ понималъ различіе, существовавшее въ это время между войсками князя Кутузова и своею арміею, утратившею дисциплину, обремененною огромными обозами съ добычею. Эти войска могли драться и даже отчаянно защищать награбленную ими добычу, но они не могли побѣждать. Едва-ли мысль обойти князя Кутузова могла придти ему только въ первые дни отступленія изъ Москвы, когда онъ увидалъ тѣ затрудненія, которыя испытывали его войска на походѣ, и повернуть по пути еще болѣе затруднительному, по проселкамъ, на новую Калужскую дорогу. Сидя въ Москвѣ, онъ очень хорошо зналъ положеніе своихъ войскъ и, безъ сомнѣнія, тамъ уже предполагалъ обойти князя Кутузова, пройдя по новой Калужской дорогѣ; но нечаянная вѣсть о наступательныхъ съ его стороны дѣйствіяхъ вынудила его выдти изъ Москвы по ста-

---

[15]) Приказъ изъ Вѣнскаго, 23 Окт. н. ст. Шамбре, т. III, прилож., стр. 439—440.

[16]) 26-й бюллетень, помѣченный: Боровскъ 23 Октября н. ст.

рой Калужской дорогѣ и такимъ образомъ потерять нѣсколько дней.

Между тѣмъ Мортье запер ся въ Кремлѣ, окруживъ его на нѣкоторомъ разстояніи сильными сторожевыми отрядами и повсюду наклеилъ объявленія, чтобы никто не приближался къ Кремлю, подъ страхомъ смерти. Вѣроятно всѣ переводчики уѣхали съ главною квартирою; поэтому объявленіе было написано на одномъ Французскомъ языкѣ. Русскіе его не понимали, и нѣкоторые поплатились жизнію за вину самаго маршала, который впрочемъ только приводилъ въ исполненіе порученіе своего императора. Въ Кремлѣ рыли канавы, устраивали мины, наполняли ихъ порохомъ. Даже на эти работы насильно брали Русскихъ и потомъ, чтобы они не разгласили о томъ, увели ихъ съ собой изъ Москвы и отпустили съ дороги только тогда, когда послѣдовали уже взрывы. „Меня туда взяли Французы, разсказывалъ потомъ одинъ Русскій, и другихъ многихъ работниковъ изъ нашихъ привели и приказали намъ подкопы рыть подъ Кремлевскія стѣны, подъ соборы и подъ дворецъ, и сами тутъ-же рыли. А у насъ просто руки не подымались. Пусть все погибаетъ, да хоть не нашими руками. Да воля-то не наша была: какъ ни горько, а копай! Окаянные-то тутъ стоятъ и какъ увидятъ, что кто изъ насъ плохо работаетъ, такъ сейчасъ прикладами бьютъ: у меня вся спина избита“ [17]). Московскіе жители радовались, смотря на то, что непріятели выступали изъ столицы; но ихъ смущало то обстоятельство, что часть ихъ оставалась въ Кремлѣ. Это смущеніе скоро превратилось въ ужасъ.

Наполеонъ заявлялъ въ бюллетеняхъ великой арміи, что ему совѣтывали „сжечь всѣ оставшіяся въ Москвѣ зданія и опустошить огнемъ и мечемъ ея окрестности на 20 миль вокругъ и научить Русскихъ, что они должны были вести правильную войну, а не какъ Татары; но онъ отвергъ эту жестокую мѣру“ [18]). Составъ его войскъ былъ таковъ, что подобные совѣты могли выходить изъ его среды; но ему никто не смѣлъ подавать совѣтовъ, и если нашлись такіе совѣтники въ этомъ случаѣ, то потому только, что они знали о собственномъ намѣреніи ихъ повелителя, преувеличивая его, быть можетъ, до размѣровъ невозможныхъ къ исполненію. Напротивъ, въ его войскахъ, отъ офицеровъ до простыхъ солдатъ, нашлось много такихъ, которые не сочувствовали этой жестокой и безполезной мѣрѣ. Свыкшись уже съ нѣкоторыми изъ Русскихъ, они предупреждали ихъ о грозившей имъ опасности. Одинъ солдатъ старой гвардіи, познакомившійся съ Бестужевымъ-Рюминымъ, пришелъ къ нему 6-го Октября вечеромъ „проститься и пожелать всякаго благополучія, какъ онъ говорилъ, потому что отданъ приказъ на другой день съ восходомъ солнца выступить въ походъ“. Но, простившись, солдатъ просилъ проводить его и, пройдя шаговъ десять, находясь наединѣ съ нимъ, взялъ его за руку и сказалъ:

---

[17]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 137.

[18]) 26-й бюллетень великой арміи.

„Спасайтесь, если можете, Кремль будетъ взорванъ на воздухъ, также пушечный дворъ. Все приготовлено, даны даже приказанія убивать всѣхъ, кто носитъ оружіе и сжечь всѣ оставшіяся зданія“ [19]). Одинъ изъ лекарей Французскихъ войскъ, за нѣсколько еще дней до ихъ выступленія, совѣтовалъ Французу-эмигранту, постоянному жителю Москвы, не оставаться въ столицѣ, когда выйдутъ изъ нея Французы. „Вы сами были военнымъ, говорилъ онъ ему, а потому поймете, что я не могу объяснять вамъ подробнѣе, и сами догадаетесь, что̀ я желалъ бы вамъ сообщить“ [20]). За нѣсколько дней до выступленія, начаты были предварительныя приготовленія въ разныхъ мѣстностяхъ Москвы. Въ Дѣвичьемъ монастырѣ, по свидѣтельству одной современницы, „непріятели начали вездѣ рыть канавки отъ церкви и вокругъ стѣнъ. Остановимся бывало и спрашиваемъ, что̀ они дѣлаютъ; а они показываютъ, что и сами не знаютъ. Вдругъ прошелъ слухъ, что Бонапартъ собирается всю Москву подорвать и всѣхъ Русскихъ перерѣзать. Пошелъ батюшка къ Французскому генералу и говоритъ ему, что вотъ какіе ходятъ слухи. А генералъ ему говоритъ: „уходите отсюда и молитесь за своихъ“. Когда священникъ передалъ эти слова монахинямъ, онѣ отвѣчали: „Мы дали Богу обѣтъ здѣсь жить и умереть; да будетъ Его воля! Мы отсюда не уйдемъ“. Но нѣкоторыхъ естественно пугала эта вѣсть, и онѣ оставили Москву. Въ подвалахъ подъ церковью были оставлены бочки съ порохомъ и боевыми зарядами; у самой церкви поставлена бочка съ виномъ. При выходѣ солдатъ изъ монастыря, генералъ велѣлъ зажечь вино и повторилъ священнику: „уходите скорѣй и молитесь“. „Какъ вспыхнуло вино, говоритъ таже очевидица, они всѣ вонъ; а наши смотрятъ, не знаютъ со страха что̀ дѣлать, и только Бога призываютъ на помощь. Да вдругъ опомнились и бросились вытаскивать изъ склепа пороховыя бочки и стали ихъ заливать водой. Слава Богу, что въ склепѣ-то было пѣсколько ходовъ. А вино все выгорѣло и разлилось; да къ счастію на дворѣ-то было тихо, и огненные ручьи заливали, не дали имъ добѣжать до деревянныхъ строеній. Какъ съ этою бѣдою покончили, бросились по кельямъ и церквамъ, гдѣ стояли непріятели. Тамъ во многихъ мѣстахъ была разложена солома, а въ нее воткнуты зажженныя свѣчи. Богъ помиловалъ, все успѣли погасить“.

Французы, стоявшіе въ Рождественскомъ монастырѣ, выходя изъ него, на прощанье клапялись монахинямъ и другимъ обитателямъ, бывшимъ въ этомъ монастырѣ, которые выходили изъ церкви послѣ вечерни, и дѣлали имъ знаки, чтобы и онѣ уходили изъ монастыря, что онъ сгоритъ. Напуганныя монахини „вышли изъ монастыря, спустились на площадь, да тутъ и остановились (разсказываетъ одна изъ очевидицъ). Горитъ со всѣхъ сторонъ; пожалуй еще

---

[19]) Чтенія въ Москов. обществѣ Истор. и древн. 1859 г. кн. 2, отд. V, стр. 176; солдата звали Саблѐ.

[20]) Chev. d'Yzarn, Retation etc. стр. 46.

туда зайдемъ, что и не выйдемъ. Какъ теперь помню, столпились мы всѣ подъ горой и плачемъ; все думаемъ, что вотъ-вотъ и нашъ монастырь загорится. На улицахъ пусто, словно весь городъ вымеръ. На небѣ совсѣмъ стемнѣло, только пожаръ все освѣщаетъ; вѣтеръ свищетъ, и головни сыплятся на площадь. Вдругъ пошелъ сильный дождикъ, до костей насъ промочилъ, и стояли мы подъ дождикомъ часа два". „Должно быть они насъ только пострашать хотѣли, замѣтила казначея. Не пойти-ли намъ назадъ во власть Божію, да осмотрѣть кельи. Перекрестились мы, да и побрели назадъ". Нѣсколько монахинь, которыя были посмѣлѣе другихъ, вызвались смотрѣть кельи. Оказалось, что въ нѣкоторыя изъ келій была натаскана солома и въ нее были воткнуты свѣчи и зажжены. „Солома что-ли сыра была, заключаетъ таже разскащица, или просто Богъ спасъ, а догорѣли эти свѣчи и никакой бѣды не сдѣлали [21]). Какъ пришли монахини по осмотрѣ, одна свѣча еще тлѣла и дымилась". Наканунѣ выхода непріятелей изъ Москвы и во время выхода, пока еще Мортье оставался въ Кремлѣ, Французы, при встрѣчѣ съ Русскими, предупреждали ихъ, что Кремль будетъ взорванъ, и оставшіяся въ Москвѣ зданія сожжены. Дѣйствительно, во многихъ мѣстахъ начались снова пожары, взорваны были пороховые ящики на пушечномъ дворѣ, и только вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ и нежеланія самихъ исполнителей, не охотно приводившихъ въ дѣйствіе злую мѣру своего повелителя, эти пожары не приняли широкихъ размѣровъ. Начальникъ отряда, занимавшій зданія почтамта, получивъ приказаніе зажечь ихъ, выступая изъ Москвы, отказался его исполнить. „Другіе же, менѣе смѣлые, говоритъ современникъ, все-таки боялись оставить почтамтъ не сожженнымъ; но бывшіе тамъ Русскіе чиновники пожертвовали послѣдними деньгами и уговорили ихъ оставить это намѣреніе. Однако Французы, выходя, приказали для вида собрать предъ почтамтомъ большой костеръ дровъ и зажечь, что̀ и было исполнено въ ихъ глазахъ" [22]). Эти пожары,—начавшіеся почти одновременно съ вѣстью о томъ, что Кремль будетъ взорванъ, сожжены всѣ уцѣлѣвшія зданія и всѣ Русскіе перебиты,—подтверждали ея достовѣрность. Страхъ и уныніе овладѣли Русскими. „Это гибельное извѣстіе повергло насъ въ совершенное отчаяніе, говоритъ современникъ-свидѣтель происшествій. Вечеромъ, разсѣвшись молча по угламъ избы, съ поникшими головами, каждый изъ насъ думалъ о предстоящей смерти" [23]). Но многіе конечно вышли изъ Москвы: препятствій не было, заставы не охранялись, и въ окраинахъ города показывались уже казаки и вооруженные крестьяне и перестрѣливались съ непріятельскими передовыми постами, охранявшими Кремль.

Выходцы изъ Москвы немедленно принесли эти извѣстія въ главную квартиру корпуса барона Винцингероде, которая находилась

---

[21]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 23—26, 65, 134—136.

[22]) Кичеевъ, Изъ недавней старины, стр. 76.

[23]) Д. Рязановъ, Воспоминанія очевидца, стр. 228—229.

въ 12 верстахъ отъ столицы, въ селѣ Чашникахъ. 8 Октября вечеромъ, Винцингероде сообщилъ ихъ своимъ сослуживцамъ. Князь А. А. Шаховской, извѣстный драматическій писатель, бывшій въ это время начальникомъ пятаго полка Тверскаго ополченія, былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ и послѣ ужина, оставшись на единѣ съ б. Винцингероде, говорилъ ему, что „взрывъ Кремля, гдѣ покоятся мощи угодниковъ, поразитъ отчаяніемъ всю Россію, привыкшую почитать святынею Кремля своимъ палладіумомъ“. „Сердце генерала, по словамъ князя Шаховскаго, быстро воспаленное благороднымъ ощущеніемъ, вспыхнуло; онъ перемѣнился въ лицѣ, вскочилъ со стула и вскрикнулъ: „Нѣтъ, Бонапартъ не взорветъ Кремля. Я завтра дамъ ему знать, что если хотя одна церковь взлетитъ на воздухъ, то всѣ попавшіе намъ въ плѣнъ Французы будутъ повѣшены“ [24]). Немедленно онъ распорядился, чтобы генералъ Бенкендорфъ, подъ начальствомъ котораго находилась часть его авангарда, былъ готовъ къ выступленію, а самъ съ адъютантомъ, полковникомъ Нарышкинымъ, отправился къ Иловайскому 4-му, который съ двумя полками находился у самой Москвы. „Только подъѣхавъ къ заставѣ, мы вспомнили, что не взяли съ собою трубача, говоритъ Нарышкинъ. Я предложилъ генералу замѣнить его бѣлымъ платкомъ, будучи увѣренъ, что непріятели поймутъ наше намѣреніе, а въ противномъ случаѣ будутъ отвѣчать намъ ружейными выстрѣлами“. Они сѣли на коней и поѣхали по Тверской съ казакомъ впереди, съ бѣлымъ платкомъ на остріѣ копья. Встрѣтившіеся съ ними крестьяне сказали, что непріятельскій пикетъ находится у генералъ-губернаторскаго дома. Увидавъ его, казакъ, ѣхавшій впереди, остановился и дѣлалъ знаки, вызывая кого-нибудь изъ непріятелей. Винцингероде, не видя за угломъ дома Французскаго пикета, поѣхалъ къ казаку, не смотря на то, что На-

---

[24]) Воспоминанія князя Шаховскаго о Москвѣ послѣ Французовъ изложены въ письмѣ къ Михайловскому-Данилевскому. Съ нѣкоторыми сокращеніями, они напечатаны въ Военномъ Сборникѣ 1864 г. № 5, стр. 69—99. Константинъ Бенкендорфъ, командовавшій частію конницы въ корпусѣ б. Винцингероде, въ донесеніи императору о его плѣнѣ, говоритъ, что онъ не имѣлъ намѣренія входить въ переговоры съ м. Мортье, что эта мысль пришла ему тогда, какъ онъ приблизился къ Французскимъ аванпостамъ, стоявшимъ по Московскимъ бульварамъ. Son zèle et son caractère fougeux pour le service de V. M. l'a emporté; on faisait feu sur lui, et il ne se serait probablement pas avancé si près, si tous ceux qui l'entouraient ne l'engageaient continuellement à se ménager. Il dit avec humeur: qui a peur, n'a qu'à ne pas me suivre, et renvoya les casaques (письмо отъ 11-го Окт. изъ Москвы). Л. А. Нарышкинъ говоритъ, что его цѣль состояла въ томъ, чтобы договориться съ м. Мортье, что онъ не нападетъ на него, если онъ самъ не будетъ дѣйствовать противъ него; а намѣревался онъ дѣйствовать во флангъ отступавшимъ непріятелямъ (письмо къ М. Данилевскому 3-го Авг. 1836 г.), при которомъ онъ сообщилъ ему свою записку о плѣнѣ его и Винцингероде. Но, если не принять въ основаніе свидѣтельство князя Шаховскаго, то конечно поступокъ б. Винцингероде былъ бы самымъ неблагоразумнымъ (письмо кн. Кутузова къ его супругѣ отъ 23 Окт. изъ Вязьмы), на который онъ едва-ли бы рѣшился, при всей заносчивости характера.

рышкинъ просилъ его не подаваться впередъ и самъ вызывался подъѣхать къ нему. „Гдѣ вы можете находиться, тамъ и я могу“, отвѣчалъ Винцингероде и внезапно очутился передъ Французскими солдатами, прицѣлившимися въ него изъ ружей. „Отъѣхать назадъ уже было невозможно“, замѣчаетъ Нарышкинъ. Одинъ изъ непріятельскихъ офицеровъ согласился было послать съ донесеніемъ къ маршалу Мортье, что явился Русскій парламентеръ; но другой немедленно захватилъ его и повелъ въ Кремль. Нарышкинъ послѣдовалъ за нимъ, не желая оставлять своего генерала въ такомъ затруднительномъ положеніи и попросилъ Французскаго офицера также отправить его къ маршалу.

„Когда меня ввели въ Кремль, говоритъ Нарышкинъ, я увидалъ, что весь гарнизонъ стоитъ подъ ружьемъ. Во дворцѣ, который занималъ маршалъ Мортье, меня окружили его адъютанты и говорили, какъ было неблагоразумно съ нашей стороны пріѣхать безъ трубача. Показывая видъ увѣренности въ безопасности, которую начиналъ уже терять, я отвѣчалъ: „Мы пріѣхали, господа, не концерты давать; мы желали, чтобы поняли наши намѣренія и мы достигли нашей цѣли. Честь Французовъ можетъ намъ ручаться за то, что мы не попали въ ловушку“. Но я скоро разочаровался, когда меня обезоружили и ввели въ кабинетъ маршала“. Тамъ находился уже б. Винцингероде. Онъ задрожалъ, когда увидалъ входившаго Нарышкина. „Что́ вы сдѣлали? Вы не знаете, какъ ужасно они хотятъ поступить со мною!. Я полагалъ, что знаю Французовъ; а они, вопреки народному праву, вопреки всѣмъ правиламъ войны, хотятъ удержать меня военноплѣннымъ“, говорилъ Винцингероде. „Какая бы ни была ваша участь, отвѣчалъ Нарышкинъ, я готовъ ее раздѣлить съ вами“. Винцингероде обнялъ его и продолжалъ горячо обвинять поступокъ Французовъ. Маршалъ Мортье, по свидѣтельству Нарышкина, спокойно, безстрастно и терпѣливо слушалъ его обвиненія и наконецъ сказалъ: „Я пошлю нарочнаго къ императору; онъ рѣшитъ вашу участь; а пока пожалуйте вашу шпагу и слѣдуйте за б. Сикаромъ, который укажетъ отведенную вамъ комнату“. Мортье иначе и поступить не могъ. Русскій генералъ лично могъ удостовѣриться, какое незначительное количество непріятельскихъ войскъ занимало Кремль. Конечно онъ могъ бы освободить этихъ Русскихъ плѣнныхъ по выходѣ изъ Москвы, если бы смѣлъ; но на такой поступокъ не рѣшился бы ни одинъ изъ маршаловъ, такъ сказать, въ виду самаго Наполеона.

Появленіе барона Винцингероде и его попытка вступить въ переговоры съ Мортье конечно произвели тревогу, показавъ, что тотъ корпусъ Русскихъ войскъ, который находился подъ его начальствомъ и который Французы считали болѣе значительнымъ, нежели онъ былъ на самомъ дѣлѣ, приблизился къ Москвѣ. Поэтому предписаніе императора, отъ 8 Октября изъ села Троицкаго, успокоило маршала, давая ему возможность немедленно выступить. Въ тотъ же день ночью, чтобы скрыть движеніе, онъ выступилъ дѣйствительно, не исполнивъ, можетъ быть по случаю поспѣшности, всѣхъ

порученій, возложенныхъ на него Наполеономъ. Онъ поджегъ только дачу графа Ростопчина въ Сокольникахъ. Его домъ на Лубянкѣ остался цѣлъ. По свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ, Французы не зажгли его, уступая просьбамъ окрестныхъ жителей, которые опасались распространенія пожара на ближайшія зданія, т. е. большею частію на Французовъ и иностранцевъ, пріютившихся какъ въ самой церкви Св. Людовика, такъ и въ сосѣднихъ съ нею домахъ [25]). Отойдя на незначительное разстояніе отъ города, Мортье велѣлъ выстрѣломъ изъ пушки дать условленный знакъ къ взрыву Кремля, который и послѣдовалъ немедленно, и потомъ продолжалъ движеніе къ Можайску; но на другой день, получивъ новый приказъ Наполеона, отправился на Верею [26]).

„А какъ Кремль-то взорвало, мы чуть не перемерли отъ страху, думали свѣта преставленіе“, говоритъ одна изъ очевидицъ [27]). Тревожимые ожиданіемъ новыхъ бѣдствій, Московскіе обыватели, при наступленіи ночи, ложились спать не раздѣваясь. Среди ночи раздался первый и самый сильный взрывъ. Земля заколебалась, дрогнули всѣ зданія; даже на значительномъ разстояніи отъ Кремля полопались всѣ стекла; во многихъ домахъ разошлись стѣны и рушились потолки. Внутри домовъ ничто не осталось на мѣстѣ, обывателей сбрасывало съ ихъ постелей. Ужасъ овладѣлъ ими. Всѣ бросились на улицы и площади, большею частію раздѣтые и израненные осколками стеколъ, камнями и желѣзомъ. Въ ночной темнотѣ, освѣщенной пожаромъ, начавшимся въ Кремлѣ, подъ сильнымъ холоднымъ дождемъ, слышались плачь и стоны. Невозможно было оставаться подъ открытымъ небомъ; но боялись войти въ дома, ожидая новыхъ взрывовъ, которые и послѣдовали одинъ за другимъ; но уже не съ тою силою, какъ первый. Свидѣтели-очевидцы различно опредѣляютъ число взрывовъ, и кто же могъ вѣрно сосчитать ихъ въ эту ужасную ночь, которая многимъ стоила жизни и почти всѣмъ здоровья! Но лишь только наступила мертвая тишина послѣ взрывовъ, продолжавшаяся довольно долго, многіе рѣшились отъ холода и дождя войти въ дома; но нѣкоторые до разсвѣта оставались на улицахъ и площадяхъ. Въ Грузинахъ, на лугу около церкви св. Георгія Побѣдоносца, всю ночь оставалась толпа народа. „Черезъ темь и дымъ мы напрягали зрѣніе къ Кремлю, говоритъ одинъ изъ очевидцевъ; отъ насъ съ луга былъ виденъ Иванъ Великій; но ничего нельзя было разсмотрѣть. Стало свѣтать; но Кремль еще не показывался. Мы не шли въ домъ, боясь новыхъ взрывовъ и рѣшились ожидать совершеннаго утра подъ открытымъ небомъ. Наконецъ взошло солнышко, а вскорѣ послѣ показалась и золотая глава Ивана Великаго. Онъ стоялъ по прежнему богатыремъ, къ нашей радости и досадѣ Французовъ или, лучше сказать, ихъ предводителя, по волѣ котораго все это дѣла-

---

[25]) B....ch, Hist. de la destruction de Moscou, стр. 156.

[26]) Приказъ 9 (21) Октября. Fain, Manuscrit, т. II, стр. 214—215.

[27]) Г-жи Толычевой, Разсказы очевидцевъ, стр. 42, 54, 100.

лось“ [28]). Дождь, начавшійся еще наканунѣ, безъ сомнѣнія смирилъ разрушительную силу подкоповъ подъ древнія стѣны Кремля; но, дорожа человѣческимъ достоинствомъ, мы готовы вѣрить, что Мортье отпустилъ негодный порохъ для этой цѣли, какъ показываетъ одинъ изъ офицеровъ великой арміи [29]).

Въ это время, когда войска Наполеона отъ с. Горокъ поворачивали къ селу Ѳоминскому, со старой Калужской дороги на новую, шелъ дождь,—тотъ дождь, который помѣшалъ Мортье вполнѣ привести въ исполненіе злобный умыселъ его повелителя. Движеніе войскъ было крайне медленно и затруднительно по грязнымъ проселочнымъ дорогамъ. Къ 11-му Октября едва передовыя части достигли Боровска, а авангардъ вице-короля подвигался къ Малоярославцу. Если бы въ этомъ городѣ, также какъ въ Боровскѣ, Русскія войска не успѣли преградить пути Наполеону, то конечно онъ успѣлъ бы занять Калугу; а затѣмъ свободно располагать своими движеніями, какъ онъ предполагалъ. Но это была бы счастливая случайность, которая, по его собственнымъ военнымъ правиламъ, можетъ входить въ военныя соображенія на одну треть, тогда какъ двѣ трети должны быть основаны на точномъ расчетѣ. Могъ ли онъ расчитывать на одной случайности свои соображенія?

Онъ и не расчитывалъ. Заботы его объ очищеніи Смоленской дороги на Можайскъ начались ранѣе выступленія изъ Москвы. Когда для многихъ цѣль уже казалась достижимою. Въ Боровскѣ Наполеонъ говорилъ вице-королю, что весьма возможно, что придется отступать на Вязьму и Смоленскъ. Туже самую мысль онъ выразилъ въ письмѣ къ герцогу Бассано, хотя и подробно описывалъ, какъ онъ займетъ зимнія квартиры въ четыреугольникѣ между Смоленскомъ, Могилевомъ, Витебскомъ и Минскомъ, и съ открытіемъ весны начнетъ снова военныя дѣйствія на Петербургъ или Кіевъ. Но этими описаніями поручалось ему воспользоваться въ дипломатической перепискѣ съ Европейскими державами; а для личнаго его свѣдѣнія Наполеонъ писалъ: „Впрочемъ въ этого рода дѣйствіяхъ то, что̀ можетъ случиться на дѣлѣ, не всегда соотвѣтствуетъ тому, что́ было предположено“ [30]). Попытаться обойти князя Кутузова, полагаясь исключительно на счастливую случайность, онъ рѣшился только потому, что отступленіе по опустошенной дорогѣ, черезъ Можайскъ и Вязьму на Смоленскъ, ужасало всѣхъ его военачальниковъ; да и самъ онъ конечно не могъ не предвидѣть необоримыхъ затрудненій на этомъ пути. Но онъ готовился на эту крайнюю мѣру, чтобы только избѣжать сраженія. Октября 12 (24), главная квартира Наполеона оставила Боровскъ рано утромъ. Пройдя нѣсколько верстъ, замѣтили въ сторонѣ казачій пикетъ изъ 10 или 12 человѣкъ.

---

[28]) Кичеева, Изъ недавней старины, стр. 52—54; Chev. d'Ysarn, relation, стр. 46; B...ch, Hist. de la destruction de Moscou, стр. 147—150.

[29]) Отвѣты майора Шмидта на вопросы графа Ростопчина, отв. 46. Русск. Архивъ 1864 г. стр. 824; Fezensac, Souvenirs milit., стр. 276.

[30]) Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 155—157.

На нихъ напали и взяли двухъ въ плѣнъ. Въ то время, какъ ихъ допрашивали, Наполеонъ завтракалъ въ полѣ съ Мюратомъ, Бертье и генераломъ Ларибуассьеромъ. Вдругъ послышалась канонада со стороны авангарда. Оставивъ завтракъ, Наполеонъ сѣлъ на коня и поскакалъ по тому направленію [31]). Ему надо было спѣшить: началось сраженіе подъ Малоярославцемъ, окончательно указавшее, по какому пути должна была отступать великая армія.

---

[31]) Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 243.

2007099200